**АНО ВО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. П.П. СЕМЁНОВА – ТЯН-ШАНСКОГО»**

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

СИБИРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

МЕЖДУНАРОДНАЯ РАСПРЕДЕЛЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕРИЯ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ВЫПУСК 31

**С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик,
В.А. Маслова, М.В. Пименова**

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Учебное пособие

Под редакцией М.В. Пименовой

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2025**

УДК 811.161.1' 1(082)
ББК 81
В75

Воркачёв С.Г.

В75 Лингвокультурная концептология : учебное пособие / С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик, В.И. Маслова, М.В. Пименова ; под ред. М.В. Пименовой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2025. – 288 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 31).

ISBN 978-5-7310-6606-8

Учебное пособие разработано по теоретическому курсу «Лингвокультурология» и курсам для магистрантов «Современная концептология» и «Когнитивная лингвистика». В его состав входят теоретические главы, вопросы для обсуждения, темы рефератов, списки литературы по темам. В учебном пособии обобщаются теоретические вопросы по концептуальным исследованиям языка в аспекте культуры.

Предназначено для бакалавров и магистрантов филологических факультетов вузов, обучающихся по направлению 45.04.01 – Филология, для студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей. Составлено в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта.

УДК 811.161.1' 1(082)
ББК 81

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. **Г.И. Берестнев** (Балтийский Федеральный университет им. Иммануила Канта, Калининград, Россия), spin-код в РИНЦ 8443-0260
д-р филол. наук, проф., проректор **О.Г. Орлова** (Новосибирский государственный театральный институт), spin-код в РИНЦ 8632-4444, AuthorID: 401160

ISBN 978-5-7310-6606-8

© С.Г. Воркачёв, 2025
© В.И. Карасик, 2025
© В.А. Маслова, 2025
© М.В. Пименова, 2025
© Изд-во СПбГЭУ, 2025

Введение

Предлагаемое читателям учебное пособие разработано для магистрантов филологических факультетов вузов, обучающихся по направлению 45.04.01 – Филология. Пособие издано в рамках серии «Концептуальные исследования», издаваемой проф. М.В. Пименовой с 2003 г. Цель серии – описание теории концептов, исследование отдельных концептов и их структур, изучение специфики концептуальных систем и отдельных признаков концептов в синхронии и диахронии. Цель данного пособия – описание инновационной терминологии в теории концептов.

Первые отечественные исследования концептов появились в 90-е гг. XX в. Основной термин, используемый когнитивной лингвистикой, – *концепт*. Посредством концептов изучается ментальность народа. У концепта сложная структура. Концепт культуры «в границах словесного знака и языка в целом предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Колесов 1999, с. 81]. В.В. Колесов отмечает, что «в данном случае под концептом следует понимать не CONCEPTUS (условно передается термином «понятие»), а CONCEPTUM – «зародыш, зернышко» первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности» [Там же]. Концепт – это первооснова, фундамент, который «диктует говорящим на данном языке, определяет их выбор, направляет мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи» [Там же: 36].

Задача настоящего пособия – ввести в круг новой терминологии концептуальных исследований, систематизировать информацию, опубликованную в изданиях периода последних 30 лет, продемонстрировать методы верификации полученных результатов. История изучения концептов связана с четырьмя направлениями в исследовании своего объекта: а) когнитивной лингвистики и концептологии, б) лингвокультурологии, в) лингвоперсонологии, г) текстологии.

Учебное пособие – коллективный труд четырёх ведущих концептологов России и Белоруссии. состоит из четырёх разделов, в которых предлагается теоретический материал по определенной проблеме. У каждого раздела свой автор. Изложение теоретического материала показывает основные тенденции в решении соответствующего вопроса, существующего в современной лингвистике. Учебное пособие призвано помочь читателю ознакомиться с научной литературой по теме. После теоретического материала даются вопросы для обсуждения и темы рефератов. Работа с научной литературой, анализ современных лингвистических концепций позволят глубоко и прочно усвоить материал, они вырабатывают навыки самостоятельного проведения исследования по разным аспектам лингвокультурной концептологии.

Раздел 1 «Принципы семантического портретирования лексики» написан доктором филологических наук, профессором Кубанского

государственного технологического университета **Сергеем Григорьевичем Воркачёвым** (г. Краснодар. Россия).

Раздел 2 «Актуальные проблемы концептологии» написан доктором филологических наук, профессором Института русского языка им. А.С. Пушкина **Владимиром Ильичём Карасиком** (г. Москва, Россия).

Автором **раздела 3** «Лингвокультурология вчера, сегодня, завтра» стала доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им. П.М. Машерова **Валентина Авраамовна Маслова** (г. Витебск, Белоруссия).

Автором **раздела 4** «Типы концептов и макроконцептов» является чл.-корр. САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, ректор Международного гуманитарного университета им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского **Марина Владимировна Пименова** (г. Санкт-Петербург, Россия). Ею составлены списки вопросов для обсуждения, темы рефератов для первого и четвертого разделов, список литературы для четвертого раздела.

Авторы выражают искреннюю признательность рецензентам учебного пособия – доктору филологический наук, профессору Г.И. Берестневу и доктору филологических наук, профессору О.Г. Орловой – за внимательное прочтение пособия и ценные замечания, способствовавших его улучшению.

Соавторы

РАЗДЕЛ 1.
Принципы семантического портретирования лексики
(С.Г. Воркачев)

Как известно из курса введения в науку о языке, даже лингвисты до второй половины XIX в. не различали звук и букву (см.: [Будагов 1965, с. 164]). Можно предполагать, что нечто подобное происходило и с именем как звуковой оболочкой смысла и самим смыслом: в области более или менее «высоких» абстракций они не различались, что, в общем-то, и неудивительно, поскольку денотат абстрактных имен увидеть нельзя и нельзя на него указать пальцем. Понятия «Бог», «любовь», «истина», «справедливость», «смысл жизни» и подобные им не существуют вне слова – логоса, в котором сливаются имя и его смысл (см.: [Можейко 1999, 372]).

Родившись в XII в. в учении концептуализма Пьера Абеляра как знак духовных сущностей, созданных человеком для понимания самого себя и обеспечивающих связь между разнопорядковыми идеями мира (см.: [Неретина 1995, с. 63, 85, 118–120]), концепт изначально был неотделим от слова (см.: [Неретина 2010, с. 306–307]). Однако со временем, как в научном, так и в обыденном понимании, смысл концепта отделился от его «знакового тела» и автономизировался – он девербализовался: в семиотике и в логике превратился в сигнификат и интенсионал, в обыденном сознании – синонимизировался с понятием. В то же самое время в лингвистическом сознании концепт в недавнее время стал возвращаться к своим истокам, тем самым как бы замыкая «эвристический круг»: он воссоединяется со своим именем, образуя «диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов *словесного знака*» [Колесов 2002, с. 51], а в лингвокультурной концептологии получает определение культурного смысла, отмеченного этнической спецификностью и находящего *языковое выражение* (см.: [Воркачев 2001, с. 66–70]).

Обладание именем представляется обязательным условием превращения концепта в объект изучения лингвокультурной концептологии. Более того, имя концепта, «обрастая» в языковом сознании образными ассоциациями – «вещными коннотациями» отраженными в несвободной сочетаемости имени концепта [Успенский 1979], становится свидетельством органичности этого концепта для национальной лингвокультуры (см.: [Чернейко 1997, с. 285]).

Имя лингвокультурного концепта, в принципе, совпадает с доминантой соответствующего синонимического ряда (см.: [Воркачев 2005, с. 76]) (естественно, при наличии такового), которая выделяется на основании таких признаков, как частотность, стилистическая нейтральность, степень синтаксической свободы, широкозначность и употребимость в качестве семантического множителя при лексикографическом описании членов этого ряда.

Как представляется, можно утверждать, что, по сути, моделирование какого-либо лингвокультурного концепта – это создание портрета его имени в

полноте семантических признаков, задаваемых составляющими этого концепта: понятийной, образной и собственно языковой – значимостной.

Как установлено, ядро национального менталитета как набора специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов образуется совокупностью базовых лингвокультурных концептов (см.: [Колесов 1999, с. 81; 112; 2004, с. 15]), получающих названия «ключевых идей» [Зализняк и др. 2005], «культурных доминант» [Карасик 2004, с. 142] и «констант» [Степанов 1997, с. 76]. Преимущественно они же фиксируются в лингвокультурологических словарях (см.: [Степанов 1997; Русское культурное пространство 2004]).

В ядерную область этноменталитета входят, естественно, далеко не все концепты лингвокультуры, однако единого универсального и объективного критерия отбора «ключевых идей» национальной картины мира, насколько известно, на сегодняшний день не существует, поскольку не существует таких весов, на которых можно было бы взвесить их лингвокультурную значимость. Частотность употребления лексических единиц для обозначения базовых смыслов здесь в полной мере не «работает», языковая специфика представления смыслов сама по себе также не гарантирует их «базовости».

В принципе, с изрядной долей субъективизма базовые смыслы лингвокультуры выделяются на основе степени массовидности и инвариантности когнитивных и психологических стереотипов, отраженных в лексической семантике языка при разноуровневости средств их выражения (см.: [Добровольский 1997, с. 42; Телия 1996, с. 235]), а также степени распространенности в лексической системе определенных презумпций (см.: [Шмелев 2011, с. 26]).

Какие бы критерии не лежали в основе выделения базовых смыслов этнического менталитета, для семантического портретирования имен лингвокультурных концептов определяющим выступает «лица необщность выраженья» (Баратынский) – нестандартность их семантического представления, выделенность из ряда.

Тема портретирования для отечественной лингвистики не нова. Слово «портрет» было заимствовано из французского языка (portrait) в русский в Петровскую эпоху и там вполне укоренилось – обросло производными и метафорическими ассоциациями. Заимствовано оно было практически в полноте семантических признаков и лексико-семантических вариантов: 1) Représentation d’une personne par le dessin, la photographie ou la peinture [Lexis 1993, с. 1463]; Image d’une personne reproduite par la peinture, le dessin, la sculpture ou la photographie [Petit Larousse 1974, с. 806]; 2) Grande resemblance [Lexis 1993, с. 1463]; Description exacte d’une chose quelconque [Petit Larousse 1974, с. 806]; 3) Description orale ou écrite de quelqu’un ou de quelque chose [Lexis 1993, с. 1463; Petit Robert 1990, с. 1489]. В принципе, эти же варианты значения присутствуют в лексикографических толкованиях этого слова в русском языке: 1) «Произведение изобразительного искусства, содержащее изображение какого-либо определенного человека или группы людей (в живописи, скульптуре, графике и фотографии)» [Кузнецов 1998, с. 927]; «Изображение какого-нибудь человека на картине или фотографии» [Ожегов 1953, с. 514]; «Картина, рисунок

или фотография с изображением лица, фигуры какого-нибудь человека» [Ушаков 2000, т. 3, с. 612]; Живописное, фотографическое или иное изображение какого-либо человека. // перен. разг. Полное подобие кого-либо» [Ефремова 2001, т. 2, с. 233]; 2) «перен. Художественное изображение, образ литературного героя» [Ожегов-Шведова 1998, с. 565]; «Описание внешности персонажа в литературном произведении» [МАС, т. 3, с. 306–307; Ефремова 2001, т. 2, с. 233]; 3) «Общая характеристика, характерные черты кого-, чего-нибудь» [МАС, т. 3, с. 306–307]; «перен. Изображение, характеристика» [Ушаков 2000, т. 3, с. 612]; «перен. разг. Характерные черты кого-либо» [Ефремова 2001, т. 2, с. 233].

Одно из направлений в лингвистическом портретировании соотносимо со значением портрета как описания внешности отдельных конкретных личностей, созданием их словесного портрета – своего рода «верборобота». Здесь выделяются конституирующие составляющие «когниотипа внешности» [Яковенко 1998, с. 13; Ульянова 2008, с. 12] – лицо, рост, волосы, одежда, возраст, голос, кожа, руки, и пр., дается типология портретных описаний (см.: [Малетина 2004, с. 10], устанавливаются соответствия внешности и психологических особенностей портретируемого персонажа и функции словесного портрета – разрабатывается «речевая технология» [Ульянова 2008] создания подобного портрета. В этом же ключе, в принципе, проводится изучение вербальных способов создания семантического портрета персонажа – типов его номинации (см.: [Первухина 2003]).

В то же самое время семантическое портретирование входит составной частью в лингвоперсоналогические исследования (см.: [Нерознак 1996]), в частности, в описание когниотипа лингвокультурного типажа как узнаваемого образа представителя определенной культуры (см.: [Карасик 2009, с. 179]), когда изучаются в обобщенном виде этнокультурные, социокультурные и коммуникативные свойства языковой личности: «российский предприниматель», «американский адвокат», «американский гангстер», «английский сноб», «британская королева», «английский дворецкий», «китайский врачеватель», «русский интеллигент», «американский ковбой», «аристократ», «политик», «разгильдяй», «комсомолец», «пижон» и пр. (см.: [Лингвокультурные типажи 2010]), журналистский портрет политика и предпринимателя (см.: [Соломатов 2005]). Вполне ожидаемо, портретные черты связаны с образным представлением лингвокультурных типажей, к которому отправляют их прецедентные, «вторые имена»: Чапаев, Штирлиц, Шерлок Холмс, Джеймс Бонд и пр. (см.: [Воркачев 2015, с. 60–64]).

Qualis homo, talis ejus est oratio – «Каков человек, такова и его речь» – утверждал Фабий Квинтилиан. Отображению личностных характеристик человека, однако уже в «языковой субстанции», посвящены работы по речевому портретированию, выросшие из концепции языковой личности как «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов 1987, с. 3], в которых исследуются коммуникативные (фонетические, грамматические и семантические)

особенности речи «человека говорящего» в лице отдельных или групповых публичных личностей, преимущественно политиков того или иного уровня. Так, например, реконструируется речевой портрет регионального политика (см.: [Никифорова 2016]), военнослужащих срочной службы (см.: Гафарова 2006), современных политических лидеров – В.В. Путина и Д.А. Медведева [Алышева 2013], современного российского студента (см.: [Леорда 2006]), изучаются лингвостилистические способы и средства, обеспечивающие репрезентацию речевого портрета в текстах художественного нарратива (см.: [Белоусова 2011]). Опять же в русле лингвоперсоналогии описываются коммуникативные свойства лингвокультурных типажей (см.: [Глушкова 2016]).

Портретирование лексических единиц связано уже с третьим, переносным лексикографическим значением слова «портрет» – характерные черты чего-нибудь. Собственно говоря, представление этих единиц в толковых словарях уже выглядит как предварительное, черно-белое и эскизное портретирование, в котором отражены их наиболее общие, дефиниционные черты, – в каком-то смысле тем, что в петровские времена называлось «концептом»: набросок, предварительная заготовка, проект. Понятие лексикографического портрета и лексикографического портретирования вводятся в лингвистический обиход Ю. Д. Апресяном в ходе разрабатываемой им концепции интегрального описания языка (см.: [Апресян 1986; 1990; 1992; 1995, с. 485–537]), предполагающей, что в словаре каждой лексеме должны быть в явной форме и исчерпывающим образом приписаны «все свойства, обращения к которым могут потребовать какие-либо лингвистические правила» [Апресян 1995, с. 504], грамматические, семантические, прагматические, коммуникативные и пр. И тогда под лексикографическим портретом понимается полная характеристика лингвистически существенных свойств лексемы. В основу создания лексикографического портрета лексической единицы кладутся следующие принципы: 1) активности, предполагающий, что описание лексической единицы должно содержать информацию, необходимую не только для её понимания, но и для её использования в речи; 2) системности, предполагающий выделение классов и типов лексем, обладающих общими свойствами; 3) интегральности, предполагающий согласование в описании лексемы её грамматических, семантических, сочетаемостных, прагматических и просодических свойств; 4) ориентации на отражение «наивной», или языковой картины мира; 5) использования при описании специального метаязыка; 6) сочетания методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики; 7) идеографичности как ориентации на смысл, а не на алфавит (см.: [НОССРЯ 2004, с. IX–X]).

На основе этих принципов были созданы объяснительные синонимические словари (см.: [АРСС 1979; НОССРЯ 2004]), отличающиеся от традиционных толковых и синонимических словарей включением в описание лексических единиц новых типов информации (конструктивных, сочетаемостных особенностей, просодических, прагматических и коммуникативных характеристик) и выделение в толковании нескольких слоев смысла: ассерций, пресуппозий, модальной рамки и рамки наблюдения (см.: [Апресян 1995, с. 504–505]).

В ключе подобного интегрального описания синонимов были исследованы трудные для семантического разведения в силу своей слаборазнозначности пары ядерных предикатов желания: «хотеть-желать», querer-desear, want-wish (см.: [Воркачев 1991; Жук 1994]).

Совершенно естественно, портретирование просматривается в некоторых лингвокультурологических в широком смысле словарях, включающих в свой словник культурно маркированные лексические единицы. В многочисленных собственно лингвокультурологических и лингвострановедческих словарях, которых только для русской лингвокультуры насчитывается около полусотни (см.: [Анисимова 2013, с. 5]), в той или иной мере получают детализацию и расширение преимущественно семантическая и прагматическая зоны портретного описания лексики. Нужно заметить, что множество подобных лексикографических источников разделяется на три основных типа: 1) словари, включающие все культурно маркированные лексические единицы, большинство из которых представлено реалиями – номинациями объектов материальной культуры и быта, а также именами собственными (см., например: [Прохоров 2010; Веденина 1997; Чернов 1996; Леонтович-Шейгал 1998; Рум 1999] и пр.); 2) словари, включающие важные для культуры прецедентные и фольклорные имена (см.: [РКП 2004]) и 3) словари, получившие название «концептуариев», включающие относительно немногочисленные лексические единицы, отправляющие к архетипам и стереотипам национального сознания, – имена менталитетного, базового типа (см.: [Степанов 1997]). Как и можно было ожидать, подробное и пространное толкование, которое можно назвать семантическим портретированием, лексические единицы получают в словарях третьего типа, при составлении которых возникает проблема отбора базовых, «ключевых» для национальной лингвокультуры имен, поскольку четких и однозначных критериев для отнесения тех или иных имен к числу базовых пока не существует и в настоящее время они только вырабатываются: в их число включаются культурная значимость, индекс интертекстуальности, культурная специфичность (см: [Евсюкова 2002, с. 12]); массовидность стереотипов при разноуровневости средств их выражения, распространенность в лексической системе определенных презумпций (см.: [Шмелев 2011, с. 26]) и пр.

Если иметь в виду единственный на сегодняшний день российский концептуарий – «Константы. Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова, то, по большому счету «словарь концептов» – название для него в достаточной мере условное, поскольку по существу здесь речь идет не о словаре, а, скорее, об энциклопедии, в пользу чего свидетельствуют и принцип отбора словника («не словарь слов, а словарь концептов» – [Степанов 1997, с. 8]), и его объем («четыре-пять десятков» – [Степанов 1997, с. 7]), и объем словарной статьи, дающий основания говорить уже не о словарной, а о научной статье.

В семантическом составе констант – базовых концептов «как бы сгустков культуры в сознании человека» [Степанов 1997, с. 40] – выделяются несколько разнокачественных составляющих – «слоев», как называет их автор концептуария: 1) «все, что принадлежит строению понятия»; 2) «буквальный

смысл или внутренняя форма» – этимология; 3) «сжатая до основных признаков содержания история»; 4) «современные ассоциации; оценки» [Степанов 1997, с. 41].

Семантическое портретирование имен базовых смыслов культуры осуществляется, в основном, за рамками лексикографии: в формате статей, монографий, диссертационных исследований, выполняемых в ключе лингвокультурной концептологии.

В конце XIX века французским юристом Альфонсом Бертильоном был разработан метод антропометрической идентификации, получивший имя «бертильонажа» и успешно применявшийся в криминалистике для опознания преступников вплоть до открытия дактилоскопии. Суть этого метода как раз и состоит в систематизации приемов создания «словесного портрета»: выделения в нем составляющих (фигуры, лица, глаз, волос, носа, губ, лба, бровей, щек, подбородка и пр.) и их параметризации (цвет, форма, размер и пр.). И если развернуть метафору переноса когниотипа внешности человека на лексические единицы, то окажется необходимым выделить в семантическом составе последних качественно разнородные части и приписать им определенные параметрические характеристики, обладание которыми определяет возможность идентификации этих единиц.

Лингвокультурная концептология как разновидность антропологической лингвистики в качестве отдельной научной дисциплины появилась в России в конце прошлого века и воплотила в себе достижения классической структурной и функциональной семантики, обогащенной данными культурологии, когнитологии, социологии, истории и др. (см.: [Воркачев 2011, с. 64]). Появление в науке о языке подобного направления, ориентированного на культурную составляющую языкового знака, hic et nunc – здесь и сейчас, как представляется, отнюдь не случайно: оно определено, с одной стороны, маятниковым движением лингвистической мысли между доминантными точками структурной и антропологической парадигм, с другой же – реакцией на экспансию политико-экономической глобализации в область языка и культуры (см.: [Воркачев 2016, с. 17–18]). Наложение этих двух формант друг на друга, очевидно, и дало резонансный всплеск интереса к культурно-языковым исследованиям в российской лингвистике: лавинообразному росту числа работ по лингвокультурной концептологии.

Базовый термин лингвокультурной концептологии – «лингвокультурный концепт», утвердился в качестве такового в ходе достаточно напряженной борьбы с такими конкурировавшими именами, как «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема» и пр. (см.: [Воркачев 2007, с. 13]). Под уже устоявшееся понимание лингвокультурного концепта как многомерного и многопризнакового ментального образования, отмеченного этнокультурной спецификой и находящего выражение в языке (см.: [Воркачев 2001, с. 70]) попадает множество вербализованных семантических образований, у которых можно усмотреть какую-либо культурно-языковую специфику, от боевого листка, матрешки, водки и мата до Бога, ангела, правды, любви и смысла жизни.

Естественно, единой и последовательной классификации столь сложные семантические объекты не поддаются, однако на основе пересекающихся признаков в лингвоконцептологии сложилась типология лингвокультурных концептов на основе степени их абстрактности (универсалии духовной культуры – природные объекты и артефакты), предметно-тематической отнесенности (философские, религиозные, художественные и пр.) и кванторности (универсальные – групповые – единичные) (см.: [Воркачев 2011, с. 66]).

Среди всего множества выделяемых разновидностей концептов по своему лингвокультурному «весу» явно выделяются единицы высшей степени абстрагированности – «предельные понятия», в большинстве своем обыденные аналоги базовых философских категорий: вера, счастье, свобода, справедливость, любовь, смысл жизни и пр. (см.: [Арутюнова 1999, с. 617]). В истории науки это наиболее «древние» представления о концепте, восходящие к схоластике XI-XII веков, в частности, к трудам Пьера Абеляра (см.: [Абеляр 1995]). В то же самое время эти смыслы составляют содержание мировоззренческих универсалий культуры, фиксирующих базовые ценности общества, которые обеспечивают понимание мира человеком и представляют собой своего рода «геном социальной жизни» (см.: [Степин 2001, с. 343; 2004, с. 63]). Другой отличительной чертой словесно-мыслительных образований этого типа выступает обязательность вербализации – обладания именем, без которого они не могут существовать в сознании, в отличие, скажем, от концептов более низкого уровня абстрагирования, которые, в принципе, могут и не иметь словесного выражения (см.: [Попова-Стернин 2001, с. 36–38]). И, наконец, это семантические образования высшей степени сложности, для описания которых недостаточно стандартных приемов лингвокогнитивного анализа (см.: [Бабушкин 1996, с. 36–39]).

И если опять же в развитие метафоры переноса когниотипа внешности человека на лексические единицы попытаться произвести «членение» семантического портрета имени линвокультурного концепта – выделить для описания в его составе отдельные части, то в первом же приближении здесь наметятся два основных фрагмента: области бытования этого смыслового образования и его разнокачественные составляющие.

Области бытования лингвокультурного концепта представлены в первую очередь типами дискурса, в котором он функционирует и в которых иногда меняет свое имя. Так, например, концепт «любовь» в религиозном дискурсе принимает имя «милость» (см.: [Воркачев 2005]), а концепт «счастье», там же принимает имя «блаженство» (см.: [Воркачев 2011а]). Эта область бытования может совпадать со сферой преимущественного речевого употребления имени концепта, когда, например, «тщеславие» в жаргонном и разговорном регистрах современной русской речи принимает имя «понтов». И, наконец, еще одной областью бытования лингвокультурного концепта может быть «идеологическая» сфера, когда он меняет свое имя в зависимости от установки субъекта речи – от того, что называют «субъектным оценочным позиционированием» (см.: [Карасик 2013, с. 16–25]), когда родина в устах апатрида и

космополита становится «этой страной», «народ» в устах презирающего его субъекта принимает имя «быдло», моральные нормы и закон в устах носителя «корпоративной морали» становятся «понятиями», несанкционированная «сверху» инициатива в устах «начальства» становится самодеятельностью, а ложь в устах конформистов превращается в лукавство (см.: *[Воркачев 2015]).

Следующим шагом членения семантического портрета имени лингвокультурного концепта, очевидно, будет выделение в нем составляющих – частей, качественно отличных друг от друга. Нужно заметить, что многомерность – это, пожалуй, главная отличительная черта этого ментально-вербального образования, на что обратил внимание, как уже говорилось, автор первого российского словаря лингвокультурных концептов Ю.С. Степанов, выделив в его составе несколько разнокачественных «слоев».

В качестве составных частей лингвокультурного концепта сегодня упоминаются чаще всего понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие (см.: [Воркачев 2011, с. 67–68]), в которых отражаются предметные области синтезированных в нем научных дисциплин: понятийная составляющая отражает дискурсивность и рациональность представления смысла, восходящие к логики, образная – метафоричность и эмотивность этого представления, восходящие к психологии, ценностная – аксиологичность такого представления, восходящую к философии, а значимостная – его вербализованность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка (см.: [Воркачев 2016, с. 20]).

Понятийная составляющая лингвокультурного концепта включает в себя совокупность общих и существенных признаков класса объектов, отраженных в семантике концепта, которые представленны в сознании рационально и позволяют последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области. Образная составляющая лингвокультурного концепта разделяется на перцептивную, отражающую опыт чувственного восприятия денотата концепта субъектом сознания, метафорическую, фиксирующую метафоры, с помощью которых понятийное наполнение концепта представляется сознанию и прецедентную, включающую закрепленные в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт. Под ценностной составляющей лингвокультурного концепта понимается его культурная значимость, а значимостная составляющая (см.: [Воркачев 2011, с. 68–69]), куда входят парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, определяется местом, которое занимает это имя в лексической системе языка.

Определяющей для признания лингвокультурного концепта отдельным объектом исследования признается, конечно, образная составляющая, тем более что именно она отличает этот концепт от соответствующего одноименного понятия. В то же самое время целесообразность выделения ценностной составляющей в семантической структуре лингвокультурного концепта вызывает определенные сомнения, поскольку уже любой лингвокультурный концепт возникает в сознании и в языке как отражение ценности отраженного в нем

факта культуры, а сама аксиологическая окраска разлита по всей семантике этого образования (см.: [Воркачев 2011, с. 68]). Что касается значимостной составляющей, то, даже не будучи выделенной в отдельный фрагмент семантики лингвокультурного концепта, она присутствует в исследовании «по умолчанию», поскольку здесь исследуются как раз языковые средства выражения этого концепта.

«Области бытования» лингвокультурного концепта и его смысловая структура, как представляется, подсказывают следующую последовательность составления семантического портрета его имени.

В первом шаге необходимо, очевидно, определить «область бытования» концептуализуемого смысла: установить наличие или отсутствие вариативности его имени путем сопоставления текстов соответствующей дискурсной, регистро-стилевой и «идеологической» принадлежности, в которых это имя употребляется.

Во втором шаге, обратившись к источникам языкового материала, можно уже установить семантическое наполнение составляющих лингвокультурного концепта: понятийной, образной, значимостной и пр.

Понятийная составляющая лингвокультурного концепта, образующая его дефиниционный каркас, может быть извлечена из словарных толкований членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт и где отражаются представления «обыденного сознания» о его семантике. В то же самое время наполнение понятийной составляющей может осуществляться за счет «обработанного продукта» – дефиниций, содержащихся в научных текстах: монографиях, статьях, отраслевых терминологических словарях (см.: [Воркачев 2013, с. 105; 2014, с. 55]), естественно, в том случае, когда описываемый концепт уже попал в фокус исследовательского интереса этики, психологии, культурологии, социологии и пр.

Объектом исследования лингвокультурной концептологии становятся не только отдельные составляющие лингвокультурного концепта (см.: [Старостина 2010]), но «части частей» – составляющие составляющих и, тем самым, возникает своего рода лингвокультурная «наноконцептология» (см.: [Воркачев 2011, с. 70]). Тогда источником семантического наполнения перцептивно-образной подсоставляющей будет ассоциативный эксперимент (опрос информантов) и анализ соответствующих статей в ассоциативных словарях (см.: [Кузнецова 2005]), метафорически-образной – художественные, прежде всего, поэтические тексты, афористика и паремический корпус, а также связанная с концептом символика (см.: [Vorkachev 2005; Воркачев 2006]), образно-прецедентной – фразеологические и ассоциативные словари, художественные и публицистические тексты, разговорная речь.

Значимостная составляющая формируется из сведений этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, однако наиболее полная информация о системных связях имени концепта и его речевом употреблении может быть извлечена из данных корпусной лингвистики, позволяющих установить его парадигматические и синтагматические свойства (см.: [Воркачев 2013а;

2016а]). Наблюдение над речевым употреблением имени лингвокультурного концепта тем более существенно, что концептуализация по большому счету представляет собой погружение понятия в культуру при помощи языка (см.: [Воркачев 2014, с. 17; Исаева 2012, с. 58–59]).

Моделирование какого-либо лингвокультурного концепта представляет собой создание портрета его имени в полноте семантических признаков, задаваемых составляющими этого концепта. Среди всего множества выделяемых разновидностей концептов по своему лингвокультурному «весу» выделяются единицы высшей степени абстрагированности – в большинстве своем обыденные аналоги базовых философских категорий.

«Членение» семантического портрета имени линвокультурного концепта такого типа состоит в выделении в его составе нескольких отдельных частей: областей бытования этого смыслового образования и его семантических составляющих. Область бытования лингвокультурного концепта может быть представлена типом дискурса, в котором он функционирует, сферой преимущественного речевого употребления его имени и «идеологической» сферой. Следующий шаг членения семантического портрета имени лингвокультурного концепта состоит в выделении в нем составляющих – частей, качественно отличных друг от друга: понятийной, образной и значимостной.

«Область бытования» концептуализуемого смысла определяется сопоставлением текстов соответствующей дискурсной, регистро-стилевой и «идеологической» принадлежности, в которых употребляется его имя. Семантическое наполнение понятийной составляющей лингвокультурного концепта извлекается из словарных толкований членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт, либо анализа дефиниций, содержащихся в научных текстах. Источником семантического наполнения перцептивно-образной подсоставляющей является опрос информантов и анализ соответствующих статей в ассоциативных словарях; метафорически-образной – художественные, прежде всего, поэтические тексты, афористика и паремический корпус, а также связанная с концептом символика; образно-прецедентной – фразеологические и ассоциативные словари, художественные и публицистические тексты, разговорная речь. Значимостная подсоставляющая формируется из сведений этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, однако наиболее полная информация о системный связях имени концепта и его речевом употреблении может быть извлечена из данных корпусной лингвистики.

⁉ Вопросы для самопроверки:

1. Дайте определение термину *лингвокультурный концепт*.
2. Назовите составляющие концептуальной структуры.
3. Что понимается под семантическим портретом имени линвокультурного концепта?
4. Как соотносятся между собой лингвокультурная концептология и антропологическая лингвистика?

✎ Темы рефератов:

1. Лингвокультурная концептология на современном этапе.
2. Определение термин *концепт* в разных школах и направлениях.
3. Концептология в аспекте лингвокультурологии.

🕮 Литература

Абеляр П. Тео-логические трактаты. М.: Прогресс-Гнозис, 1995. 413 с.

Алышева Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Юлия Сергеевна Алышева. Волгоград, 2013. 21 с.

АРСС – Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др. М.: Русский язык, 1979. 544 с.

Ансимова О.К. Лексикографическая интерпретация лингвокультурных единиц: модель словаря лингвокультурной грамотности (для изучающих русский язык как иностранный/неродной): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Константиновна Ансимова. Томск, 2013. 24 с.

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания, 1986. № 2. С. 57–70.

Апресян Ю.Д. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Проблемы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 70–95.

Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 20–33.

Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с.

Белоусова А.Е. Речевой портрет как структурный компонент макроуровня нарратива: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Евгеньевна Белоусова. М., 2011. 24 с.

Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. 492 с.

Веденина Л.Г. Франция: лингвострановедческий словарь. М.: Интердиалект-АМТ, 1997. 1040 с.

Воркачев С.Г. Хотеть-желать vs querer-desear: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. М, 1991. № 3. С. 75–82.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76–83.

Воркачев С.Г. «Образы души»: ассоциативные связи лингвоконцептов // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2006. С. 63–64.

Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2. С. 13–22.

Воркачев С.Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (1): Любовь-милость // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64, № 4. С. 46–55.

Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64–74.

Воркачев С.Г. «Блаженство» или «счастье»: макаризмы в русских переводах Евангелия // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011а. Вып. 10. С. 34–45.

Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 103–107.

Воркачев С.Г. «Быдло» как феномен российской лингвокультуры // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013а. С. 263–271.

Воркачев С.Г. Интертекстуальность, прецедентность и лингвокультурный концепт // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. М.: ФЛИНТА – Наука, 2014. С. 52–70.

Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014а. Вып. 12. С. 50–69.

Воркачев С Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии // Политическая лингвистика. № 3(49). 2014. С. 10–18.

Воркачев С.Г. Аксиологическая вариативность лингвокультурного концепта // Современные научные исследования. Вып. 3. Концепт. 2015. ART 85328. [Электронный ресурс]. URL: http://e-koncept.ru/2015/85328.htm - ISSN 2304-120X. (дата обращения: 10.02.2024).

Воркачев С.Г. Ex pluribus unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // Вестник РУДН. Серия лингвистика. 2016. Т. 20. С. 17–30.

Воркачев С.Г. Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016а. № 3. С. 111–116.

Гафарова А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Асия Султановна Гафарова. Тверь, 2006. 19 с.

Глушкова Н.М. Сравнительно-сопоставительное изучение лингвокультурного типажа как аспекта языковой личности (на материале лингвокультурного типада «друг» в англо- и испаноязычных художественных произведениях): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Надежда Маматкуловна Глушкова. Тюмень, 2016. 22 с.

Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–42.

Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция «словаря культуры»: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Всеволодовна Евсюкова. Нальчик, 2002. 20 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2001.

Жук Е.А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Елена Александровна Жук. Краснодар, 1994. 17 с.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Исаева Л.А. О соотношении понятий «концептуализация», «стереотипизация и «прецедентизация» // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 58–60.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова…». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Людмила Эдуардовна Кузнецова. Волгоград, 2005. 26 с.

Леонтович О.А., Шейгал Е.И. Жизнь и культура США: лингвострановедческий словарь. Волгоград: Станица-2, 1998. 416 с.

Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Светлана Владимировна Леорда. Саратов, 2006. 19 с.

Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности. Волгоград: Парадигма, 2010. 228 с.

Малетина О.А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса (на материале произведений Т. Драйзера): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Оксана Андреевна Малетина. Волгоград, 2004. 21 с.

Можейко М.А. Логос // Новейший философский словарь. Мн.: Скакун, 1999. С. 372–373.

Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.

Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 2. С. 306–307.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. № 426: Язык. Поэтика. Перевод. М.: МГЛУ, 1996. С. 112–116.

Никифорова М.В. Динамика речевого портрета регионального политика (на материале устной диалогической речи мэра Екатеринбурга Е. В. Ройзмана): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Марина Владимировна Никифорова. Екатеринбург, 2016. 23 с.

НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. 848 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.

Первухина С.В. Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии *New International Version:* автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Светлана Владимировна Первухина. Волгоград, 2003. 24 с.

Прохоров Ю.Е. Большой лингвокультурологический словарь «Россия». М.: АСТ-Пресс, 2010. 736 с.

Рум А.Р.У. Великобритания: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1999. 560 с.

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. С. 198–200.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Соломатов С.И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Станислав Иванович Соломатов. Екатеринбург 2005. 22 с.

Старостина Ю.А. Метафора как средство языковой реализации концепта «запах» (на материале романа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.03 / Юлия Александровна Старостина. Волгоград, 2010. 22 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 341–347.

Степин В.С. Важно, чтобы работа не прекращалась…// Вопросы философии. 2004. № 9. С. 63.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Ульянова Т.В. Словесный портрет как речевая технология: функции и модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Владимировна Ульянова. Ростов-на-Дону, 2008. 24 с.

Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.

Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: МГУ, 1997. 320 с.

Чернов Г.В. Американа: англо-руссий лингвострановедческий словарь. М.: Полиграмма, 1996. 1185 с.

Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Политическая лингвистика. № 4(38). Екатеринбург, 2011. С. 21–33.

Яковенко Н.Э. Когнитивно-прагматический подход к пониманию текста (когниотип внешности): АКД. Краснодар, 1998. 18 с.

Lexis: dictionnaire de la langue française. P. : Larousse, 1993. 2109 p.

Petit Larousee illustre. P. : Larousse, 1972. 1794 p.

Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. T. 1. P. : Le Robert, 1990. 2171 p.

Vorkachev S.G. Visual Associates of Teleonomic Concepts (Love and Happiness) // Communication Studies 2005: Modern Anthology / Volgograd State Pedagogical University; Indiana University-Purdue University (Indianapolis). Volgograd, 2005. P. 210–224.

РАЗДЕЛ 2.
Лингвокультурная концептология как направление антропологической лингвистики (В.И. Карасик)

§ 2.1. Определение и структура лингвокультурного концепта в Московско-Волгоградской школе аксиологической лингвистики

Основной единицей лингвокультурологии является **культурный концепт** – ***многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны***.

Самыми распространенными терминами для названия ментальных образований являются понятия и концепты. С позиций обыденного и формально-логического употребления различия между концептом и понятием нейтрализуются, мы используем либо русское слово «понятие», либо латинское «концепт» для обозначения этих идеальных сущностей. Вместе с тем выделены и содержательные различия между понятием и концептом.

1. Понятие – это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [Степанов 1997, с. 41].

2. Концепт – это точка пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов, это «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек сам входит в культуру», с иных позиций концепт – это содержание понятия и спрессованная история понятия [Там же, с. 40, 42].

3. Концепт – это замещение значения слова в индивидуальном сознании и в определенном контексте [Лихачев 1997, с. 281], это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения.

4. Концепт – это объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [Залевская 2001, с. 39].

5. Концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Соломоник 1995, с. 246].

6. Понятия – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (**не**)уверенности [Демьянков 2001, с. 45].

7. Концепт – не понятие, а сущность понятия… это сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе. … Понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его

содержательных форм. Концепт – и ментальный генотип, атом генной памяти, … и архетип, и первообраз, и многое еще [Колесов 2004, с. 19-20].

8. Понятие (intellectus) рассудочно и связано с рациональным знанием (пониманием), концепт (conceptus) – производное возвышенного духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы [Абеляр, цит. по: Воркачев 2004, с. 16].

9. Концепты – это смысловые кванты человеческого бытия-в-мире, в зависимости от конкретных условий превращающиеся в различные специализированные формообразования, «гештальты» бытия… Концепты суть своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры и вероятно определяющие феноменологическую поверхность культуры, ее фенотип… Это самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум, трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный (или псевдо-, или пред-понятийный) базис, закрепленные в значении какого-либо знака: научного термина, или слова (словосочетания) обыденного языка, или более сложной лексико-грамматико-семантической структуры, или невербального предметного (квазипредметного) образа, или предметного (квазипредметного) действия и т.д. [Ляпин 1997, с. 16-18].

Приведенные различия показывают многомерность сознания, в котором важнейшими соотношениями являются диады «культурно-обусловленное, культурогенное – культурно-нейтральное», «сориентированное на смысл – сориентированное на значение», «эмоциональное – рациональное», «личностное, индивидуальное – коллективное», «объективное, онтологическое – гносеологическое, моделируемое», «житейское, обиходное – научное», «реконструируемое – конструируемое», «сущность – явление», «разумное – рассудочное», «интегративное – дифференциальное», «постоянно меняющееся, текучее – относительно стабильное». Если посмотреть на список первых членов приведенных диад (этот список не претендует на полноту), т.е. характеристик концептов, то становится ясно, что концепты не только по-разному понимаются, но и представляют собой сущности с противоположными и несовместимыми признаками. Они с трудом вписываются в формально-логические схемы, в частности, в диады.

Мы видим, что по своей сути концепты характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры поведения. Понятие же – это один из модусов концепта (сторона, ипостась, аспект изучения). К концепту можно подняться дискурсивно (через рассуждение, понятие) и недискурсивно (через образ, символ, участие в осмысленной деятельности, переживание эмоционального состояния). Понятие открыто для определения, концепт же определяется с трудом. Именно поэтому нужно сразу же оговорить условия определения концепта в данной работе: концепт в рамках лингвокультурологии. При всей широте лингвокультурного описания концепта за рамками такого описания остаются сугубо психологические и общефилософские характеристики исследуемых ментальных образований.

Итак, концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны.

К числу онтологических характеристик языковой картины мира предлагается отнести следующие признаки: 1) наличие **имен концептов**, 2) **неравномерная концептуализация** разных фрагментов действительности в зависимости от их важности для жизни соответствующего этноса, 3) **специфическая комбинаторика** ассоциативных признаков этих концептов, 4) **специфическая квалификация** определенных предметных областей, 5) **специфическая ориентация** этих областей на ту или иную сферу общения.

Мы говорим о наличии имен концептов в том случае, если концептуализируемая область осмыслена в языковом сознании и получает однословное обозначение. Концептуализация действительности осуществляется как обозначение, выражение и описание.

Обозначение есть выделение того, что актуально для данной лингвокультуры, и присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности специального знака. В предметном мире обозначение выделяет предмет, устанавливая его место в окружающей действительности. Обозначение может иметь различные степени точности. Например, если кто-либо хочет сказать, что у него болит зуб, он может уточнить это следующим образом: 1) стандартное обозначение предмета (*зуб*); 2) генерализирующее обозначение (*костный орган*); 3) уточняющее обозначение (*клык*); 4) специальное уточняющее обозначение (*нижний левый клык*). Стандартное и уточняющее обозначения относятся к наивно-языковой концептуализации, генерализирующее и специальное уточняющее – к специальной сфере общения. Обозначение в сфере непредметных сущностей – это выделение качеств и процессов и присвоение им имен.

Неравномерная концептуализация различных фрагментов действительности проявляется в виде **номинативной плотности** – одни явления действительности получают детальное и множественное однословное наименование, между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения уточнения, сходства и различия, в то время как другие явления обозначаются общим недифференцированным знаком. Так, применительно к концепту «путешествие» в русской и китайской лингвокультурах [Лю Цзюань 2004] можно установить определенную асимметрию в уточнении аспектов действия: в китайском языке детально охарактеризованы на лексическом уровне в однословном выражении различные типы путешественников, например, путешествующие императоры или аристократы. В русском языке этого нет. С аналогичным примером асимметрии мы сталкиваемся при концептуализации запахов: в китайском языке

однословно зафиксировано гораздо больше конкретных разновидностей запахов, чем в русском [Сунь Хуэйцзе 2001].

Специфическая комбинаторика признаков, выделяемых у различных концептов, связана с различной практикой освоения действительности (например, голубь – съедобная либо несъедобная птица, веер – аксессуар сугубо женского либо женского и мужского использования). Комбинаторика концептов уточняется идиоматичной комбинаторикой лексических единиц, выражающих соответствующие концепты (приведем русские и эквивалентные им английские и китайские словосочетания в словарной интерпретации и буквальном переводе: рус. *крепкий чай* – англ. *strong tea – "сильный",* кит. *густой чай;* рус. *черствый хлеб* – англ. *stale bread – затхлый, пахнущий сыростью и плесенью (не удивительно в условиях английского климата),* кит. *твердый хлеб;* рус. *вилять хвостом* – англ. *wag – быстро и энергично махать хвостом,* кит. *махать хвостом;* рус. *поставить плохую оценку* – англ. *give – давать оценку,* кит. *ударить плохой оценкой;* рус. *привлечь к ответственности* – англ. *to make answer for – заставить отвечать*, кит. *доискиваться*).

Специфическая квалификация концептов объясняется культурными доминантами поведения, исторически закрепленными ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре. Например, во всех сообществах дети с любовью и уважением относятся к своим родителям, но степень привязанности взрослых детей к своим старым родителям в традиционной китайской культуре отличается от образцов поведения, принятых в других этнических сообществах: любое желание родителей является законом для детей, и такое поведение получает одобрительную оценку в Китае. В Китае принято оказывать уважение людям старшего возраста, при этом статусный знак уважения направлен не только на повышение статуса того, кому оказывается уважение (это свойственно всем лингвокультурам), но и на принижение собственного статуса говорящего (это характерно для культур Юго-Восточной Азии). Паремиологические единицы в китайском языке подчеркивают необходимость такой маркированной индикации собственного статуса в разных сферах, в том числе и применительно к ситуациям путешествия. Показательна китайская пословица: *Чем чаще будешь называть кого-нибудь старшим братом, тем меньше тебе придется карабкаться в гору*.

Специфическая ориентация определенных концептов на ту или иную сферу общения выражается в том, что определенные смысловые образования оцениваются в той или иной лингвокультуре как относящиеся к высокому либо нейтральному, либо сниженному регистру общения. Применительно к концепту «путешествие» можно заметить, что в русском языке осуждается хождение без цели (*слоняться, шататься, болтаться, таскаться, шляться, шлёндать*), и все эти единицы употребительны в сниженном регистре общения. Скорость передвижения также оценивается относительно приемлемой нормы: плохо «*тащиться»*, т.е. двигаться чересчур медленно, но плохо и «*шнырять»*, т.е. двигаться слишком быстро, при этом данные слова также являются стилистически сниженными. В китайском языке осуждается праздное путешествие,

характерны следующие комбинации компонентов соответствующих иероглифов: *you yan* – путешествие + пир, *you pan* – путешествие + обвивать что-либо, *you dang* – путешествие + распущенность, *yi you* – праздный + путешествие.

Полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта. Различие между культурами проявляется в количественном и комбинаторном предпочтении признаков при концептуализации мира. Объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа.

Подчеркнем, что важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности, т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого. В качестве хрестоматийных примеров обычно говорят о снеге у эскимосов и песке – у арабов. Показателем номинативной плотности является, в частности, однословное обозначение некоторого понятия в одном языке по сравнению с неоднословным обозначением в этом же языке и в других языках (например, мы говорим по-русски о коровьем, козьем, кобыльем, верблюжьем молоке, при этом обозначение без определения, как и положено наиболее частотному, т.е. немаркированному обозначению, относится к коровьему молоку; у тюркских народов есть однословные обозначения кисломолочных напитков из кобыльего и верблюжьего молока: *кумыс* и *шубат*). Речь идет о выделении признаков, свидетельствующих об этнокультурном своеобразии народа.

Некоторые признаки лежат на поверхности, например, ясно, что исходя из островного положения Англии, высокой занятости населения в области мореплавания, важности приливов и отливов для ежедневной жизни англичан, а также большого удельного веса рыбы и рыбопродуктов в их рационе, соответствующие стороны действительности получат детальное наименование. Сравним в русском *плыть* – о живом существе, о корабле, о щепке в воде и на поверхности воды (*дрейфовать* – специальный термин) и в английском – *to swim, to sail, to navigate, to float, to drift*, где выделяются признаки живого существа (контролируемости действия), плавания на корабле, управления кораблем, плавания как удерживания на поверхности воды, плавания как бесконтрольного движения в толще воды. В русском языке идея контролируемости плавания находит тонкое различие в глаголах: *затонуть* – о предмете, о корабле и *утонать* – о живом существе (отсюда *утопающий* и *утопленник*), в английском есть очевидное различие между погружением предмета в воду или иную среду (*to sink*) и затоплением живого организма (*to drown*). Вместе с тем любая конкретная предметная область раскрывается в прямых и метафорических обозначениях с неизбежным выделением этнокультурно значимых моментов.

При осмыслении и языковой фиксации понятия "рыба" получают освещение различные объективные признаки рыб – рыбы живут только в воде, не издают звуков, они годятся в пищу, их ловят специальными

приспособлениями, будучи пойманы, они скоро портятся и т.д. Сравнивая качества людей с характеристиками рыб, представители разных культур неизбежно выделяют универсальные и этноспецифические признаки, по которым проходит сравнение. Например, в английском и русском языках совпадают сравнения «*нем как рыба» – «as dumb as a fish».* По-видимому, достаточным признаком для того, чтобы говорить о лингвокультурной специфике обозначения мира, является способ **экземплификации** (конкретизации): какие конкретные явления или предметы приходят в голову носителям данной культуры в первую очередь и, повторяясь, фиксируются в языке для того, чтобы обозначить в переносном смысле более абстрактные вещи? Ясно, что это будут те явления и предметы, с которыми люди чаще всего сталкиваются в повседневной жизни. Например: *To venture a small fish to catch a great one* (fish – ценность) – «пожертвовать малым, чтобы получить большое»; *The great fish eat up the small* (*fish* – агрессор и *fish* – жертва) – «большие рыбы пожирают маленьких».

Помимо функции экземплификации важным показателем культурной специфики является функция **квалификации**. В русском языке получают квалификацию определенные качества людей, сравниваемых с рыбами *(«рыбья кровь»* – холодный, бесчувственный человек), в английском некоторые рыбы оцениваются иначе: *he is fighting like a pike* – дерется, борется за жизнь, как щука, которую вытаскивают из воды; в русском языковом сознании очень актуален образ «*биться как рыба об лед»* – идея безысходности, в английском этого нет. Понятие fish в английском языковом сознании весьма размыто: *He is a queer fish. – Странный он человек*. В английском и русском подчеркивается естественность водной среды для рыбы – «*как рыба в воде»* в русском и *like a fish out of water* в английском. Идея целесообразности усилий прослеживается в русской поговорке «*Не учи рыбу плавать»* – не следует учить экспертов делать свое дело или прилагать усилия для мобилизации того, что функционирует по своей природе. Для англичан важно выделение интеллектуальных качеств человека через сравнение с рыбой (*It is a silly fish that is caught twice with the same bait.* – Только глупую рыбку можно дважды поймать на одну и ту же наживку, по-русски мы предпочитаем обозначать эту ситуацию через выражение «*наступить на те же грабли»*; *That fish will soon be caught that nibbles at every bait* – Рыбка, которая клюет на каждую приманку, скоро будет на крючке); для русских на первый план выходит идея усилий и трудностей в связи с ловлей рыбы, для англичан – идея изобретательности: «*Без труда не вытащишь рыбку из пруда», «Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть»* и *The fish may be caught in a net that will not come to a hook – «*Сетью можно поймать ту рыбу, которая не пойдет на крючок» и наоборот: *Fish will not enter the net, but rather turn back* – «Рыба не пойдет в сеть сама, а скорее всего повернет назад».

В русском языке излюбленным приемом является контрастное очевидное (до абсурдности) сопоставление, например, «*нужен, как рыбе зонтик»* (совершенно не нужен), «*на рыбьем меху»* (не предохраняющий от холода);

годится любое нелепое сравнение: «*Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан»* – это высказывание функционирует, по-видимому, как ответная реплика в оправдании тех или иных действий. Англичане любят иной прием ведения беседы – перевод сообщения в намек: «*I have other fish to fry».* – «У меня есть другая рыба для поджаривания», сравним: *It's not my cup of tea.* – «Это не моя чашка чая», т.е. не то, что мне нравится. Весьма актуальная для русского языкового сознания тема коррумпированности всякой земной власти отливается в формулу «*Рыба гниет с головы»* (эта сентенция фигурирует во многих языках), англичане делают иные выводы, отталкиваясь от того, что рыба скоро портится: *Fish and company stink in three days* – «Рыба и компания протухают за три дня», для англоязычного сообщества очень важна идея сознательного поддержания хороших отношений между людьми, учет и упреждение возможных конфликтов. Следует отметить еще один прием осмысления ситуации: *He has well fished and caught a frog* – «(Он) неплохо порыбачил – лягушку поймал», это ироничное высказывание легко обращается в самоиронию. Впрочем, следует отметить и полный параллелизм образов «*Ловить рыбку в мутной воде»* и «*Ни рыба, ни мясо»* в русском и английском. Англичане предпочитают говорить не о рыбе вообще, а о породе рыб, например, *red herring* – обман, «копченая селедка», которую протаскивали на веревке по тропинке, чтобы собака потеряла след.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что при всей внешней хаотичности образов, эмоциональных оценок, связанных с конкретными предметными ситуациями, в лингвокультуре объективно выделяются и верифицируются комплексные знаки особой природы – культурные концепты. В.Г. Зусман справедливо отмечает, что «концепт всегда представляет собой часть целого, несущую на себе отпечаток системы в целом. <…> Концепт – микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [Зусман 2001, с. 41]. Очевидна параллель между человеком как микрокосмом и космосом, с одной стороны, и концептом и культурой, с другой стороны. Такая параллель интересна и в эвристическом отношении: отталкиваясь от анализа одного культурного концепта, мы в принципе можем реконструировать при последовательном развертывании всю систему концептов определенной культуры.

Будучи трехмерным (как минимум) образованием, культурный концепт включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие. Предметно-образное содержание концепта сводится к целостному обобщенному следу в памяти, связанному с некоторым предметом, явлением, событием, качеством. Применительно к конкретным предметам обычно говорят о семантических прототипах [Rosch 1975]. Например, прототипом понятия «фрукт» для многих носителей русской культуры является яблоко. Прототипные образы занимают срединное положение между общими понятиями и их конкретными репрезентациями. Можно представить себе яблоко, но трудно вообразить фрукт, вместе с тем видовая специфика того или иного сорта яблок (например, антоновка) для многих коммуникантов остается нерелевантной,

если речь не идет о разновидностях этих фруктов. Применительно к явлениям и событиям, разворачивающимся во времени, предметно-образным содержанием является некая обобщенная ситуация, связанная с этими явлениями и событиями. Например, образом экзамена является ситуация официального выяснения знаний, полученных учащимся, при этом мы представляем себе сидящих друг против друга экзаменатора и экзаменуемого, их разделяет стол, на котором лежат экзаменационные билеты, экзаменатор задает вопросы, экзаменуемый отвечает на них, проявляя определенную степень волнения, экзаменатор определяет уровень знаний и оценивает его по условной шкале, принятой в той или иной стране. Полнота представления предметно-образной стороны концепта зависит от жизненного опыта человека: если кто-либо хоть раз в жизни сдавал экзамен, он сможет достаточно детально охарактеризовать экзаменационную ситуацию. Концепт в этом смысле есть сгусток жизненного опыта, зафиксированный в памяти человека.

Чем отличаются друг от друга такие понятия, используемые в когнитивной семантике, как «концепт», «фрейм» и «гештальт»? Все они имеют ментальную природу, но характеризуют единицу хранящейся в памяти информации с разных сторон. **Гештальт** подчеркивает целостность хранимого образа, его несводимость к сумме признаков (мы не можем сказать, что рыба – это чешуя + плавники + жабры + уха + скользкая + в воде и т.д.). Обратим внимание на то, что в профессиональном общении (и в художественном тексте) нужно выразить гештальт через признаки, т.е. некто должен сделать свой гештальт достоянием другого человека. Это могут делать, как справедливо отмечает Р.М. Фрумкина [2001, с. 97] только эксперты (профаны не могут «схватить» объект в максимальной полноте свойств и их связей, профессионалы могут это делать, эксперты из числа профессионалов способны объяснить, чем именно данный объект отличается от прочих объектов того же ряда). Заметим, впрочем, что при определенной экспертизе вербализация признаков запрещена: например, эксперт выносит свое заключение о том, что банкнота является фальшивой, но не имеет права мотивировать свои выводы. **Фрейм** акцентирует подход к изучению хранимой в памяти информации, выделяет части, т.е. структурирует информацию, конкретизируя ее по мере разворачивания фрейма, это гештальт в его динамике, строении и связи с другими гештальтами. **Концепт** – это хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация. Иначе говоря, с позиций психологии наиболее адекватным понятием для обозначения ментальных репрезентаций оказывается гештальт, с позиций когнитивной науки, занимающейся анализом типовых ситуаций, которые повторяются в ежедневном поведении людей и закрепляются в памяти как обобщенные представления с определенными ожиданиями и реакциями, таким понятием является фрейм, с позиций культурологии и лингвокультурологии, где на первый план выходит значимость явления для культуры, его ценность, таким понятием становится концепт. В этом ряду есть место и понятию «**понятие»**, которое влечет за собой систему логических терминов, таких как суждение и

умозаключение; в этом смысле термин «понятие» представляет собой сгусток рациональной части концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается. Разумеется, наше понимание приведенных выше терминов не является единственно возможным, но, на наш взгляд, при таком подходе мы можем внести смысловые дистинкции в обсуждаемые понятия, т.е. избежать нежелательного удвоения терминов, с одной стороны, и подчеркнуть ценностные характеристики того или иного культурного концепта, с другой.

Заслуживает внимания противопоставление терминов «концепт» и «стереотип» в книге В.В. Красных [1998, с. 133]: 1) концепт включает языковые знания (например, сочетаемость слова), стереотип – это образ-представление в его вербальной оболочке, 2) концепт – это понятие более абстрактного уровня, позволяющее выводить архетипы, стереотип же более конкретен, 3) концепт является феноменом парадигматического плана, т.е. он соотносим с системой ментальных образований, а стереотип функционален, он проявляется в коммуникативном поведении как таковом, 4) концепт хранится в форме гештальтов и пропозиций, а стереотип – в форме фрейм-структур. Имеются в виду жесткость стереотипа (*пчела – труженица*) и известная открытость концепта (Сравним: *Есть три типа исследователей – «муравьи», которые собирают факты, «пауки», которые ткут из себя теории, и «пчелы», которые могут сочетать и то, и другое*). Концепт принципиально многомерен, в этом состоит его привлекательность для изучения, и в этом же заключается множество трудностей, связанных с его моделированием и описанием.

Уточним важнейшие измерения концепта – образное, понятийное и ценностное. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира. В этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке.

§ 2.2. Подходы к пониманию лингвокультурных концептов

Понимание концептов весьма вариативно в современной лингвистике. Не вызывает споров лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются [Степанов 1997, с. 41].

Если не принимать во внимание те работы, в которых концепт и понятие отождествляются, то существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокогнитивному и лингвокультурному осмыслению этих явлений [Воркачев 2002].

Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997, с. 90]. Часть концептов имеет языковую «привязку», другие концепты представлены в психике особыми ментальными репрезентациями – образами, картинками, схемами и т.п. [Там же].

Для психолингвиста концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская 2001, с. 39].

Принципиально иное понимание концепта предлагает А. Соломоник, который считает, что концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Соломоник 1995, с. 246]. Такой подход согласуется с позицией С.Д. Кацнельсона, противопоставлявшего формальные и содержательные понятия, первые соотносимы с обиходными знаниями и фиксируются в обычных толковых словарях, вторые – с научными и объясняются в энциклопедических справочниках. Такая дифференциация понятий базируется на известном противопоставлении ближайшего и дальнейшего значения слова, по А.А. Потебне. Принятая в когнитивной лингвистике модель «представление – понятие» уточняется в таком случае как «представление – обыденное понятие – научное понятие». Разница между обыденным и научным понятием заключается в стихийном обобщении своего опыта на уровне обыденного понятия и использовании дедукции и индукции на уровне научного понятия. Бесспорно, между любыми уровневыми образованиями можно найти промежуточные явления, есть ментальные сущности, которые можно было бы определить как не совсем представления или уже не представления, но еще не понятия. Такое понимание концепта по своей сути является логико-семантическим и, следовательно, лингвокогнитивным.

С позиций когнитивной лингвистики концепт понимается как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [Лихачев 1997, с. 282], т.е. концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира.

Лингвокультурный подход к пониманию концепта (= культурного концепта) состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. Ю.С. Степанов [1997, с. 41] пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.». Концепты в этом понимании часто соотносятся с наивной картиной мира, противопоставляемой научной картине мира, исследователи говорят о “понятиях практической философии”, таких как “истина”, “судьба”, “добро” и т.д. “Обыденная философия есть результат взаимодействия ряда факторов, таких как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей” [Арутюнова 1993, с. 3].

По мнению В.П. Нерознака, мы можем говорить о концепте национальной культуры в том случае, если при переводе на другой язык в том языке нет дословного эквивалента соответствующего концепта: "безэквивалентная лексика, или то, что обычно называют "непереводимое в переводе" и есть тот лексикон, на материале которого и следует составлять списки фундаментальных национально-культурных концептов" [Нерознак 1998, с. 85]. Этот подход к изучению концептов весьма интересен и в максимальной степени объективен. В самом деле, можно вести дискуссии, является ли Гамлет концептом русской культуры, но, например, понятия "порядочность" и "пошлость" с трудом поддаются переводу на другие языки.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Это различие сопоставимо с генеративной и интерпретативной моделями общения, при этом мы понимаем, что разделение движения вовне и движения вовнутрь является исследовательским приемом, в реальности движение является целостным многомерным процессом.

З.Д. Попова и И.А. Стернин развивают когнитивный подход к пониманию концепта, определяя концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин,

2000, с. 4]. Концепты формируются, по мнению цитируемых ученых, из непосредственного чувственного опыта, из предметной деятельности человека, из мыслительных операций человека с другими концептами, существующими в его памяти, из языкового общения, например, в форме разъяснения, из самостоятельного усвоения значения языковых единиц. Этот тезис показывает важность эмпирического усвоения знания, интериоризации знания: от предметного чувственного – к абстрактному мыслительному образу. Цитируемые лингвисты справедливо считают, что язык является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Добавим – и лишь одним из способов апелляции к сложившемуся концепту (например, мелодия песни “Yesterday” вызовет самые разные ассоциации у различных людей, но вряд ли типичной реакцией будет словесная рубрикация этой мелодии с указанием автора и жанровой энциклопедической словесной справки). Важным моментом в рассматриваемом понимании концепта является также тезис о том, что «никакой концепт не выражается в речи полностью», так как: 1) концепт – это результат индивидуального познания (в этом авторы, как можно видеть, солидарны с Д.С. Лихачевым), а индивидуальное требует комплексных средств для своего выражения; 2) концепт не имеет жесткой структуры, он объемен, и поэтому целиком его выразить невозможно; 3) невозможно зафиксировать все языковые средства выражения концепта [Там же, с. 11]. В рассматриваемой работе определены ключевые понятия когнитивного моделирования концептов: 1) национальная концептосфера – совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа (менее стандартизованы концептосферы различных социальных групп, а концептосферы индивидуального сознания вовсе не поддаются стандартизации); 2) семантическое пространство языка – часть национальной концептосферы, обозначенная языковыми средствами, названная в языке и представленная семемами и семами (т.е. значениями и компонентами значений); 3) актуализация концепта – включение концепта в мыслительную деятельность; 4) репрезентация концепта – выражение концептов в языке и различных текстовых формах [Попова, Стернин 2000, с. 28–29]. Первое понятие относится к сфере интересов когнитологии, второе – лингвистики, третье – психолингвистики, четвертое – когнитивной лингвистики. На мой взгляд, эти перегородки весьма условны, можно начать с рассмотрения общих характеристик картины мира того или иного народа и проанализировать актуализацию и репрезентацию отдельных концептов, можно описывать семантические (и отраженные в семантике слов и выражений речеповеденческие, прагматические) признаки, определяющие специфику той или иной концептосферы.

Заслуживает внимания вопрос о взаимовлиянии слов и концептов. Здесь возможна следующая сетка отношений: 1) в языке есть слово, соответствующее определенному концепту, точнее говоря, есть определенное слово как основной, хоть и не единственный, способ актуализации того или иного концепта (слово «*кошка*» для обозначения концепта ‘кошка’), 2) имеющееся в языке слово частично соответствует концепту, здесь нужно задуматься о типах

концептов: предметные и понятийные сущности легко концептуализируются, но эмоционально-оценочные ментальные образования часто бывают настолько размытыми, что трудно установить границы соответствующих концептов (например, «то, что очень не нравится»: список репрезентаций этого концепта будет очень обширным, и выделить основной способ языковой репрезентации этого концепта не представляется возможным); 3) есть концепт, но нет однословной репрезентации этого концепта (интересен пример З.Д. Поповой и И.А. Стернина: есть молодожены и есть люди, давно живущие в браке, но нет слова *«старожены»*); 4) есть слово, вернее, словесная оболочка, за которой нет концепта.

Более детально разработана типология концептов по принятым в когнитивной науке признакам (отметим, что речь здесь идет не о культурных концептах, а о когнитивных концептах): 1) *мыслительные картинки* (конкретные зрительные образы – рыба "налим"); 2) *схемы* (менее детальные образы – "река" как голубая лента); 3) *гиперонимы* (очень обобщенные образы – "обувь"); 4) *фреймы* (совокупность хранимых в памяти ассоциаций – "базар"); 5) *инсайты* (знания о функциональной предназначенности предмета – "барабан"); 6) *сценарии* (знания о сюжетном развитии событий – "драка"); 7) *калейдоскопические концепты* (совокупность сценариев и фреймов, связанных с переживаниями и чувствами – "совесть") [Бабушкин 1996, с. 43–67]. Н.Н. Болдырев подчеркивает, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции, разные форматы знания: 1) *конкретно-чувственный образ* (конкретный телефон); 2) *представление* (мыслительная картинка как обобщенный чувственный образ, например, телефон вообще); 3) *схема* – мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (геометрический аспект представления, общие контуры чего-либо – дома, человеческой фигуры, траектории движения); 4) *понятие* – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики (понятие – это концепт, лишенный второстепенных признаков, с позиций логического анализа); 5) *прототип* – категориальный концепт, дающий представление о типичном члене определенной категории (представление о типичном автомобиле, типичном политике и т.д., это обоснование для концептуализации, выделение типичного на основе жизненного опыта); 6) *пропозициональная структура*, или *пропозиция* – модель определенной области опыта, в которой вычленяются элементы (аргументы и связи между ними), даются их характеристики; это обобщенная логическая модель отношений, отражаемая в глубинной грамматике; 7) *фрейм* – объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации, фрейм представляет собой двухуровневую структуру, состоящую из вершинных узлов, которые содержат постоянные данные для определенной ситуации, и терминальных узлов, или слотов, заполняющихся данными из конкретной ситуации, по М. Минскому (например, фрейм «театр» включает вершинные узлы «билетная касса», «сцена», «зрительный зал», «спектакль» и др., и терминальные узлы, например,

«очередь в билетную кассу конкретного театра, впечатления, связанные с этим событием, в котором я принимал участие»; анализируя фреймы второго уровня (вложенные фреймы, или субфреймы), мы восстанавливаем ситуацию в целом; 8) *сценарии*, или *скрипты* – динамически представленные фреймы, разворачиваемая во времени последовательность этапов, эпизодов (например, посещение театра); 9) *гештальт* – «концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание» [Болдырев 2001, с. 36–38]. Гештальт в таком понимании трактуется как концептуальная система, объединяющая все перечисленные типы концептов, а концепт мыслится как родовой термин по отношению ко всем остальным, выступающим в качестве его видовых уточнений. Достоинством когнитивного подхода к изучению квантов знания, фиксируемых в коллективном и индивидуальном сознании, является, как можно видеть, предельно широкий исследовательский горизонт. Разумеется, приведенные типы концептов вряд ли можно втиснуть в схемы дихотомического типа. Здесь мы сталкиваемся с сущностями, не поддающимися одномерной классификации, поскольку мир многомерен.

По способу языковой репрезентации концептов можно выделить те мыслительные образования, которые получают языковое выражение в лексической и фразеологической системах языка, а также те, которые находят грамматическое выражение. Некоторые концепты выражаются и на фонетическом уровне (применительно к эмоциональным концептам это осуществляется интонационно и звукоподражательно). Выделяются концепты, которые специфическим образом организуют грамматическую систему языка [Вежбицкая 1996]: например, агентивное или пациентивное представление ситуаций (*Я должен – мне нужно*).

Концепт, будучи динамическим образованием, обладает комплексом характеристик, и различные характеристики становятся актуальными в разные периоды бытования этого концепта. Например, концепт "болезнь" в русской наивной картине мира [Песоцкая 2001, с. 224] характеризуется константными и вариативными признаками. К первым относятся характер проявления, место проявления в организме, распространенность, ожидаемость, способ передачи болезни; ко вторым – исцеляемость и "напускаемость" (в древнем сознании) и исследованность, причина, степень сложности, время, половой и возрастной статус больного (в современном сознании). С исследователем можно согласиться, отметив, что применительно к данному концепту современное наивное языковое сознание испытывает сильное влияние со стороны научной медицинской картины мира. По мнению А.Н. Усачевой [2002, с. 6], концепт 'состояние здоровья' характеризуется тремя типами оценки: внутренней (ее объектом является самочувствие), нормативной (ее объектами выступают внешний вид, сила, чистота) и внешней (ее объекты – отношение к еде, спорту, вредным привычкам, врачам и лечению). Внутренняя и нормативная оценки применительно

к состоянию здоровья обнаруживают малую вариативность в различных культурах и в разные эпохи, а внешняя оценка весьма вариативна (показательно повышенное внимание в современном англоязычном мире к калорийности пищи как фактору ухудшения здоровья: *Lose weight now – ask me how*).

Важнейшей характеристикой отрефлектированного концепта является его опора на некоторое лексико-семантическое множество. И.А. Стернин при изучении концепта предлагает противопоставлять базовый слой и вторичные слои концепта, различающиеся либо не различающиеся по уровню абстракции (одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты) [(Стернин 2001, с. 59–60]. Такой подход основан на признании определенной аналогии между структурой ментальных образований и семантической системой языка.

Различие между культурами состоит в значимых нюансах, выделяемых при сравнении больших концептуальных объединений (концептосфер). Множественные характеристики дадут здесь более веские основания для того, чтобы сделать выводы о специфике менталитета того или иного народа. Концепт опирается на *"**лингвокультурологическое поле*** – иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры" [Воробьев 1997, с. 60].

Концепты связаны с конкретными ситуациями в памяти людей, и эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом, например, 'милосердие′ – "предупреждение об опасности; предоставление возможности избежать неприятности; пожертвования; помощь инвалидам; распределение инвалидных колясок; утешение потерявшегося ребенка; уход, когда присутствие причиняет страдание и мн. др." [Жданова, Ревзина 1991, с. 60, 61]. Задача лингвокультурологии, как считает В.А. Маслова, заключается в том, чтобы выразить культурную значимость языковой единицы (т.е. "культурные знания") на основе соотнесения прототипной ситуации фразеологизма или другой языковой единицы с "кодами" культуры, известными носителю языка либо устанавливаемыми с помощью специального анализа [Маслова 1997, с. 10, 11]. Концепт обладает определенной памятью, избирательно воплощается не только в определенных языковых единицах, но и когнитивных моделях на протяжении длительного периода развития языка [Балашова 1998, с. 197].

Таким образом, культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими, по словам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [1999, с. 12], повторяющиеся фрагменты социальной жизни. В этой связи заслуживает внимания понятие "***лингвокультурема***" – комплексная межуровневая единица, форму которой составляет единство знака и языкового значения, а содержание – единство языкового значения и культурного смысла [Воробьев 1997, с. 44, 49]. Лингвисты стремятся уйти от многозначности термина "концепт", одно из значений которого и представляет собой содержательную сторону лингвокультуремы. Эльс Оксаар соотносит "***культурему***" как социокультурную категорию с

"***бихевиоремой***" как коммуникативной категорией (противопоставление культуры и поведения как содержания и формы), уточняя способы выражения бихевиоремы – вербальный (слова), паравербальный (тембр, артикуляционный контроль и т.д.), невербальный (мимика, жестикуляция) и экстравербальный (характеристики времени, места, социальные индексы и др.) [Oksaar 1988, S. 28]. В качестве альтернативного обозначения содержания лингвокультуремы предложен термин "***логоэпистема***" – "знание, несомое словом как таковым – его внутренней формой, его индивидуальной историей, его собственными связями с культурой" [Верещагин, Костомаров 1999, с. 7]. Обратим внимание: логоэпистема сориентирована на слово как основной носитель знания, сконцентрированного в лексическом значении и связанного со всем богатством данной культуры. Содержание концепта выражается не только словом, оценочные характеристики концепта, составляющие суть этого ментального образования при лингвокультурном сопоставлении, раскрываются в толковании, в тексте.

В лингвоконцептологии предложены разные классификации концептов. Следует сразу же заметить, что построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов – переживаемых фрагментов опыта – является, по-видимому, невыполнимой задачей. Это объясняется детальной разработанностью в языке актуальных для человека областей бытия, размытостью смыслов и нелогичностью, противоречивостью обиходного практического сознания. Кроме того, концепты представляют собой динамические образования, гораздо более подвижные, чем значения слов, зафиксированные в словарях. Признавая сложность построения типологии концептов, охарактеризуем некоторые подходы к такой типологии.

Первый подход базируется на тезисе о явной или неявной ориентации концептов на язык, в котором они репрезентируются. В этом случае выделяются предметные, признаковые, событийные концепты. Понятно, что эта типология построена на основе важнейших знаменательных частей речи в известных нам языках.

Второй подход сориентирован на когнитивную психологию. Осмысленные фрагменты опыта соотносятся с картинками, картами, сценариями, фреймами, гештальтами. В этом случае так или иначе структурируются представления, закрепленные за фрагментируемой действительностью.

Третий подход ассоциируется с этическими и эстетическими категориями, поскольку оценочная составляющая концепта обусловлена определенными ценностями культуры, имеющими директивный характер. При таком подходе выделяются телеономные концепты [Воркачев 2003], отправляющие к высшим ценностям (***любовь, красота, справедливость, счастье*** и др.) и нетелеономные концепты, среди которых можно установить классы регулятивных и нерегулятивных ментальных образований. К первым относятся, например, ***пунктуальность, щедрость, пошлость, здравый смысл,*** ко вторым – ***путешествие, оскорбление, война, совет***. Строго говоря, этот подход в основу классификации ставит ценностную составляющую концепта, а поскольку таковая является непременным атрибутом концепта, то речь идет о степени

яркости этой составляющей. В телеономных концептах она доминирует, в регулятивных представлена весьма значимо, в нерегулятивных осложнена дополнительными признаками и является фоновой.

Четвертый подход производен от дискурса, в котором реализуются эти концепты. Соответственно, выделяются а) повседневные и художественные концепты, определяющие личностно-ориентированный дискурс, и б) различные институциональные концепты – политические, научные, деловые, дипломатические, спортивные и др., определяющие институциональный дискурс в той или иной его разновидности.

Пятый подход обусловлен динамикой концепта. В этом плане можно разграничить относительно стабильные и меняющиеся концепты и в рамках последних – уходящие и возникающие концепты (ср. ***кротость*** и ***экологическая безопасность***). Показателем динамики концепта служит, в частности, способность концепта к метафорическому переосмыслению – соотношение экстразоны и интразоны концепта [Слышкин 2004]. Кроме того, динамичность концепта может рассматриваться и как степень его внедрения в иную сферу общения (транслируемость концепта). Например, обиходные концепты становятся профессиональными, и наоборот. При этом, разумеется, меняется их содержание. Сюда же можно отнести исконные и импортируемые концепты (***совесть*** и ***диффамация***).

Шестой подход основан на круге лиц, разделяющих тот или иной опыт с его оценочной квалификацией. Выделяются общечеловеческие, цивилизационные, этнокультурные, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные концепты. Эта классификация базируется на предположении о том, что осмысленный опыт можно свести к некоторым инвариантным смыслам общечеловеческого характера с последующей смысловой конкретизацией сверху вниз. С позиций лингвокультурологии в рамках данной типологии можно противопоставить национально-специфические и национально-нейтральные, социально-специфические и социально-нейтральные концепты.

Седьмой подход соотносит концепты с их тематикой. Например, выделяются эмоциональные, коммуникативные, гастрономические и другие концепты. Этот подход не претендует на построение типологии, поскольку список таких тем принципиально открыт. Классифицируются концепты в рамках той или иной темы по разным признакам.

Названные подходы являются взаимодополняющими. Они отражают существенные признаки концептов – их понятийную, образную и ценностную составляющие, дискурсивную обусловленность, динамичность, вариативность и тематическую закрепленность.

§ 2.3. Типы лингвокультурных концептов

Определив концепт как многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны, переходим к типологии концептов. Существует определенное различие

в понимании концепта в когнитивной и лингвокультурной лингвистике. С позиций когнитивной науки концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996, с. 90]. В этом определении подчеркивается сохранение и структурирование в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. Акцентируется переработка информации от сенсорных сигналов на входе до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) в сознании человека. Концепты, идеи независимы от языка, не случайно только часть их находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке [Там же, с. 92].

С позиций лингвокультурологии нас интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах жизни, противопоставляемых природе. Строго говоря, человек принадлежит и природе, и культуре. Если вычесть природную составляющую, останется бестелесная абстракция, если вычесть культурную составляющую, останется организм. В этом смысле все концепты, которыми оперирует человек, – это культурные концепты. Но есть и более узкое понимание этих сущностей. Когда речь идет об этнических и социальных разновидностях культуры, то единицами системы специфических форм поведения и деятельности, ценностно насыщенных паттернов мировосприятия, выступают культурные концепты. Итак, когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. Очень важно то, что культура фиксируется в разных формах, среди которых для лингвистики релевантны языковое сознание и коммуникативное поведение, или язык и дискурс [Красных 2002, с. 12]. В этом плане самой значимой внутренней оппозицией концептов является их противопоставление как когнитивных и культурных единиц, а если быть более точным – лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов [Воркачев 2002]. С позиций когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку.

Содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Параметрические концепты весьма своеобразны, их ценностный компонент выводится дедуктивно при их конкретизации в дискурсе (*Время проходит? Время стоит. Проходите вы.* В этой грустной сентенции концепт «время» приобретает смысл «напоминание о краткости человеческой жизни»). В этой связи возникает вопрос: в какой мере параметрические концепты можно

считать концептами? Эти ментальные образования имеют принципиально универсальную, общечеловеческую природу, их ценностный компонент является не внутренне присущим им (ингерентным), а наведенным (адгерентным), их перцептивно-образный компонент осознается как прототипическое уточнение (по Э. Рош), а в ряде случаев является вырожденным (как можно представить себе «сущность», «форму», «бытие»?), но их понятийный компонент представляет собой разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах. Самый простой ответ на этот вопрос – считать, что параметрические концепты являются понятиями. Такое решение, при всей его простоте, приводит к тому, что идея концепта как многомерного образования сводится на нет: выделяются ментальные единицы трех типов – понятия, образы и ценности. Второе решение – формально-логическое: принять во внимание возможность нулевого признака (любого из трех компонентов) или, в более гибком выражении, допустить наличие шкалы проявления признака (сильное, слабое и нулевое проявление). Третье решение – акцентировать идею транслируемости (превращаемости) концепта (по С.Х. Ляпину). Понимание концепта как узловой точки, соединяющей не только личностные смыслы и культуру общества, но и разные смысловые области опыта, разные знания и переживания дает возможность соотнести в единой системе параметрические и непараметрические концепты. При этом мы помним, что параметрические концепты неоднородны, в их составе выделяются категории (общефилософские и научные) и обиходные универсальные ментальные образования. О лингвокультурной специфике этих концептов можно говорить лишь применительно к их конкретизации в определенной культуре. Например, такова лингвокультурная специфика концепта «фактуальность» в английском и русском языковом сознании. Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их антиномический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конститутивного признака концепта. Эта бинарность может иметь разные направления, уточняющие концепт диалектически или логически, например: сущность – явление, жизнь – смерть, свобода – необходимость.

Непараметрические концепты можно разбить на **регулятивные** и **нерегулятивные**. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.), ко вторым – синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.). В строгом смысле слова следует говорить не о ценностном, а об аксиологическом компоненте, включающем ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения [Бабаева 2004]. Концепты-регулятивы в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения, например, созерцательность и приоритет морали в русской культуре либо агентивность и приоритет права в англоязычном мире. Концепты-регулятивы неоднородны, в их составе выделяются телеономные концепты – «вербализованные смыслы, отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни»

[Воркачев 2003, с. 4], такие как «счастье» и «любовь», и более частные регулятивные концепты – «гордость», «милосердие», «пунктуальность», «пошлость» и др. Именно регулятивные концепты представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или той или иной группы в его составе. Об этих концептах и идет речь в данной книге. Но следует сказать, что лингвокультурная специфика прослеживается и в нерегулятивных концептах, она выражена в них иначе, в связанном виде. Отметим, что концепты-регулятивы могут выражать как позитивные, так и негативные ценности (например, «надежда» и «зависть»).

Не только регулятивные концепты (но регулятивные в первую очередь) распадаются на типы в зависимости от того, насколько широк круг языковых личностей, для которых эти концепты являются приоритетными ориентирами поведения. В этом смысле противопоставляются **универсальные** (общечеловеческие), **этноспецифические, социоспецифические** и **индивидуальные** ценности и соответственно – концепты-регулятивы. Четкой границы между этими типами нет. С иных позиций допустимо выделение и других типов концептов, например, конфессиональных. Примером универсальных концептов-регулятивов является триада «истина», «добро», «красота», к этноспецифическим концептам относятся «душа», «судьба», «тоска» [А. Вежбицкая 1996], к социоспецифическим – «интеллигентность», «dignity» (аристократическое чувство собственного достоинства у людей, осознающих свой высокий социальный статус), с индивидуальными концептами (выражающими, прежде всего, авторские модификации общепринятых ценностей, вплоть до их переворачивания) мы сталкиваемся, главным образом, в художественных и философских текстах (*Наглость – обширная надежда.* Дж. Кардано).

Существующие типологии концептов в значительной мере сориентированы на языковые способы их репрезентации. Например, выделяются предметные, сценарные и качественные концепты (аналогия с семантикой прототипных существительных, глаголов и прилагательных очевидна). Иной подход к типологии концептов основан на степени абстракции образного компонента этого мыслительного образования – от конкретной картинки до обобщенного мыслимого заместителя множества более частных образов.

Вместе с тем можно предложить типологию концептов, построенную на основе признака транслируемости, перехода концепта в процессе общения от одного индивидуума к другому и от одной культуры – к другой. Транслируемость является важнейшей дискурсивной характеристикой концептов [Ляпин 1997]. Концепт как ментально-культурная единица требует выражения. По признаку транслируемости можно противопоставить концепты активно и пассивно транслируемые, содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и непереводимые в иные формы. К числу активно транслируемых относятся **архетипические** концепты, основанные на системе установок и поведенческих реакций, которые незаметно определяют нашу жизнь. В основе таких концептов лежат архетипические образы (по К. Юнгу), укорененные в коллективном бессознательном, в априорных формах поведения,

соединенные с представлениями опыта и наделенные большой психической энергией [Руткевич 1997, с. 52].

Класс нерегулятивных концептов разнообразен. Предложенные в лингвистической литературе классификации ментальных единиц, относящихся к этому типу (остаточному в нашей схеме), построены на основе лингвистического (частеречного в своей основе) и когнитивно-психологического критериев [Алефиренко 2003; Бабушкин 1996; Болдырев 2001; Маслова 2004; Токарев 2003]. Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить **лингвокультурный типаж** как обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации.

Необходимо отметить, что культурные концепты – явление неоднородное. Прежде всего, они различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества. Иначе говоря, можно утверждать, что если в обществе выделяются четко очерченные социальные группы, то и существуют концептосферы этих групп. Этническое не проявляется изолированно, но находит выражение через социальное. Строго говоря, существует социоэтническое самосознание индивидуума, и в этом самосознании выделяются культурные концепты. Разумеется, речь не идет о вульгарной социологизации языка, мы не утверждаем, что английские рабочие и английские банкиры говорят на разных языках, их концептосферы в значительной мере пересекаются применительно к понятиям, выражаемым основным словарным фондом, но есть и области несопоставимых концептов. Измерение индивидуальных, микрогрупповых, классовых (и других макрогрупповых) и общенациональных концептов – это перспективная задача социолингвистики. С позиций социолингвистики, таким образом, можно противопоставить, по меньшей мере, три типа культурных концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные. Иначе говоря, существуют ментальные образования, актуальные для этнокультуры в целом, для той или иной группы в рамках данной лингвокультуры и, наконец, для индивидуума. Такое понимание концептов позволяет совместить различные подходы к их интерпретации.

Примером русского этнокультурного концепта является 'щедрость' – *способность охотно делиться с другими своими средствами, имуществом и т.п.* (БТС); это качество характера есть и у других народов, но степень важности этого качества и отсутствие ограничений в тех ситуациях, когда трезвый расчет диктует такие ограничения ввести (это особенно характерно для ритуала гостеприимства), превращает данный концепт в особый опознавательный знак русской культуры. По мнению О.А. Леонтович [2002], к числу важнейших концептов, определяющих сущность современной американской лингвокультуры, относятся ментальные образования 'self', 'privacy', 'challenge', 'efficiency'. Например, слово *challenge* определяется в лингвострановедческом словаре «Жизнь и культура США» следующим образом: *1) задача, 2) проблема, 3) испытание, 4) вызов. Это слово – одно из ключевых для понимания*

американского национального характера; оно выражает отвагу, готовность рисковать, чтобы испытать себя, дух авантюризма, стремление к соперничеству и т.д. [Леонтович, Шейгал 1998].

В качестве иллюстрации социокультурного концепта, существующего в пространстве русской лингвокультуры, можно привести концепт 'жалость' – смысловую связку в сознании пожилых людей: любить – значит жалеть, жалость в таком осмыслении как чувство сострадания, выражения привязанности в единстве с сочувствием свойственна именно старикам, это не удивительно: беззаботная молодость сфокусирована на радостях жизни, и порой бывает беспощаден тот, кто намерен только радоваться. В англоязычной культуре демонстрация привязанности к старикам должна быть не столь ярко проявляемой, а выражение сочувствия к ним может восприниматься ими как унижение.

Одним из важнейших английских социокультурных концептов является смысловое образование *dignity*. В переводе на русский это – "*достоинство*". Сравним словарные дефиниции: *Dignity – the quality or state of deserving respect, esp. because of being controlled, serious and calm. He is a man of dignity and calm determination. Even though they are poor, they still have a sense of dignity (CIDE). Dignity – 1) a composed and serious manner or style; 2) the state of being worthy of honour or respect; 3) worthiness, excellence (the dignity of work); 4) a high or honourable rank or position; 5) high regard or estimation. ~ beneath one's dignity not considered worthy enough for one to do; stand on one's dignity insist (esp. by one's manner) on being treated with due respect. (Middle English via Old French from Latin dignitas -tatis, from dignus 'worthy') (COD). Dignity – 1) pride and self-respect: a proper sense of pride and self-respect; 2) seriousness in behaviour: seriousness, respectfulness or formality in a person's behaviour or bearing; 3) worthness: the condition of being worthy of respect, esteem, or honour; 4) due respect: the respect of honour that a high rank or position should be shown; 5) high office: a high rank, position, or honour; 6) dignitary: a dignitary (arch) (Encarta). Dignity is 1.1. behaviour or an appearance which is serious, calm, and controlled; used showing approval. e.g. There was something impressive about Julia's quiet dignity. 1.2. the quality of being worthy of respect. e.g. Don't discount the importance of human dignity. 2. Someone's dignity is the sense that they have of their own importance. e.g. He danced a step or two, then remembered his dignity and stood still (COBUILD). Достоинство – 1) положительное качество; 2) совокупность высоких моральных качеств, их уважение в самом себе; сознание своих прав, своей значимости || внешнее проявление самоуважения, сознания своей значимости; 3) стоимость, ценность (денежных знаков и ценных бумаг); 4) устар. титул, чин, звание (БТС).*

Слово *dignity* уточняется в английском тезаурусе в двух аспектах: 1*) (a presence that commands respect) – syn. nobility, self-respect, hauteur, nobility of manner, lofty bearing, elevated deportment, sublimity, dignified behaviour, grand air, loftiness, quality, superior modesty, culture, distinction, stateliness, elevation, nobleness of mind, worthiness, worth, regard, character, importance, renown, splendour, majesty; that mysterious something, stuff, class, tone; honour, pride; ant.*

humility, lowness, meekness; 2) (a station that commands respect) syn. rank, honour, significance; fame; importance (WNWThes). В словарях русских синонимов *достоинство* (*положительное качество кого-, чего-либо*) уточняется как *совершенство, добродетель, плюс* и соотносится с *несовершенством, недостатком и минусом* (БССРЯ); соотносится со словами *преимущество, гордость, стоимость, звание* (СинРЯ). Ближайшее по смыслу слово *гордость* – 1*) чувство собственного достоинства, самоуважения. Национальная гордость. Мужская, девичья гордость. Рабочая, профессиональная гордость; 2) чувство удовлетворения от осознания достигнутых успехов, чувство превосходства в чем-либо; 3) преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие* (БТС). В английском языке выделяются три значения слова *pride – гордость: 1) (satisfaction) a feeling of pleasure and satisfaction that you get because you or people connected with you have done or possess something good; 2) (respect for yourself) your feelings of your own worth and respect for yourself; 3) (feeling of importance) (disapproving) the belief that you are better or more important than other people* (CIDE).

Сравнение словарных дефиниций показывает, что *dignity* обозначает не просто качество, заслуживающее уважения, но черты поведения, свойственные аристократам: серьезность, спокойствие, самоконтроль, осознание своей важности (обратим внимание на точную формулировку: *superior modesty* – скромность превосходства). Отсюда, в первую очередь, отмечаются внешние характеристики такого поведения (для русских чувство собственного достоинства – это внутренняя самооценка собственной значимости, для англичан dignity – это внешнее выражение аристократического поведения). Не случайно достоинство как общее положительное качество в русском языке ассоциируется с недостатком как противоположностью этого качества, в английском же антонимичными коррелятами слова *dignity* выступают слова со значением «смиренность, покорность, кротость», т.е. обозначающие качества, требуемые от слуг и лиц низшего сословия. Концепт 'dignity' в расширительном понимании пересекается с различными концептами (например, 'гордость', 'благородство', 'высокомерие'), но в целом это – образец поведения весьма значимой модельной личности для английской лингвокультуры, личности аристократа. Носители английского языка ощущают это достаточно четко. Об этом свидетельствует отрывок из анкеты: *Regarding the word 'dignity', I agree that there is a 'class' aspect. A working class person would never be described or expected to act 'with dignity' Such behaviour is reserved for the middle and upper classes. I would describe it as behaviour (usually in an adverse situation) of a calm or composed manner having due respect for one's position in society, breeding, family or national history and profession (soldier, statesman, doctor, etc)*. В русском языке важнейшая характеристика гордости трактуется как чувство собственного достоинства, соответствия своей осознаваемой идентичности определенной группе (национальной или социальной); соответствие переживается как положительная самооценка, которая, впрочем, может стать завышенной и превратиться в осуждаемое качество высокомерия. По данным ассоциативного словаря, важнейшими

реакциями на стимул «*достоинство*» выступают слова *честь* (словосочетание *честь и достоинство*), *человека* (*достоинство человека*), *недостаток* (РАС–5). Общая положительная оценка в слове *достоинство* прослеживается в группе устаревших деривативных образований *достоверный, достопочтенный, достопримечательный* и др. Специфическая комбинация признаков в концепте 'dignity' свидетельствует о том, что для английской лингвокультуры весьма значима социальная иерархия. Более общий вывод сводится к тому, что социокультурный концепт имеет этнокультурную значимость.

Индивидуальные концепты весьма разнообразны, здесь можно привести индивидуально-авторские концепты, выражаемые ключевыми словами, свойственными тому или иному писателю или философу. Например, М. Хайдеггер пишет: «*Выражение "болтовня" будет применяться здесь не в уничижительном смысле. Оно терминологически обозначает положительный феномен, который конституирует присущий повседневному бытию способ бытия понимания и истолкования. <…> Болтовня есть возможность понимать все без предварительного усвоения сути. Болтовня, которую всякий может подхватить, не только освобождает от обязанности подлинным образом понимать, но и образует некоторую безразличную понятность, от которой ничто не закрыто*» [Хайдеггер 1993, с. 31, 32].

В ином ключе индивидуальные концепты можно было бы рассматривать как концепты, определяющие тот или иной психотип личности: например, для одних людей ценностно значимы покой, душевный мир, уют, для других – борьба, приключения, риск. Такие индивидуальные концепты иногда становятся доминантами поведения определенных социальных групп и могут превращаться в социокультурные концепты. В определенных исторических условиях возможно их превращение и в этнокультурные концепты. Возможно и обратное движение – постепенное угасание значимости концепта в коллективном языковом сознании, в качестве примера можно привести 'кротость', этот концепт толкуется как *незлобивость, уступчивость, покорность* (БТС). В современной русской лингвокультуре такое качество характера воспринимается как странное в обиходе либо знаковое для религиозного стиля жизни, в то время как в качестве антипода гордыни в коллективном сознании прошлых эпох концепт 'кротость' был весьма актуален.

Кроме того, концепты неоднородны и в плане обозначения объектов. С одной стороны, можно выделить концепты 'душа', 'злорадство', 'логос', с другой стороны, – 'матрешка', 'колобок', 'подъезд'. По мнению С.Г. Воркачева [2002], мы говорим о концептах только применительно к абстрактным сущностям, предметы не являются знаками концептов. С этим доводом можно согласиться, но «матрешка» – это не просто вырезанная из дерева раскрашенная игрушка, но и множество переживаемых ассоциаций, которые возникают у людей, знакомых с традиционной народной русской культурой. Каким бы противоречивым, на первый взгляд, ни было понятие «предметный концепт», мы считаем, что оно имеет право на существование, если в языковом сознании некоторый предмет ассоциируется с культурно значимыми смысловыми рядами.

В этом плане можно говорить о культурной значимости уникальных объектов, обозначаемых именами собственными, о концептах имен собственных в рамках национальной культуры, о концептах вымышленных героев или событий, ставших фактами культуры в художественной литературе, живописи, кинематографе и т.д., о концептах абстрактных имен, о предметных концептах.

Заслуживает внимания замечание В.М. Бухарова [2001, с. 84]: «…формирование <концепта> в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную и т.д. специфику. В результате этого возникают трансконцептные связи и отношения». Соглашаясь с тем, что ментальное образование не всегда воплощается в языковой форме, можно внести уточнение в понятие «система реализации концепта»: этнокультурная и социокультурная специфика концепта заключается не только в языковых значениях, с помощью которых концепт обозначается, выражается и может быть описан. Специфичными могут быть и сами концепты. Например, у американских индейцев, живших на северном побережье Тихого океана, существовал обычай «потлач»: человек, достигший высокого положения в племени, должен был устроить церемониальный пир с дорогими подарками для гостей, в результате чего организатор этого пиршества полностью разорялся, становился нищим, но приобретал статус наиболее уважаемого человека. Языковое обозначение этого пира вряд ли раскроет нам культурную специфику этого концепта, состоящую в сочетании признаков имущественной нищеты и максимального престижа. В этой связи, кстати, вспомним, что отец Евгения Онегина «*давал три бала ежегодно и промотался наконец*». Определенные параллели такого специфического сочетания признаков обнаруживаются и в древнеиндийском понимании заключительного этапа жизни человека: уважаемому человеку на закате жизни предписывалось покинуть свой дом и стать нищенствующим странником. Одной из фундаментальных характеристик концепта, по С.Х. Ляпину, является его транслируемость. Трансконцептуальные связи свидетельствуют о специфичности концептов вне зависимости от их языковой реализации.

В изложении Д.С. Лихачева [1997] концепты суть «некоторые подстановки значений, скрытые в тексте "заместители", некоторые "потенции" значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом». Вместе с тем, определяя структуру словарного запаса языка как четырехуровневое образование, Д.С. Лихачев противопоставляет сам «словарный запас, значения словарного типа, примерно так, как они определяются словарями, концепты (в приведенном выше понимании) и концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некоторые целостности», эти целостности в совокупности составляют концептосферу. Вероятно, суррогатные образования, своего рода тематизаторы и классификаторы в сознании человека требуют отдельного обозначения. Если главным качеством концепта является его

заместительная функция, своего рода *предзначение* слова в сознании носителя языка, то концепт выступает как вариант отражения значения, как «общее понятие, замещающее нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997, с. 269]. Мы же предлагаем считать концепты первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира.

Многие концепты имеют прямую языковую проекцию. Например, концепт *звезда* в языке обозначает светящуюся неподвижную точку на ночном небосводе, по ассоциации – фигуру с исходящими от нее лучами, как правило, остроконечными, далее по ассоциации – яркую личность, яркое явление. Научное понятие «звезда» резко отличается от бытового или наивно-языкового, при этом различие состоит в сигнификате данного понятия, в так называемых энциклопедических признаках (цвет, температура, отдаленность, тип излучения и т.д.). Оценочный фон данного концепта объясняется эстетическими и утилитарными свойствами, которые осознали люди, наблюдавшие за звездами. Звезды красивы, звездное небо свидетельствует о совершенстве мироздания и о величии космоса; вместе с тем порядок и взаиморасположение созвездий дают возможность знающим людям определять направление в пути, измерять время. В бытовом сознании фигурирует оборот *падающие звезды*, с этим связаны некоторые приметы.

Некоторые концепты, связанные с тактильными, вкусовыми и обонятельными ощущениями, не имеют прямой языковой проекции и обозначаются сочетаниями слов (*запах свежевыпеченного хлеба*). Запахи очень трудно поддаются категоризации: если множество хроматических оттенков можно подвести под понятие «зеленый цвет», то для запахов таких обобщений нет.

Языковые проекции концептов позволяют обнаружить не только картину мира, лингвистически освоенный мир, но и своеобразие способа освоения мира. Известно, что в основу номинации обычно кладется только один релевантный признак, по которому восстанавливается вся совокупность обозначаемого предмета. В этом состоит принцип означивания, языкового кодирования информации о многомерном мире. Декодирование признаков реализуется психологически как воссоздание гештальта и лингвистически – как характеристика обозначенного предмета при помощи уточнений и пояснений разного типа. Применительно к предмету это – атрибутивная и бытийная характеристика, применительно к процессу это – развертывание процессуальной формулы: источник процесса – направленность процесса – качественная и количественная детерминация процесса. Речь идет о семантическом согласовании признаков. Это согласование имеет место во всей совокупности средств речевого общения – в коммуникативной стратегии, способах невербальной поддержки общения, в функционально-прагматических и функционально-семантических средствах, используемых в общении.

§ 2.4. Концепт как единица лингвокультурного кода («чистота» и «грязь»)

Изучение лингвокультурных концептов направлено на выявление характеристик языкового освоения действительности. Концепт представляет собой квант переживаемого знания, соединяющий в себе индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы [Степанов 1997] и включающий понятийное, образное и ценностное измерения [Карасик 2002]. Лингвистическая теория концептов активно разрабатывается в современной науке о языке, представляя собой качественное развитие семантической теории, и развивается в двух важнейших направлениях – лингвокогнитивном [Алефиренко 2003; Болдырев 2001; Демьянков 2001; Кубрякова 2004; Пименова 2004; Стернин 2008] и лингвокультурологическом [Воркачев 2007; Карасик 2002; Красавский, 2001; Красных 2003; Слышкин 2004; Шмелев 2002]. В рамках первого направления выявляются способы языковой объективации переживаемого опыта, в рамках второго направления в поле зрения исследователей оказывается этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления такого опыта.

В какой мере обосновано выделение классов концептов? Фасеточное моделирование языка допускает характеристику ментальных образований на основании любого релевантного признака. Единственный критерий целесообразности такого описания – нахождение новых содержательных отличий в концептах, не раскрытых при использовании других подходов к их объяснению. Заинтересованный читатель сможет убедиться в многообразии подходов к изучению концептов в современной науке о языке – в библиографии к этой книге приводятся различные исследования в рамках лингвоконцептологии. Основные тенденции в развитии концептологии я бы определил как освещение дискурсивной и индивидуально-авторской специфики концептов, но вместе с тем в научной литературе предложено и выделение новых типов переживаемового знания, например, это лингвокультурная идея, по С.Г. Воркачеву [2009].

Опыт в коллективном и индивидуальном сознании концептуализируется соответствии с определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира. Одним из таких ориентиров является язык как концентрат информации. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание. Единицами лингвокультурного кода являются концепты. Данная работа представляет собой проверку гипотезы о том, что **исходный перцептивный образ**, лежащий в основе того или иного концепта, является **вектором конфигурации смыслов**, присущих всей тематической области, организуемой этим концептом. Это предположение поверяется на примере концептов «чистота» и «грязь» в русской и английской лингвокультурах. Квалификация объектов по признаку их чистоты является одним из важных признаков их качественной характеристики и имеет определенную этнокультурную специфику.

Изучение словарных дефиниций показывает, что прилагательное *чистый* обозначает широкий спектр взаимосвязанных качеств объектов: 1) незагрязненный, незапачканный, 2) следящий за своим внешним видом, 3) лишенный прыщей, веснушек, сыпи, 4) убранный с особой тщательностью, 5) ничем не заполненный, 6) сделанный аккуратно, тщательно, искусно, 7) представленный в окончательном виде (без помарок и исправлений), 8) не содержащий примесей, 9) не загрязненный химическими и радиоактивными веществами, 10) не смешанный, одного происхождения, вида, типа, 11) отвлеченный от практического применения, 12) абсолютно правильный, гладкий (о языке), 13) угодный Богу, свободный от скверны, негреховный, 14) нравственно безупречный, 15) получающий наиболее полное, яркое проявление (БТС). Эти признаки сводятся к отсутствию грязи в ее разновидностях (исходное качество) и к прилагаемым усилиям по устранению несоответствий с некоторым идеалом (каузируемое качество). Обратим внимание на переосмысление грязи: грязь как внешнее загрязнение, как заболевание кожи, как примеси, как помарки, как химическое или радиоактивное воздействие, как любое заполнение пустого пространства, как признак несовершенства, как грех или моральный дефект, как нечто приземленно-практическое, как нечто, искажающее исходное совершенство или препятствующее полноте проявления. Не удивительно, что при столь широком переосмыслении (*грязь как помеха*) возникает структурное значение у наречия «чисто»: *словно, будто, как*.

Синонимическое уточнение слова *чистый* носит абстрактно-оценочный характер (*незапятнанный, безупречный, безукоризненный*), выражает идею идеального первоначального состояния (*девственный, нетронутый, первобытный, первозданный*) или полного соответствия чему-либо (настоящий, истинный, сущий, форменный, прямой) (ССРЯ). Словообразовательное поле с корнем *чист-* включает глагол *чистить* – удалять грязь (с его префиксальными разновидностями *начищать, отчищать, расчищать, подчищать, зачищать* и синонимическим интенсификатором *драить*), абстрактное существительное *чистота* и композитные имена прилагательные и существительные *чистокровный, чистопородный» чистошерстяной, чистосердечный, чистотел, чистополье, чистописание* и *чистоплюй*, обозначающие конкретные уточнения качеств, заложенных в исходном значении данного слова. Выделяются религиозно маркированные лексические единицы с корнем *чист-*: *пречистая Дева Мария* и полярно противоположная ей *нечистая сила*. В народных поверьях словом «нечисть» обозначаются фантастические человекоподобные существа, враждебные людям. Этимология слова *чистый* такова: «отсекать – отделять ненужное – очищать» (Черных), «вырубленный, очищенный от леса – освобожденный от чего-то мешающего – процеженный (без примесей)» (Цыганенко).

Прилагательное *грязный* имеет следующие значения: 1) покрытый грязью, содержащий грязь, запачканный, нечистый, 2) экологически нечистый, загрязненный, 3) испачканный, измазанный, 4) морально нечистоплотный, безнравственный, 5) основанный на использовании предосудительных приемов и средств, 6) затрагивающий достоинство кого-л., интимные стороны его жизни,

непристойный, 7) серовато-мутный, нечистый, с примесью других цветов, 8) (мн. ч.) *Разг*. о заработке без налогов и вычетов (БТС). В слове *грязь* разграничиваются следующие значения: 1) размякшая от воды земля, почва, слякоть, 2) пыль, мусор, нечистоты, отсутствие чистоты, гигиены, 3) о химических, радиоактивных веществах, болезнетворных организмах, 4) (только мн.ч.) естественные отложения, используемые как лечебные средства, 5) (ед.ч.) *Разг*. О многочисленных ошибках, помарках и исправлениях в тексте, 6) о чем-то низменном, безнравственном, бесчестном (БТС). Эти признаки сводятся к разновидностям грязи в физическом, моральном и ассоциативно-характеризующем аспектах.

Тематическое уточнение слова «грязный» таково: 1) слякоть, 2) нечистоты, органические выделения, 3) мусор, 4) действия, ведущие к загрязнению – «грязнить», «пачкать», «марать», «гадить», «загадить», «загваздать», «замурзать», 5) характеристика человека («нечистый», «чумазый», «черномазый», «черный»), предмета («сальный», «засаленный», «промасленный», «зачуханный», «заношенный», «замызганный», «задрипанный», «зашарпанный»), речи («сальный», «скабрезный», «похабный», «бесстыдный», «неприличный») (ССРЯ). Основные направления различий между прилагательными со значением «грязный» – степень качества для человека (грязный – чумазый), а также дополнительные сопряженные признаки для предмета (зачуханный, замызганный, задрипанный = грязный и истрепанный, зашарпанный = грязный и поцарапанный). Обратим внимание на частично совпадающие по смыслу омонимы: «сальный» – жирный (о пятнах) и «сальный» (из франц.) – непристойный. Этимология слова «грязь» сводится к идее «груз» – «погружение» – «топкое место» (Цыганенко), слова «марать» – к идее «темный, мрачный» (Черных), слова «пачкать» – делать пятна (Фасмер).

В английском языке прилагательное *clean* выражает следующие значения: 1) not dirty (не грязный), 2) honest or fair, not breaking rules or laws (честный, не нарушающий правил), 3) morally acceptable (приемлемый в моральном отношении), 4) having no rough edges; smooth, straight; even (ровный, гладкий, прямой), 5) complete (абсолютный, полный); 6) with nothing on; not yet used (чистый, незаполненный) (Cambridge International Dictionary of English). Основное значение «лишенный грязи» уточняется в производных значениях данного слова через переосмысление грязи – грязь как нарушение правил, моральных норм, как любое искажение, заполнение пустого пространства. Этимология этого слова восходит к германскому корню со значением «блестеть».

Германское по происхождению прилагательное *clean* дублируется романским заимствованием *pure*, при этом в романском слове акцентируется признак «not mixed with anything else – ни с чем не смешанный», аналогично характеризуется моральная чистота и абсолютная степень качества. В этом же слове выделяется значение «относящийся к теории, а не к практике» (ср. рус. «отвлеченный от практического применения»). С прилагательным *clean* соотносятся глаголы *to clean* – чистить, *to cleanse* – очищать (*to make completely clean or (morally) pure*), с прилагательным *pure* – глагол *to purify* – очищать (в прямом и переносном смысле); (церк.) совершать обряд очищения.

Прилагательное «dirty» – «грязный» имеет следующие значения: 1) having dirt (= earth or a substance like it that has gotten on the surface of something) – имеющий грязь (землю или подобное вещество) на своей поверхности, 2) unfair or dishonest (dirt – information about a person's private life that shows them to have done something wrong or to have a bad character, esp. when made public by someone who wants to hurt them) – сообщающий информацию о неприличных поступках кого-л. (в личной жизни) с целью причинить вред этому человеку (Cambridge International Dictionary of English).

Тематическое уточнение слова *dirty* (по данным синонимических словарей) таково: тип грязи (mud – грязь под ногами, слякоть; filth – грязь, отбросы), интенсификация (nasty – грязный, отталкивающий; filthy – запачканный, немытый – в течение долгого времени, замаранный, нечистый; foul – загрязненный, разложившийся, гнойный, вонючий, омерзительный, отталкивающий), причина (squalid – грязный, запущенный; sordid – запачканный, гноящийся). Все слова-интенсификаторы применимы к поступкам человека, обозначают низкое, подлое, непристойное, вызывающее отвращение поведение и используются в общеоценочном отрицательном значении. Детально дифференцируются действия, ведущие к загрязнению: пачкать (землей) – soil, sully, наносить пятна, марать – spot, smear, stain, smudge, grime, smut, tarnish (различаются виды пятен: просто пятно, липкое пятно, выделяющееся своим цветом пятно, клякса, въевшееся пятно, пятно копоти и сажи, пятно как обесцвеченное место), загрязнять вредными отходами или болезнетворными организмами (to pollute, to contaminate), загрязняя, марать, нарушать исходную чистоту (to taint, to defile). Действия, связанные с загрязнением, переосмысливаются как нанесение вреда чьей-либо репутации. Этимологически слово *dirt* обозначает навоз.

Сравнение понятийных характеристик чистоты и грязи в русском и английском языковом сознании показывает, что идея чистоты сводится к отсутствию грязи в прямом и переносном смыслах, грязь концептуализируется как физическое или моральное нарушение исходной чистоты. В русском языковом сознании и чистота, и грязь концептуализируются как сложные единства, в основе которых лежат базовые ассоциации, генетически заложенные в соответствующих корнях основных имен этих концептов. В английской лингвокультуре и чистота, и грязь представлены бинарно: дифференцируется чистота как отсутствие грязи на поверхности предмета и как отсутствие смешения вещества или качества с иным веществом или качеством, различается грязь как нечистоты и как вязкая земля под ногами. Вследствие этого англоязычное осмысление чистоты и грязи носит конкретный характер по сравнению с русским и поэтому грязь подсознательно вызывает сенсорные ассоциации отвращения.

Для изучения образной характеристики рассматриваемых концептов используются данные анализа диагностической сочетаемости имен основных концептов (рассматриваются примеры из национальных корпусов русского и английского языков, размещенных на сайтах www.ruscorpora.ru и www.natcorp.ox.ac.uk) и результаты экспериментального опроса информантов,

которым было предложено написать короткие сочинения на тему: «Когда я думаю о чистоте (грязи), я представляю себе…».

Приведем типичные примеры сочетаемости проанализированных слов.

Примером чистоты является снег:

На улицах среди невысоких весёлых домов лежал чистый снег.

Типичны высказывания, в которых отсутствие грязи уточняется идеей аккуратности:

Вокзал, надо сказать, потрясающе аккуратный и чистый – я в России таких не видел.

Обратим внимание на интенсификацию признака чистоты.

О чистоте говорят, когда хотят подчеркнуть отсутствие дефектов:

У неё было тонкое лицо, обрамлённое вьющимися тёмными волосами, нос с небольшой горбинкой, высокий чистый лоб.

Отсутствие смешения с загрязнением характеризует чистый воздух:

И природа здесь соответственная: чистый воздух, леса, полные грибов и ягод.

В переносном смысле чистота ассоциируется с отсутствием моральных пороков:

Вот такой у меня оказался поклонник – чистый, непосредственный, стеснительный...

Моральная чистота присуща романтикам, бескомпромиссным людям:

Ведь кому, как не 18 – 20-летним присущ сегодня зачастую чистый, максималистский, немного романтический взгляд на жизнь!

Концепт чистоты расширяется до указательного смысла «только»:

Дай Бог, чтобы сохранились, особенно в наши дни, такие люди, что ставят во главу угла не чистый заработок, а интересы дела, которому служили и служат не один десяток лет.

В таком смысле слово «чистый» представляет собой интенсификатор, который может сочетаться со словами отрицательной семантики:

Но это уже был чистый вздор, и мы, пораскинув, решили отправиться на вокзал и пересидеть там до утра.

В английском языке примером чистоты и свежести также выступает образ снега:

This is the most beautiful place I have ever been, a land of snow that is so fresh and clean that to ride over it seems criminal. – Это – самое красивое место, где я когда-либо бывал, страна снега такого свежего и чистого, что даже мысль о том, чтобы проехаться по нему, кажется преступной.

В конкретном смысле чистота уточняется как отсутствие грязи и подобных веществ на поверхности:

Make sure your hands are clean and grease-free. – Ваши руки должны быть чистыми и на них не должно быть никакого жира.

У чистоты есть запах:

He smelt clean and I shut my eyes. – От него пахло чистотой, и я закрыла глаза.

Чистота ассоциируется с уютом:

The rooms are clean and comfortable and all have basic cooking facilities. – Комнаты чистые и уютные, и все они оборудованы для приготовления пищи.

Прототипным цветом для чистого помещения является белый:

It was a clean, white, rather clinical-looking room, with its white wooden towel rail, its bowl and pitcher of water for those who didn't have the time or inclination to take a bath. – Это была чистая белая комната, как в больнице, с белой деревянной вешалкой для полотенца, с миской и кувшином с водой для тех, у кого не было времени или желания принять ванну.

Поддержание внешней чистоты ассоциируется со статусным признаком:

A middle-class mouth, the voice and teeth hard and clean. – Рот – как у представителя среднего класса, голос и зубы ровные и чистые.

Англичане полагают, что люди, находящиеся ниже приемлемой социальной черты, не следят за своей внешностью, ходят с грязными зубами, полуоткрытым ртом и нечетко говорят.

Чистота имеет сенсорные характеристики:

According to the brewers, it's a light and golden ale, fragrant and flowery and refreshingly clean on the palate… ideal for the summer months. – По свидетельству пивоваров, этот легкий золотистый эль ароматен, как цветы, обладает свежим и чистым вкусом и идеально подходит для летнего времени.

В другом смысле чистота выражается словом *pure*:

He had a heart of pure gold. – У него было сердце из чистого золота.

Речь идет о характеристике человека.

Подчеркивается чистота цвета:

Both spearmen and archers are garbed in robes of pure white. – И копьеносцы, и лучники облачены в одежды чисто белого цвета.

Чистота в переносном смысле связана с подчеркиванием отсутствия примесей:

I can now contemplate my experience, my discovery, of how total pure love can be, in all its atoms, converted into total pure hate. – Теперь я могу проанализировать мой опыт, мое открытие того, как может абсолютно чистая любовь, во всех ее атомах, превратиться в абсолютно чистую ненависть.

Идея чистоты используется для интенсификации признака:

…perhaps it was pure cowardice – возможно, это было чистой трусостью.

Грязь в проанализированных примерах конкретизируется в виде испачканной поверхности предметов:

Дорожка миновала гаражи и упёрлась, как я и предполагал, в грязный бетонный забор.

Идея грязи усиливается описанием аналогичных характеристик:

Он отшатнулся от старичка агронома и быстро зашагал по улице, он словно со стороны увидел себя: плащ грязный, волосы всклокочены, взор блуждающий.

Грязь в данном случае – один из признаков отсутствия порядка.

Грязь на человеческом теле отвратительна:

Кровь стучит в висках, грязный пот заливает глаза.

Грязь обусловлена нежеланием человека следить за своей чистотой:

Я вскочила на ноги и уцепила мерзкого старикашку за грязный воротничок давно не стиранной рубашки.

Сопутствующими признаками грязи часто выступают голод и болезнь:

Когда, по моему настоянию, ребенка привели, мы ужаснулись, такой он был истощенный, грязный, больной.

Слово *грязный* в переносном смысле обозначает низость:

Итак, Марк Крысобой, холодный и убеждённый палач, люди, которые, как я вижу, – прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, – тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими приспными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда – все они добрые люди?

Говоря о грязном предателе, прокуратор имеет в виду его моральные качества.

Слово *грязный* может характеризовать любое отрицательно оцениваемое явление:

Процветал грязный бизнес, связанный с похищением людей, укрывательством преступников, торговлей оружием, с финансовыми махинациями.

В корпусе примеров на английском языке частотны высказывания, обозначающие конкретно воспринимаемую грязь:

Apart from the mess of dirty clothes in the bathroom, their house hardly looked lived in any longer. – Если не принимать во внимание кучу грязной одежды в ванной, казалось, что в этом доме никто никогда не жил.

Типичным примером грязи является невымытая посуда:

At least she never had to worry about washing piles of dirty dishes and cups. – По крайней мере, ей никогда не приходилось заботиться о том, чтобы мыть кучи грязных тарелок и чашек.

Типичны упоминания о грязных руках и пальцах:

He brought a dirty finger up to his lips. – Он поднес грязный палец к своим губам.

Грязь ассоциируется с неухоженностью:

A multiplicity of railway companies in Venezuela ensured that Caracas had four stations by 1905, but Percy Martin found them dirty, shabby, and comfortless. – Многие железнодорожные компании в Венесуэле уверяли в том, что в Каракасе уже в 1905 году было четыре станции, но Перси Мартину они показались грязными, убогими и неуютными.

Грязь приписывается представителям иных этнических групп:

She was always slightly scruffy, while not actually dirty – I think «off-white» describes her perfectly. – Она всегда выглядела немного неряшливой, хотя и не совсем грязной – я думаю, ее можно описать так: белые люди так не ходят.

Предполагается, что белые люди следят за собой лучше, чем другие.

В примерах мы сталкиваемся с синонимическим варьированием разных характеристик грязи:

She said she wouldn't go in the park any more, she would be too ashamed if she met Carolyn, covered in muck and wearing dirty overalls, doing some filthy job. – Она сказала, что не пойдет больше в парк, ей будет стыдно повстречаться там с Кэролин, одетой в грязный комбинезон, измазанной навозом и выполняющей какую-то мерзкую работу.

Интересны примеры синонимического усиления значения слова «грязный»:

They're absolutely filthy dirty! – Они абсолютно противные и грязные!

Этот перевод не вполне точно передает удвоение смысла в словах *filthy dirty*.

Грязь имеет запах:

Mary's clothes were wet and dirty, and the smell was appalling. – Одежда Мэри была мокрой и грязной, и запах был отвратительным.

Слово dirty используется в отрицательно-оценочном смысле:

We must remember that he is waging a dirty war. – Мы должны помнить, что он ведет грязную войну.

Сочетаемостные характеристики обозначений чистоты и грязи в русском и английском языках свидетельствуют о значительном совпадении этих признаков. Различие состоит в более частотной характеристике чистоты как морального совершенства в русских текстовых примерах и более детальной сенсорной конкретизации грязи и в индикации социальных признаков человека в английских высказываниях – отсутствие чистоты для носителей англоязычной культуры является классовым и этнически маркированным признаком.

Приведу типичные ответы информантов, в сочинениях которых приводятся следующие ситуативные уточнения:

«Когда я думаю о чистоте, я представляю себе чисто вымытый пол или чистое белье».

«Когда я думаю о чистоте, я представляю себе городской сквер после дождя, свежий запах, или чистый-чистый водоем, дно видно насквозь».

«Когда я думаю о грязи, я представляю себе мутные лужи на асфальте».

«Когда я думаю о грязи, я представляю себе грязную свинью, лежащую в луже, или опустившегося человека, обычно пьяного, в заношенной одежде».

«When I think of something clean I can see clean clothing and bed linen in a hotel apartment». – Когда я думаю о чем-то чистом, я представляю себе чистую одежду и чистое белье в гостиничном номере.

«When I think of something clean I can see a man cleaning his teeth and shaving clean in the morning». – Когда я думаю о чем-то чистом, я представляю себе человека, который чистит зубы или бреется утром.

«When I think of something dirty I can see an ugly old boss gripping his young secretary by the hand and telling her a dirty joke». – Когда я думаю о чем-то грязном, я представляю себе старого уродливого босса, который схватил свою молоденькую секретаршу за руку и рассказывает ей грязный анекдот.

«When I think of something dirty I can see dirty streets of a big city with people who are up to no good». – Когда я думаю о чем-то грязном, я представляю себе

грязные улицы большого города, и людей, от которых нельзя ждать ничего хорошего.

Реакции русских респондентов сводились к чисто вымытым комнатам, блестящему кафелю либо чистому водоему, иногда – к чистым одеждам (белоснежное платье невесты), англоязычные информанты говорили не только о состоянии чистоты, но и о действиях по поддержанию чистоты. Грязь в ответах русских информантов ассоциируется с грязными лужами либо с традиционным образом свиньи, англоязычные информанты акцентируют моральную нечистоплотность людей и опасность городских окраин, где можно столкнуться с нападением хулиганов, обычно вызывающе грязных. Заметим, что в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю.Н. Караулова типичными реакциями на стимул «чистый» выступают слова «воздух», «пруд», «снег», «родник», «небо», а на стимул «грязный» – слова «пол», «дом», «башмак», «ботинок», «бомж». Отмечается жидкая, черная грязь на дороге, следовательно, актуальным является осознание грязи в первую очередь как слякоти.

Для изучения ценностных характеристик концептов «чистота» и «грязь» в сравниваемых лингвокультурах обратимся к пословицам, поскольку их назначение – в прямом виде передавать нормы поведения, принятые в обществе. Разумеется, в настоящее время этот речевой жанр не востребован в такой мере, как столетия тому назад, поскольку его открытая дидактичность не согласуется с демократическими тенденциями современного коммуникативного поведения. Кроме того, пословицы выражают в основном нормы поведения крестьянства. Но, тем не менее, такие высказывания показательны для выявления оценочного кодекса лингвокультуры. Смысл таких высказываний может быть выражен в суждении «Следует / не следует делать Х». В словаре пословиц В.И. Даля приводится ряд речений о чистоте и грязи. Эти речения сводятся к следующим нормам поведения:

Следует ценить чистоплотность: *Платье чисто, так и речь честна.*

Следует сохранять внутреннюю чистоту души: *Чистота духовная паче телесной. Хоть мошна пуста, да душа чиста. Простота да чистота – половина спасенья.*

Следует знать, что с чистой душой жить легче: *Чистую посуду легко и полоскать. От чиста сердца чисто зрят очи.*

Следует знать, что чистота не соединяется с грязью*: К чистому поганое не пристанет. Правда сама себя очистит*. *Чистому все чисто*.

Следует знать, что чистота уязвима: *Одолели черти чистое (святое) место.*

Следует знать, что невозможно остаться чистым, работая: *У кого больно чист струмент, тот плохой мастер (плохой работник). На семью чисто не настряпаешься.*

Следует знать, что грязь затягивает: *Грязью играть – руки марать.*

Следует знать, что грязь притягательна для определенных людей: *Свинья найдет грязь. Свиные глазы не боятся грязи. Поросенка хоть мой, не мой, а он все в грязь лезет.*

Следует знать, что от грязи можно очиститься: *Грязь не сало, помял (потер), она и отстала.*

Следует знать, что не всем можно очиститься от грязи: *Как смерд ни умывается, а все грязью заваляется.*

Не следует, находясь в грязи, требовать, чтобы тебя считали чистым: *Сам в грязи лежит, а кричит: не брызгай!*

Чистота и грязь аллегорически осмысливаются в английских пословицах следующим образом:

Следует ценить чистоплотность: *Cleanliness is next to godliness. – Чистоплотность сродни праведности.*

Следует знать, что чистота не соединяется с грязью*: To the pure all things are pure. – Чистому всё кажется чистым. Clean hands need no washball. – Чистым рукам мыла не нужно.*

Следует знать, что нужно вовремя устранять грязь: *Dirty grate makes dinner late. – Из-за грязной печной решетки обедать приходится поздно.*

Следует знать, что грязь порождает грязь: *Muddy springs will have muddy streams. – Из грязных источников рождаются грязные потоки. A hog that's bemired endeavoures to bemire others. – Измазанный тиной кабан пытается и других запачкать.*

Следует знать, что грязь прилипчива: *Fling dirt enough, and some will stick. – Брось достаточно грязи, и что-то прилипнет. He that deals in dirt has aye foul fingers. – У того, кто возится с грязью, пальцы мерзко пахнут. He that falls into the dirt, the longer he stays there the fouler he is. – Тот, кто падает в грязь, должен знать: чем дольше он там будет оставаться, тем грязнее он станет.*

Следует знать, что грязь соответствует определенным людям: *Dirty troughs will serve dirty sows. – Грязные корыта – для грязных свиней. Mud chokes no eels. – Угри не задыхаются в грязи.*

Следует знать, что грязные средства могут быть успешными: *Dirty hands make clean money. – Грязные руки рождают чистые деньги.*

Не следует бросать грязь на репутацию близких: *Don't wash your dirty linen in public. – Не следует стирать грязное белье на людях. It's an ill bird that fouls its own nest. – Только плохая птица гадит в своем гнезде.*

Не следует бросать грязь на репутацию других людей: *He that flings dirt at another, dirtieth himself most. – Тот, кто бросает грязь на других людей, марает себя больше всех.*

Не следует бросать грязь на репутацию тех, кто тебе помог: *Cast no dirt into the well that hath given you water. – Не бросай грязь в колодец, который дал тебе воды.*

Аллегорические высказывания о чистоте показывают, что для носителей русской лингвокультуры актуальными являются идеи о важности внутренней чистоты и о невозможности в ряде случаев очиститься от грязи, в то время как для англичан на первый план выступают прагматические правила нецелесообразности или целесообразности прикосновения к грязи. Особенно актуально для англичан предостережение о прилипчивости грязи.

Тема чистоты и грязи не является важнейшей для афористов, вероятно, в силу самоочевидности тех выводных смыслов, которые порождаются данными концептами. Вместе с тем, некоторые изречения заслуживают внимания. Так, для русской лингвокультуры актуальными являются следующие оценочные суждения:

Следует знать, что даже незначительная грязь может принести вред: *Грязная муха может опачкать всю стену, а маленький грязненький поступочек может испортить все дело (А.П. Чехов).*

Следует знать, что грязь на поверхности неизбежна: *Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит (М.С. Щепкин).*

Следует знать, что людям свойственно привыкать к грязи: *«Не нам унывать!» – хрюкнула свинья, укладываясь в лужу* (*В. Шукшин*).

Следует знать, что чистота может быть обманчивой: *То, что все принимали за грязь, оказалось единственным чистым местом* (*В. Афонченко*).

Следует прилагать действенные усилия по поддержанию чистоты: *Не надо бороться за чистоту, надо подметать!* (*И. Ильф*).

Следует знать, что в определенных ситуациях опасно сохранять чистоту: *И обычная грязь может стать лечебной, если в нее вовремя упасть лицом (Л. Сухоруков).*

В английской афористике подчеркивается мысль о необходимости критически относиться к суждениям о чистоте.

Следует знать, что чистое качество есть условность: *The **pure** and simple truth is rarely **pure** and never simple (O. Wilde). – Чистая и простая правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой.*

Следует знать, что невозможно остаться чистым в борьбе: *I learned long ago, never to wrestle with a pig. You get **dirty**, and besides, the pig likes it (G.B. Shaw). – Я давным-давно понял, что не нужно заниматься борьбой со свиньей. Весь испачкаешься, и, кроме того, свинье это нравится.*

Можно увидеть, что в русских афоризмах выражено критическое отношение к недооценке грязи, к ее упрощенному пониманию, к имитации борьбы с ней, великие мастера английской афористики в своих парадоксах обращают внимание на обманчивость чистоты и трудность ее поддержания в реальной жизни.

Квалификация предметов, явлений и качеств по признаку чистоты построена на противопоставлении наличия и отсутствия внешнего (материального) и внутреннего (морального) загрязнения, при этом внешнее загрязнение осмысливается как наличие иной субстанции на поверхности объекта либо смешение вещества объекта с этой субстанцией. Внешнее загрязнение имеет неорганическую и органическую природу (слякоть – выделения организмов). Осмысление чистоты и грязи в русской и английской лингвокультурах обнаруживает значительное сходство в понятийном, образном и ценностном отношениях. Различия касаются исходного образа грязи, положенного в основу номинации и сохраненного в качестве культурно-генетического варианта концептуализации этого образа (грязь как слякоть в русском сознании и как нечистоты

– в английском). Такое осмысление определяет особую чувствительность англоязычного социума к чистоте и грязи и императивность деятельности по устранению грязи как в прямом смысле, так и в переносном, когда чистота и грязь осознаются в виде законности либо незаконности поступков и средств. В русском языковом сознании акцентируется моральная чистота и недопустимость моральной грязи. Для англичан чистота и грязь являются индикатором социального статуса человека. В англоязычном сознании чистая поверхность и очищенность вещества или качества лексически дифференцируются.

§ 2.5. Концепт как лингвокультурная матрица («слава»)

Желание прославиться всегда было одним из наиболее сильных стимулов для общественной деятельности. Вместе с тем отношение к славе неоднозначно: *«Влекущийся за именем имя свое погубит» (Гиллель).* В этой связи представляет интерес специфика понятийных, образных и ценностных характеристик данного концепта в разных лингвокультурах и разных типах языкового сознания.

Определим понятийные характеристики рассматриваемого ментального образования.

Толковый словарь определяет этот концепт в русском языковом сознании следующим образом:

Слава – 1. Почетная известность как свидетельство всеобщего признания чьих-л. заслуг, таланта, доблести и т.п. *Завоевать, приобрести славу. Добиться славы. Стремиться к славе. Заслуженная слава. Вечная слава. Посмертная слава. Литературная слава. Свидетельство чьей-л. славы. Символ славы. Бремя славы*. || О том, кто своими заслугами, своим трудом доставил кому-, чему-л. широкую известность. *Лейтенант был славой и гордостью нашего полка.* 2. Возглас, обозначающий: хвала! честь! *Слава мужественным защитникам города на Неве!* 3. Название русской хвалебной величальной песни. *Петь славу.* 4. Сложившееся мнение о ком-, чем-л.; известность в каком-л. отношении, репутация. *Хорошая слава. Дурная слава. Слава лучшего тренера. Район имел скандальную славу. Слава Герострата*. 5. Разг. Слухи, толки, молва. *О председателе идет худая слава* (БТС).

Слава – как кто слывет, прослыл в людях; молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству. *Об нем добрая, плохая слава ходит. Кто как поживет, такая слава и пойдет.* || Слух, молва вообще, вести, говор. *Хоть денег ни гроша, зато слава хороша. Ни в честь, ни в славу, ни в доброе слово.* || Похвальная молва, общее одобренье, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним. *Этот мастер в славе, все к нему! Про Волгу и в песнях слава идет. Слава кружит голову. Слава дым, а золото тлен. Одна на свете слава: слава в вышних Богу!* || Слава, старинная народная песня, из святочных, со старинным же напевом, которая славит, величает или честит хозяина; она же воздает хвалу царю. *Споем славицу* (Даль).

На основании приведенных дефиниций можно представить содержательный минимум данного концепта в виде следующего набора признаков: 1) распространенное мнение о ком-, чем-либо, 2) включающее одобрение, 3) включающее порицание, 4) выражение этого мнения в разговорах. Метонимически имя данного концепта конкретизируется как обозначение человека, пользующегося славой, как возглас и как название старинной хвалебной песни.

Этимологически имя «слава» связано с идеей слушания, и соответственно, получения и распространения сведений.

В английском языке этот концепт обозначается посредством нескольких имен:

Fame – the condition of being well known and talked about; renown. *She won overnight (=sudden) fame with her first novel* (LDELC).

Glory – great fame, honour and admiration. *Those who died bravely in battle earned everlasting glory* (LDCLC).

Notoriety – the state of being notorious: *derog* famous or widely known for something bad. *A notorious murderer* (LDCLC).

Толкования словарных дефиниций показывают более дробную номинацию данного концепта в английском языковом сознании: недифференцированная, хорошая и плохая слава, при этом концептуальный набор в целом совпадает с приведенным выше набором признаков, характеризующим рассматриваемое ментальное образование в русском языке.

Этимология английских имен данного концепта восходит к латинским словам, обозначающим молву, славу, известность, при этом латинское «gloria» – «слава» восходит к корню «laus» – «хвала, восхваление», а «fama» – к корню со значением «молва, слухи».

Сочетание признаков известности и оценки дает возможность построить фрейм рассматриваемого концепта в виде матрицы включающей позиции «известность» – «отсутствие известности» и «положительно оцениваемая известность» – «отрицательно оцениваемая известность».

Для понимания смыслового системного контекста концепта «слава» необходимо рассмотреть синонимику его имен и тематическое поле данного ментального образования.

В Словаре синонимов русского языка слова «репутация», «имя», «слава», «честь», «реноме» объединяются под общим значением «какое-л. мнение о ком-, чем-л., разделяемое многими, всеми. «Репутация» – основное слово для выражения значения, слова «имя» и «честь» обозначают только положительное, благоприятное мнение о ком-, чем-л., «слава» употребляется с прилагательными «добрая», «дурная», «реноме» совпадает по значению со словом «репутация», но свойственно преимущественно литературно-книжной речи» (ССРЯ). Имена прилагательные «известный», «популярный», «знаменитый», «прославленный», «славный», «знатный», «именитый» (разг.), «мировой» имеют общее значение «пользующийся известностью, всеобщим признанием». «Эти слова широко употребляются для характеристики названий лиц по профессии, роду занятий и т.п.; «знаменитый», «прославленный», «славный»

характеризуют также названия городов, мест, произведений, событий и т.д.; слово «популярный» подчеркивает широкую известность кого-л. в широких кругах; «знаменитый» имеет усилительное значение: пользующийся очень широкой, большой известностью; «прославленный» и «славный» указывают на высшую степень известности и признания; слово «славный» имеет книжный характер; слово «знатный» в современном языке широко употребляется для характеристики названий лиц по профессиям, занятиям, которые в прежние времена никакой известностью не могли пользоваться (например, знатная ткачиха, знатный полевод, сталевар, токарь и т.п.); «именитый» имеющий широко известное, прославленное имя, иногда слово употребляется, чтобы подчеркнуть иронически-преувеличенное почтение перед известностью кого-л.; «мировой» – известный всему миру, для слова характерно сочетание с существительным «имя» (ССРЯ).

Е.Э. Бабаева толкует в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка синонимический ряд «известный$_2$», «знаменитый$_1$», «легендарный», «прославленный» следующим образом: «такой, о котором в определенное время знают очень много людей, потому что он сделал или имеет что-то, что выделяет его среди большинства или всех объектов того же класса». В преамбуле к словарной статье сказано, что «данный ряд соприкасается с рядом «популярный», «модный», «престижный», также содержащим указание на то, что о данном человеке, предмете или явлении знает относительно большая группа людей», при этом «ряд «известный$_2$» отличается от ряда «популярный» по следующим признакам: 1) предмет оценки, 2) роль социума и самого предмета оценки в ее формировании, 3) время существования знания о нем и интереса к нему». Приводятся следующие отличительные смысловые признаки, позволяющие противопоставить толкуемые слова: объективность – субъективность оценки («известный» – «популярный»), длительность – кратковременность оценки («известный» – «популярный»), количественная характеристика субъекта знания: незамкнутая – ограниченная группа («прославленный» – «известный», «знаменитый», «легендарный»), тип оценки: положительная либо возможная отрицательная («прославленный» – «известный», «знаменитый», «легендарный»), незначительная степень свойства («известный»), акцент на роли общества в формировании оценки («прославленный», «легендарный»), содержание знания: общие либо конкретные свойства («известный», «знаменитый» – «легендарный»), способ хранения и распространения знания – в виде легенды («легендарный»), скорость формирования оценки: быстрота («известный», «знаменитый») (НОСС2).

Организующими смысловыми направлениями в рассматриваемом тематическом поле славы как широкой известности, сопряженной с положительной оценкой, являются следующие: 1) степень известности (известность – широкая известность), 2) степень эмоционально маркированной положительной оценки (от признания до восхищения и благоговения), 3) идеологическое основание оценки (изначально – благородство происхождения, затем – высокий уровень профессионального мастерства), 4) оценочная мотивация (совершение

выдающегося поступка либо публичность как род деятельности), 5) частотность иронического переосмысления (любая положительная оценка может получить ироническое осмысление, но частотность подобных осмыслений свидетельствует о критическом отношении к типичному объекту таких оценок). Обратим внимание на то, что в тематическом поле концепта «слава» не представлены идеи дурной славы и разговоров об известном человеке.

К рассматриваемому тематическому полю примыкают смежные концепты, соотносимые со славой, но фиксирующие иные фрагменты переживаемого опыта: «честь», «почет», «хвала», «тщеславие», «честолюбие».

Честь – 1. Совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого. *Долг чести. Сражаться за честь кого-л.* 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя. *Честь фабричной марки*. | Целомудрие, непорочность, девственность (о женщинах). 3. Почет, уважение. *Честь и слава героям!* 4. О том, кем или чем гордятся. *Писатели – честь и слава нашей родины* (БТС).

Почет – уважение, оказываемое кому-л. обществом, людьми. *Высокого гостя встретили с особым почетом* (БТС).

Хвала – слова одобрения, восхваления, похвалы: хвалить – 1) высказывать одобрение, похвалу кому-, чему л., 2) прославлять, возносить хвалу богам, божествам (обычно в псалмах, молитвах и т.п.) (БТС).

Честолюбие – стремление добиться высокого, почетного положения, жажда известности, славы. *Страдать честолюбием* (БТС).

Тщеславие – стремление к славе, почету, почитанию. *Делать что-л. из тщеславия* (БТС).

В русском языке идея хвалы выражена в глаголах «прославлять», «превозносить», «восхвалять», «славословить» – восторженно, похвально отзываться о высоких качествах, достоинствах кого-, чего-л. Эти слова отличаются по степени восторженности и подразумевают порой преувеличенное и незаслуженное восхваление (ССРЯ). В этом системном контексте рассматриваемые смежные концепты «слава», «честь», «почет», «хвала» имеют общий признак «коллективная положительная оценка» и различаются по признакам «высокое качество личности» – «мнение других людей о таком качестве» («честь» – «слава»), «признание значимости человека» – «известность, вытекающая из такого признания» («почет» – «слава»), «слова одобрения в чей-либо адрес» – «известность, вытекающая из таких слов» («хвала» – «слава»). Для русского языкового сознания значимыми являются признаки интенсивности прославления и критической оценки чрезмерного прославления человека. В «Словаре синонимов русского языка» говорится, что «честолюбие» и «тщеславие» характеризуют человека, стремящегося к славе, почету, при этом тщеславный человек не только стремится приобрести известность и высокое положение, но в отличие от честолюбивого человека любит славу и почести ради них самих (ССРЯ). Стремление к почету и славе не осуждается, если оно не является чрезмерным.

В Словаре синонимов английского языка Вебстера сравниваются единицы «fame», «renown», «honor», «glory», «celebrity», «reputation», «repute», «notoriety», «éclat», объединенные значением «the character or state of being widely known by name for one's deeds, and, often, one's achievements» – «широкая известность в связи с поступками или достижениями кого-либо». Лексикограф выделяет такие дистинктивные признаки, как «широкое признание за большие достижения» (renown), «уважение и почет» (honor), «восторженное признание за блистательные достижения» (glory), «широкая известность, популярность» (celebrity), «известность, заслуженная добрым именем» (reputation), «известность, сопровождаемая уважением» (repute), «известность как сенсационность» (notoriety), «известность, полученная в результате выставления своих достоинств напоказ» (éclat) (WNDS). В комментарии к слову «famous» в Словаре английского языка и культуры издательства Лонгмэн отмечается, что в ряду слов «famous» («видный, выдающийся, знаменитый, известный, прославленный, славный»), «well-known» («выдающийся, знаменитый, известный, популярный»), «distinguished» («выдающийся, знаменитый, известный, прославленный»), «eminent» («видный, выдающийся, замечательный, знаменитый, известный»), «notorious» («пользующийся дурной славой; печально известный»), «infamous» («имеющий дурную репутацию (*о человеке*), печально известный») устанавливаются следующие отличительные признаки: «степень известности», «сфера деятельности (обычно наука или искусство)», «дурная слава» (LDELC).

В англоязычном языковом сознании актуальными для тонкого уточнения содержания концепта «слава» оказываются следующие признаки: 1) степень известности (известность – широкая известность), 2) степень эмоционально маркированной оценки (признание – восторженное признание), 3) добрая либо дурная слава, 4) сфера проявления славы (наука и искусство – другие виды деятельности), 5) отрицательно оцениваемая самопрезентация как способ добиться известности.

Смежными концептами для славы в английском языковом сознании выступают «honour – честь», «respect – уважение», «vanity – тщеславие».

Honour – 1) something that makes you feel very proud; 2) the respect that you, your family, your country etc receive from other people, which makes you feel proud, 3) something such as a special title or medal given to someone to show how much people respect them for what they have achieved, 4) strong moral beliefs and standards of behaviour that make people respect and trust you (LDELC).

Respect – 1) when you admire someone, especially because of their personal qualities, knowledge, or skills, 2) when you regard something or someone as important and are careful not to harm them, treat them rudely etc (LDELC).

Vanity – too much pride in yourself, so that you are always thinking about yourself and your appearance (LDELC).

Лексикограф раскрывает семантику этих слов через понятия гордости и значимости: честь является основанием для гордости, уважение – признанием значимости, тщеславие трактуется как чрезмерная эгоистичная гордость. Суть гордости – положительная самооценка, которая может оцениваться со стороны

как плюс и как минус. Соответственно, честь и слава в английском языковом сознании соотносятся как условие и следствие, уважение и слава – как признание значимости и вытекающая отсюда известность. Тщеславие осуждается за демонстративное эгоистичное неуважительное отношение к другим людям.

Образно-перцептивные характеристики концепта представляют собой ассоциативное уточнение его понятийных признаков. Обычно для выявления образных признаков концепта рассматриваются сочетаемостные характеристики имени этого ментального образования. Обратившись к данным национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), мы замечаем, что сочетаемость лексических единиц, обозначающих славу, характеризует не только образные, но и понятийные и ценностные признаки данного концепта.

Идея славы сочетается с идеей героизма, боевого подвига и самопожертвования:

Порой мы неоправданно и даже преступно равнодушны к славе *Отечества, а если и признаем право на патриотизм, то лишь вспоминая воинские победы (Е.Раменский).*

Женя тихонько ахнула, а потом уж, когда сильный, мерный голос диктора проговорил: "Вечная слава *героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины", – она заплакала (В.Гроссман).*

Самолюбия у Мамочкина было хоть отбавляй, за ним утвердилась слава *хорошего разведчика, и он действительно участвовал во многих славных делах, где первую роль играл всё-таки Аниканов (Э.Казакевич).*

В приведенных примерах концепт «слава» сочетается с концептами «Родина», «патриотизм», с выполнением опасных обязанностей военного разведчика.

Типичным является упоминание и о трудовой славе:

Очень хочется верить, что былая слава *нашего завода возродится, а на его знамени появятся новые российские награды (К. Зайковский).*

Обратим внимание на знаки славы: награды на знамени завода. Этот пример характеризует славу как идеологический феномен, поскольку знаки государственных наград значимы только в условиях стабильного соотношения ценностей в государстве. В лингвокультурном плане приведенный пример интересен тем, что в Советском Союзе награды вручались не только индивидуумам, но и большим коллективам – предприятиям, учреждениям, воинским подразделениям, кораблям и даже городам и областям.

Идея славы тесно связана с идеями власти и почета:

Честолюбивые люди, устремленные к славе *и самоутверждению, испокон веков были пружиной и движителем той политики, которую власть проводила в жизнь (А.Яковлев).*

Своеобразным является смысл рассматриваемого концепта в религиозных текстах, раскрывающих славу как атрибут Бога:

Выражение «Слава Божия» означает Самого Бога в проявлении Его величия, могущества, сияния Его святости, действенной силы Его существа. В

Ветхом Завете наблюдаются два вида явлений Славы Божией: великие деяния Бога и Его явления людям (Я.Кротов).

Слава в этом контексте имеет чувственное восприятие – это особое сияние, вызывающее благоговейный трепет. Встреча с Богом является, по мнению богословов, высшей радостью, которую может испытать человек. Такая встреча может произойти во сне:

Небесный свод, горящий славой *звездной, Таинственно глядит из глубины, – И мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены (Ф.И.Тютчев).*

Этот удивительный космический образ, на мой взгляд, самый яркий в русской лирике, созданный в 1830 г. поэтом, которому в то время было 26 лет, характеризует славу как божественное звездное сияние.

В русском языковом сознании слава сопряжена со смертью:

Там мертвой славе отдадут – Меня – твои живые руки (А.А. Ахматова).

Иннокентий Анненский был щедро вознагражден посмертной славой *за прижизненную безвестность (М.Л. Гаспаров).*

Приходилось ли вам замечать, что никто не заботится о посмертном бытии и посмертной славе *более, чем завзятые атеисты? (К. Глинка).*

Слава воспринимается как вечная жизнь, или, наоборот, быть живым значит – быть в сознании, в сердце, в памяти. Такая слава – величественная, героическая, связанная с поклонением – не сочетается с обиходной жизнью и жизнью вообще. Ср.: *Слава – солнце мертвых* (О. де Бальзак).

Земная слава имеет другую природу.

Во-первых, она преходяща (римляне говорили «Sic transit gloria mundi» – «Так проходит мирская слава»):

Почти все актерские судьбы с громкой славой проходят через испытание горькое и неизбежное – охлаждение зрителя (Л. Гурченко).

Во-вторых, она сливается с успехом, богатством, комфортом, удовольствиями от жизни:

У Черкасова была дача, машина, квартира и слава *(С. Довлатов).*

На самом деле тебе дороги всеобщее обожание, твоя всемирная слава*, успех у женщин и вращение в светском обществе! (А. Слаповский).*

Вы, как барышня московская, стремитесь к карьере, деньгам и людской славе *(Интернет-форум).*

В-третьих, она превращается в популярность, в широкую известность, представляющую собой своеобразную оболочку, знак славы:

Произведенный недавно в "академики" Российского телевидения мэтр сентиментально признался, что с детства мечтал о славе *и популярности, чтобы узнавали на улицах и просили автограф (И. Сергеева).*

Автограф известного человека – это особый знак нового времени. Никому не придет в голову просить автограф у героя, совершившего подвиг. Суть феномена «автограф» – свидетельство причастности обычного массового человека к человеку публичному, известному и знаменитому. Популярность в наши дни воспринимается как синоним успеха:

Солидный успех – а это понятие в рыночной ситуации синонимично славе*, – сопутствовал исключительно проектантам (С.Чупринин).*

Слава, переходя в популярность, становится символическим капиталом, по П. Бурдье, и, значит, товаром. Желание получить автограф известного человека в чем-то сродни желанию прикоснуться к удачливому игроку, выигравшему по-крупному, и имеет, по-видимому, архетипическую природу.

Весьма частотны примеры, иллюстрирующие в русском языковом сознании дурную славу:

Для многих притягательна скандальная слава*, которую приобретает учение А.Т. Фоменко, раздуваемая теперь уже и телевидением (А.А. Зализняк).*

Это наверняка отпугнет клиента и лишит вас новых заказов в окрестностях – дурная слава *о "плохих строителях" распространяется быстро (Д. Тихо).*

"Яма" пользовалась дурной славой*, ее считали притоном хулиганов и ворья (Л. Кислинская).*

Дурная слава может быть сенсационной, скандальной, сигнализирует об опасности или низком качестве чего-либо. Критически оценивая незаслуженную славу, говорят о том, что она «дутая»:

После концерта Д. Хворостовского померкла слава дутых "звезд" эстрады, не говоря уже о тех "певцах", которых пачками штампует "Фабрика звезд" («Наш современник»).

В русской культуре широко известны чеканные слова из «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели: «*Лучше гибель, но со славой, / Чем бесславных дней позор*». Что означает здесь бесславие – отсутствие славы либо дурную славу? В русском языке «бесславный» – достойный осуждения, позорный (БТС). Вероятно, отсутствие славы отождествляется с позором в определенной ситуации, когда подвиг является единственным вариантом поведения для героя. В таком контексте бесславие не является эквивалентом неизвестности.

Образно метафорическое содержание рассматриваемого концепта проявляется через следующие типовые сравнения.

Слава – одежда, оболочка:

Что ***слава?****- Яркая заплата / На ветхом рубище певца (А.С. Пушкин).*

Слава растет, подобно живому организму:

Слава *Юрия Никулина с каждым очередным фильмом возрастала в геометрической прогрессии (И.Кио).*

Слава сравнивается с громкими звуками:

Сорок лет тому назад, когда подмосковный Железнодорожный больше походил на поселок городского типа, нежели на город, слава *о нем гремела далеко за его пределами не только в нашей стране, но и за рубежом (Интернет-форум).*

В этом случае мы имеем дело с метонимическим переносом: трубный звук фанфар или аналогичных музыкальных инструментов, сопровождающий триумфальное шествие героев по городу, выступает как один из признаков славы и далее как слава в целом.

Слава уподобляется приятной жидкости, в которой можно нежиться:

Между тем и подопытные кролики и те, кто это все придумал и воплотил в жизнь, уже предвкушают, как они будут купаться в славе *и популярности (Ю.Богомолов).*

Слава ассоциируется с опасным предметом или ядом:

…киноартисты в большинстве своем – покалеченные славой*, легкостью забот и больные честолюбием люди (В. Смехов).*

Несмотря на то, что он был прекрасным актером, к концу своей жизни он был отравлен ***славой*** *(«Известия»).*

Обратимся к данным Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk).

Слава в английском языковом сознании часто соответствует формуле словарной дефиниции «широкая известность»:

By 1902 her fame as a hard-headed, cigar-smoking, businesswoman, capable of holding her own with the shrewdest of her male rivals in the intensely competitive world of industry, had already won her recognition (from the Pall Mall Gazette) as 'one of the most remarkable women in Great Britain', famous enough to be caricatured by the Punch cartoonist, Bert Thomas, in the comic journal Ally Sloper in 1904. – К 1902 году ее слава практичной деловой женщины с сигарой в зубах, способной добиваться своего в жестком состязании с соперниками-мужчинами из мира промышленности, была признанной, ее называли (по свидетельству газеты «Пол-Мол») «одной из самых замечательных женщин Великобритании», она была настолько знаменита, что Берт Томас, известный художник-карикатурист из популярного журнала «Панч», изобразил ее в 1904 году в юмористическом издании «Эли Слоупер» (Здесь и далее перевод мой. – В.К.).

Практицизм, деловая хватка, воля к победе – важнейшие характеристики успешного бизнесмена. Когда среди капитанов бизнеса появляется женщина, а в Англии начала XX века это было редким событием, такая женщина привлекает к себе внимание многих и приобретает широкую известность, тем более, что она намеренно ведет себя сугубо по-мужски (сигара – атрибут мужского образа жизни). Эта дама была знаковой фигурой своего времени и поэтому стала объектом добродушной карикатуры в популярном юмористическом журнале. Приведенный пример иллюстрирует обыденное понимание славы как широкой популярности.

Героическое понимание славы связано в английском языке с кодексом рыцарского поведения:

Essential to the ethos of chivalry was the earning of fame, which enabled the knight to hold his head high in the world, and was complementary to lordship, inheritance, or manor house as signs of his position in society. – Существенной чертой рыцарского статуса было завоевание славы, которое давало рыцарю право высоко держать голову в мире и сопутствовало его титулу, происхождению или родовому поместью как знаками его положения в обществе.

Завоевать славу можно было боевыми подвигами либо победами в турнирах. Мы видим, что в таком контексте концепт «слава» является статусным индикатором личности: простолюдин не мог рассчитывать на подобную славу.

Идея посмертной славы может быть осмыслена скептически:

Even if one has good scientific ideas, it is never enough just to publish them: the world will never beat a pathway to the door of the scientific recluse; and all that the Avogadro or the Mendel can hope for is posthumous fame. – Даже если у кого-то есть хорошие научные идеи, недостаточно их просто опубликовать: к двери ученого затворника мир никогда проложит тропу, и посмертная слава – это все, на что могут рассчитывать Авогадро или Мендель.

Автор этого высказывания полагает, что посмертная слава, которой удостоились классики науки (приводятся имена великих ученых, открывших фундаментальные законы физики и генетики), не является пределом мечтаний для человека. Речь идет о человека нашего времени. В корпусе примеров весьма частотны парные корреляты славы в английском языковом сознании:

Nevertheless, these kids still approach the major record companies in search of greater fame and fortune than they could ever hope to achieve by themselves. – Тем не менее, эти ребята все еще пытаются выйти на крупнейшие кампании звукозаписи в поисках такой славы и такого богатства, которые им никогда самостоятельно не обрести.

There was a time when the rich and famous would announce the arrival of a new family member with a discreet notice in The Times. – Было такое время, когда богатые и знаменитые извещали всех о появлении нового члена семьи в скромном объявлении, опубликованном в газете «Таймс».

The writer is saying that he understood that the church was not really interested in helping the poor, just in attracting new members to the church for its own glory and ultimate gain. – Автор говорит, что он понял: у церкви на самом деле нет интереса помогать бедным, ей лишь нужно привлекать новых прихожан для своей славы и максимальной выгоды.

Слава, как показано в этих и многих других примерах, значима тогда, когда она сочетается с деньгами, богатством, выгодой. Обратим внимание на аллитерацию, характерную для английских устойчивых сочетаний: *fame and fortune*.

Обращают на себя внимание ностальгические ассоциации, присущие английскому концепту «слава»:

Father Hugh Mcaleese said: «We are devastated, but we intend to restore the church to its former glory». – Отец Хью Макэлиз сказал: «Сейчас здесь разорение, но мы намерены восстановить эту церковь и вернуть ей прежнюю славу».

В английском сознании прошлое воспринимается как эра блистательной славы, когда над Британией с ее бесчисленными колониями никогда не заходило солнце, и поэтому частотно сочетание «прежняя слава».

Концепт «слава» в проанализированных примерах конкретизируется в виде типичных сфер деятельности, связанных с известностью:

Much of Muskie's political fame was earned from his leadership in environmental affairs. – В значительной мере Маски заслужил славу в политике благодаря тому, что был лидером в борьбе за охрану окружающей среды.

He was a renowned preacher, a pioneer critic of the New Testament, one of the founding fathers of the discipline of hermeneutics. – Он был выдающимся проповедником, одним из первых критиков Нового Завета и принадлежал к числу отцов-основателей герменевтики.

Oyama is famous for fighting bulls with his bare hands. – Ояма знаменит тем, что идет против быков с голыми руками.

You would have read of the exploits of some famous rock climber and you would be familiar with the meanings of such terms as abseiling, piton and so on. – Вы бы читали о достижениях какого-то знаменитого альпиниста, и вам были бы понятны значения таких слов, как спуск на веревках, штычок и т.д.

Both were marauding, tribal war-leaders whose main aim was to bring military glory to themselves and their followers. – Оба они были боевыми вождями племен, живших грабежами, и их главной целью было завоевание военной славы для себя и своих последователей.

In the course of time he becomes one of the world's most famous cooks. – С течением времени он станет одним из наиболее знаменитых мировых поваров.

He was America's most prominent conductor and known for compositions from symphonies to musicals; his most famous was West Side Story. – Он был одним из наиболее выдающихся дирижеров Америки, получившим признание благодаря своим сочинениям – от симфоний до мюзиклов, самым известным из которых была «Вест-Сайдская история».

Широкой известности можно добиться в политике, спорте, искусстве, науке, войне и даже в приготовлении пищи.

Известность может иметь отрицательную оценку:

Adolescents are notorious for their frequent shifts in mood, frequent periods of rumination over relationships and identity, and time spent alone. – Подростки известны своими частыми сменами настроения, частыми периодами размышления о взаимоотношениях людей и собственной идентичности и стремлением побыть в одиночестве.

Эта распространенное мнение о подростках содержит отрицательную оценку: с подростками трудно общаться, не случайно говорят о подростковом кризисе.

But Aunt Alicia had always been famous for her absurdities. – Но тетушка Алисия всегда славилась своими нелепыми поступками.

Left and right. Two famous figures reputed to have indulged in cannibalism, Annia Gakria Faustina and (pointing) Idi Amin, onetime dictator of Uganda. – Справа и слева – две знаменитые фигуры, известные тем, что позволяли себе каннибализм, Аннния Гакрия Фаустина и (показывая) Иди Амин, бывший в свое время диктатором Уганды.

Люди могут получить широкую известность благодаря своей глупости или порокам.

Метафорика славы в рассмотренных примерах такова.

Слава ассоциируется с лестницей:

Was party politics the best way up the ladder of fame? – Была ли партийная политика лучшим способом подняться вверх по лестнице славы?

Слава подобна внешней оболочке:

He used to disappear periodically and come back covered in glory and bruises, often taking us ashore to celebrate England's victory on the field. – Время от времени он исчезал и возвращался, покрытый славой и синяками, часто приглашая нас на берег, чтобы отпраздновать победу Англии на суше.

Слава сравнивается с приятными теплыми лучами солнца, в которых можно понежиться:

Nigel went on for years basking in the glory of his first book. – Найджел продолжал годами лежать в лучах славы от своей первой книги.

Особое место занимает сакральная метафорика славы – слава Бога как сияние:

And lo, the angel of the Lord came upon them, and the glory of the Lord shone round about them and they were sore afraid. – И вот, ангел Господень снизошел к ним, и Слава Божия воссияла вокруг них, и они застыли в ужасе.

Обратим внимание на метонимическое переосмысление славы в сочетании Hall of Fame (Зал Славы):

The Hall of Fame is not the first international honour awarded to Professor Solomons. – Зал славы – это не первая международная награда профессора Солеменса.

Зал Славы – это мемориальное место, в котором находятся изображения известных, прославленных представителей какой-либо организации, например, галерея портретов великих ученых, работавших в данном университете. В переносном смысле это – список выдающихся представителей того или иного сообщества, например, *Tennis Hall of Fame, Hockey Hall of Fame, Rock and Roll Hall of Fame*. В виртуальном пространстве так часто называются сайты фанатов определенного игрового портала, стиля музыки или вида спорта.

Анализ образных характеристик концепта «слава» показал, что это ментальное образование имеет три разных ипостаси: слава героическая, божественная и обиходная. В русском языковом сознании героическая слава сопряжена с подвигами и смертью, в английском – с рыцарским кодексом поведения. Божественная слава воспринимается метафорически как особое сияние и совпадает в сравниваемых лингвокультурах, такое понимание славы заимствовано из Библии. Обиходное понимание славы приравнивает этот концепт к популярности, широкой известности и, в отличие от двух первых интерпретаций славы допускает ее амбивалентную оценку.

Рассмотрим ценностные характеристики данного концепта в русской лингвокультуре. Эти характеристики выражены в оценочных суждениях, которые в трансформированном виде можно сформулировать как нормы поведения. Подобные суждения встречаются как в пословицах, афоризмах, так и в описательных высказываниях:

Следует жертвовать собой во славу отечества:

А слава тех не умирает, Кто за отечество умрет (Г.Р. Державин).

Следует беречь свою репутацию:

Добрая слава дороже богатства.

Добрая слава лежит, а худая бежит.

Следует принимать во внимание мнение людей о ком-либо, поскольку есть доля истины в таком мнении (римляне проницательно замечали: «*Non simper erat fama» – Не всегда ошибочна молва»*):

Какова пава, такова ей и слава. Нет дыма без огня.

Следует трезво смотреть на свои усилия по достижению славы:

...стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и чтоб добиться её, надо только быть ловким (*М.Ю. Лермонтов).* Приведенное суждение созвучно известному афоризму Экклезиаста: *«И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым победа, не мудрым хлеб, и не у разумных богатство, и не искусным благорасположение, но время и случай для всех их»*.

Следует быть готовым идти на испытания и лишения, если хочешь добиться славы:

Слава, знаменитость сладки лишь издали, когда о них только мечтаешь. Но когда их достиг, чувствуешь одни их шипы. И зато как мучительно ощущаешь каждый золотник их убыли (А.И. Куприн).

Дорога к славе усыпана терниями (Ю. Феофанов).

Следует помнить о суетности славы:

Нужно ли становиться известным, чтобы стать известным Господу? (В.Грудев).

В основе стремления к славе – ощущение своей пустоты (Д. Квиллар).

Следует помнить, что людям свойственно завидовать чужой славе:

Его славе в войсках завидовал и ревновал главнокомандующий русской армией фельдмаршал Бутурлин (С.Баймухаметов).

Следует помнить о трудности устоять перед искушением славой:

Однако в последние годы появился и сравнительно новый механизм искушения писателя славой, а именно – премиальный процесс (О.Славникова).

Следует критически относиться к собственному желанию прославиться:

Быть знаменитым некрасиво. Не это подымает ввысь (Б.Л. Пастернак).

Нужнее всего освободиться от соблазна славы людской, не думать о том, что скажут о тебе люди (Л.Н. Толстой).

Стремление человека быть центром общего внимания людей – пагубно для него, ибо ничто не умертвляет душу так быстро, как жажда нравиться людям (М. Горький).

Слава – самое эффективное самосовершенствование, она мгновенно превращает мелкие недостатки в великие достоинства (Е. Ермолова).

Мало проснуться знаменитым, надо еще убедиться в отсутствии смирительной рубашки (Анон.).

Следует знать о пагубном влиянии славы на творчество и живой контакт с людьми:

Астрофизик, писатель, администратор, драматург, в молодости – вундеркинд, в старости – затворник; невероятно плодовит на идеи, статьи и книги, но безразличен к публичной славе *(В.Сурдин)*. Приведенный пример показывает, что людям творческим свойственно получать удовольствие от процесса рождения новых идей, а не от общественного признания.

*Я часто думаю о том, что люди, ищущие и стремящиеся к славе, не понимают, что в так называемой "*славе*" гнездится то самое одиночество, которого не знает любая уборщица в театре (А.Щеглов).*

Следует демонстрировать безразличие к славе:

Дома проповедовались скромность и равнодушие к славе *(Ю. Кантор).*

Следует знать об издержках популярности:

Популярность – это когда другие о вас знают больше, чем вы сами о себе (В. Афонченко).

Популярность – это постоянная сутолока у замочной скважины (Р. Алеев).

Прославьтесь, и Ваши кости будут грызть любые собаки!!! (В. Борисов).

Итак, в приведенных оценочных суждениях акцент делается на негативных сторонах славы. В развернутом виде эти суждения представляют собой сочетание двух оценок: «Слава приятна человеку» и «Слава приносит вред человеку», при этом первое суждение составляет пресуппозицию для второго. Обратим внимание на то, что оценочные суждения имеют дело с обиходной славой и популярностью, вероятно, героическая слава не нуждается в обосновании, она самоочевидна. Суждения, в которых идет речь о репутации, подчеркивают ценность доброго имени и необходимость усилий по его сохранению, из чего вытекает печальная констатация о склонности людей легко терять свою репутацию.

В англоязычном мире славе уделяется большое внимание как ценности, определяющей поведение людей:

Следует оставлять о себе добрую славу:

He that sows virtue, reaps fame. – Тот, кто сеет добродетель, собирает славу.

Fame is the perfume of heroic deeds. – Слава есть благоухание героических подвигов.

He that leaves the fame of good works after him, does not die. – Тот, кто оставил после себя славу хороших дел, не умрет.

Следует поддерживать в людях стремление к славе:

Passion for fame; a passion which is the instinct of all great souls (E.Burke). – Страсть к славе, страсть, изначально присущая всем великим душам.

There are many ways to fame. – Есть много путей к славе.

Следует беречь свою репутацию:

Good fame is better than a good face. – Добрая слава лучше, чем красивое лицо.

A good name is better than riches. – Доброе имя лучше, чем богатство.

A good name is a rich heritage. – Доброе имя – богатое наследство.

A good name keeps its luster in the dark. – Доброе имя светит и в темноте.

Win a good reputation, and sleep at your ease. – Заслужи себе хорошую репутацию и спи без тревог.

A wounded reputation is seldom cured. – Испорченную репутацию редко удается исправить.

A good name is sooner lost than won. – Доброе имя легче потерять, чем обрести.

Fame to infamy is a beaten road. – От славы к бесславью проторенный путь.

Следует знать о притягательности славы:

Fame is a powerful aphrodisiac (G.Greene). – Слава – это сильный афродизьяк.

Следует трезво смотреть на свои усилия по достижению славы:

Reputation is often got without merit, and lost without crime. – Репутацию часто получают без заслуги и теряют без преступления.

Fame, like a river, is narrowed at its source and broadest afar off. – Слава, подобно реке, бывает узкой в истоке и широкой в отдалении от него.

Следует помнить о суетности славы:

All fame is dangerous: good, bringeth envy; bad, shame. – Любая слава опасна: добрая приносит зависть, дурная – стыд.

Fame is but the breath of the people; and that often unwholesome. – Слава – это только дыхание народа, и оно часто бывает нездоровым.

What is fame? an empty bubble; Gold? a transient, shining trouble (J.Grainger). – Что слава? Пустой пузырь. Золото? Мимолетный блестящий пустяк.

Fame is a fickle food Upon a shifting plate (E.Dickinson). – Слава – это скользящая пища на неустойчивой тарелке.

Следует знать, что слава может принести как пользу, так и вред:

Fame is a magnifying glass. – Слава – это увеличительное стекло.

Следует знать о том, героическая слава обычно бывает посмертной:

Let fame, that all hunt after in their lives, Live register'd upon our brazen tombs (W.Shakespeare). – Пусть слава, за которой мы всю жизнь в погоне, останется на бронзе памятников наших.

Fame is no plant that grows on mortal soil (J.Milton). – Слава – это древо, которое не растет на почве смертных.

Fame is a food that dead men eat, – I have no stomach for such meat (A.Dobson). – Слава – это пища мертвых, мой желудок ее не переваривает.

Fame itself is but an epitaph; as late, as false, as true (H.Thoreau). – Слава сама по себе – это эпитафия, поздняя, ложная, верная.

Следует быть готовым идти на испытания и лишения, если хочешь добиться славы:

Happy is the man who hath never known what it is to taste of fame – to have it is a purgatory, to want it is a Hell! (E. Bulwer-Lytton). – Счастлив тот, кто никогда не испытал вкуса славы: пользоваться ей – быть в чистилище, стремиться к ней – быть в аду!

Следует ценить популярность:

There is only one thing in life worse than being talked about, and that is not being talked about (O.Wilde). – Есть только одна вещь в жизни хуже, чем когда о тебе говорят, это когда о тебе не говорят. Any publicity is good publicity. – Любая известность есть хорошая известность.

Fame is fickle, but Obscurity is usually faithful to the end (M.Cooley). – Слава неустойчива, безвестность обычно верна до конца.

Следует критически относиться к популярности:

Fame belongs to the great, the outstanding, the exceptional, without regard to virtue or vice. Infamy is fame no less than good repute. The great scoundrel can be as famous as the great hero; there can be famous villains as well as famous saints (M.J. Adler). – Слава принадлежит великим, выдающимся, исключительным безотносительно к добродетели или пороку. Бесславье – такая же слава, как и хорошая репутация. Великий негодяй может быть известен так же, как и великий герой, есть знаменитые подлецы и знаменитые святые.

Celebrity-worship and hero-worship should not be confused. Yet we confuse them every day, and by doing so we come dangerously close to depriving ourselves of all real models. We lose sight of the men and women who do not simply seem great because they are famous but are famous because they are great. We come closer and closer to degrading all fame into notoriety (D.J. Boorstin). – Не нужно смешивать поклонение знаменитостям и поклонение героям. Но мы их смешиваем и, поступая так, подходим к опасной черте и лишаем себя реальных образцов для подражания. Мы теряем из виду тех мужчин и женщин, которые не просто кажутся великими из-за того, что они знамениты, но знамениты потому, что являются великими. Мы все ближе подходим к тому, чтобы свести всю славу к дурной известности.

The further our civilization advances upon its present lines so much the cheaper sort of thing does "fame" become, especially of the literary sort. This species of "fame" a waggish acquaintance says can be manufactured to order, and sometimes is so manufactured (H. Melville). – Чем дальше развивается наша цивилизация в этом направлении, тем дешевле становится такая вещь, как слава, особенно литературная слава. Образцы такой славы, как нам известно по нашему забавному опыту, можно производить на заказ, и так часто делается.

Следует знать, что стремление к славе присуще представителям творческого труда:

Poet's food is love and fame (P.Shelley). – Любовь и слава – пища для поэтов.

To be occasionally quoted is the only fame I care for (A.Smith). – Единственная слава, к которой я стремлюсь, это чтобы меня иногда цитировали.

Следует знать, что стремление к славе более свойственно мужчинам, чем женщинам:

Man dreams of fame while woman wakes to love (A.Tennison). – Мужчина грезит о славе, женщина – о любви.

Publicity in women is detestable. Anonymity runs in their blood. The desire to be veiled still possesses them. They are not even now as concerned about the health of their fame as men are, and, speaking generally, will pass a tombstone or a signpost without feeling an irresistible desire to cut their names on it. (V.Woolf). – Публичность в женщинах отвратительна. В их крови есть стремление к анонимности. Ими владеет желание быть под вуалью. Даже сейчас состояние своей славы волнует их не в такой мере, как мужчин, и, вообще говоря, женщинам свойственно проходить мимо надгробного камня или указательного столба без того, чтобы ощущать жгучее желание вырезать там свое имя.

Women are the fulfilled sex. Through our children we are able to produce our own immortality, so we lack that divine restlessness which sends men charging off in pursuit of fortune or fame or an imagined Utopia. That is why we number so few geniuses among us (Ph. McGinley). – Женщинам свойственна самодостаточность. Через наших детей мы способны создавать наше собственное бессмертие, и поэтому у нас нет этого божественного беспокойства, которое срывает с места мужчин в поисках богатства, славы или воображаемой Утопии.

Обратим внимание на критическое отношение к славе со стороны женщин: стремление к славе у мужчин, по мнению феминисток, обусловлено несамодостаточностью, ущербностью сильного пола.

В приведенных нормах поведения, вытекающих из английских пословиц и сентенций англоязычных писателей и общественных деятелей, отражена амбивалентная сущность славы. Четко выражена идея о том, стремление к славе присуще людям, в особенности великим и творческим личностям, оно свойственно в большей мере мужчинам, чем женщинам, вместе с тем акцентируется неподконтрольность славы человеку, ее мимолетность, ее несовместимость с жизнью. Критически оценивается моральный релятивизм, связанный с популярностью. Подчеркивается необходимость создания и сохранения доброго имени.

Понятийное содержание концепта «слава» в русской и английской лингвокультурах сводится к следующему набору признаков: 1) распространенное мнение о ком-, чем-либо, 2) включающее одобрение, 3) включающее порицание, 4) выражение этого мнения в разговорах. Эти признаки ассоциативно уточняются в тематическом поле, в центре которого находится концепт «слава», по следующим направлениям: 1) степень известности, 2) степень эмоционально маркированной положительной оценки, 3) идеологическое основание оценки, 4) оценочная мотивация, 5) возможность иронического переосмысления.

Анализ образных характеристик концепта «слава» показал, что это ментальное образование имеет три разных ипостаси: слава героическая, божественная и обиходная. В русском языковом сознании героическая слава сопряжена с подвигами и смертью, в английском – с рыцарским кодексом поведения. Божественная слава воспринимается метафорически как особое сияние и совпадает в сравниваемых лингвокультурах, такое понимание славы заимствовано из Библии. Обиходное понимание славы приравнивает этот концепт к популярности, широкой известности и, в отличие от двух первых интерпретаций славы допускает ее амбивалентную оценку.

В целом, нормы поведения, связанные с ценностными характеристиками концепта «слава» в значительной мере совпадают в англоязычном и русском языковом сознании. Основные различия состоят в том, что для русской лингвокультуры актуальны идея о возможном вреде, который популярность наносит душе человека, и вытекающее отсюда требование держать под контролем стремление к славе, а для англоязычной лингвокультуры – идея о трезвой оценке подлинной славы и популярности и вытекающее отсюда требование рационально строить свое поведение в соответствии со своими интересами и установками общества.

§ 2.6. Концепт как индикатор эпохи («сознательность» и «очковтирательство»)

Важнейшей характеристикой современного языкознания является его антропологическая направленность – ученые изучают язык, общение, коммуникативные ситуации для того, чтобы лучше понять суть человека. В этом состоит основное отличие антропологической лингвистики от лингвистики имманентной, ориентированной на освещение внутренней структуры языка, инвентаризацию его единиц и установление системных отношений между ними. В рамках антропологической лингвистики выделяется лингвоконцептология, предметом изучения которой являются концепты – кванты переживаемого знания. Лингвистическая концептология – это закономерный этап в развитии содержательной лингвистики, обогащенной достижениями философии, культурологии, психологии.

Одним из направлений лингвоконцептологии является анализ концептов как индикаторов эпохи. Имеются в виду ментальные образования, интерпретация которых требует объяснения специфических культурных ценностей, которые были актуальны в определенный исторический период и требуют разъяснения в наши дни, поскольку неадекватно понимаются молодыми современниками. Это в полной мере относится к эпохе Советского Союза. Лингвоконцептология в этом плане тесно смыкается с политической лингвистикой [Будаев, Чудинов 2009; Карасик 2004; Чудинов 2001; Шейгал 2004]. Проиллюстрируем сказанное на примере концепта «сознательность».

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова (1940) дано следующее определение: сознательность 1. сущ. к сознательный в 3 знач. *Сознательность поступка*

(сознательный – намеренный, обдуманный, совершенный в состоянии сознания. *Сознательный обман*). 2. Способность, уменье отдавать себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать. *Наши съезды всегда освещали далеко вперед назревшие задачи партии и всегда были крупным этапом в подъеме коммунистической сознательности масс, в коммунистическом воспитании трудящихся. Молотов.* (ТСРЯ 1940). В словаре под ред. С.Н. Кузнецова [1998] читаем: 1. Сознательность – к Сознательный. 2. Умение, способность правильно понимать, разбираться в окружающей действительности; чувство долга, ответственности, причастности к окружающей действительности. *Высокая сознательность. Политическая сознательность. Сознательность населения, молодежи, рабочих. Проявить сознательность* (БТС). В словаре под ред. Д.В. Дмитриева [2003] находим следующую дефиницию: 1. Сознательным называют то, что имеет место при участии сознания. *Сознательный возраст*. 2. Сознательным называют человека, поведение которого основывается на понимании и строгом выполнении правил, требований. *Сознательный член общества. Сознательное отношение к труду, к своим обязанностям. Сознательная дисциплина*. 3. Сознательными называют действия, если они совершаются кем-либо с очевидно понятной целью и человек, который их совершает, знает, что хочет. *Сознательный поступок, выбор. Сознательная ложь.* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И. Даля (1882) приводятся определения глагола «сознавать», при этом значение долженствования, которое прослеживается в приведенных выше толкованиях, не формулируется.

Таким образом, в содержании концепта «сознательность» лексикографы выделяют два смысла: 1) осознанность своих действий и вытекающая отсюда ответственность за них, 2) чувство долга, лежащее в основе такой осознанности. Эти смыслы тесно связаны между собой. В «Философском энциклопедическом словаре» (1983) сознательность объясняется как антипод стихийности: «Сознательным называется то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью. Высшая форма сознательной деятельности основывается на познании и использовании законов природы и общества. Стихийным называется то, что осуществляется непреднамеренно, не контролируется людьми» (ФЭС). В соответствии с марксистской теорией люди планомерно строят светлое будущее на основе гармоничного сочетания интересов индивидов и общества, но общественное благо приоритетно по отношению благу личному. Именно поэтому идеологически маркированным требованием является понимание сознательности как долга человека перед обществом.

В русском языке идея осознанности своих действий уточняется через противопоставление сознательности, бессознательности и несознательности. Бессознательность – это отсутствие рефлексии в силу возраста либо состояния субъекта, это биологическая характеристика человека. В психологии различаются сознание и подсознание. Несознательность – это значимое отсутствие либо недостаточное наличие чувства долга, это нравственная характеристика человека. В этом плане сознательность сопоставима с совестью. В словаре под ред. Д.В. Дмитриева читаем: Совестью называют чье-либо чувство моральной

ответственности за свое дурное поведение, безнравственное отношение к кому-либо. *Упреки, муки, угрызения совести. Иметь совесть* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И. Даля совесть определяется так: нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томит или убивает* (Даль). Обратим внимание на то, что в словаре В.И. Даля подчеркивается врожденное нравственное чувство, не случайно совесть отождествляется с Богом, в современных лексикографических источниках эта идея не выражена. Бессовестный человек совершает дурные поступки намеренно, т.е. знает, что поступок является плохим и сознательно нарушает нормы нравственности. Несознательный человек в этом сопоставлении не понимает, что его поступок противоречит таким нормам, его сознание включено, но направлено на удовлетворение утилитарных потребностей. Несознательность подразумевает недоразвитость, незрелость. Человека можно упрекнуть: «Какой ты еще несознательный!», но нельзя сказать: «Какой ты еще бессовестный!». Соответственно, сознательность воспитывается, формируется, вкладывается в человека, в то время как совесть пробуждается, оживает. Идея целенаправленного формирования сознательности является одной из центральных в марксистской идеологии.

Концепт «сознательность» является регулятивным ментальным образованием, и поэтому его образно-перцептивные признаки неразрывно слиты с оценочными. Для выявления образных и оценочных характеристик сознательного поведения были проанализированы особенности сочетаемости слов, обозначающих этот концепт в русском языке. Используются данные Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru).

Анализируя сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность», мы обращаем внимание на следующие признаки: кто является носителем этого качества, как это качество проявляется, каковы последствия его отсутствия либо недостаточного наличия, с какими другими признаками ассоциируется сознательность или ее отсутствие.

Выделяется классовая сознательность, образцовым носителем которой выступает пролетариат:

Надо иметь сознательность, товарищи, вы же всё-таки рабочий класс (О. Павлов).

Рабочие должны иметь сознательность, поэтому в обращении к ним акцентируется их особая роль в обществе.

Особым типом сознательности является революционная сознательность:

Навсегда запомнил я эту бодрость духа, стойкость и революционную сознательность нижегородских рабочих (А. Микоян).

Сознательность революционеров предполагает их готовность пойти на самопожертвование во имя высоких идеалов. Известный советский политик подчеркивает стойкость рабочих, которые вышли бороться за свои права.

Партийная сознательность ассоциируется с активной жизненной позицией:

В партию должны приниматься те, кто не только примерно трудится на производстве, но и глубоко предан идеалам партии, является политически сознательный, активным общественником (Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве).

В ряду непременных качеств коммуниста перечисляются трудовой энтузиазм, вера в идеалы партии, политическая сознательность и общественная активность.

Политическая сознательность при социализме несовместима с нарушением закона:

Политически сознательный гражданин социалистического общества не совершает преступлений (А. Пионтковский).

В этом силлогизме политическая сознательность выступает условием высоконравственного поведения, а нравственность является основой социалистического правопорядка.

Сознательность ассоциируется со скромностью, т.е. с нежеланием привлекать внимание к своей персоне:

Затем батальонный комиссар заговорил о том, что через госпиталь проходят сотни больных, но редко кого так любил персонал, как лейтенанта Шапошникова, – сознательный, культурный и застенчивый больной, всегда совестился попросить о чем-нибудь, утруждать персонал (В. Гроссман).

Персонажа называют сознательным, поскольку он стремился не привлекать к себе внимание фронтовых медиков, находясь в госпитале.

Расчет на сознательность возникает обычно в неблагоприятной ситуации:

Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс (Л. Каганович).

Классовая сознательность является индикатором высокого уровня развития соответствующих представителей этого класса – речь идет о передовых рабочих.

Сознательность может проявляться не только у взрослых:

Я тебе могу напомнить: ты сам, будучи еще мальчиком, доказал свою сознательность и активно помогал взрослым (А. Львов).

Сознательность детей выражается в их активном участии в общественно полезной деятельности взрослых.

Сознательность может проявляться в отказе от традиций:

Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков (В. Шукшин).

Церковные браки были освящены традицией и выступить против них было смелым поступком для молодых сельчан.

Примером обстоятельств, требующих проявления сознательности, является выполнение своего профессионального долга без материального поощрения:

Было бы хорошо, если бы оплата актеров стала такой, чтобы не только «высокая сознательность» заставляла актера участвовать в спектакле (А. Эфрос).

Во многих театрах зарплата актеров является невысокой, и режиссерам приходится взывать к сознательности участников спектаклей, причем сами режиссеры понимают несостоятельность этого аргумента, неслучайно автор использует кавычки.

Сознательность проявляется как внутренняя готовность человека совершить то или иное действие, в обиходе, например, оплатить свой проезд в общественном транспорте:

Контролерша, видимо, хотела сказать мне о роли доверия на современном этапе к человеку, о принципе «доверяй и проверяй» и о том, что именно они, контролеры, призваны повышать сознательность граждан (В.Токарева).

В приведенном примере иронически комментируется стремление контролера выступить в роли воспитателя сознательности у граждан.

К числу способов формирования сознательности относится прежде всего устная агитация:

Надеюсь, что этот недостаток устраним хорошими регулярными беседами и поднимем политическую сознательность студенчества (М. Старков).

Регулярные беседы способствуют формированию должной установки граждан.

Политическая сознательность выражается в активном участии в общественной жизни, при этом некоторые субъекты используют неблаговидные способы демонстрации своей преданности режиму:

В колхозе, да еще и до колхоза проявлял он высокую сознательность, чего-то на кого-то писал, клепал и хвост этот унес за собой в армию, дотащил до фронта (В. Астафьев).

В саркастической характеристике персонажа его высокая сознательность выражается в виде доносов в вышестоящие органы, показательно слово «клепал», т.е. занимался клеветой.

В политической практике сознательность часто выступает эрзацем подлинных моральных чувств:

И куда же делась эта русская доброта? Её заменила сознательность! До чего ж круто и бесповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает (А. Солженицын).

По мнению известного писателя, такая замена свидетельствует о страхе, лежащем в основе сервильного поведения.

Сознательность проявляется при выполнении гражданского долга, например, при участии в голосовании:

Потом от имени всего коллектива агитаторов обратилась ко мне с просьбой не опаздывать, проголосовать пораньше, проявить с первого же шага своей новой жизни высокую сознательность (Е. Гинзбург).

Стремление выполнить свой гражданский долг как можно раньше является доказательством социальной зрелости.

Соответственно, гражданская несознательность наглядно проявляется во время выборов:

Не заразились еще предвыборной лихорадкой обе столицы, а также Саратов, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань и Калининград, в котором оказался самый несознательный избиратель (Н. Ратиани).

Отсутствие энтузиазма со стороны электората иронически объясняется как несознательность.

Сознательность проявляется только при условии наказания за несознательность:

Надеяться на сознательность граждан нелепо — кнута нет, а судебные приставы, если и доберутся до злостного неплательщика штрафов, максимум, что могут сделать, это пожурить: «Нехорошо, товарищ Пупкин, надо бы штрафики-то заплатить»... (А. Федоров).

В данном примере иронически раскрывается несостоятельность надежд на сознательность, если при этом отсутствуют юридические механизмы регулировки социально-экономических отношений.

В ряде случаев имитируемая сознательность выражает страх перед властями:

Он много раз за свою жизнь видел такие вытаращенные от страха глаза, изображающие неискреннюю сознательность (В. Дудинцев).

Людям свойственно маскировать малодушие под личиной высоких этических соображений.

Политическая сознательность может вступать в конфликт с общечеловеческой моралью:

Вы должны выдать его, если вы сознательный человек, – вдруг заметил завкадрами (В. Дудинцев).

Предательство всегда расценивалось как безнравственный поступок, но партийная сознательность для функционеров была выше моральных норм.

Сознательность субъекта в определенных ситуациях подтверждается документально:

Словом, потребовались то ли рекомендации, то ли поручительства, аттестующие претендентов на ребенка с наилучшей стороны, а также подтверждающие их сознательность (А. Эппель).

При усыновлении ребенка понадобились официальные документы, подтверждающие нравственную зрелость тех, кто решился на подобный шаг.

Усилия по воспитанию сознательности часто бывают бесплодными, поскольку воспитатели не принимают во внимание личность адресата:

В эпизоде, о котором идет речь, наш доблестный сыщик, которого играл Миронов, слезает со сфинкса, куда лев загнал всю компанию

кладоискателей, и проводит со зверем душеспасительную беседу в духе коммунистической пропаганды, пытаясь пробудить в хищнике сознательность (Э. Рязанов).

В этом ироническом комментарии выражена отрицательная оценка коммунистической пропаганды, которая зачастую велась формально и поэтому закономерно вызывала отторжение у слушателей. Обратим внимание на фактическое отождествление сознательности и совести в данном примере.

Сознательность является важнейшим идеологическим показателем развития нового общества:

Нужно признать как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы и, наоборот, чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение (И. Сталин).

В отчетном докладе И.В. Сталина показаны последствия недостаточной сознательности ответственных работников – провалы в работе и забота о личных интересах.

Сознательность солдата проявляется в его дисциплинированности:

В дисциплинированности воина как в зеркале отражаются его высокая сознательность, внутренняя собранность, готовность самоотверженно выполнить свой священный долг защитника Отечества (Ю. Алехин).

Под дисциплинированностью понимается осознанная готовность к выполнению приказов, доведенная до автоматизма и переживаемая как выполнение высшего долга.

Обозначение сознательности в официальной пропаганде часто принимает формы штампов:

Политическая сознательность и моральная устойчивость бойцов является, наряду с боевой подготовкой и состоянием военной техники, важнейшим элементом боеспособности Красной армии (К. Ворошилов).

Впоследствии этот штамп превратился в короткую фразу характеристики: «Политически грамотен, морально устойчив». Интересно отметить, что в данном случае произошло принижение объекта оценки: сознательность является образованием более высокого уровня, чем грамотность.

Сознательность противопоставляется эгоизму:

Вы что, считали, только у вас есть сознательность, а здесь сидят бездушные эгоисты? (А. Берсенева).

Забота об интересах общества свидетельствует о наличии у человека души, в данном случае сознательность сближается с совестью.

Несознательность часто комбинируется с ленью:

Обмен паспортов идет уже несколько лет, а народ (несознательный и ленивый) все еще, извините, чешет в затылке (Б. Абкин).

В данном примере идет речь о непонимании социальной важности обмена паспортов и о лени как основе такого непонимания.

В экзальтированной риторике революционного времени несознательность рассматривается как один из пороков:

В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага, вы дали одурманить себя шайке безвестных проходимцев и превратились в несознательный сброд, в скопище разнузданных негодяев, обожравшихся свободой, которым, что ни дай, им все мало (Б. Пастернак).

Дифференциальные признаки такого общеоценочного употребления слов нейтрализуются. Аналогичным образом общеоценочным штампом становится определение «несознательный» в полуграмотной речи или ее имитации:

И спать тебе не дает, фулиган несознательный! (В.Рыбаков).

Слово «хулиган» используется в расширительном значении («плохой человек»), при этом определение «несознательный», не добавляя никакой информации в словосочетание, усиливает его эмоционально.

В обиходной речи слово «сознательный» часто используется иронично:

Он у меня, когда выпьет, такой послушный, такой сознательный, ну прямо прелесть (И. Грекова).

Сознательность пьяного человека есть оксюморон.

Таким образом, сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность» в советской лингвокультуре, показывают, что его важнейшим ценностным признаком является индикация принадлежности к носителям передовой идеологии – революционерам, передовым рабочим, членам коммунистической партии. Сознательность предполагала готовность идти на трудности, лишения и жертвы ради великой цели. В быту сознательность проявлялась как скромность. Апелляция к сознательности часто выступала как способ воспитания человека и поэтому представляла собой диалог статусно-неравноправных собеседников. В качестве примеров сознательности фигурируют соблюдение трудовой и воинской дисциплины, участие в выборах, общественно-полезный труд. Весьма часто о сознательности говорили в иронической тональности, поскольку те, кто призывал проявлять это качество, относились к делу формально и сами не являлись образцами поведения. В случае конфликта между нормами морали и политической сознательностью предписывалось сделать выбор в пользу интересов партии. В основе многих проявлений политической сознательности лежал страх перед карательными санкциями государства. В революционной риторике и обиходной речи обозначения сознательности и несознательности могут десемантизироваться и стать знаками положительной и отрицательной оценок.

Для определения понимания советского концепта «сознательность» носителями современного русского языка первого десятилетия XXI в. был проведен опрос информантов, которым предлагалось завершить высказывание «Когда я думаю о сознательности / несознательности, я представляю себе…».

Приведу типичные предложения.

«Когда я думаю о сознательности, я представляю себе…:

- молодого человека, который пишет множество резюме в разные фирмы, чтобы найти престижную работу»;

- студента, который ищет дополнительную литературу для своего реферата по собственной инициативе»;

- инженера, который многократно перепроверяет расчеты»;

- человека на плакате, который «нечеловеческими глазами смотрит куда-то вдаль»;

сотрудника, который после работы сидит на занудном собрании»;

- секретаршу, которая без дополнительных инструкций решает вопросы в пределах своей компетенции и готовит документы для шефа»;

- водителя, который соблюдает все правила движения, даже когда он едет глубокой ночью, и на улицах никого нет»;

- дачника, который по справочникам выписывает себе семена»;

- пенсионера, который с вечера аккуратно раскладывает для себя лекарства на следующий день»;

- спортсмена, который в любую погоду рано утром совершает регулярную пробежку»;

- грибника, который аккуратно срезает грибы, чтобы не нарушить грибницу»;

- бармена, который не допускает недолива пива».

«Когда я думаю о несознательности, я представляю себе…:

- больного, который тайком курит, выскочив на порог больницы, а ему это строго запрещено»;

- студента, который пользуется шпаргалкой на экзамене»;

- часового, который нашел укромный уголок и заснул во время боевого дежурства»;

- рабочего, который забивает шуруп молотком вместо того, чтобы завинтить его»;

- человека, который не верит в коммунизм»;

- сотрудника, который увиливает от выполнения общественного поручения»;

- молодых людей, которые легко вступают в интимные отношения, рискуя заразиться опасными заболеваниями»;

- студента, скачивающего реферат из Интернета»;

- сотрудника, откладывающего написание отчета на последний день, а потом судорожно составляющего его ночь напролет»;

- пассажира, который сорвал стоп-кран, чтобы выскочить, когда поезд тронулся»;

- молодых людей, отметивших праздник и громко поющих и смеющихся на улице в глухую ночь»;

- спортсмена, который принимает допинг перед выступлением».

Приведенные высказывания свидетельствуют о трансформации содержания концепта «сознательность» в сознании наших современников.

Сознательным называют человека, который проявляет ответственность перед собой и близкими (не было предложений, в которых бы шла речь о чувстве долга перед обществом или государством). Несознательный человек ведет себя, по мнению молодых информантов, безответственно и беспечно. В тех случаях, когда информантами были люди, которым 50 лет и более и сознательная жизнь которых прошла в Советском Союзе, отмечены идеологически маркированные высказывания, причем часто в иронической тональности. В ряду ответов наличествуют несерьезные высказывания (например, о честном бармене) и семантически неадекватные фразы (допинг квалифицируется как обман). Несознательность объясняется как нарушение разного рода запретов (относительно здоровья, академической этики, служебной дисциплины и др.). Сознательность трактуется как осознанное соблюдение правил или принятых решений. Обращает на себя внимание размывание границы между сознательностью и совестью, т.е. между институциональным и персональным чувством долга. Не отмечены высказывания, в которых сознательность была бы связана со страхом, на первый план выходит понимание стоящих перед человеком задач, т.е. сознательность смыкается с осознанностью.

Обратим внимание на типичных субъектов, которые квалифицируется с точки зрения сознательности: студенты, пассажиры, пешеходы, солдаты, рабочие. Обычно это – нижестоящие, подчиненные, подконтрольные люди, для которых существуют определенные правила. Это значит, что субъект оценки, который определяет уровень сознательности, всегда является вышестоящим по отношению к объекту оценки: сознательные студенты – с точки зрения преподавателей, сознательные водители и пешеходы – с точки зрения милиции, сознательные сотрудники – с точки зрения руководства, сознательные больные – с точки зрения врачей. Несмотря на то, что словосочетание «сознательный учитель» или «сознательный директор» выглядят, на первый взгляд странно, можно легко сконструировать контекст, в котором такие образования будут вполне уместны, например, если речь идет о тех, кто инспектирует деятельность тех или иных учреждений и оценивает выполнение работниками тех или иных обязанностей. Сознательность – это качество, требуемое только от своих, врагов не обвиняют в несознательности.

Рассмотрим концепт «очковтирательство». Для анализа понятийных характеристик этого концепта обратимся к словарным дефинициям.

Очковтирательство – *Разг*. Намеренное введение в заблуждение, обман. *Заниматься очковтирательством* (БТС); втирание очков (*разг*. втереть очки – посредством обмана представить кому-н. что-н. в выгодном, желательном для себя освещении), обман с целью представить что-н. в более выгодном положении, чем на самом деле. *Объявить решительную борьбу очковтирательству* [Ушаков]; *разг.* введение в заблуждение, представление чего-л. в лучшем виде, чем есть на самом деле. *Мы обвиняли его в погоне за количеством, в показухе, в очковтирательстве* (МАС); Намеренное скрывание недостатков, изображение чего-либо в более выгодном свете, чем есть на самом деле; обман. *[Полозов] заявил, что новый срок выпуска первой турбины – нереальный срок,*

очковтирательство и откладывать ради него важнейшие дела безответственно и гибельно для цеха. Руководители-то здесь – народ бывалый, умеют товар лицом показать. В одной МТС у них [в районе] колхозы богатые, всех гостей туда возят. Старая болезнь – очковтирательство (БАС).

Анализ приведенных определений дает возможность выделить следующие признаки в содержании данного концепта: 1) обман (намеренное введение в заблуждение), 2) с целью представить что-либо в более выгодном положении, чем на самом деле, 3) с целью скрыть недостатки.

Обратившись к этимологии выражения «втирать очки», мы находим несколько объяснительных версий этого устойчивого словосочетания. Это выражение «восходит к жаргону шулеров-картежников начала XIX в., имевших фальшивые порошковые карты. При помощи особого клейкого состава они наносили на карты дополнительные очки из порошка красного и черного цвета. При необходимости эти очки незаметно стирались, и шулер-игрок мог незаметно для партнера превратить цифру 5 в 6 или в 4 и т.п., изменяя тем самым количество очков. Втирая очки, он добивался выигрыша». Другое истолкование связывает данное выражение с речью шулеров, но объясняет его иначе: «На зеленом сукне карточного стола мелом записывались выигранные очки, и нечестный игрок мог приписать себе очки дополнительные, чтобы потом незаметно стереть маленькую цифру». Иная версия – «смотреть через неверно показывающие очки». Другой вариант – «заставить кого-л. смотреть в чужие очки (не своими, чужими глазами)». Еще одно истолкование – «ассоциация обмана с закрытыми, запорошенными, замазанными грязью и т.д. глазами» (Бирих, Мокиенко, Степанова). Этимологические версии, как можно видеть, связывают выражение «втирать очки» с нечестной игрой в карты, с искажающим действительность оптическим прибором и с обманом как следствием неверного зрительного восприятия.

Интересны иллюстрации употребления этого словосочетания во фразеологическом словаре А.И. Федорова: «*Неужели весь этот пафос – одна только фикция, видимость, втирание очков нашему брату» (Д. Фурманов); «Ездовые пытались как-нибудь объегорить комвзвода и старшину. Те сообща втирали очки командиру роты, эти соответственно обрабатывали комбатов» (П. Вершигора)* [Федоров]. Суть втирания очков – в противопоставлении видимого и реального. Заслуживает внимания контекст, в котором четко прослеживается специфическая характеристика этой разновидности обмана – намеренное введение в заблуждение вышестоящих со стороны подчиненных.

Для определения системного места концепта «очковтирательство» в ряду единиц, обозначающих различные варианты обмана, необходимо рассмотреть соответствующие слова в синонимических словарях и тезаурусах. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой приводится 31 единица, уточняющая глагол «обмануть» – *провести, обвести, обойти, объехать, оплести, надуть, обдуть, одурачить, оболванить, околпачить, обморочить* и др. Большинство единиц стилистически маркированы как просторечные. Лексикографы устанавливают следующие смысловые различия между этими

глаголами: 1) совершить обман, поступить недобросовестно, по отношению к кому-, чему-л., 2) хитро, ловко обмануть, 3) поставить обманутого в глупое положение, пользуясь его доверчивостью и простодушием; 4) обмануть при денежной, торговой или иной сделке (ССРЯ). В этом же словаре дается ряд глаголов со значением «говорить неправду» – *лгать, врать, обманывать, сочинять, брехать, заливать, травить*. Эти единицы в большинстве своем так же относятся к просторечным и разговорным словам. Смысловые дистинкции между ними носят стилистический характер, хотя в семантике глаголов «сочинять» и «заливать» наличествует и идеографический признак «явная неправда». В словаре синонимов З.Е. Александровой выделяется подгруппа единиц со значением «обманывать без корыстной цели или в шутку» (*разыгрывать, мистифицировать*) и подгруппа слов со значением «обманывать для получения выгоды, с целью наживы» (*мошенничать, плутовать, жульничать, жилить*), в последнем случае противопоставляется обычное и мелкое мошенничество. Приводится и группа слов, обозначающих рискованный и крупный обман: *афёра, шахер-махер, панама*. Обратим внимание на то, что эти слова являются заимствованными.

В «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова интересующие нас концепты рассматриваются под разными рубриками. Под рубрикой «Порок» приводится список слов, характеризующих обман, мистификацию (включая шарлатанство), ложь (включая вымысел), подделку, создание видимости (показуху), лесть. Под рубрикой «Недостоверность» рассматриваются вымысел, миф, пересуды и т.д. (Баранов).

Тематическое поле «обман» в русской лингвокультуре уточняется, как следует из приведенных данных, в следующих направлениях: 1) с целью получения выгоды, наживы, 2) без корыстной цели или в шутку, 3) хитро и ловко, 4) пользуясь доверчивостью и простодушием обманутого, 5) в мелких размерах, 6) в крупных размерах, 7) выдавая себя за авторитетного человека, 8) имитируя подлинность вещей, 9) говоря неправду, 10) приукрашивая действительность. Суть очковтирательства состоит в приукрашивании действительности, т.е. в представлении ее другому человеку в более выгодном положении, чем на самом деле, и в затушевывании недостатков. Заметим, что хотя существует самообман, вряд ли возможно втирание очков самому себе, поскольку субъект знает о действительном положении дел и преследует корыстную цель повысить свой статус в глазах другого человека, выступающего адресатом для очковтирателя. Очковтирательство проявляется в виде показухи, т.е. действий, рассчитанных на внешний эффект. Ярким примером показухи являются известные потёмкинские деревни, построенные князем Г.А. Потёмкиным в Крыму в 1787 г. перед посещением полуострова Екатериной II, эти деревни представляли собой декорации процветающих селений и были сделаны с целью убедить царицу в созидательной деятельности князя.

Очковтирательство представляет собой институциональный обман. Если обиходный, бытовой обман нацелен на получение выгоды и преимуществ, на сокрытие неприятного положения дел или на осмеяние и унижение адресата,

то институциональный обман в дополнение к этому направлен на поддержание внешнего благополучия того или иного института в ущерб реальной ситуации и на статусное повышение того агента института, который рапортует о фиктивных достижениях. Поддержание положительного имиджа организации является одной из важных институциональных задач этой организации. Когда поддержание позитивного имиджа страны превращается в важнейшую политическую цель, неизбежно происходит смещение приоритетов у людей, занимающих ту или иную ответственную должность, поскольку объективная информация может быть воспринята их руководителями как нанесение ущерба имиджу организации или страны в целом.

Можно выделить два типа институционального обмана, которые можно условно обозначить как рапорт и плакат. Примерами первого типа очковтирательства являются рапорты о выполнении предприятием плана на 100%, когда это не соответствует действительности, о завышенной успеваемости в школах и вузах, о раскрытии всех преступлений правоохранительными органами на определенной территории, о голосовании, в котором приняло участие 100% населения. Во всех таких случаях статусный вектор отправителя речи – от нижестоящего к вышестоящему. Очковтирательство другого типа – создание позитивного образа организации посредством средств массовой информации. Это сообщения о производственных успехах, о поступивших в редакцию письмах трудящихся с поддержкой курса партии и правительства или с осуждением тех, кто выступает против этого курса. Здесь статусный вектор не актуализируется. Оба типа очковтирательства взаимосвязаны.

Официальное отношение власти к очковтирательству-рапорту всегда бывает отрицательным. Директоров заводов снимали с должности за показуху, в фельетонах клеймилась полировка действительности, тема борьбы с очковтирательством постоянно находилась в центре внимания, что свидетельствовало о том, что это явление было распространенным (обратим внимание на иллюстрацию в словаре под ред. проф. Д.Н. Ушакова, вышедшем в свет в 1935-1940 гг.). Очковтирательство-плакат есть официальная позиция власти, поэтому критика этого типа институционального обмана была возможна в виде анекдотов либо внешних оценок из-за рубежа.

Обратившись к примерам употребления слова «очковтирательство» в Российском национальном корпусе на сайте www.ruscorpora.ru, можно установить следующие диагностирующие контексты для рассматриваемого концепта.

Суть бюрократического очковтирательства состоит в демонстрации количественных показателей успехов:

Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классных групп (А. Макаренко).

Обратим внимание на слово «перегибы», часто используемое в Советскую эпоху и обозначавшее недостатки вследствие крайности, неумеренности

в какой-либо деятельности. В самом слове уже содержалось смягчение оценки этим недостаткам: хотя результат был отрицательным, исходный энтузиазм заслуживал поощрения. Цифры в отчетах нужны, но увлечение цифрами могло повредить делу.

Внимание только к количественным показателям приводит к замещению сути дела его формальной презентацией:

Мы обвиняли его в погоне за количеством, в показухе, в очковтирательстве (Д. Гранин).

Перевод результатов работы в денежный эквивалент может привести к очковтирательству:

Выполнение плана учитывается не в физическом объеме, а в рублях. На этой почве процветает очковтирательство... (Л. Брежнев).

В своих мемуарах Генеральный секретарь ЦК КПСС раскрывает экономическую причину обмана государства.

В основе очковтирательства лежит формальное отношение к делу:

Было немало и других примеров очковтирательства и формализма (В. Баранец).

Бесконтрольность порождает возможность для совершения обмана:

…отсутствие должного контроля за работой разведывательных органов снижает их активность, а иногда создает условия, располагающие к переоценке трудностей ведения разведки и очковтирательству (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8).

Снижение активности работы объясняется трудностями ведения этой работы. В данном случае очковтирательство служит прикрытием бездеятельности.

В некоторых случаях в качестве очковтирательства рассматривались любые действия, которые не совпадали с интересами определенной группы:

Они всерьез считали, что освоение самого процесса жизни и работы на орбите, исследования и эксперименты в космических полетах, не преследующие военных целей, – это чистое очковтирательство, нахальная попытка залезть к ним в карман с целью вытянуть деньги, которые еще к ним в карман не попали, но почти наверняка рано или поздно попадут (потому что все деньги непременно должны идти на оборону!) (К. Феоктистов).

Космонавт с горечью констатирует, что в основе космической программы лежали не научные, а военные интересы.

Типичным контекстом для слова «очковтирательство» является его сочетаемость с его синонимами:

– Только, пожалуйста, без буянства, – предусмотрительно подчеркнул Волька. – И без очковтирательства. То есть без обмана (Л. Лагин).

Командирам и политорганам изжить позорнейшее явление в условиях нашей Красной Армии – вранье и очковтирательство (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8).

Очковтирательство объясняется в тексте как обман или вранье.

В ряде примеров уточняются характеристики данного типа обмана:

Что это такое, я выяснил к концу службы: очковтирательство, показуха и обман государства (В.Катанян).

Показуха представляет собой способ обмана, государство выступает в качестве жертвы обмана.

Очковтирательство расценивается как преступление:

В практике золотопромышленности в царское время очковтирательство и вообще мошенничество не составляли редкости (В. Обручев).

Очковтирательство является неизбежным следствием бюрократизации жизни:

Сколько сил и нервов стоила ему не утихающая ни на день, ни на час борьба против тупоумных партбюрократов, зазнавшихся и зажравшихся партвельмож, против комчванства и комхамства, очковтирательства и подхалимства... (Б. Ефимов).

Его фельетонами не завершались, а начинались дела о злоупотреблениях, безобразиях, фактах очковтирательства, бюрократического тупоумия, чиновничьей черствости, унижения человеческого достоинства... (Б. Ефимов).

Автор, известный карикатурист, упрекает бюрократов в тупости, черствости, высокомерии, очковтирательстве и подхалимстве. Обратим внимание на объекты критики – это партийные бюрократы, которым была свойственна особая лицемерная надменность, получившая ироническое наименование «комчванство» (коммунисты по определению должны были вести себя скромно).

Чиновники, которым нет дела до простых людей, – объекты критики публицистов:

Место скромное, но очень ответственное – некий эпицентр, в котором сходились все проблемы бесхозяйственности и безответственности, головотяпства и очковтирательства (А. Инин).

В одном ряду перечисляются неумение организовать дело, отсутствие ответственности, предельная глупость и обман с целью представить ситуацию в лучшем свете.

С позиций руководства страны определялись типичные пороки представителей разных социальных групп:

Климат, который рождал бы стремление работать эффективнее, производительнее, лучше, создавал обстановку нетерпимости к прогульщикам и лодырям, к каждому факту халатности и бесхозяйственности, очковтирательству и приписка м (Л. Брежнев).

Для рядовых работников такими пороками, по мнению лидера страны, были прогулы и лень, для руководителей на местах – равнодушие, неумение организовать дела и обман государства в виде завышенных показателей – приписок.

Заслуживает внимания пример сочетания внешних признаков успешного прохождения испытания в военном училище:

Я верно понял дух училища и уделил большое внимание чисто внешней манере, как держать себя перед экзаменаторами, стараясь понравиться им

отчетливостью ответов, бравой, веселой выправкой и тактичным очковтирательством, которое у меня удавалось замечательно (В. Трубецкой).

Для экзаменаторов была важна только форма ответа: отчетливость, молодцеватость и приятные сведения.

Очковтирательство в ряде примеров рассматривается как органическая черта бюрократии как социального класса:

История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, волокитой, очковтирательством и прочими прелестями осталась (А. Зиновьев).

По мнению известного диссидента, бюрократия мимикрировала в новых общественных условиях, однако суть ее не изменилась.

Таким образом, очковтирательство контекстуально уточняется как органически присущий бюрократам обман государства, состоящий в подмене качественных характеристик явления его формальными количественными показателями с целью создания благоприятного впечатления о положении дел и сочетающийся обычно с безответственностью, некомпетентностью и высокомерным равнодушием к людям, зависимым от бюрократов.

Для выявления понимания и осмысления этого концепта в сознании современных носителей русской лингвокультуры был проведен опрос информантов, которым было предложено ответить на вопрос: «Какие образы или ситуации приходят к Вам в голову, когда Вы думаете об очковтирательстве?» Было опрошено 100 человек – студентов и преподавателей волгоградских университетов. Результаты опроса подтвердили предположение о том, что рассматриваемый концепт не актуален для наших современников. Большинство опрашиваемых смутно различают очковтирательство и показуху, при этом трактуют данные концепты сугубо в личном плане, например, «*Это когда на рынке ты наденешь позорный пуховик, а вокруг тебя бегают продавцы и говорят, какой он шикарный и сшит исключительно на тебя; это когда кто-то останавливается на шикарной машине, взятой у отца, с таким видом, что это – его автомобиль; это когда приглашают гостей и угощают так, чтобы вызвать зависть*». Такие ответы были характерны для молодых респондентов. Были зафиксированы случаи полного непонимания слова «очковтирательство»: «*Это когда какой-нибудь ботаник в очках нам что-то заумное навязывает…*». Ботаниками на современном жаргоне называют обычно молодых людей не от мира сего, увлеченных учебой или наукой. В единичных случаях информанты (большей частью в возрасте от 50 лет и старше) приводили примеры очковтирательства как институционального обмана: «*Это ситуация типа: «Сколько собрали с гектара? Восемь центнеров? Пиши одиннадцать!»; это когда детей в школе готовят к открытому уроку, когда они заранее все проделают, а затем просто показывают на публику спектакль*». Заметим, что носители английского языка смогли найти только один эквивалент для обозначения этого концепта – show, т.е. спектакль, представление. В этом эквиваленте не акцентируется институциональный смысл обмана.

Лингвокультурный концепт «сознательность» представляет собой реликт советской эпохи в русском языковом сознании. Идеологическое ядро этого концепта включает признаки планомерного изменения сознания индивидов и общества и контроля партии и государства над этим процессом. Смысловая трансформация, которой подвергся этот концепт в постсоветский период, состоит в замещении ценностной доминанты – вместо общественного блага на первый план выступило личное благо. Общая идея сознательности как ответственности сохранилась, так же, как и понимание статусного неравноправия при оценке сознательности, но вместо государства как субъекта этой оценки на эту позицию выдвинулись представители социальных институтов (образования, медицины, правопорядка). Наблюдается определенная нейтрализация различий между сознательностью и совестью, и это свидетельствует о возрастании доли стихийности в поведении людей.

Концепт «очковтирательство» является уходящим концептом в современной русской лингвокультуре и ассоциируется с бюрократическим стилем поведения в Советскую эпоху. Этот концепт актуален для старшего поколения нашей страны. Возникает вопрос: почему это ментальное образование потеряло актуальность для наших современников, хотя бюрократия нисколько не изменила своего поведения? Можно переформулировать этот вопрос так: почему при неизменности референта концепт стал неактуальным? По-видимому, произошло смещение базовых ценностей: перенос центра тяжести с коллективных ценностей на индивидуальные привел к тому, что обман государства перестал быть предметом эмоционального переживания.

§ 2.7. Концептуализация благодарности

Отсутствие чувства благодарности справедливо расценивается как моральное уродство, как патология личности. При всей естественности этого чувства, присущего как людям, так и высокоорганизованным животным, оно представляет собой весьма сложное явление, имеющее лингвокультурную специфику и специфически выражающееся в разных типах дискурса. Благодарность рассматривалась в ряде работ [Адамокова 2005; Белодед 1990; Бердникова 2005; Имас 2001; Ли Сюзянь, 2006; Сковородина 2004; Тарасенко 1999] с позиций прагмалингвистики. В основу данной работы положен тезис о том, что существуют определенные ценностно маркированные коммуникативные поступки, закрепленные в коллективной памяти в виде речевых жанров, осмысленные как переживаемые кванты знания и включающие культурогенные алгоритмы поведения [Вежбицкая 1999; Воркачев 2007; Дементьев 2010; Демьянков 2007; Колесов 2004; Ларина 2009; Пименова 2004; Седов 2007; Слышкин 2004; Степанов 1997; Стернин 2008]. Предполагается, что такие алгоритмы заданы определенными векторами развития смыслов, закодированными в языковых знаках [Карасик 2010].

В русском языке концепт «благодарность» толкуется следующим образом: 1. Чувство признательности за сделанное добро, оказанное внимание,

услугу. *С благодарностью относиться к кому-л. В знак благодарности сделать что-л.* 2. Официальная положительная оценка труда, деятельности кого-л. как форма поощрения. *Объявить благодарность в приказе*. 3. *Разг.* Вознаграждение, плата. *Дать сто рублей в качестве благодарности* (БТС). Благодарствовать или благодарить кого, на чем или за что, дарить словом или делом, или желать кому благ, добра; изъявлять благодарность, признательность; объявлять себя должником за услугу, признавать одолжение; спасибить кому, говорить спасибо. *Благодарим за угощение; ответ: неначем, не прогневайтесь. Не гостям хозяина, а хозяину гостей благодарить. На этом благодарствуем. Я благодарил его десятью рублями. За это не благодарится,* безличн. никто не скажет спасибо. Благодарение ср. действие благодарящего, изъявление спасиба, признательности; благодарность ж. чувство признательности, желание воздать кому за одолжение, услугу, благодеяние; само исполнено этого на деле. *Взяток не берем, а благодарности принимаем*. *Благодарительный* или *благодарственный*, содержащий в себе благодарность, сделанный для изъявления, обнаружения признательности; спасибный. Благодарный, признательный, чувствующий и изъявляющий благодарность; признающий оказанные ему услуги, добро (Даль). 1. только ед. Чувство признательности за оказанное добро. 2. Выражение этого чувства (во мн. ч. разг.). *Рассыпаться в благодарностях*. 3. Взятка (разг. эвф.) (Ушаков). 1. Когда вы благодарите кого-либо, вы говорите другому человеку приятные слова, потому что он помог вам, оказал какую-то услугу. *Они благодарили меня за ночлег.* 2. Когда вы говорите кому-либо *благодарю (вас),* вы в вежливой форме говорите ему спасибо. *Я благодарю вас от всей души!* (Дмитриев).

Понятийное содержание рассматриваемого концепта в русском языке можно свести на основании приведенных дефиниций к следующим признакам: 1) чувство удовлетворения, 2) в связи с получением от кого-либо добра, 3) признание этого чувства, 4) выражение этого чувства, 5) выражение этого чувства со стороны руководства в официальной ситуации, 6) выражение этого чувства в виде денежного вознаграждения.

В английском языке репрезентант концепта «благодарность» дефинируется так: **gratitude,** *noun* **1.** The quality or condition of being grateful or thankful; the appreciation of and inclination to return kindness; gratefulness. **b.** An instance or expression of gratefulness. Long *rare*. **2.** A gift, gratuity, or reward; *esp.* (*Scot.*) a grant of money made to the monarch. Long *rare*. † **3.** Grace; a favour. Chiefly *Scot.* (SOED); **grateful** – feeling that you want to thank someone because of something kind that they have done, or showing this feeling (LDCE); showing or expressing thanks, especially to another person. *I'm so grateful (to you) for all that you've done.* (CIDE); If you are *grateful for* something that someone has given you or done for you, you have warm, friendly feelings towards them and wish to thank them. *She was grateful to him for being so good to her***.** *I should like to extend my grateful thanks to all the volunteers* ***(COBUILD);*** **thank** † **1.** A thought. † **2.** Favourable thought or feeling, good will; grace, favour. **3.** An expression of gratitude; an appreciative or grateful acknowledgement of a service or favour. Formerly also, the action of

expressing gratitude. Long only in *pl.* exc. *poet.* & *joc.*(SOED); to tell someone that you are pleased and grateful for something they have done, or to be polite about it: *I haven't had a chance to thank him yet* (LDCE); to express to someone that you are pleased about or are grateful for something that they have done. *He thanked me for taking him home* (CIDE); 1. You use *thank you* or, in more informal English, *thanks* to express your gratitude when someone does something for you or gives you what you want. *Thank you very much for your call...* 2. You use *thank you* or, in more informal English, *thanks* to politely accept or refuse something that has just been offered to you. *'Would you like a cigarette?' – 'No thank you.'...* (COBUILD).

Понятийное содержание рассматриваемого концепта в английском языке можно представить в виде следующего набора признаков: 1) чувство удовлетворения, 2) в связи с получением от кого-либо чего-то желаемого или приятного, 3) признание этого чувства, 4) выражение этого чувства, 5) в соответствии с нормами вежливости, 6) в виде вознаграждения или подарка (устар.).

Можно заметить, что содержательный минимум концепта «благодарность» в значительной мере совпадает в русской и английской лингвокультурах. Основное различие состоит в том, что в русском языковом сознании выделяется институциональная благодарность как форма поощрения и актуальна идея о благодарности как вознаграждении, в то время как в англоязычном мире благодарность прежде всего осознается как акт вежливости. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что как в русском, так и в английском языках противопоставляются степени благодарности (*спасибо – я тебе благодарен; thanks – I am very grateful to you*).

Обратившись к этимологическим словарям, мы узнаем следующее.

В германских языках идея благодарности связана с мыслями о том, кто сделал субъекту доброе дело: **thank**, n. – ME *thank, thonk*. OE *þanc, þonc*, ‘thought, favor, satisfaction, thanks’, prop. verbal n. fr. *þencian*, ‘to think’; rel. to OS. *thank*, ON *þökk*, Dan. *tak*, Swed. *tack*, OFris. *thank, thonk*, MDu. *danc*, Du. *dank*, OHG., MHG. *danc*, G. *Dank*, Goth. *þagks*, ‘thanks’; see **think**. Hence *thank* orig. meant ‘thoughtfulness’ [Klein 1966]. В свою очередь, слово *think* восходит, по Э.Кляйну, к корню со значением “seem – казаться”.

В русском языке выделяются два слова для обозначения благодарности: **благодарить** – калька с греч. *eucharistein* <быть благодарным>, где *eu* – благо <хорошо>, *charistein* от *charizomai* <дарить (делать) приятное>, корень *char-* <прелесть, милость, красота> (Цыганенко 1989); **спасибо** – в русском языке возникло из «спаси бог» (Черных 1999).

Карл Бак, автор известного идеографического словаря синонимов в индоевропейских языках, относит слова, обозначающие благодарность, к группе выражений эмоций (Buck 1988). В греческом идея благодарности выражается через слова со значением «радость» (*χαρις, χαρά, χαίρω*). В латыни эту идею выражают слова со значением «доброта, благосклонность, любезность» (*gratia, gratus*), которые восходят к санскритскому корню *gūrta* – ‘welcome, agreeable’; *gr-* ‘praise – восхвалять’. Во французском *merci* возникает как осмысление вознаграждения (от лат. *merces* – плата). В ирландском *buide* означает ‘will, good

will, pleasure – добрая воля, удовольствие'. В германских языках корень *dank-* связан с идеей мышления, к этому же корню относятся славянские слова, выражающие благодарность (укр. *дяка*, *дякую*, польск. *dzieka*). В других славянских языках идея благодарности выражается через композитную форму *blagodeti* (чешск.), *благодарность* (рус.). В готском существовало слово *awiliudon* – 'to thank and also to praise' – 'благодарить и восхвалять', первая морфема этого слова обозначает «благо», вторая – «песнь, воспевание» (Buck 1988).

Интересны данные, характеризующие внутреннюю форму слов благодарности в неиндоевропейских языках.

В китайском языке внутренняя форма слова выводится из значений иероглифов. Слова 谢意 *xie yi* – «благодарность, признательность», 谢谢 – *xie xie* – «спасибо» фиксируются иероглифами со значениями «благодарить, спасибо» и «желание, стремление, намерение». В первом слоге *xie* состоит из ключей «тело (человека)», «вершок», «речь»; во втором слоге *yi* – из ключей «стоять», «глаз», «сердце» (Мудров). В иероглифе 感激 *gan ji* – «быть благодарным, признательным» выделяются ключи «рот» и «сердце», обозначающие понятия «говорить» и «чувствовать». Иначе говоря, благодарность концептуализируется как стремление человека выразить высокие чувства.

Джеймс Стронг, составитель электронного словаря иврита на английском языке, объясняет слово תודה [toda] – «благодарность» так: an extension of the hand, i.e. (by implication) avowal, or (usually) adoration; specifically, a choir of worshippers: – confession, (sacrifice of) praise, thanks(-giving, offering) [Strong 1999]. Толкователь полагает, что благодарность зафиксирована во внутренней форме этого слова как образ протянутых вперед рук в знак поклонения, восхваления, благодарения, принесения жертвы. Выражение эмоции через жесты и позы системно выражено в древнееврейском, например, идея благословения фиксируется в слове, выражающем коленопреклонение.

В Индии благодарность выражается с помощью слов *dhanyavaad, shukriya, thank you*, при этом первое и второе слова относятся к высокому стилю. Корень слова *dhanyavaad* (санскр. *dhanya* – the blessed) означает благословенный, иначе говоря, благодарность в своей основе – это благословение. Пришедшее из арабского *shukriya* (арабское *shukran*) восходит к семитскому корню shkr со значением «вознаграждение» (ср. французское *merci*).

В казахском *рақмет* является опосредованным заимствованием из арабского, семитский корень rhm означает «милость». Соответственно, благодарность представляет собой магическое действие со значением призывания милости к тому, кого благодарят.

Таким образом, в различных языках внутренняя форма концепта «благодарность» сводится к следующим идеям: 1) радость, 2) добрые мысли, 3) милость, 4) дарение, 5) восхваление, 6) благословение, 7) вознаграждение. Можно увидеть, что в основе благодарности лежит чувство радости и стремление принести радость в ответ на чье-либо действие. Формой выражения благодарности являются добрые слова и жесты (восхваления), магические и символические действия (благословения и вознаграждения). Англоязычная благодарность в

большей степени соотносится с добрым словом, а благодарность по-русски – с магическим и символическим действием.

Образные характеристики концепта проявляются в сочетаемости его имени. Для анализа использовался электронный текстовый корпус «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин). Важнейшей текстовой характеристикой имен рассматриваемого концепта является уточнение причины благодарности.

Говорящий оценивает поступки адресата:

Я очень благодарен вам за то, что вы за меня молитесь (Л.Толстой).

Субъект показывает, что действие адресата для него важно:

Я благодарен за приглашение принять участие в симпозиуме, посвященном давно волнующему меня вопросу о необходимости отмены смертной казни (А.Сахаров).

Благодарность предполагает, что субъект осознает вероятность другого поведения адресата:

Я был очень благодарен Николаю Александровичу за поддержку, которую он неизменно оказывал мне и во время, и после этих событий (В.Кабо).

В ряде случаев мы сталкиваемся с благодарностью как косвенным речевым актом, используемым для демонстрации себя в выгодном свете (это особенно характерно для мемуаров):

Я благодарен Центральному Комитету нашей партии за то, что одобрено было мое стремление быть в действующей армии с первых дней войны (Л.Брежнев).

Выражение «быть благодарным» описательно и по этой причине является более литературным, чем слово «спасибо». Не случайно слово «спасибо» может выступать как индикатор разговорного стиля:

Спасибо автору за прямоту, спасибо редакторам издательства «Молодая гвардия», которые не испоганили хорошую книжку мерзкими заклинаниями (В.Емельяненко).

В проанализированном текстовом корпусе многие примеры этого слова относятся к диалогу или акцентируют речевое действие:

…незнакомец сидел, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил «спасибо» и протянул руки к огню (А.Стругацкий, Б.Стругацкий).

В приведенном контексте ясно показано, за что незнакомец благодарит героя. Слово «спасибо» может использоваться иронически:

Все молчат прислушиваясь. Из низины доносятся голоса немцев. Они, по-видимому, окапываются за высотой.

- Замолчали, – негромко говорит Володя. – Пять дисков как ветром сдуло... Еще приготовим, пожалуйста, только спасибо не говорите! – И он вываливает из противогазной сумки в шапку автоматные патроны, готовясь набивать диски (Ю.Бондарев).

Персонаж якобы обращается к врагам в присутствии своих товарищей. Понятно, что враги благодарить бойца не будут.

Выражение благодарности часто сопровождается определенными жестами, например, рукопожатием:

- Я остаюсь с вами, товарищ капитан! – произнес Железнов.

- Спасибо, товарищ полковник! – обрадовался Карпов и крепко сжал руку Железнова (Н.Алексеев).

Иногда благодарность является формальной:

– Спасибо за цветы, – дежурно отреагировала я.

Трудно благодарить от души ежедневно. Все, наверно, может стать будничным: и заботы, и готовность пожертвовать за тебя жизнью (А.Алексин).

Героиня упрекает себя в формальности, оправдывая себя тем, что благодарность не сочетается с обыденностью и регулярностью поступков.

Речевое действие благодарности сочетается с благопожеланием:

- Давайте ваш кошелек, папаша. Не бойтесь, не обсчитаю.

Старик охотно отдал кошелек. Кассирша, пощелкав клавишами аппарата, выбросила полоску чеков.

- Спасибо, доченька, – улыбаясь, покивал старик. – Дай Бог тебе здоровья (Б.Васильев).

Контуженый старик не может достать деньги из кошелька, кассирша его выручает, и он благодарит девушку и желает ей здоровья.

Институциональное выражение благодарности требует серьезности и особой тональности общения:

Командующий посуровел и выпрямился.

- Спасибо за отличную стрельбу, капитан! – отчеканил он, взяв под козырек.

- Служу Советскому Союзу, – недобрым, вяловатым, некомандным голосом ответил странный капитан (М. Веллер).

Командующий объявляет благодарность офицеру чеканным голосом, приложив ладонь к козырьку фуражки (знак воинского отдания чести в России). В ответ на поощрение офицер произносит уставную фразу, но тональность его голоса не соответствует норме.

Объявление благодарности в армии детально регламентировано:

Раздалась команда: «Смирно!» Курсанты вытянулись и застыли. Вышел подтянутый, еще молодой начальник, начал читать перед строем приказ. Бойцы внимательно слушали – они понимали толк в приказах.

- «Курсанту Михайлову, – слушали бойцы, – за образцовое проведение сложного внутривенного вливания бойцу Капустину и принимая во внимание, что эта процедура была произведена им впервые, объявляю благодарность» (К.Паустовский).

Участники этого коммуникативного действия должны стоять в определенной позе (смирно), начальник с определенной интонацией зачитывает приказ, в котором формулируются основания для благодарности. Обратим внимание на точное наименование статуса адресата и другого лица.

Приведу текстовые примеры, взятые из электронной базы данных Британского национального корпуса (www. natcorp.ox.ac.uk).

Благодарность должна получать выражение:

Perhaps she resents the duty, feeling that other family members should do more, or that the parents do not show sufficient gratitude in return.

Возможно, ей не нравится выполнять свои обязанности, поскольку она чувствует, что другие члены семьи должны делать больше или что родители не проявляют достаточной благодарности в ответ.

Обратим внимание на определение: достаточная благодарность, налицо рациональная оценка должного или ожидаемого уровня благодарности.

Благодарность является долгом, который нужно возвращать:

John repaid his debt of gratitude two or three years later, when Lisner was wondering whether to return to Australia and try to start his own company.

Джон вернул свой долг благодарности два или три года спустя, когда Лиснер раздумывал, возвращаться ли ему в Австралию или попытаться основать свою собственную компанию.

Благодарность является разновидностью приличного поведения:

All she had done this morning was suggest that she bathe his wound again before they started out, and he had refused with a complete lack of gratitude or even common courtesy.

Она всего-то и предложила утром, что могла бы промыть ему рану еще раз, прежде чем они отправятся в путь, а он ответил отказом с полным отсутствием благодарности или даже простой вежливости.

Отсутствие благодарности свидетельствует об игнорировании социальных норм.

Благодарность может быть показателем недостаточно глубокой привязанности:

Was it love or simply gratitude because he had offered her a safe haven?

Была ли это любовь или просто благодарность за то, что он предложил ей безопасную гавань?

Прилагательное *grateful* является типичным способом выражения благодарности в устных и письменных официальных текстах:

We are very grateful to Brian L. Davis for access to his collection for this article.

Мы очень благодарны Брайану Дейвису за возможность использовать его коллекцию для данной статьи.

Выражение благодарности является непременным компонентом в предисловии к англоязычным монографиям:

I ought to have been very grateful to ATV for sponsoring my work.

Я считаю своим приятным долгом выразить благодарность компании по производству мотовездеходов за финансовую поддержку данной работы.

Подобные выражения являются конвенциональными формулами.

Заслуживает внимания модальность выражения официальной благодарности в англоязычном общении:

I should be grateful if the Under-Secretary could comment on the way in which housing benefit is calculated.

Я был бы благодарен заместителю министра за его разъяснение по поводу того, каким образом производилась калькуляция прибыли в обеспечении жильем.

В ряде случаев благодарность является формульным выражением:

'We don't have a television, thank God,' explained one member.

«У нас нет телевидения, слава Богу», объяснил один из членов (совета).

Во многих случаях в официальном и полуофициальном англоязычном общении выражение *thank you* является вежливым знаком внимания или при употреблении в финальной позиции сигнализирует о конце высказывания.

Сочетаемостные характеристики имен концепта «благодарность» в русском и английском языках уточняют содержательный минимум этого концепта, зафиксированный в словарных дефинициях, в следующих направлениях: 1) детализируется причина благодарности – называется благо, оказанное субъекту; 2) дается оценка поступку того человека, который оказывает благо; 3) дается описание способа выражения благодарности (тональность речи, наличие сопровождающих речь действий, модальная вариативность). В корпусе примеров представлены случаи речеактового переосмысления благодарности (другое действие под видом благодарности, например, самопрезентация), комбинации речевого акта благодарности с другими речевыми действиями (в русской лингвокультуре обычно с благопожеланием). Установлено, что обиходная благодарность как жанр уточняется по степени эмоциональности, а институциональная – по соответствию тональности коммуникативных единиц каноническим формулам.

Ценностные признаки благодарности как концепта отражены в наиболее ярком виде в пословицах и афоризмах.

Подчеркивается важность благодарности: *Велико слово: спасибо. На добром слове кому не спасибо? Доброму слову и кошка рада. Gratitude preserves old friendships, and procures new (Благодарность сохраняет старую дружбу и порождает новую). When you drink from the stream, remember the spring (Когда пьешь из реки, не забывай об источнике).*

Осуждается неблагодарность: *Девка спесива не скажет спасиба. Как сытый поросенок от корыта бежит (не сказав спасибо). Вспоил, вскормил на себя ворога (о неблагодарности). Gratitude is the least of virtues, but ingratitude is the worst of vices (Благодарность – наименьшая из добродетелей, но неблагодарность – величайший из пороков). The hog never looks up to him that threshes down the acorns (Кабан никогда не смотрит, откуда падают желуди).*

Констатируется, что людям свойственна неблагодарность: *У бога выслужишь, у людей никогда (о неблагодарности). Своего спасиба не жалей, а чужого не жди. Many a man serves a thankless master (Многие служат неблагодарным хозяевам).*

Отмечается, что благодарность не требует усилий: *Поклониться – голова не отломится.*

Подчеркивается ценность искренней благодарности: *A forced kindness deserves no thanks (Вынужденное благодеяние не заслуживает благодарности).*

Говорится о том, что кроме благодарности требуется еще и оплата: *Из спасиба шубы не шить. Спасибом сыт не будешь. Спасибо в карман не положишь. Old thanks pay not for a new debt (Старыми благодарностями не оплатишь новые долги).*

Предписывается благодарить за любое благодеяние, каким бы малым оно ни было: *И не красиво, да (скажешь) спасибо. Дареному коню в зубы не смотрят. Never look a gift horse in the mouth (Дареному коню в зубы не смотрят). Throw no gift again in the giver's head (Не бросают подарок в лицо дарящему). Beggars can't be choosers (Нищие не выбирают). Half a loaf is better than no bread (Лучше половина булки, чем совсем без хлеба). A crust is better than no bread (Лучше корочка, чем совсем без хлеба).*

Следует благодарить и за наказание: *Побьют, так скажи спасибо за науку.*

Следует ценить благодарных людей: *To a grateful man, give money when he asks (Благодарному давай деньги, когда он просит).*

Даются предписания относительно благодарности в гостевом ритуале: *Не гостям хозяина, а хозяину гостей благодарить. За хлеб-соль не платят, кроме спасиба.*

Говорится о том, что Бог видит благодарность и неблагодарность: *За неблагодарных бог благодарит. Who gives not thanks to men, gives not thanks to God (Тот, кто не благодарит людей, не благодарит Бога).*

Приведенные речения свидетельствуют о том, что в фольклорном сознании наиболее остро осуждается неблагодарность и недостаточная благодарность. Вместе с тем отмечается распространенность неблагодарности и необходимость оплачивать услуги или долги, не ограничиваясь только благодарностью.

В афористике освещаются другие оценочные характеристики благодарности.

Осуждается неискренняя благодарность: *Благодарность большинства людей – не что иное, как тайное желание получить побольше выгоды (Ф.Ларошфуко).*

Подчеркивается тяжесть благодарности: *Тонкой душе тягостно сознавать, что кто-либо ей обязан благодарностью; грубой душе – сознавать себя обязанной кому-либо (Ф.Ницше).*

Критически оценивается стремление сделать свою благодарность непубличной: *Кто приносит благодарность, удаляя свидетелей, тот человек неблагодарный (Сенека).*

Осуждается поспешная благодарность: *Слишком усердное порывание рассчитаться с долгом благодарности есть своего рода неблагодарность (Ф.Ларошфуко).*

Вызывает критику ожидание благодарности: *Меня глубоко возмущает, когда сделавший мне добро ждет от меня благодарности. Тогда все его добро*

обесценивается, мне хочется заплатить ему с процентами и отвернуться (В.Вересаев). Требовать благодарности за каждое из своих благодеяний – значит торговать ими (А.Декурсель). Человек, ожидающий благодарности, хуже кредитора: он делает сначала подарок, хвастается им, а потом посылает счет (А.Стринберг).

Констатируется, что людям свойственно забывать о своей благодарности: *Люди почему-то легче оказываются благосклонными, когда они в страхе, нежели благодарными после победы (Цицерон). Нет более мимолетного чувства, чем благодарность (Х.Маккей).*

Осуждается стремление оправдать собственную неблагодарность: *Первый шаг неблагодарности – это исследование побуждений благотворителя (П.Буаст).*

Оправдывается свойственная многим неблагодарность: *Обвинение в неблагодарности есть не что иное, как обвинение в проницательности относительно причины благодеяния (Ф.Бэкон). Неблагодарных гораздо меньше, чем полагают, ибо щедрых значительно меньше, чем думают (Ш.Сент-Эвремон).*

Отмечено, что неблагодарность – отличительный признак тех, кого нельзя считать людьми: *Неблагодарность – роскошь хама (Ф.Искандер). Неутолимый голод – проклятие неспособных благодарить (Д.Карвин).*

Можно заметить, что афористы критически оценивают недостатки в поведении как благодарящего (неискренность, эгоистичность), так и того, кому адресована благодарность (расчетливость и стремление поставить другого человека в зависимость).

Благодарность как речевое действие представляет собой последовательность трех ходов: 1) А осуществляет некоторое действие в пользу В; 2) В признает это действие и выражает А благодарность; 3) А реагирует на выражение благодарности со стороны В.

Воплощаясь в различных коммуникативных ситуациях в определенный текстотип, благодарность становится речевым жанром и распадается на ряд субжанров.

Обиходная этикетная благодарность проявляется как реакция на чье-либо коммуникативное либо некоммуникативное действие. Например, кто-либо уступает место кому-либо в транспорте, показывая, что делает это намеренно, в ответ участник общения может сказать «спасибо» или кивнуть, показывая, что поступок с благодарностью принят. Типичной ситуацией такой благодарности является просьба сделать что-либо, за которой (в случае выполнения просьбы) следует благодарность:

- *Простите, Вы не скажете, как пройти на вокзал?*
- *По этой улице три квартала до поворота направо, а там Вы увидите.*
- *Спасибо.*
- *Не за что.*

В русской лингвокультуре этот жанр благодарности специфически выражается как этикетное «*Спасибо!*» после еды, в ответ произносят «*На здоровье*». Интересно, что продавщицы кваса чаще всего в ответ на благодарность говорят

«*Пожалуйста*» (это конвенциональная реакция на благодарность за услугу). Культурологически здесь значима грань между благопожеланием и вежливой фразой. В ряде случаев между друзьями или как бы между друзьями в ответ на благодарность звучит шутливая фраза «*Ничего не надо!*» (подразумевается, что была оказана услуга, которая может требовать оплаты). В англоязычном мире реакция на благодарность, как правило, сводится к формульным выражениям "*You are welcome", "No problem*" или вежливой улыбке. Если же выполнение действия потребовало от человека некоторых усилий, то часто произносится фраза "*It's a pleasure*".

Жанр этикетной обиходной благодарности в некоторых лингвокультурах представлен значимым нулем. Предполагается, что добрый поступок является естественным и не требует благодарности. Таковы, например, установки традиционной калмыцкой культуры. Благодарность в таком контексте является маркированным знаком дистанцирования. Аналогичное положение дел характерно для индийской лингвокультуры. Приведу мнение российской студентки, живущей в кампусе индийского университета, высказанное в ее блоге:

Когда в очередной раз я поблагодарила Шубху за то, что та приготовила кофе, Арвинд решил со мной поговорить. Он объяснил мне, что в Индии не принято говорить «спасибо». Спасибо, обращенное к своим друзьям, ставит под сомнения ваши дружеские отношения. Спасибо родителям не говорится вовсе никогда. Спасибо водителям авторикш или продавцам – за что??? ты даешь им деньги, а потом еще и благодаришь?.. Спасибо официантам? С чего вдруг? Это их работа, их долг перед тобой. Арвинд и правда не помнит ни одного случая, когда бы благодарил папу или маму.

Кроме того, говорить спасибо обслуживающему персоналу глупо, т.к. от подобной вежливости они почувствуют себя вправе потребовать больше денег. Между друзьями не должно быть никаких условностей, – если друг помогает тебе, это абсолютно естественно, т.к. в обратной ситуации помогать будешь ты – и ни для кого это не вопрос, иначе быть не может. Говоря же спасибо, ты как бы освобождаешь себя от потенциальной обязанности ответить человеку тем же. Выражая благодарность, ты обособляешь себя, придаешь ситуации формальный характер, создаешь искусственную дистанцию между собой и другом. Если ты принимаешь помощь, как что-то само собой разумеющееся, это значит, ты допускаешь человека в свое личное пространство, принимаешь его полностью и подсознательно понимаешь, что будь он на твоем месте, ты бы повел себя точно так же. (http://indonet.ru/story/spasibo-v-indii, размещено 22.05.2009).

Перед нами классический пример позитивной вежливости, по П. Браун и С. Левинсону. В этом тексте речь идет о двух разновидностях благодарности – об этикетной благодарности в общении между друзьями и между агентами и клиентами в массовом институциональном дискурсе. В последнем случае мы подсознательно измеряем ситуативную дистанцию: выходя из такси, по-русски часто говорят «Спасибо», а при выходе из маршрутного такси водителя обычно не благодарят. В англоязычном мире этикетная благодарность не считается

избыточной, но следует отметить, что обычно мы рассматриваем нормы общения среднего класса в качестве прототипного англоязычного общения, во-первых, и поведение многих представителей этой лингвокультуры за последние десятилетия изменилось, во-вторых.

Существует и **обиходная искренняя благодарность**, выражаемая в тех ситуациях, когда говорящий чувствует, что ему есть за что благодарить кого-либо. В таких случаях констатация благодарности является более развернутой (хотя может быть и значимо свернута до скупой фразы или даже взгляда). Развернутая схема благодарности может включать уточнения и оценку предшествующей ситуации, альтернативного развития событий, обещаний говорящего и т.д.:

- Слушай, старик, спасибо тебе, ты меня так выручил! Я бы без тебя с этим переводом неделю сидел. С меня причитается! Когда увидимся?

- Ладно, ерунда, я рад, что –

- Да что ты! Мне это так нужно, иначе не принимают, а я язык совсем забыл.

- Ну, как-нибудь встретимся. Звони, не пропадай!

Институциональная благодарность представлена в двух разновидностях – признательность и поощрение. И этих случаях участники коммуникации представляют собой представителей определенных социальных групп.

Институциональная признательность в академическом дискурсе выражается в словах благодарности в адрес научного руководителя, оппонентов и рецензентов во время официальных событий, например, защиты диссертации или дипломной работы. В англоязычном мире возник особый жанр *Acknowledgements* в предисловиях к текстам монографий: a short text at the beginning or end of a book where the writer names people or other works that have helped in writing the book (CIDE). Например, Рут Водак и Майкл Майер в предисловии к коллективной монографии “Methods of Critical Discourse Analysis” пишут:

Acknowledgements

This book could not have been written without the help of many people. We wish to express our gratitude to them all.

In particular, we appreciate the discussion and work with the student participants at our seminar on Critical Discourse Analysis (CDA) which we organized at the Department of Linguistics of the University of Vienna in the summer of 1999. This panel provided an important stimulus for our plan to publish a book on CDA.

We appreciate the collaboration with the authors of the contributions to this books: Siegfried Jäger, Teun van Dijk, Norman Fairclough and Ron Scollon. Not only did they write interesting papers, but they submitted them (almost) on schedule, and accepted our criticism and comments with understanding and patience.

Brian Jenner has been indispensable in helping to mould our badly structured non-native English in an acceptable form. Michael Carmichael and Lauren McAllister at Sage were very supportive editors who contributed positively to the final result.

Редакторы выражают благодарность студентам, принимавшим участие в семинаре по критическому анализу дискурса в Венском университете,

соавторам книги, которые «не только написали интересные статьи, но и представили их (почти) в срок, и приняли критику и комментарии с пониманием и терпением» (этот пассаж требует комментария: заслуживает внимания значимое слово «почти» в скобках, т.е. редакторы признают тот факт, что написание статьи в срок (англ. deadline) является редким случаем в академической практике и заслуживает благодарности, и отмечают, что известные лингвисты с пониманием и терпением отнеслись к критике – каждый, кто писал статьи в англоязычные научные журналы, знает, сколько времени и сил требует переработка текста с учетом замечаний редактора). Слово благодарности обращено к литературному редактору, исправившему стилистические недочеты авторов, для которых английский не является родным (авторы называют свой английский «плохо структурированным»). Признательность выражена сотрудникам издательства, которые приняли участие в финальном редактировании книги.

В российских монографиях подобные слова благодарности обычно тоже высказываются в предисловии или во введении к книге, но, как правило, носят более строгий и формальный характер: «Автор выражает искреннюю благодарность научному редактору и рецензентам» (с указанием их научной степени и звания). В англоязычном мире этот жанр является более персональным. Известный британский языковед Д. Кристал в предисловии к своей книге «Язык и интернет» фактически знакомит нас со своей семьей:

I am therefore very happy to acknowledge the assistance at various points of daughters Lucy and Suzanne – both professionally involved in the communications world – and son Ben for providing a bridge to the Internet as they know it to be, in their generation, and for providing extra data. I am also most grateful to Patricia Wallace, Simon Mitchell, and my editor at Cambridge University Press, Kevin Taylor, for further valuable comment, and to my wife, Hilary, for her invaluable critical reading of the screenscript.

Специфическим жанровым образованием является институциональная благодарность в советском политическом дискурсе:

Спасибо, родная Коммунистическая партия, за щедрость, доброту и любовь к советским ребятам!

Спасибо Вам, дорогой Леонид Ильич, за то, что Вы так много уделяете внимания юным пионерам, заботитесь о нас!

Подобные высказывания были частью ритуального политического дискурса, в котором стирается граница между благодарностью и прославлением. Обратим внимание на смысл благодарности: юные пионеры благодарят партию за любовь к детям своей страны (если вдуматься, такая благодарность выглядит странно). Интересна стилистика приведенного примера: два высказывания построены с соблюдением повтора, при этом предложения ритмически организованы как лозунги для скандирования. Ритмический повтор подкреплен семантически близкими словами («щедрость», «доброта» и «любовь») и выражениями («уделяете внимание» и «заботитесь о нас»).

Особый жанр благодарности образует благодарность как институциональное поощрение. Этот жанр в виде нескольких субжанров существует в

административном, военном, педагогическом (академическом) типах дискурса. Например:

За многолетнюю успешную работу по становлению серии «Наука в лицах» объявить благодарность главному редактору серии академику П.Г. Горовому.

Председатель ДВО РАН академик В.И.Сергиенко

Институциональная благодарность представляет собой официальный акт признания заслуг кого-либо и является перформативом, т.е. осуществляется только лицом, имеющим право на такое действие. Обратим внимание на системообразующие признаки текстотипа благодарности – указание причины поощрения и точное наименование должностей поощряемого и поощряющего. В ряде документов встречаются и дополнительные компоненты текста: не только причина, но и повод («за заслуги» + «в связи с юбилеем / праздником»), не только моральное, но и материальное поощрение («объявить благодарность» + «премировать»). Наряду с благодарностью выделяется ходатайство о благодарности, суть которого состоит в том, что кто-либо обращается в вышестоящую инстанцию с просьбой объявить благодарность определенному лицу: *Просить Президента Ассоциации классических университетов России академика В.А. Садовничего объявить благодарность за большую работу по организации и проведению XXV Пленума УМС по математике и механике УМО по классическому университетскому образованию РФ ректору Казанского государственного университета Салахову М.Х.*

Получили распространение обращения граждан в ту или иную организацию, граничащие между обиходной благодарностью и ходатайством о ней:

Получили огромное удовольствие от вашего заведения. Просим объявить благодарность Тупикову Александру Сергеевичу (очень вежливому официанту), а также поварам, диджею и всему вашему коллективу!!! Спасибо!

Формульное выражение «*прошу объявить благодарность*» часто замещается фразой «*хочу объявить благодарность*».

Благодарность в деловом дискурсе представляет собой специфический косвенный речевой акт, суть которого состоит в вежливом напоминании выполнить просьбу:

Прошу Вас представить отчет о выполнении плана работы к 20 июня. Спасибо.

Такая упреждающая благодарность, характерная для письменного англоязычного общения, получила распространение в современной русской лингвокультуре. Жанровые границы такой упреждающей благодарности весьма размыты. Мне встречались объявления в подъездах: *Просьба не курить в подъезде. Спасибо.* Можно было бы назвать такой тип дискурса социально-деловым, имея в виду то, что отправители речи обращаются к адресатам в неинституциональном, но статусном (т.е. представительском) плане.

Особый жанр образует **благодарность в религиозном дискурсе**. Суть этого жанра состоит в том, что благодарность (благодарение) тесно смыкается с прославлением другими смежными речевыми действиями и фактически не

отличается от них. Например, в православии: *Благодарни суще недостойнии раби Твои, Господи о Твоих великих благодеяниях на нас бывших, славяще Тя хвалим, благословим, благодарим, поем и величаем Твое благоутробие, и рабски любовию вопием Ти: Благодетелю Спасе наш, слава Тебе* (Тропарь, глас 4).

В этой молитве образуется единый концепт благодарения, поклонения, восславления, восхваления и благословения. В англоязычных молитвах и комментариях, посвященных им, прослеживается комплексный характер этого речевого действия: *Much of my prayer is gratitude and wonderment-gratitude for a fantastic sunset, a beautiful day, an amazing flower, a moving piece of music, or whatever (J.Neuberger) – Многие мои молитвы – это благодарение и восхищение-благодарение за фантастический закат, прекрасный день, удивительный цветок, волнующее музыкальное произведение, за всё.*

В этих словах выражена суть религиозного отношения к жизни. Такое отношение прослеживается в известных лирических произведениях. Предельно ясно эта идея выражена в стихотворении Б. Пастернака «В больнице»:

«О господи, как совершенны Дела твои, – думал больной, – Постели, и люди, и стены, Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу И плачу, платок теребя. О боже, волнения слезы Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком, Чуть падающем на кровать, Себя и свой жребий подарком Бесценным твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели, Я чувствую рук твоих жар. Ты держишь меня, как изделье, И прячешь, как перстень, в футляр».

Умирающий благодарит Бога за всё, восхваляя совершенство мироздания, и признает, что его жизнь была бесценным подарком.

Содержательно религиозная благодарность включает признание того, что человеческая признательность несоизмерима с полученным благодеянием:

О Чтимый Миром, ты великий благодетель. Из сострадания к нам совершил ты необычное, дав нам знание и оказав благодеяния. Ни один не воздаст сполна за милости твои, даже если будет прилагать старанья в течение сотен миллионов кальп. Ни один не воздаст сполна за милости твои, даже если будет класть поклоны и пожертвует тебе руками и ногами иль чем иным. Ни один не воздаст сполна за милости твои, даже если будет носить тебя на плечах и главе своей и будет поклоняться тебе всем сердцем в тнчение стольких кальп, сколько песчинок в реке Ганг (Буддизм. Лотосовая сутра 4).

Обратим внимание на временную единицу “кальпа”, которая в буддизме может означать период от срока жизни человека (айю-кальпа) до цикла развертывания и свертывания вселенной (маха-кальпа, 320 000 лет).

В отличие от благодарности в обиходном дискурсе как реакции на доброе дело религиозная благодарность предписывает с признательным благоговением принимать мучения:

Не уподобляйтесь тем, кто чтит богов своих в благополучии и проклинает – в беде. В удовольствиях и муках воздавайте благодарность (Иудаизм. Исход, Мекильта).

Такое же отношение к жизни выражено в стихотворении И.Бродского:

...Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. Только с горем я чувствую солидарность. Но пока мне рот не забили глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность.

Поэт с горечью констатирует, что люди отнеслись к нему как к зверю, что ему довелось пережить лишения, издевательство и предательство, но в итоге – в сильной позиции текста – делает парадоксальный вывод: пока человек жив, он каждым своим движением выражает благодарность миру, т.е. создателю.

Таким образом, жанровая специфика благодарности состоит в акцентировании типовых ситуативных признаков того или иного дискурса. В обиходном общении на первый план выступает чувство признательности к адресату, при этом демонстрация благодарности может быть как подчеркнуто выраженной и развернутой, так и намеренно свернутой. В административном дискурсе демонстрация благодарности выходит на первый план и реализуется в формульном виде как признание заслуг вышестоящего, так и констатация таких заслуг у нижестоящего. В советском политическом дискурсе демонстрация лояльности могла принимать форму благодарности. В деловом дискурсе благодарность представляет собой форму вежливого напоминания о действиях, ожидаемых от адресата. В религиозном дискурсе благодарность проявляется как синкретичное коммуникативное действие выражения поклонения и восхищения, при этом подчеркивается несоизмеримость благодарности и полученного блага и необходимость с благодарностью принимать как удовольствия, так и испытания.

Благодарность представляет собой коммуникативный поступок, состоящий в выражении чувства удовлетворения по поводу полученного блага. Выделяются два основных лингвокультурных модуса благодарности, зафиксированных во внутренней форме слов, обозначающих этот концепт в разных языках: доброе слово и магическое действие. В описании благодарности конкретизируются ее причины и способы ее выражения. В фольклорном сознании осуждаются неблагодарность, недостаточная благодарность, а также попытки заменить оплату благодарностью, в афористике критикуется неискренность и корыстная мотивация участников данного коммуникативного действия. Благодарность получает специфическое жанровое выражение в обиходном дискурсе (этикетная и искренняя благодарность), в административном дискурсе (официальное признание заслуг со стороны нижестоящего и со стороны вышестоящего), в политическом дискурсе (демонстрация лояльности), в научном дискурсе (признательность в предисловии), в деловом дискурсе (упреждающая благодарность как импликация просьбы), в религиозном дискурсе (синкретичное поклонение, прославление, благословение и благодарение). Основная тенденция в выражении благодарности в разных типах дискурса – расширение сферы обиходной благодарности, как в этикетном, так и в искреннем видах.

§ 2.8. Концептуализация насмешки

Осмысление действительности представляет собой процесс сопряжения личного опыта с концентрированным коллективным опытом, зафиксированным в семантике языковых единиц, поведенческих установок, стереотипов и предписаний. С позиций антропологической лингвистики такое осмысление изучается как динамическая система концептов – квантов переживаемого знания. Концепты многомерны, и эта многомерность охарактеризована в лингвистической литературе как многослойность ментального образования [Степанов 1997], противопоставление понятийного, образного и ценностного содержания концепта [Карасик 2002; Красавский 2001; Слышкин 2004], несводимость концепта к его вербальной оболочке [Стернин 2008]. Анализируя концепты, исследователи выделяют в них общекультурный, социально-групповой и индивидуально-личностный компоненты, отмечая, что соотносительная значимость этих компонентов различна в разных культурах применительно к разным ментальным образованиям.

Для понимания лингвокультурной специфики языкового освоения мира особенно значимы регулятивные концепты – те ментальные образования, содержание которых составляют нормы поведения [Бабаева 2003; Ларина 2009]. Подчеркну, что ценностный компонент – с позиций лингвокультурологии – является непременной составной частью любого концепта: если некая сфера действительности оказывается нерелевантной для коллективного опыта, она не концептуализируется. В этом плане все кванты ценностной картины мира можно разбить на несколько типов ментальных образований: 1) концепты, содержанием которых являются высшие ориентиры поведения, телеономные концепты (по С.Г. Воркачеву) – «добро», «зло», «истина», «любовь», «красота», «справедливость» и др. [Воркачев 2001]; 2) концепты, в содержании которых зафиксированы нормы и предписания применительно к определенным ситуациям («вежливость», «лень», «сочувствие», «смелость», «настойчивость», «жадность» и др., 3) концепты, получающие ценностное осмысление только в специфических коммуникативных ситуациях – сюда относятся предметные, процессуальные и качественные сущности, ценностное содержание которых может выйти на первый план лишь при обсуждении их утилитарной ценности, либо опасности, либо важности в качестве знаков определенного поведения («одежда», «компьютер», «спорт», «дискуссия», «экзамен», «еда» и др.). Иначе говоря, можно выделить три степени ценностной маркированности при осмыслении и переживании опыта – ценности базовые, ситуативные и мотивационные, и отсюда логически вытекает пирамидальное соотношение названных ценностей: мотивационные ценности лежат в основе нашего знания о мире и пронизывают все концепты, составляя абсолютное большинство, ситуативные ценности представляют собой большую, но ограниченную группу предписаний и запретов, базовые ценности касаются нескольких важнейших ориентиров мировосприятия и освоения действительности. К числу

ситуативных ценностей в предложенной схеме относится система установок, предписаний и запретов под рубрикой «насмешка».

Насмешка – обидная шутка – представляет собой коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости объекта оценки путем подчеркивания его нелепой комичности с намерением причинить ему зло и получить от этого удовольствие. Психологическая природа насмешки состоит в вытеснении зависти или страха через выпускание отрицательных эмоций. Такое поведение является разновидностью агрессии, весьма частотно и поэтому получает множественное и вариативное обозначение в языке.

Приведу дефиниции базовых номинантов концепта «насмешка».

Насмешка – обидная шутка по поводу кого-, чего-л. (БТС). 1. Насмешка – это шутка, которая обижает, раздражает вас или ставит в неловкое положение. *Подвергаться насмешкам. Осыпать насмешками. Они должны были отвечать на унизительные вопросы, сносить насмешки. Его насмешки больше не задевали меня*. 2. Насмешкой называют ироничное, несерьезное отношение к кому-либо или чему-либо. *В его голосе слышалась еле заметная насмешка. Девушка смотрела на меня с нескрываемой насмешкой.* (Дмитриев).

Насмехаться – насмеяться чему, над чем; издеваться, изгаляться, трунить, шутить или забавляться над чем, зубоскалить, подымать на смех, на зубки, чесать зубы; дурачить кого (Даль); делать кого-, что-л. предметом насмешек, оскорбительных замечаний (БТС); подвергать кого- что-либо насмешкам; издеваться (БАС).

Таким образом, содержательный минимум рассматриваемого концепта включает следующие базовые признаки: 1) шутка, 2) причиняющая обиду, 3) свидетельствующая о несерьезном отношении к объекту.

В русском языке список лексических и фразеологических единиц, называющих концепт «насмешка», его разновидности и близкие по смыслу концепты, включает глаголы *насмехаться, смеяться, шутить, вышучивать, подтрунивать, подсмеиваться, насмешничать, осмеивать, высмеивать, разыгрывать, поднимать на смех, ёрничать, гаерничать, подкалывать, подковыривать, подначивать, поддевать, издеваться, изгаляться, потешаться, глумиться, язвить, ехидничать, прикалываться, зубоскалить, дразнить, поддразнивать, иронизировать, пародировать, шаржировать*, прилагательные *насмешливый, язвительный, едкий, ехидный, ироничный, саркастический, сардонический, колкий, ядовитый, желчный*. К этим словам примыкают отглагольные существительные (*вышучивание, высмеивание, глумление* и др.), обозначения жанров насмешки (*пародия, сарказм, дразнилка* и др.), и связанные с прилагательными наречия (*язвительно, ехидно, желчно* и др.).

Насмешка концептуализируется в следующих направлениях: 1) откровенность (*смеяться, потешаться*), 2) злобность (*издеваться, язвить, желчный, саркастический*), 3) циничность (*глумиться*), 4) хитрость (*ехидный*), 5) грубость (*ёрничать, зубоскалить*), 6) относительная беззлобность (*подтрунивать, прикалываться*), 7) игровой характер (*подкалывать, подковыривать, подначивать* – отметим своеобразную словообразовательную парадигму таких

разговорных глаголов). Некоторые типы осмеяния фиксируются в определенных жанрах (*шарж, карикатура, пародия*). Наиболее важным дифференциальным признаком в смысловом пространстве рассматриваемого концепта является противопоставление более и менее злой насмешки. В первом случае акцентируется стремление говорящего причинить вред объекту осмеяния и осуждается жестокость, цинизм или хитрость насмешника, во втором случае подчеркивается желание говорящего повеселиться и порицается некоторый выход за грань приемлемой игры. Противопоставляются также грубая и тонкая насмешка: издевательская насмешка не содержит никакой маскировки, в то время как иронический или ехидный оттенок в словах может быть едва заметным. Анализируя смысловые оттенки между обозначениями осмеяния в русском языке, А.В. Санников (2003) устанавливает тонкие дистинкции в данном семантическом пространстве: облигаторное либо факультативное наличие смеха, смех субъекта либо смех аудитории, речевое либо неречевое действие.

Внутренняя форма данных слов часто содержит идею колющего предмета, ядовитого жала, незаживающей язвы как результата нанесенной раны, показателен образ из греческого: сарказм – *sarkazein* – рвать мясо.

В толковых словарях английского языка находим следующие дефиниции номинантов анализируемого концепта.

Sneer – smile scornfully or contemptuously; speak or write in a manner suggesting or expressing contempt or disparagement (SOED); to smile or speak in a very unkind way that shows you have no respect for someone or something: *'Is that your best outfit?' he sneered* (LDCE); n 1. a facial expression showing distaste or contempt, typically with a curled upper lip, 2. a remark showing distaste or contempt, vb 1. to make a facial expression of scorn or contempt, 2. to say (something) in a scornful manner (Cobuild); deride – to make remarks or jokes that show you think someone or something is silly or useless [= mock]: *You shouldn't deride their efforts* (LDCE); to speak of or treat with contempt or ridicule (Cobuild); gibe – to say something that is intended to make someone seem silly (LDCE); to make insulting or taunting remarks (Cobuild). ridicule – to laugh at a person, idea etc and say that they are stupid: *At the time, his ideas were ridiculed* (LDCE); n language or behaviour intended to humiliate or mock, vb to make fun of or mock (Cobuild); scoff – to laugh at a person or idea, and talk about them in a way that shows you think they are stupid [= make fun of] (LDCE); to speak in a scornful and mocking way about (something) n a mocking expression, jeer (Cobuild).

Содержательный минимум рассматриваемого концепта сводится к следующим базовым признакам: 1) усмешка, смех или слова, 2) выражающие презрение и неуважение, 3) по поводу глупого поведения.

В тезаурусе П. Роже (Roget) структура анализируемого концепта представлена как трехчастное образование с уточнением признаков “презрение”, “оскорбление” и “осмеяние”: 1) *scoff* – make fun of; despise. Synonyms: *belittle, boo, contemn, deride, dig at, disbelieve, discount, discredit, disdain, flout, gibe, jeer, knock, laugh at, make light of, mock, pan, poke fun at, pooh-pooh, rag, rally, reject, revile, ride, ridicule, scorn, show contempt, sneer, tease*; 2) *deride* – make fun of;

insult. Synonyms: *banter, chaff, contemn, detract, disdain, disparage, do a number on, dump on, flout, gibe, jeer, jolly, kid, knock, laugh at, lout, mock, pan, pooh-pooh, put down, quiz, rag, rally, razz, rib, ridicule, roast, scoff , scorn, slam, sneer, taunt, twit*; 3) *chaff* – joke, ridicule. Synonyms: *banter, deride, fun, jeer, jolly, josh, kid, mock, rag, rally, razz, rib, scoff, taunt, tease*. Notes: to chaff means to tease good-naturedly (Roget).

В словаре синонимов уточняются дифференциальные признаки анализируемого концепта: это 1) демонстрируемое неуважение (*scoff*), 2) громкий смех (*jeer*), 3) саркастичная язвительность (*gibe*), 4) мимическое, а не вербальное выражение (*fleer*), 5) злобность и цинизм (*sneer*), 6) намеренное и злобное осмеяние (*ridicule*), 7) пренебрежение и презрение (*mock*), 8) оскорбительность (*taunt*), 9) жестокость (*twit*), 10) дружеское поддразнивание (*rally*) (WNDS).

Сравнение словарных дефиниций номинантов насмешки в русском и английском языках показывает следующее: 1) наблюдается значительное сходство в обозначении высмеивания с целью причинения вреда объекту осмеяния, 2) в английском языке эта смысловая область заполнена более плотно по сравнению с русским языком, 3) основные различия между русским и английским осмыслением насмешки состоят в том, что в русские осуждают хитрую и бессовестную насмешку, а представители англоязычной культуры ассоциируют насмешку с презрением и мимически выражают ее в виде искривленных губ (в словарях говорится о верхней губе – такова английская традиция, сравним: *keep a stiff upper lip* – remain resolute and unemotional in the face of adversity – проявлять твердость характера во время испытаний, сдерживая эмоции).

Сравнение русской и английской концептуализации насмешки показывает, что выделяются две разновидности насмешки в русской картине мире, у которых нет однословных корреляций в английском языке. Это ехидство и глумление. Словарные дефиниции и этимология этих слов не в полной мере позволяют нам увидеть особую значимость тех установок поведения, которые стоят за этими концептами.

Прилагательное *ехидный* происходит от существительного *ехидна* – (устар.) ядовитая змея. Разг. О злом, язвительном, коварном человеке. В греч. мифологии: чудовище – наполовину женщина, наполовину змея (БТС): Ехидна – ученые назвали так разряд ядовитых змей. Elaps Naia; очковая змея азиатских фигляров; также змея Coluber berus; | об. злой, злорадный человек. Эхидный, злой, злобный и лукавый. Эхидство ср. злоба, злость, лукавство. Эхиднов, эхиднин, ехидне принадлежащий. Эхидничать или ехидствовать, злобствовать, желать и творить зло умышленное, лукавое (Даль). В современном массовом сознании образ змеи не всегда актуализируется при назывании кого-либо ехидным человеком, такая ассоциация закреплена прежде всего за религиозными текстами («*порождения ехиднины*»). По-видимому, соединение зловредности, насмешки и хитрости (лукавства) фоносемантически поддерживается в данном прилагательном. Аналогичным образом слово *гад* в качестве оскорбления обозначает очень неприятного, мерзкого человека.

Семантика глагола *глумиться* – издеваться, зло насмехаться (БТС); издеваться, насмехаться над кем-, чем-либо; шутить, выражая неуважение, презрение к кому-либо, потешаться над кем-либо (БАС) – становится ясной из приводимых словарных примеров: *Глумиться над святынями, над человеческими слабостями* (БТС); *Грустно видеть, когда гримасничают, кривляются и глумятся над таким предметом, который любишь горячо, искренно и сознательно* (Писарев). *Мой кучер видимо потешался, глумился над стариком* (Тургенев) (БАС). Примеры показывают, что глумливая насмешка вызывает резкое осуждение потому, что объектом жестокого осмеяния выступает то, что особенно дорого кому-либо, является святым, противоречит базовым нормам поведения. Глаголы *глумиться* и *издеваться* близки в том, что обозначают злую и оскорбительную насмешку, вместе с тем издевательство акцентирует жестокость и стремление унизить человека, над которым подобным образом насмехаются, в то время как глумление подчеркивает цинизм насмешника, отсутствие у него каких-либо этических ориентиров. Именно поэтому, вероятно, в русском общении возникла коммуникативная потребность обозначить такое значимое отсутствие моральных норм. В английском языке есть целый ряд слов, обозначающих злую и жестокую насмешку, издевательство, но для англоязычной ментальности не актуально подчеркивание именно моральной стороны вопроса: по-английски акцентируется выражение того или иного отношения, а не отношение как таковое, осуждается грубость, а не отсутствие уважения в душе. Не случайно столь значимые в русской лингвокультуре оттенки значений в словах *нахальный*, *наглый*, *хамский* и *бессовестный* не дифференцируются в английском.

Насмешка представляет собой не действие, а квалификацию определенного действия и, как, подобные модусные операторы, в полной мере раскрывается при адвербиальной характеристике того или иного коммуникативного поступка: обычно говорят *насмешливо* (*издевательски, ехидно, шутливо, иронично* и т.д.) *улыбаться, глядеть, подмигивать, спрашивать или отвечать.*

Выражение насмешливого отношения в диалоге проявляется в мимике и интонации говорящего, может быть почти неуловимым и адекватно интерпретируется только тогда, когда участник общения реконструирует возможные интенции своего собеседника как насмешку. Поэтому типичен вопрос: «*Ты шутишь / смеёшься / иронизируешь / издеваешься?*». Обратим внимание: вряд ли в такой ситуации возможен вопрос: «**Ты глумишься?*», поскольку у адресата не возникает сомнений в интенциях говорящего.

Анализ примеров из информационно-справочных систем «Библиотека лексикографа» (www.lexicograph.ru) и «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru) показал следующее.

Суть ехидного замечания состоит в насмешливом унижении адресата:

Югов сказал с сожалением:

- Везет мне на работничков. У одного с сообразительностью неважно, у другого – с памятью...

То ли это его ехидное сожаление меня задело, то ли все само собой выплыло, но только я уже знал, что ответить Югову (С.Абрамов).

Начальник иронически оценивает своих сотрудников, и его слова задевают героя.

Ехидная насмешка снижает пафос высказывания либо всей коммуникативной ситуации:

И вот тут среди общих возгласов восторга вдруг прозвучал первый ехидный вопрос: позвольте, а кто сказал, что открытие господина Эрстеда действительно открытие? Влияние электричества на магниты давно открыто итальянцами Можоном и Романьози, еще в 1802 году (В.Азерников).

В приведенном примере ставится под сомнение авторство в отношении важного физического явления – электромагнетизма. В данном случае обвинение в плагиате было признано несостоятельным, но отметим, что специфика научного дискурса состоит в напряженном поиске истины, часто в полемике, и это способствует повышенной критичности ученых как в профессиональном, так и непрофессиональном общении.

Ехидное отношение выражается во вводных оборотах:

- Приступим к персональному делу коммуниста Бакасова, – сказал он, жестко нажимая на слова.

- Да, с позволения сказать, коммуниста, – ехидно проронил кто-то с усмешкой (Ч.Айтматов).

Выражение «*с позволения сказать*» означает: то, что будет сказано, заслуживает порицания. Проработка на партийном собрании подразумевала различные виды критики – вначале это могла быть насмешливо-завуалированная критика, в заключительной части собрания обычно звучали формулировки с прямым осуждением товарища, который своим поведением уронил высокое звание коммуниста.

Применительно к наречию *ехидно* удалось установить, что большинство высказываний описывают речь героев:

И зачем вы ему дали внутрь средство, которым бабы волосы осветляют? – ехидно поинтересовался терапевт (Д.Донцова).

Злая насмешка характеризует адресата как глупого человека, совершившего абсурдное и вредное действие, при этом, обратим внимание, говорящий занимает более высокое статусное положение, являясь специалистом.

Аккомпанировавшая мне пианистка не удержалась, чтобы не прокомментировать ехидно: У нас много меццо-сопрано (И.Архипова).

Злая насмешка свидетельствует о стремлении говорящего уколоть адресата, понизив его самооценку: известная певица была обижена тем, что ее посчитали одной из многих. Заслуживает внимания тот факт, что ехидство в норме пытаются сдержать, но в ряде случаев оно вырывается наружу.

Вот Артур Германович уж с вами побежит скорее, скорее, – сказал он вежливо и ехидно (Ю.Домбровский).

Ехидство часто сочетается с вежливостью, при этом возникает резкое противоречие между приятной формой общения (назначение вежливости – сделать общение легким и приятным) и злонамеренной интенцией говорящего.

Весьма частотна ехидная улыбка:

И опять ехидно улыбается: мол, такая была красавица, могла бы иметь счастливую судьбу, но пренебрегла им, Терещенко, вышла за неудачника и вот по собственной глупости попала в такую ужасную историю (А.Рыбаков).

Злая насмешка в виде ехидной улыбки интерпретируется как демонстрация глупости адресата – женщина совершила неверный выбор, попала из-за этого в неприятную ситуацию, и говорящий с удовольствием ей показывает это. Мы видим, что ехидное поведение вызывает особенный протест потому, что у ехидствующего есть объективные основания для насмешки, он по сути дела бьет лежачего, который и так понимает, что находится в затруднительном положении. В этом состоит существенное различие между необоснованными насмешками или придирками, с одной стороны, и ехидным осмеянием, с другой стороны.

«А Свиридов-то еще одним циклом разродился», – ехидно и пренебрежительно говорили одни (А.Висков).

Завистники ехидно отзываются о новых произведениях известного композитора. Показательно сочетание «ехидно и пренебрежительно». Актуализируется идея статусного неравноправия коммуникантов. Отрицательно оценивая творчество своего коллеги, говорящие принижают значимость его труда.

Ты в курсе, что с детьми полагается время от времени гулять? — ехидно напомнила она (Е.Яковлева).

Констатируя общеизвестную истину, субъект показывает, что адресат уклоняется от выполнения своих обязанностей. Акцентируется обязанность адресата, а напоминание об обязанности – это статусный знак вышестоящего.

Ехидство в ряде случаев смыкается с иронией:

Какой ты, Гера, башковитый мужик, – ехидно ухмыльнулся Кравченко (В.Валеева).

Контекст показывает, что в данном случае субъект под видом похвалы выражает сомнение в умственных качествах адресата.

Интересны примеры, в которых фигурирует главный носитель злобной насмешки:

Во всяком замысле главное – точность, – ехидно заметил дьявол, – величие замысла – оправдание неудачников (Ф.Искандер).

Осуждение неудачника – беспроигрышная позиция для носителей утилитарных ценностей. Дьявол констатирует, что неудачник всегда виноват в своей неудаче, и причиной вины является интеллектуальная несостоятельность.

Ехидство может быть направлено и не на адресата:

Смотри, сколько «людей в штатском», — ехидно сказал Сергей Павлович, – они в таких случаях тут как тут (Л.Дуров).

Людьми в штатском обычно называют сотрудников государственной безопасности. Говорящий критически оценивает их работу, демонстрируя насмешку по отношению к государственной машине, а не к собеседнику.

Ехидные замечания подвергают сомнению претензию на высокую нравственность или изречение истины:

Только гадости ты и помнишь, – процедил сквозь зубы дядя Жора и, повернувшись к мальчику, ласково улыбнулся: – Женечка, ты говорил удивительно интересно. Но в жизни все гораздо сложней. История человечества, как известно, развивается...

– Чтоб на более высоком уровне повторять те же ошибки, – ехидно перебил его дядя Вася (А.Гладилин).

В данном примере ехидное замечание ставит под сомнение как тезис о ценности прогресса, так и право собеседника говорить на эту тему.

Ехидная реплика обычно требует навыка либо интеллектуальных усилий:

Тонька давно углядела, куда Зырин то и дело косит глаза, хотела сказать что-то ехидное, да не придумала (Г.Попов).

Героине не нравится, что ее попутчик заглядывается на девушку рядом, она пытается прокомментировать это, но нужные слова не приходят. Отсюда вытекает признание жанровой природы ехидных реплик.

Заслуживает внимания иронический комментарий Варлама Шаламова к знакам препинания – по сути дела, к человеческой природе:

Ехидно сеющий сомненья / Знак вопросительный таков, / Что вызывает размышленья / У мудрецов и дураков. / Зато в обилье восклицаний / Вся наша доблесть, наша честь. / Мы не заслужим порицаний / За восклицательную лесть (В.Шаламов).

Автор высмеивает не только свойственное мудрецам высокомерие по отношению к простым людям, но и распространенное стремление прикрыть избыточной эмоциональностью корыстное желание польстить руководству.

Интересен контекст, нейтрализующий отрицательную оценку в слове «ехидный»:

Не смерти все мы страшимся, как все творческие люди, а всего лишь забвения. Как много возникало "замечательных" имен, но еще при жизни переселились они на тот свет (слава Богу, фигурально!). Какое счастье, что идет новая журналистская смена – острая, ехидная, умная, безжалостная, собравшаяся под знамена "Смехопанорамы" или "Акул пера", а то под рубрику "Как это было": пир талантов и остроумия, поиска и находок (В.Аграновский).

Для публициста профессионально значимо умение подметить и остро покритиковать тот или иной социальный изъян. Не случайно объекты критики придумали для таких публицистов слово «*журналюги*».

Приведенные примеры показывают, что ехидное поведение проявляется в виде насмешливых вопросов, комментариев, улыбочек, при этом ехидство требует определенных интеллектуальных усилий и привычки к такой игре (ехидный человек любуется своим интеллектом), назначение ехидства –

поставить объект критики на место (незаслуженное, с точки зрения этого объекта), ехидство сближается с иронией в том плане, что понижает патетичность ситуации.

Важнейшей характеристикой глумления выступает объект, который по определению не подлежит осмеянию:

Если тебе твоя вера не нравится, так ты ее перемени, а смеяться грех; тот последний человек, кто над своей верой глумится (А. П. Чехов).

В этом примере четко дана характеристика такой насмешки – это есть грех. В качестве такого объекта выступает не только вера, но и правда:

Понимаешь, что и наше сердце окаменело и часто даже не содрогнется, видя, как ум наш глумится над истиной, как жизнь наша попирает закон Божий и правду (Н. Торопцева).

Обратим внимание на важное противопоставление ума и сердца: окаменевшее сердце – образ омертвевшей души.

Глумятся над мёртвыми:

Ахиллес глумится над трупом ненавистного ему Гектора (В.Вересаев).

В этом примере подчеркивается низость героя, который пытается отомстить своему беззащитному сопернику, унижая его после его смерти.

Для поэта издевательство над поэзией есть глумление:

Когда Тургенев убедился, что Добролюбов не поддается на его любезные приглашения, то оскорбился и начал говорить, что в статьях Добролюбова виден инквизиторский прием: осмеять, загрязнить всякое увлечение, все благородные порывы души писателя; что он возводит на пьедестал материализм, сердечную сухость и с нахальством глумится над поэзиею; что никогда русская литература, до вторжения в нее семинаристов, не потворствовала мальчишкам, из желания приобрести этим популярность (А. Панаева).

Тургенев обвиняет Добролюбова в отсутствии у того благородства.

Эта идея – глумиться свойственно неблагородным людям – отчетливо прослеживается в следующей фразе:

Но пусть бы одни площадные зеваки дурачились, — где чернь не одинакова, где она не глумится? (И. Долгоруков).

В данном примере акцентируется субъект этой злой насмешки – чернь.

Глумление связано с издевательством, которое переворачивает самые основания мира:

Излишне напоминать, что тот уровень жизни нынешняя «элита» глумливо называет «уравниловкой»… (А. Пшеницын).

Публицист говорит об обнищании народа, вспоминая о справедливом принципе социалистического распределения благ, и полагает, что слово «уравниловка» звучит в устах современных хозяев жизни кощунственно.

Образные характеристики глумливого поведения четко показаны в следующем примере:

Маленький, коренастый, с коричневым лицом, напоминающим помесь птицы с обезьяною <…> с сардонически улыбающимся (презло и прегадко) ртом – даже тогда, когда не на что было улыбаться, с пытливыми какими-

то желтыми зрачками юрких глазенок, он производил впечатление вечного паяца (и когда объяснял, и когда хвалил, и когда порицал); и нельзя было разобрать, над чем он глумится; его глумление выражалось в иронических «ээ», «хээ», «хм», в постукивании нас по лбу пальцем (лишь в шестом классе мы его отучили от этого), сопровождавшем исправление стиля (А. Белый).

Глумливый человек смеется над теми, кто от него зависит, паясничает, показывает людям, что они глупее его, глумление неразрывно связано с иронией, точнее – содержательно это ирония, иногда переходящая в сарказм, а по форме – это демонстрация презрительной злой насмешки в жестах, мимике, голосе.

Тот, кто глумится, открыто демонстрирует презрение к нормам поведения:

При воспитательницах уже начали рассказывать похабные анекдоты, грубо требовали подачи обеда, швырялись тарелками в столовой, демонстративно играли финками и глумливо расспрашивали, сколько у кого есть добра (А. Макаренко).

Глумление сопряжено с пошлостью и цинизмом. Известный русский педагог показывает, с каким человеческим материалом ему пришлось работать, когда он организовал свою школу для беспризорников и малолетних преступников.

Глумление предполагает совмещение несовместимого:

И он, глумливо улыбаясь, целует ее, не убирая ножа (С. Василенко).

Поцелуй – это знак симпатии, и поэтому тот, кто целует кого-либо, держа в руке нож, издевается как над жертвой, так и над идеей выражения такой симпатии. Такой поцелуй чем-то напоминает известный поцелуй предателя из Нового Завета.

В глумлении, как и в ехидстве, есть нечто дьявольское:

И еще раз мы встречаемся с глумливо-торжествующей мефистофельской улыбкой сознания, ориентирующегося на «объективности», на трезвое констатирование фактов (С. Франк).

Образом глумления выступает мефистофельская кривая улыбка.

Таким образом, глумливая насмешка представляет собой циничное демонстративное осмеяние того, что считается святым и дорогим для человека, стоящего на фундаменте моральных норм, при этом акцентируется принципиальное отсутствие благородства в том, кто глумится (в этом поведении прослеживается древнее противопоставление благородных и неблагородных по рождению). Глумящийся может быть и умным человеком, но это – извращенный и патологически жестокий ум.

Оценочные нормы не дифференцируют типы насмешек и часто выражаются в виде советов по поводу того, над чем смеяться не следует, с одной стороны, и как реагировать на насмешку, с другой стороны.

В паремиологическом фонде находим рекомендуемые нормы поведения по отношению к насмешке.

Не следует показывать, что шутка задевает: *За шутку не сердись, а в обиду не вдавайся.* Эта же идея выражена в следующей сентенции известного испанского автора: *«Насмешки терпеть, но самому не насмехаться. Первое – вид учтивости, второе – драчливость» (Б. Грасиан).*

Самокритика – надежная психологическая защита (это речение было записано В.И. Далем задолго до появления известной книги Д. Карнеги): *Нет лучше шутки, как над собою.* Сравним: *He is not laughed at that laughs at himself first – Не смеются над тем, кто смеется над собой первым*.

Не следует переходить границы в осмеянии другого: *Над кем посмеёшься, тот над тобою поплачет.*

В современном городском фольклоре часто используется фраза: *Грешно смеяться над больными людьми.* Это разновидность прямо выраженной нормы: *Нельзя смеяться над чужой бедой*. Хорошо известна мораль из басни И.А. Крылова: «*Вперёд чужой беде не смейся, голубок!*».

Во многие культуры вошла библейская фраза: *Не насмехайся над человеком, находящимся в горести души его (Сирах).* Это изречение сопутствует другому: *Падение врага своего не встречай криком радости*. Эти фразы ориентируют людей на мудрое отношение к жизни и принятие непредсказуемой изменчивости судьбы.

В англоязычном мире отношение к насмешке достаточно жестко регламентируется. Г.К. Честертон вносит важное уточнение в этот вопрос:

Смеяться можно над чем угодно, но не когда угодно. Действительно, нельзя шутить в определенные минуты. Мы шутим по поводу смертного ложа, но не у смертного ложа (Г.К. Честертон). Вместе с тем четко формулируется запрет смеяться над религией: *Jest not with the eye, or with religion – Не шути со своим глазом или с религией.*

Подчеркивается, что насмешник должен быть готов к насмешкам над ним: *If you give a jest, you must take a jest – Если ты смеешься над кем-то, то ты должен принимать насмешки*. Близкое по смыслу предписание требует учитывать чувства тех, кто подвергается насмешке: *He jests at scars who never felt a wound – Над шрамами смеется тот, кто не был ранен.* Эта фраза Шекспира из «Ромео и Джульетты» хорошо известна в англоязычном мире.

Отмечается, что насмешки вредят человеку, привыкающему использовать их: *Насмешки часто походят на тонкие яды, которые убивают тех, кто употребляет их (П. Буаст).*

Насмешка является частым средством в споре, но свидетельствует о внутренней слабости спорщика: *Насмешка бывает часто признаком скудости ума; она является на помощь, когда недостает хороших доводов (Ф. Ларошфуко).*

Таким образом, отношение к насмешке сводится к следующим предписаниям: 1) существуют вещи, над которыми не смеются, 2) не следует болезненно реагировать на насмешки, 3) нужно знать, что над насмешником тоже посмеются, 4) не следует часто смеяться над людьми, 5) полезно иногда смеяться над собой, 6) следует помнить, что насмешка – плохой аргумент в споре.

Подведем основные итоги.

Насмешки – обидные шутки – являются важными регуляторами межличностных отношений и концептуализируются в языковом сознании в виде многомерного континуума, основными параметрами которого выступают намерения причинить зло объекту насмешки и получить от этого удовольствие. По признаку злонамеренности противопоставляются язвительные и дружеские насмешки, по степени выраженности замысла – грубые и тонкие, по жанровой сформированности – спонтанные и фольклорные (либо литературные). Язвительные насмешки в наибольшей мере характеризуются этнокультурной спецификой, проявляясь в русском языковом сознании в виде ехидства и глумления. Для русских в насмешке на первый план выходит внутреннее отношение насмешника к объекту осмеяния, для представителей англоязычного сообщества – демонстрация такого отношения. В ассоциативном поле насмешки выделяются характеристики субъекта, объекта и манеры насмешки, при этом склонность к насмешкам осмысливается как претензия на относительно высокий интеллект и как показатель душевной черствости. В паремиологии акцентируется амбивалентная опасность насмешки, которая может уколоть того, над которым смеются, и принести вред насмешнику.

§ 2.9. Концептуализация социального равенства

Равенство – центральное звено в девизе Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство». В этом контексте свобода является необходимым условием для достижения равенства, а равенство в свою очередь предполагает построение идеальных общественных отношений – братства.

Осмысление социального равенства с давних пор интересовало людей. Этой проблеме посвящено множество философских, этических, политологических, психологических и социологических исследований (см. обзор: [Шахназаров 1983; Федотова 2001; Gosepath 2010]). В данной работе социальное равенство рассматривается как лингвокультурный концепт – квант переживаемого знания [Брицын, Зимовец, Яворская 2009; Вежбицкая 1999; Воркачев 2001, 2007; Демьянков 2001; Карасик 2004; Колесов 2004; Красавский 2008; Ляпин 1997; Пименова 2004; Приходько 2009; Слышкин 2004; Степанов 1997; Шмелев 2002]. Как и многие другие регулятивные концепты, равенство представляет собой один из полюсов диалектической диады, в данном случае «равенство – неравенство».

В понятийном плане равенство – это параметрический концепт, представляющий собой результат сравнения двух или более объектов. Обратимся к словарям.

Равенство – 1. Одинаковость, полное сходство (по величине, количеству, качеству, достоинству и т.п.). *Равенство прав. Равенство сил. Равенство отношений. Равенство треугольников*. 2. Равное положение людей в обществе. *Социальное равенство*. 3. Матем. Соотношение между величинами,

показывающее, что эти величины взаимозаменяемы. *К равенствам относятся уравнения и тождества* (БТС).

Equality – 1. a. The condition of being equal in quantity, magnitude, value, intensity, etc. *Their votes… would bring the supporters and the antagonists… very nearly to an equality*. b. *Math.* A symbolic expression of the fact that two quantities are equal; an equation. 2. The condition of having equal rank, power, excellence, etc., with others. *Ye are all equal... Equality is your birth-right* (SOED).

Мы видим, что в русском и английском лексикографических источниках выделяются одинаковые признаки, характеризующие сравниваемые объекты в общем, в социальном и математическом аспектах. В английском словаре характеристики социального равенства показаны более подробно.

Идея равенства в русском языке уточняется в тематическом поле сходства и различия, образуемом прилагательными «равный», «тождественный», «одинаковый», «сходный», «аналогичный», «адекватный», «аутентичный», «идентичный». В словаре синонимов русского языка слова «одинаковый» и «равный» толкуются как «точно такой же, как другой в каком-л. отношении. Слово «одинаковый» указывает на полное сходство между кем-, чем-л., на полное совпадение каких-л. признаков, свойств кого-, чего-л., «равный» – на полное соответствие в чем-л. и употребляется по отношению к тому, что сопоставляется, сравнивается с точки зрения величины, размера, силы и степени проявления какого-л. признака, качества, состояния (в отличие от слова «одинаковый» не употребляется для характеристики кого-, чего-л. с точки зрения конкретных качеств, достоинств – ср. *Глаза одинакового цвета* и **Глаза равного цвета*) (ССРЯ). Слова «тождественный», «адекватный», «идентичный» относятся к явлениям, понятиям, суждениям и означают полное совпадение по содержанию, смыслу и т.д. (ССРЯ). «Сходный» – имеющий общие или подобные черты; похожий, подобный. *Сходные характеры, суждения*. «Аналогичный» – представляющий сходство, подобие между предметами, понятиями и т.п. *Полная, частичная аналогия с чем-л.* Прилагательные «тождественный» и «идентичный» обозначают полное сходство или точное соответствие предметов, явлений и т.п. В слове «аутентичный» акцентируется соответствие подлинному (*Аутентичный текст. Аутентичный перевод*), в слове «идентичный» – точное соответствие. «Адекватный» значит вполне соответствующий чему-л. (условиям, обстановке и т.п.); совпадающий; равный. *Адекватные понятия, реакции. Адекватный ребенок (с такими реакциями, понятиями).* В современном обиходе распространены слова «неадекватный» – не соответствующий нормам поведения, «неадекватно». *Вести себя неадекватно* (БТС). Семантика приведенных слов характеризует отношения между сравниваемыми объектами по следующим признакам: 1) степень соответствия – от частичного до полного сходства, 2) полнота соответствия в целом либо в конкретных деталях, 3) соответствие нормам, 4) документальная точность соответствия, 5) соответствие подлинности. Акцентирование частичного сходства переносит центр тяжести на поиск различий, и речь идет либо о неравенстве, либо о несоответствии

нормам поведения, либо о несоответствии данного объекта подлинному, либо о неточности соответствия.

В словаре синонимов английского языка идея равенства также уточняется в тематическом поле сходства и различия, образуемом прилагательными same, selfsame, very, identical, identic, equivalent, equal, tantamount, like, alike, similar, analogous, comparable, akin, parallel, uniform. Общим значением этих слов является отношение значительного сходства между объектами – the relation between things or persons that closely resemble each other … or are not different from each other (WNDS). В качестве дифференциальных признаков выступают отсутствие различий между сравниваемыми предметами или людьми по качеству, количеству, внешности или значимости (same), полное отсутствие различий (very), полное совпадение во всех деталях (identical, identic), взаимозаменимость (equivalent), полное соответствие по количеству, размерам, значимости (equal), нематериальное соответствие (tantamount), сходство между различными объектами (similar), наличие сходства как основание для сравнения (analogous, comparable), существенное сходство, объясняемое общим происхождением (akin), сходство на протяжении определенного периода (parallel), отсутствие вариативности в различных проявлениях сравниваемых объектов (uniform) (WNDS).

Анализ словарных дефиниций и тематических полей показывает, что релевантными признаками для концептуализации социального равенства являются следующие: 1) сопоставимость людей, 2) наличие сходства между людьми, 3) соответствие между людьми в целом, 4) соответствие между людьми по значимости.

В английском языке находит выражение идея специфического социального равенства:

Peer – 1**.** a. A person of the same standing or rank as the person(s) in question; a person or thing of the same effectiveness or ability as the one(s) in question; an equal; have no peer – be unequalled, be unrivalled. *Some of those men were the peers of the best European statesmen of the tim*e. b. A person of the same age-group or social set as the person(s) in question. *He was not like the great majority of his peers and contemporaries*. †2. A person who is associated with another; a companion; a rival. 3**.** A person of high rank; a noble. 4. *spec.* A member of one of the degrees of nobility in the UK or its constituent countries, comprising the ranks of duke, marquess, earl, viscount, and baron. 5. *Greek History*. A citizen of Sparta who had equal right to hold State offices. *Comb.*: peer group – a group of people, freq. a group of adolescents, having the same age, social status, interests, etc.; peer pressure – pressure or influence arising from members of a person's peer group; peer review – the evaluation by (other) experts of a research project for which a grant is sought, a paper received for publication in a learned journal, etc.; *gen.* a review of commercial, professional, or academic efficiency, competence, etc., by others in the same occupation (SEOD).

Это слово означает равного по уровню, званию и должности, по возрасту. В Англии пэр – это титулованный дворянин, принадлежащий к одному из пяти

сословий наследственных пэров (герцог, маркиз, граф, виконт, барон). Это слово в древней Спарте обозначало свободного гражданина, который мог занимать государственные должности. Типичные коллокации с этим словом включают группу равных (обычно подростков), давление со стороны одноклассников, коллегиальную оценку.

Таким образом, в понятийном плане концепт «равенство» проявляется в двух вариантах: 1) отсутствие неравенства, 2) сопоставимость на одном и том же уровне («*находящийся среди равных*»). Первый вариант вербально выражен в русском и английском языках, второй – только в английском.

Внутренняя форма слов, обозначающих равенство, сводится к следующим знакам. По данным этимологического словаря М. Фасмера, слова «*равный / ровный*» производны от корня **orvo*- со значением «свободное пространство, простор» (Фасмер), в историко-этимологическом словаре П.Я. Черных приводится такая же версия – «открывать, раскрывать, делать пространным» (Черных). Английское слово *equal* восходит к латинскому *aequus*, значение которого этимологи определяют как «*level, even, just*» (origin uncertain) – «плоский, ровный, гладкий». В свою очередь *peer* восходит к латинскому *par* – «равный», «устанавливать равенство», и.-е. корень **per*- выражает идею покупки и продажи, т.е. давать и брать за равную цену (Klein). Мы видим, что идея равенства между людьми сводилась к переосмыслению пространственных отношений (в таком случае неравенство осмысливается как соотношение между верхом и низом, как вертикаль, в то время как равенство есть приведение вертикали в горизонталь). Другой подход к осмыслению равенства состоял в прототипной ситуации обмена чем-либо, т.е. нахождения эквивалента. Обратим внимание на принципиальную разницу между первым и вторым осмыслением равенства. В первом случае акцентируется отсутствие неравенства, перед нами концептуальная диада, подобная свободе и несвободе. Во втором случае прежде всего выделяются свои и чужие, и равенство осмысливается как взаимосвязь между своими. В Англии рефлексы такого выделения своих прослеживаются с древнейших времен до нашего времени применительно к дворянским титулам: слова sir и lady сочетаются только с именами, а не фамилиями, Sir Charles, Lady Jennifer. Подразумевается, что все дворяне образуют большую семью, сообщество равных, и поэтому достаточно упоминания имени, чтобы стало ясно, о ком идет речь. В средневековой Европе монарх был первым среди равных, а не богом по отношению к своим подданным (простолюдины при этом в расчет не принимаются). Иное восприятие высшей власти требует признать монарха божеством, перед которым нужно падать ниц.

Обратимся к ассоциативно-образным характеристикам социального равенства. Эти характеристики устанавливаются на основе анализа сочетаемости имен, называющих данный концепт, и с помощью опроса информантов. В качестве источников примеров использовались «Русский национальный корпус» (ruscorpora.ru), корпус «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин) и Британский национальный корпус (BNC). Концепт «равенство» относится к числу абстрактных ментальных образований, и поэтому в текстовых примерах мы

находим большей частью аргументацию, расширяющую смысловые границы рассматриваемого концепта.

Социальное равенство конкретизируется в определенных сферах:

Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (Ю. Кузнецов).

Речь идет о конституционных демократических правах граждан, предусматривающих равенство женщин и мужчин, представителей разных рас, национальностей, конфессий и т.д.

Социальное равенство проявляется в определенных институтах общества, например, в судебной системе:

В ходе разработки крестьянской реформы часто высказывались предложения и о введении суда присяжных, олицетворявшего свободу и равенство всех перед законом (А. Афанасьев).

Суд присяжных представляет собой инструмент непосредственного участия граждан в правовом устройстве общества.

Для многих социальное равенство – это отсутствие противопоставления богатых и бедных:

Бедность, в которой жили и профессора и студенты, была экономически оправданной, всем понятной, а кроме того, в ней было равенство, то самое, что, казалось, шло от священных заветов Великой французской революции, свобода, равенство и братство! (Д. Гранин).

Обратим внимание на то, что неравенство обычно остро переживается теми, кто находится на низшей ступени общества, и поэтому сведение всех к этой ступени воспринимается как торжество равенства.

Условием равенства является свобода:

Через два века в Англии не осталось лично несвободных крестьян, и не случайно впервые идея о равенстве всех перед законом родилась именно в английской культуре у Джона Локка (XVII в.) (Л. Перловский).

Свобода личности и уважение к закону являются важнейшими ценностями англоязычного общества.

Достаточно часто формулируется тезис о реальном выражении равенства как минимизации запросов:

Всеобщее равенство, если и возможно, то только как равенство в бедности (Л.Балашов).

Равенство может быть истолковано как ниспровержение авторитетов во всех сферах, наиболее ярко это представлено в сфере культуры:

Равенство и одинаковую значимость всех культурных проявлений – от стихов А. Пушкина до надписей в уборных – теперь утверждают как универсальный принцип (В. Колотаев).

Если представители социальных низов борются против неравенства, то для элиты социальное равенство представляет угрозу, поскольку уничтожение

неравенства сопровождается разрушением культуры, символизирующей это неравенство.

Интеллигенция остро реагирует на сознательное понижение культурного уровня общества как способ социального контроля:

Создаются все необходимые условия, чтобы задушить развитие талантов, способностей, дарований: не надо высших способностей, рабы в своем равенстве не нуждаются в образованности и интеллигентности (Ю. Азаров).

Приведенный аргумент, впрочем, можно рассматривать и как уловку: верно то, что необразованные люди не в состоянии оценить достижения культуры, что власть может намеренно препятствовать доступу масс к образованию, но неверно то, что равенство есть по определению равенство рабов.

Признавая неравенство между людьми со всеми его атрибутами, религия постулирует бессмысленность и тщетность борьбы с ним:

Пий XI сделал этот вывод из положений Льва XIII, преподнесенного человечеству в энцикликах Graves de communi и Quod apostolici muneris: «Надлежит поощрять общества, которые под покровительством религии приучают своих членов довольствоваться своей судьбой, с достоинством выносить тяжкий труд и всегда вести тихую жизнь». Это повторяется в энциклике De rerum novarum: «Горе никогда не исчезнет с лица земли, ибо суровы и трудно переносимы последствия первородного греха, которые, хотят этого люди или не хотят, сопровождают их до могилы. Поэтому страдать и терпеть – удел человека» (Н. Шпанов).

Смирение перед неравенством представляет собой одно из возможных решений вечной дилеммы человечества – противодействовать или не противодействовать злу.

Неравенство, как полагают теологи, свойственно не только людям:

Учитель Оригена Климент Александрийский утверждал изначальное неравенство, исходную непохожесть Божиих творений: «Проистекши все из одной и той же мысли, существа сотворенные однако же были неодинаковы по почетности, а именно ранее происшедшие были ниже позднейших» (А. Кураев).

Выделяются два типа равенства: равенство возможностей и равенство способностей. Первый тип равенства представляет собой принцип гуманизма, второй – идеалистический отрыв от реальности:

А у меня, как у человека европейского сознания, главное – равенство шансов (Ф. Искандер).

Противники эгалитаризма полагают, что равенство нежелательно, поскольку люди неравноценны от природы (А. Кустарев).

Диалектическая взаимосвязь равенства и неравенства проявляется в балансе возможностей и способностей: ущемление возможностей приводит к образованию каст, делает общественное устройство несправедливым и приводит к социальным взрывам, а игнорирование естественных различий между людьми представляет собой абсурд.

Гуманист не видит неразрешимого противоречия между невозможностью реализации полного равенства между людьми и усилиями по достижению такого равенства в определенных сферах:

Вследствие разности климатов, энергий, вкусов, возрастов, равенство среди людей физически невозможно. Но культурный человек может сделать это неравенство безвредным так же, как он уже сделал это с болотами и медведями. Достиг же один ученый того, что у него кошка, мышь, кобчик и воробей ели из одной тарелки, и воспитание, надо надеяться, будет делать то же самое с людьми (А. Чехов).

Сознательные усилия в сфере воспитания людей могут в значительной мере устранить проявления социального неравенства.

Существует расхождение между декларацией равенства и соблюдением равенства на практике:

Самое ведь важное и существенное – люди, живые души, клетки общественной ткани, а не внешние формы, за которыми может быть скрыто какое угодно содержание или полное отсутствие всякого содержания. Демократическая республика, в которой все построено на прекрасных формулах и словах, может быть самым отчаянным рабством и насилием. Это давно уже обнаружено горьким опытом жизни европейского человечества, который должен был бы научить нас недоверию к чисто внешним формам и к прекрасной фразеологии равенства, братства и свободы (Н.Бердяев).

Рассуждение русского философа свидетельствует о том, что идея равенства может вырождаться в разговоры о равенстве, при этом положение социальных низов остается столь же безрадостным, как и в условиях кастового общества.

Известно, что революционная фразеология для одних людей, как правило, угнетенных, ассоциируется с разрушением несправедливого мира, а для других, которые в условиях прежней жизни пользовались определенными благами, – с лишениями и трагедиями:

Мы, потомки палачей и жертв «Великой Октябрьской», уже не столь легко поддаемся очарованию революционных символов, зная, что любой из них олицетворяет не столько свободу, равенство и братство, сколько ложь, кровь и безумие (С. Цветков).

В приведенном примере показана позиция тех, кто пострадал от революции. Но уничтожение социальной несправедливости редко бывает бескровным, и опыт всех революций учит нас тому, что во время социальных потрясений, как и во время стихийных бедствий, жертвы неизбежны.

Борьбу за всеобщее равенство, как правило, начинают люди особого склада – романтики:

А ведь и Октябрьскую революцию готовили в основном не честолюбивые политики и кровожадные садисты, а в большинстве своем идеалисты, мечтатели о равенстве и братстве, последователи декабристов, парижских коммунаров и прочих революционеров, желающих добра своему народу (Жизнь в мире мифов).

Ирония истории состоит в том, что плодами революции пользуются те, для кого идеалы гуманизма ничего не значат:

Иное дело – буржуазные революции, которые, конечно, фальшивят, уповая на свободу, равенство и братство, но все же ставят перед собой чисто деловые, реальные и сравнительно кроткие цели, как-то: гегемония пошлости в качестве инструмента обогащения или просто возможность беспрепятственно наживаться на трудягах, невеждах и дураках (В.Пьецух).

Устранение социальной несправедливости и установление равенства – это временный этап в развитии общества, которое не может существовать без властной вертикали. Вместе с тем отечественный драматург сгущает краски, повторяя известный тезис о торжестве пошлости как непременном признаке именно буржуазного миропорядка: в этой позиции прослеживается ностальгическое сожаление о средневековой рыцарской ценностной картине мира. Пошлость не зависит от экономической формации общества. Что же касается эксплуатации властью малообразованного населения, то такое положение дел свойственно любому классовому обществу.

Обратим внимание на пафос борьбы с социальным неравенством:

Они за то, чтобы не было произвола человека над человеком, а было бы царство разума. А главное, они – за равенство! Вообрази: всеобщее, полное и абсолютное равенство (А. Солженицын).

Революционные романтики оперируют абсолютными категориями.

У людей пассионарного, романтического склада ценности буржуазного мира, включающие равенство, вызывают насмешку:

На полинявших знаменах новой Европы было вытканo: «расчетливость», «добродетельное трудолюбие», сверхосторожность, «непритязательность», «справедливость», «ученость», зафиксированная типографской машиной законность, «равенство прав», либерализм, «отсутствие пафоса дистанции», конфессиональная «умеренность и аккуратность» (Ф. Крахоткин).

Упоминание равенства в этом контексте имплицирует посредственность тех, для кого равенство является одной из основных ценностей миропорядка. Можно сделать вывод о том, какие романтические ценности противопоставлены трудолюбию, справедливости, учености, законности и равенству – это ценности хищника, который верит только в силу.

У представителей социальных низов, впрочем, остаются определенные каналы для самовыражения, позволяющие добиться признания и успеха:

Бразилия все еще остается страной, где сохраняется – негласно, закрыто – определенная расовая сегрегация, определенное социальное неравенство. В Бразилии до сих пор человек, родившийся в фавеле, чернокожий мальчишка из интериора страны, из провинции, практически лишен возможности реализоваться, получить образование, стать, скажем, профессором медицины, стать летчиком, стать инженером. Он не может реализоваться нигде, кроме как в футболе. Пример – Пеле, который чистил башмаки, который был никем, а стал всем (О. Мильштейн).

В приведенном примере речь идет об обитателях трущоб (фавелы – городские трущобы на склонах гор в Бразилии). Для этих людей спорт – единственный способ добиться успеха в обществе.

Равенство людей может приводить к социальным конфликтам. Предполагается, что отсутствие неравенства – временная фаза развития общества, и этой фазе свойственное явное или скрытое соперничество за получение реальных или символических призов:

Они хорошо знали друг друга и даже находились в довольно близком родстве: Хаджи-Черкес, который был лет на двадцать старше Карач-мурзы, приходился последнему двоюродным дядей. Но между ними и их семьями никакой близости не существовало: среди чингисидов, за очень редкими исключениями, никто не доверял ближайшим родственникам, ибо такое родство прежде всего знаменовало собой приблизительное равенство династических прав, то есть особенно жестокое соперничество в борьбе за престол и власть (М. Каратеев).

Из приведенного примера вытекает, что неравенство в обществе позволяет этому обществу сохранять стабильность.

Религия ориентирует людей на соблюдение отношений неравенства:

«…Так как равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношей, начальником и подчиненным, учителем и учеником» (св. Иоанн Златоуст) (А. Кураев).

Признается и оправдывается естественность отношений неравенства.

Социальное равенство парадоксальным образом может приводить к неравенству:

Равенство, брат, исключает братство. В этом следует разобраться. Рабство всегда порождает рабство. Даже с помощью революций. Капиталист развел коммунистов. Коммунисты превратились в министров. Последние плодят морфинистов (И. Бродский).

Этот иронический пример в сжатом виде иллюстрирует известную греческую цикличную модель устройства общественного порядка: аристократия (власть лучших) – демократия (власть большинства) – охлократия (власть толпы) – тирания (власть диктатора) – аристократия.

Представители радикального национализма считают социальное неравенство благом для общества:

Армия в Русском порядке – это хранитель святого неравенства людей, здоровой иерархии и школа дисциплины. Ибо тот, кто повелевает людьми, должен уметь и подчиняться. Поэтому Петр Первый-Победоносец заставлял дворян начинать карьеру с рядовых солдат (М. Калашников).

Признание неравенства святым принципом социального устройства подразумевает беспощадную борьбу с теми, кто придерживается иных взглядов на предназначение человека. Абсолютизация неравенства есть уничтожение личности.

Соотношение равенства и свободы в обществе отражает суть общественного устройства:

Конечно, никуда не уйти от того факта, что сотни тысяч кубинцев искали фортуну во Флориде. Но не является ли это хрестоматийным примером противоречий между идеями равенства и свободы? Народ Кубы наглядно проиллюстрировал, что выбор в пользу одной из этих великих ценностей рубит нацию в процентном соотношении примерно 60:40. И предпочтение той или другой определяется не одним материальным фактором (слабые – за государственное попечительство, сильные за частную инициативу). Свою роль играют склад ума, религиозность, многие другие факторы (Г. Шахназаров).

Приведенный пример показывает возможность различного понимания соотношения свободы и равенства: свобода предполагает в ряде случаев неравенство между людьми. Но трудно согласиться с автором этого рассуждения в том, что люди, нуждающиеся в социальной защите, составляют 60% общества, этот тезис представляется чересчур оптимистичным.

Неравенство способностей носит общебиологический характер:

Оказывается, генетический код человека и дрожжевых бактерий общий на 50 процентов, человека и свиньи – общий на 90 процентов, человека и обезьяны – на 99 с долями процента. Немыслимое количество общего. Печально, но хочется повторить известный вопрос любознательного мальчика: «Мама, а если люди произошли от обезьяны, то почему не все обезьяны согласились стать людьми?» (А. Кончаловский).

Вместе с тем было бы упрощением сводить суть человека только к биологическому началу. Отношение к социальному равенству и неравенству является пробным камнем для понимания сущности человека:

Существуют две крайности в понимании природы человеческих отношений. Одни философы абсолютизируют изначально враждебный характер межчеловеческих отношений. Эта точка зрения наиболее ярко представлена в известном выражении Т. Гоббса «война всех против всех». Другие философы абсолютизируют взаимную любовь-приязнь людей. Эта абсолютизация проявляется прежде всего в проповеди всеобщей любви. Наиболее ярко подобная точка зрения отражена в библейской заповеди «возлюби ближнего своего как самого себя». Далее, она проявляется в идее всеобщего братства (вспомним лозунг французской революции: «свобода, равенство, братство!»). Представители первой точки зрения – это циники-прагматики, которые считают неравенство людей естественным условием их совместной жизни, оправдывают его, защищают и даже освящают. Представители второй точки зрения – это мечтатели-романтики-утописты, которые считают неравенство людей безусловным злом и выдвигают, поддерживают, освящают лозунг равенства (Л. Балашов).

Истина здесь, как и в других случаях, находится посредине: необходимо учитывать биосоциальную сторону человеческой природы, но не менее значима и духовная сторона.

Заслуживает внимания вероятность неверной интерпретации соотношения равенства и братства:

Тезис о братских отношениях социалистических стран и их компартий, по мнению советского руководства, означал равенство и взаимоуважение. Однако тогда, очевидно, мало кто в Москве задумывался о том, как воспринимали понятие «братские отношения» в Пекине. Дело в том, что в китайском языке «братские отношения» означают отношения между старшим и младшим братьями, что само по себе не может быть равноправием по определению (Слово «братский» в китайском языке передается двумя иероглифами, дословно означающими «старший брат» и «младший брат») (И. Попов).

Социальная вертикаль в китайской культуре позволяет сохранить целостность этой культуры на протяжении сорока веков.

В каждом этнокультурном сообществе существуют границы соблюдения равенства и неравенства между людьми в типичных ситуациях общения:

В гостинице швейцар радостно-благодушно желал им доброй ночи, а то, на началах полного – не гражданского, а человеческого – равенства, осведомлялся, в каком театре они были: в англо-саксонских странах, особенно в Англии, это было бы невозможно (М. Алданов).

Из этого текста следует вывод о ригидности социальных норм в Англии.

Интересен пример, в котором говорится о декларативном равенстве как шаге вперед по сравнению с отсутствием такого декларативного равенства:

В результате возникала система отношений, в рамках которой греки претендовали пусть на теоретическое, но равенство с царем, а персы относились к царю естественным для них образом – поклонялись (С. Туркин).

Социальное равенство вырабатывает специальную эмблематику для выражения этого равенства:

Слово «товарищ», с которым мы обращаемся друг к другу, свидетельствует не только о равенстве между собой различных групп населения, но и о равенстве мужчин и женщин (В. Войнович).

Уничтожение прежних форм обращения, в которых было зафиксировано неравенство людей, – непременный признак нового социального порядка. Отмечу борьбу со словами *miss*, *Fräulein* и *mademoiselle* в современных англоязычных, немецкоязычных и франкоязычных странах: женщины стремятся устранить дискриминацию по признаку замужества, поскольку этот признак ущемляет их права по сравнению с мужчинами.

Вполне естественным представляется то, что борьба с неравенством выражается в первую очередь в виде борьбы со знаками неравенства:

Отвращение ко всему, связанному с королевской властью, было так велико, что французы отвергли и сам принцип награждения орденами и медалями. Правда, в самом начале революции, в 1789 году, Законодательное собрание Франции все-таки рассматривало вопрос о создании почетного знака «Национальная признательность». Он должен был представлять собой крест с изображением соединенных в рукопожатии рук и надписью: «Признательность нации». Но из этого ничего не вышло, так как участники революции

считали, что любое награждение является посягательством на принцип всеобщего равенства (Н. Ионина).

Со временем, как мы знаем, во Франции, как и в любом государстве, сложилась своя система государственных наград.

Интересен пример необычной борьбы за равенство:

Уже во время телефонного разговора я догадалась по выговору, что детектив Крескил принадлежит к угнетенному меньшинству. Под светом лампы кожа на его черепе переливалась всеми оттенками густо-фиолетового. Не отражает ли их мода на бритые головы вечный порыв к равенству? В данном случае – к равенству облысевших с волосатыми? Похоже, что лысина – такое же горькое переживание для мужчин, как ожирение – для женщин. Иначе экраны телевизоров не были бы залиты рекламой новейших средств против облысения (И. Ефимов).

Можно не соглашаться с автором этого занятного наблюдения, но мода на бритые головы представителей истэблишмента, возможно, является эмблематической для этого сообщества.

Эмблематическими выступают и наименования политических движений, включающих первые два слова из триады «свобода, равенство, братство»:

В конце июля представители Хартума заявили, что, по полученным ими данным, боевики движения «Справедливость и равенство» объединились с боевиками народности беджа из группировки «Ассоциация свободных львов», действующей на востоке страны, с целью расширения зоны боевых действий против законной власти в Судане (Дарфур 2004).

В приведенном примере фигурируют ценности «справедливость», «равенство» и «свобода». Трезвый расчет подсказывает политикам, что братство как эмблема не привлечет к ним сторонников.

Интересны цитируемые психологами результаты опроса общественного мнения в современной России:

Результаты исследования показали, что наиболее часто встречающимися ассоциациями со словом «справедливость» были «честность» (48 % респондентов), «правда (истина)» (29,8%), «закон (уголовный кодекс)» (27,9%), «суд» (17,3%), «равенство» (12,5%), «доброта» (11,5%), «равноправие» (8,7 %), «порядочность» (8,7%) (Е.О. Голынчик, О.А. Гулевич. Обыденные представления о справедливости // Вопросы психологии. 2003. № 10).

Не вполне понятно противопоставление концептов «равенство» и «равноправие», но видно, что идея равенства сопрягается с важнейшими ценностями русской лингвокультуры.

Анализ англоязычных примеров, иллюстрирующих употребление слов *equality* и *equal* в речи, дает возможность выделить их наиболее важные ассоциативные связи.

Социальное равенство конкретизируется в институциональных образованиях:

The system of state welfare is seen as one of the central means whereby society moves towards the creation of social equality. – Система государственного

социального обеспечения – одно средств, с помощью которых общество движется в сторону построения социального равенства.

Система социального обеспечения позволяет обществу поддерживать тех, кто не может самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Основой общественного устройства в англоязычном мире является юридическое равенство граждан:

This is liberalism's concession to democracy: 'Equality of the general rules of law and conduct…is the only kind of equality conducive to liberty and the only equality which we can secure without destroying liberty'. – В этом состоит уступка демократии со стороны либерализма: «Равенство общих правил закона и поведения … – это единственный вид равенства, ведущего к свободе, и единственное равенство, которое мы можем обеспечить, не уничтожая свободы».

Юридическое равенство на фоне имущественного неравенства есть демократия в действии с древнейших времен:

In Athens the political equality of the citizens coexisted uneasily with economic inequality, as it continues to do today; but the whole point of the democracy was that it gave the poor as well as the rich a part to play in governing the city. – В Афинах политическое равенство граждан сосуществовало неудобным образом с экономическим неравенством, и это продолжается по сей день; но весь смысл демократии состоял в том, что она давала бедным, так же, как и богатым, свою роль в управлении городом.

Прототипной ситуацией юридического равенства является право голоса:

Equality of voting rights certainly does not result in equality of power or the disappearance of hierarchy in government. – Равенство в праве на голос, разумеется, не приводит к равенству власти или исчезновению иерархии в правительстве.

Неравенство в распределении законно полученной власти является естественной нормой общественного устройства.

Политическая элита идет на сознательное сокращение имущественного неравенства в повседневной жизни общества, это представляет собой надежный способ поддержания социальной стабильности:

Equality has been a powerful theme in British politics since the turn of the century and can be seen in practice in the high marginal rates of income tax in the postwar years reaching until recently a marginal tax of 83 per cent on earned income and 98 per cent on unearned income; the drive to abolish private education and private health; the 'euthanasia of the rentier' through rent control; and the provision of state welfare services financed by taxation but free of charge at the time they are used. – Равенство было мощной темой в британской политике, начиная с XX века, и это прослеживается на практике в высоких нормах налога на доход в послевоенные годы, эти нормы достигали до недавнего времени 83% производственного дохода и 98% непроизводственного дохода; об этом свидетельствуют попытки отменить частное образование и частное здравоохранение, провести «безболезненную смерть рантье» путем контроля ренты,

осуществить финансирование системы бесплатного государственного обеспечения за счет налогов для работающих.

Мы видим, что наиболее ярко неравенство воспринимается в виде разрыва между доходами групп населения, вызывают протест дорогие частные школы и больницы, людей раздражает наличие рантье, живущих на проценты от унаследованного богатства.

Социальное равенство неразрывно связано с политическим и экономическим равенством:

This therefore brings me to the second reason why democracy is bound up with a measure of economic and social equality. – Это, таким образом, дает мне основание назвать вторую причину, объясняющую то, почему демократия зависит от степени экономического и социального равенства.

Равенство признается основой демократического устройства общества:

In classical political thinking, "democracy" was the name not merely of a form of government but of a whole society, and it was habitually associated, by its enemies and critics as well as its friends, with the principle of social equality. – В классических политических теориях «демократия» обозначала не только форму правления, но и устройство всего общества, и это обычно связывалось, как врагами и критиками, так и сторонниками, с принципом социального равенства.

Вместе с тем социальное равенство может вступать в противоречие с равенством экономическим:

It favours social equality but accepts that economic equality is an unrealistic objective. – Она [обсуждаемая концепция] с одобрением относится к социальному равенству, но признает, что экономическое равенство является нереалистичной целью.

Эта идея в различных формах обсуждается в публицистике:

Equality before the law it is certainly possible to deduce; equality of opportunity it may be possible to deduce; but an egalitarianism implying equality of material reward is both logically and exegetically impossible to deduce. – Равенство перед законом – это определенно можно дедуктивно установить, равенство возможностей допустимо установить, но вытекающее из эгалитаризма равенство материального вознаграждения невозможно установить ни с помощью логики, ни с помощью истолкований.

Равенство перед законом является императивом, равенство возможностей приветствуется, но равенство вознаграждения за вложенный труд, который по определению не может быть одинаковым, квалифицируется как абсурд. Можно увидеть, что осмысление равенства в англоязычном мире базируется на идее протестантской этики, предполагающей личную ответственность человека за свои поступки, а не упование на везение.

Вместе с тем гуманистическое начало в обосновании социального равенства четко прослеживается в текстовых примерах:

By the same token the most vociferous upholders of monogeny, the thesis that all men are members of a single species, have often been deeply committed to political doctrines of social equality. – По этому же самому признаку самые

громогласные сторонники единства происхождения, тезиса о том, что все люди – члены единого человеческого рода, часто бывают глубоко привержены политическим доктринам социального равенства.

Установление и поддержание социального равенства обусловлено биологическим сходством всех представителей рода человеческого.

Отношение к социальному равенству лежит в основе политического деления – левых и правых в Англии:

Socialists believe in greater equality in society: 'A more equal society will be a more prosperous society and a more peaceful society'(Roy Hattersley), but they are criticised for favouring policies of distribution rather than production – 'Someone has to create wealth before the politicians fall to sharing that wealth out'(Kenneth Clarke). – Социалисты верят в большее равенство в обществе: «Более равное общество будет и более процветающим обществом и более мирным» (Рой Хэттерсли), но их критикуют за то, что они отдают предпочтение политике распределения, а не производства – «Кто-то должен создать богатство, прежде чем политики начнут это богатство делить» (Кеннет Кларк).

Сторонники социального равенства считают, что гармония в обществе важнее, чем экономический рост страны, их оппоненты полагают, что замедление этого роста может привести страну к кризису.

Заслуживает внимания тезис в защиту идеалов коммунизма:

Under communism there would be no exploitation, and society would be run by and for everyone on the basis of equality and community. – При коммунизме не было бы эксплуатации, и управление обществом, в котором принимали бы участие все, строилось бы на основе равенства и интересов всего сообщества.

Такая аргументация в наши дни находит сторонников, по-видимому, только на Западе.

Идея равенства тесно связана с идеей справедливости:

Two distinct types of 'internal market' have been identified, both of which have considerable implications for population-based planning, for the pursuit of priorities, and for equity and equality whether between geographical area, social groups or health care groups. – Выделяются два определенных типа «внутреннего рынка», и они оба в значительной мере оказывают влияние на планирование в интересах населения для определения приоритетов и ради справедливости и равенства, это относится к географическим территориям, социальным группам или к группам, относящимся к ведению органов здравоохранения.

В приведенном примере прослеживается паронимическая связка *equity and equality – справедливость и равенство*. Эти слова имеют единую латинскую внутреннюю форму. В английском языке идея справедливости уточняется в юридическом аспекте: *justice* – справедливость как соответствие нормам закона, *equity* – справедливость как беспристрастность. Еще одним уточнением этой идеи является соблюдение правил, честная игра – *fairness* (участники состязания должны находиться в равных условиях). Равенство в противоборстве восходит к древним кельтским правилам боя: «…важной чертой в военном

деле кельтов был обычай сражаться в поединках. У ирландцев имелись на этот счет строгие правила, одно из которых носило название *fir fer* (буквально «честная игра» – примечание переводчика: «правда мужей»): человеку, вступившему в поединок, мог противостоять только один противник» [Росс 2005, с. 72]. Детальный анализ осмысления справедливости в русской и английской лингвокультурах приведен в книге С.Г. Воркачева [2010].

Упоминание о равенстве часто сопряжено с актуализацией идей свободы и справедливости:

We believe in fairer, more equal and freer world – Мы верим в более справедливый, равный и свободный мир.

Справедливость, равенство и свобода образуют концептуальный кластер.

Заслуживает внимания тезис о том, что творчество сопряжено с равенством:

The main thrust of Prism's work is a belief that creative work can foster equality, joy and empowerment. – Главный пафос работы Призма – это вера в то, что творческая работа может благоприятствовать развитию равенства, радости и расширению возможностей.

Разрыв между свободой и равенством приводит к росту агрессивности в обществе:

As many progressive (but in reality reactionary) politicians have recently been finding to their cost, greater freedom of opportunity, so far from furthering equality, has only stimulated emulation and the appetite for symbols of success. – Как обнаружили недавно многие прогрессивные (а в действительности реакционные) политики, увеличение свободы возможностей, столь далекое от равенства, стимулирует только состязательность и жажду символов успеха.

Публицисты и политики критикуют декларативное формальное равенство:

If we wish to revive that tradition, or if we are interested in creating a fully democratic society, then there can be no doubt that a more than narrowly political or formal equality must be one of our goals. – Если мы хотим наполнить жизнью эту традицию, или если мы заинтересованы в создании полностью демократического общества, то нет никакого сомнения в том, что нашей целью должно быть нечто большее, чем политическое или формальное равенство в узком смысле слова.

Перед нами пример политической риторики.

Классическим примером критики манипулятивного использования разговоров о равенстве является хрестоматийно известное изречение из произведения Дж. Оруэлла:

All systems based on the ideal of equality break down in action: that is a point that might be expected of Waugh, but it is Orwell who makes it the more forcefully: 'Some animals are more equal than others', as the pigs decree in Animal Farm, symbolising the easy self-justifications in taking and keeping power. – Все системы, построенные на идеале равенства, разбиваются при функционировании: эту

идею можно было ожидать от Ивлина Во, но Джордж Оруэлл выразил ее более мощно: «Некоторые животные более равны, чем другие», как провозглашают свиньи в «Ферме животных», символизируя самооправдание в присвоении и удержании власти.

Действительно, политикам свойственно говорить о равенстве, но иметь в виду, что есть два типа равенства – для тех, кто внизу, и тех, кто наверху. Тем самым идея равенства превращается в абсурд. Тезис о том, что идеалы равенства принципиально не работают в обществе, может быть оспорен: система жизнеспособна при поддержании равенства между людьми в определенных пропорциях и в определенных ситуациях. Абсолютизация равенства закономерно приводит к неравенству, но отсутствие равенства возможностей у граждан препятствует развитию общества.

Критике подвергается и несправедливый порядок социального устройства, при котором люди не получают заслуженной награды за вложенный труд:

But there is all the difference in the world between people created as equal before God, having equal access to the law, and the way in which equality is used so frequently today: not as equality of opportunity but as equality of outcome. – Но в этом и состоит все различие в мире между людьми, которые созданы равными перед Богом и обладают равным доступом к закону, и способом столь частой реализации этого равенства сегодня: равенства последствий, а не возможностей.

Некоторые авторы отмечают, что реализация социального равенства может парадоксальным образом приводить к неожиданным негативным последствиям:

In short, his argument is that it is the very abstraction which confers the material advantages of modern science, and the social advantages of both modern freedom and equality, which is also responsible for the dilemmas of exploitation and alienation. The central conflict is not, therefore, one between liberalism and equality, which come from the same root, but one emerging from a recognition that both of these entail consequences which may turn against the interests of the subject. – Короче говоря, его аргумент сводится к тому, что в общем виде материальные преимущества современной науки и социальные преимущества современной свободы и равенства приводят к возникновению дилеммы эксплуатации и отчуждения. Главный конфликт, таким образом, состоит не в противоречии между либерализмом и равенством, которые вырастают из одного и того же корня, а в том, что их следствия могут вступить в противоречие с интересами субъекта.

В приведенных примерах часто обсуждается равноправие женщин:

They want to be treated with respect and reverence; and at the same time they expect equality with men, complete emancipation, and to compete in every form of masculine activity. – Они хотят, чтобы к ним относились с уважением и почитанием, и в то же время они рассчитывают на равенство с мужчинами, полную эмансипацию, возможность состязаться с мужчинами во всех видах мужской деятельности.

Значимость этой тематики в современной публицистике свидетельствует о том, что реального равенства пока достичь не удалось.

Обратим внимание на сопряжение требований равенства женщин с мужчинами и равного образования для девочек и мальчиков:

Much of the literature on women and education tends to make this kind of distinction, arguing both for greater equality of access for girls and for changes in what are claimed to be inherently sexist curricula and values put over in school. – Для большей части литературы о женщинах и об образовании характерно такое отличие, состоящее как в требовании большего равенства в доступе к образованию для девочек, так и в необходимости изменения учебных планов и проводимых в учебном процессе ключевых идей, которые ущемляют права женщин.

Сфера образования для англичан является ярким примером социального неравенства, и поэтому рассматриваемый концепт активно обсуждается в рамках дискуссий об образовании:

The conditions for a girl friendly school may be more difficult to bring about, for it would seem that teachers must be openly and visibly concerned about equality before pupils will change their choices; schools with traditional norms, limited or formal communication channels, and with few women in senior positions will be much slower to adapt to changed female expectations. – Гораздо труднее обеспечить условия для школ, учитывающих интересы девочек, поскольку в таких школах учителя должны открыто демонстрировать свою приверженность равенству учащихся, прежде чем те изменят свой выбор; школы же с традиционными нормами поведения, с ограниченными или формальными каналами общения, возглавляемые мужчинами, будут адаптироваться к новым потребностям женщин значительно медленнее.

Образование открывает перед людьми перспективы роста – в англоязычном мире уровень образования личности прямо связан с уровнем благосостояния этой личности, и поэтому неравенство в этой сфере остро переживается:

It is not possible to achieve equality of knowledge and learning with different curriculum materials and different aims and objectives for curriculum planning. – Невозможно достичь равенства в знаниях и образовании, используя различные учебные материалы и ставя перед собой различные цели при планировании учебного процесса.

Представляет интерес отношение англичан к тестированию: публицисты видят в абсолютизации тестов угрозу для поддержания равенства между людьми:

If tests measure nothing important about individuals, as the press often says, then they are a needless barrier to achieving social and economic equality. – Если тесты не выявляют ничего важного в отношении индивидуумов, как часто говорится в прессе, то они представляют собой ненужный барьер, препятствующий достижению социального и экономического равенства.

Этот пример особенно актуален для нашей страны, поскольку абсолютизация тестов в отечественном образовании в наши дни еще не получила должной оценки в обществе.

Актуальной в англоязычном мире является тема расового равенства:

The decisions are in contrast to the attitude of the courts to the powers of the Commission for Racial Equality. – Эти решения контрастируют с отношением судебных инстанций к правам комиссии по расовому равенству.

Отмечу, что вопрос о национальном равенстве в проанализированных текстах не обсуждается: по-видимому, либо тема национального неравенства для англоговорящих в наши дни не представляется актуальной, либо признак национального своеобразия релевантен только в случае резкого культурного диссонанса, а это связано с отношением к иммигрантам из стран Азии, Африки и Карибского бассейна, т.е. в тех случаях, когда налицо расовые отличия людей.

В дискуссиях о равенстве подчеркивается приоритетность конституционных норм общества по отношению к другим нормам:

But it is mistaken to the point of being morally grotesque to argue that, before we can decide whether human slaves should be liberated, we first need to count everyone's interests, both slaves' and slave owners' alike, and count equal interests equally. – Но будет ошибкой на грани с гротеском утверждать, что прежде, чем мы решим, должны ли быть рабы освобождены, нам следовало бы учесть интересы всех, как рабов, так и рабовладельцев, и на равных рассматривать эти интересы.

В этом ироничном высказывании используется прием доведения аргумента до абсурда. Но отметим, что абсурдным такой аргумент является в наши дни, для людей иных эпох было бы абсурдным говорить о равенстве рабов и рабовладельцев с иных позиций – рабы не воспринимались как полноценные люди.

Обращают на себя внимание критические оценки сложившихся методов оценки полученных результатов с опорой на мнение коллег:

And, as one of the interviewees said, 'peer review is an essentially conservative process, which tends to encourage the reproduction of establishment views'. – И, как сказал один из подвергшихся интервью при приеме на работу, «отзыв коллег – по своей сути очень консервативный процесс, которому свойственно поощрять воспроизводство установившихся взглядов».

Большинство по определению консервативно, и поэтому принцип равенства в оценке новых идей вызывает сомнение у научной общественности.

Сравнение актуальных смыслов, ассоциируемых с концептом «социальное равенство» в русской и англоязычной лингвокультурах, показывает, что существуют обширная область межкультурного совпадения ассоциаций, включающая характеристики юридического, политического и экономического равенства, соотношение равенства со свободой и справедливостью, и область специфического понимания равенства людей. Для носителей русского языка актуальна идея равенства в бедности, англичане и американцы обращают

большее внимание на знаки эмблематического равенства женщин и мужчин. Почему в России нет столь острого переживания гендерного неравенства? По-видимому, есть несколько причин для этого: во-первых, во многих семьях женщина фактически является главой семьи, и поэтому вряд ли можно говорить об ущемлении прав женщин в их личной жизни; во-вторых, завоеванием Советской власти явилось равенство женщин с мужчинами в области образования и трудоустройства; в-третьих, для большинства населения нашей страны более актуальны вопросы экономического, а не эмблематического порядка, хотя с ростом благосостояния эмблематика социального статуса будет становиться, как и в других странах, все более значимой. Обратим внимание на то, что образование и медицинское обслуживание в англоязычном мире осмысливается в тесной связи с социальным равенством людей.

Отношение к равенству и неравенству в обществе весьма противоречиво, и эти противоречия находят отражение в паремиологии – пословицах и афоризмах. Эти автосемантические высказывания играют важную роль в общении, поскольку емко и ярко выражают отношение к актуальным для коммуникантов темам, выступают в качестве прецедентных текстов и часто используются в качества аргументов в полемике [Литвин 1997; 2002]. Можно выделить следующие направления осмысления этого концепта: положительная оценка равенства либо неравенства, отрицательная оценка равенства либо неравенства, нормы поведения, обусловленного равенством либо неравенством.

Положительная оценка равенства между людьми обусловлена стремлением достичь социальной гармонии:

С точки зрения естественного права все люди равны (Латинское изречение). Равенство – это признание за всеми людьми мира одинаковых прав на пользование благами мира, одинаковых прав на блага, происходящие от общей жизни, и одинаковых прав на уважение личности человека (Л. Толстой). Мы считаем самоочевидными следующие истины: что все люди созданы равными; что они наделены своим творцом неотчуждаемыми правами; что в число этих прав входят жизнь, свобода и возможность добиваться счастья (Т. Джефферсон). Равенство и свобода – естественные и неизменные основы человеческого единения и, следовательно, необходимый и основной принцип всякого закона и всякой правильной системы правления (К. Вольней). Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах (Всеобщая декларация прав человека).

Подчеркивается естественность социального равенства в силу его биологической самоочевидности. Фактически речь идет о принципе равноправия, о равенстве граждан перед законом:

Равноправие – святой закон для человечества (Ф. Шиллер). Равные права – всем, особые привилегии – никому (Т. Джефферсон). Истинное равенство граждан состоит в том, чтобы все они одинаково были подчинены законам (Ж. Д'аламбер). Равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены (Сенека).

Приводятся веские доводы, объясняющие положительную природу равенства:

Равенство – начало справедливости (Сенека). Важнейшее свойство справедливости есть равенство (Латинское изречение). Равенство создает дружбу (Платон). Равенство не рождает войну (Солон). Я считаю доказанным, что при состоянии равенства ничего нет легче, как предупредить злоупотребления и твердо упрочнить законы (Г. Мабли). Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит (А. Бек).

Многие афористические речения на тему равенства выражают отрицательную оценку такого положения дел. Констатируется то, что в действительности равенство невозможно, поскольку люди рождаются неравными:

Люди рождаются свободными и неравными (Г. Аллен). В теории нет ничего проще равенства, на деле же нет ничего невыносимее его и призрачнее (Л. Вовенарг). То, что все люди равны, это утверждение, с которым в обычные времена не согласится ни один здравомыслящий человек (О. Хаксли). Равноправие – искусственное принижение одних и возвышение других. (М. Макаров). Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость (В. Ленин).

Идея равенства утопична, поскольку существует разрыв между идеалом и его воплощением:

Каждый – кузнец своего счастья, но многое зависит от заготовки (А.Жуков). Когда всё становится на свои места, выясняется, что кое-кому места не хватает (Ц.Меламед). Равенство – утопия негодяев (Д. Жирарден). Когда все будут равны, некому будет поставить знак равенства (И. Карпов).

Теории, провозглашающие социальное равенство, являются, по мнению афористов, ошибочными:

«Равенство перед законом» не факт, а политическое требование, опирающееся на моральное решение, причем оно совершенно независимо от теории – вероятно, ложной – о том, что «все люди рождаются равными» (К. Поппер). Равенство может быть правом, но никакая человеческая сила не может обратить его в факт (О. Бальзак). Демократия требует для граждан равного старта, эгалитаризм – равного финиша. (Р. Прайс).

Нас часто раздражают те, кто ведет себя неуважительно по отношению к нам, полагая, что мы им равны:

Особенно невыносимы идиоты, которые смотрят на тебя как на равного (NN).

Но такое раздражение уживается, как показано в следующем шутливом изречении, с нашей собственной завышенной самооценкой:

Я не стремлюсь к равенству. Я и так лучше всех (В. Голобородько).

Говоря о равенстве, люди обычно лицемерят:

Равенство, которого мы требуем, – всего лишь наиболее терпимая степень неравенства (Г. Лихтенберг). Мы живём в мире равных возможностей, – говаривала Ключу Отмычка (Б.Лесняк). В конечном итоге люди друг другу

равны – только не всегда, не везде и не во всем (В. Гжегорчик). В борьбе за равенство добился исключительных привилегий (М. Мамчич). Нет больших снобов, чем профессиональные борцы за равенство (М. Маггеридж).

Равенство несовместимо со свободой:

Где все равны, там никто не свободен (П. Буаст). Пусть лучше будут несчастливые, чем не будет счастливых вообще, а ведь именно это и произойдет при всеобщем равенстве (С.Джонсон). Политики не сознают, насколько равенство враждебно свободе. В Греции были свободные люди, потому что были рабы (А.Камю). Для русского освободительного движения характерно то, что оно дорожит равенством более, нежели самой свободой. Оно готово предпочесть рабство частичному освобождению: между всеобщим равенством рабства и всеобщим равенством свободы оно не допускает середины. Оно не может мыслить иначе, как в форме всеобщности (Е.Трубецкой).

Равенство несовместимо с благородством:

Все люди – братья: живут, как будто делят наследство (К.Елисеев). Бьют не лежачего, а того, кто пытается встать (Б.Крутиер).

Установление равенства есть насилие, часто жестокое:

Поголовное равенство – мечта Прокрустов (И. Карпов). Если бы прокрустово ложе могло говорить, оно рассказало бы нам о сути равенства (Е. Кащеев). Все люди равны. После соответствующей обработки (Е. Лец). Это свобода, это равенство и братство, – словом, это война! (Ж. Жироду).

Реализация равенства приводит к тому, что в выигрыше оказываются худшие:

Полное равенство означает всеобщую безответственность (Дж. Элиот). Для большинства людей смысл равенства состоит не в том, чтобы подниматься до уровня других, а в том, чтобы понижать других до своего уровня (А. Карр). Принцип демократии разлагается не только тогда, когда утрачивается дух равенства, но также и тогда, когда дух равенства доводится до крайности и каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители (Ш. Монтескье). Уравнять в «правах» слона и моську означает на деле подчинить слона моське (В. Грудев).

Борьба за установление равенства является тщетной в силу разных стартовых условий участников этой борьбы:

Одни всегда будут выше других. Уничтожь неравенство сегодня, и завтра оно появится снова (Р. Эмерсон). Лидер пришёл к финишу первым, остальные всю дорогу бежали (Д.Рудый). Права у всех одинаковые, только исключения разные (Д. Рудый). Единица измерения равенства: львиная доля (Л. Сухоруков). У всех от Бога – права равны, благословенья – разные (Л. Сухоруков). В кошки-мышки любят играть только кошки (В.Хочинский).

Установление равенства не только сопряжено с насилием, но и часто преследует корыстные цели:

...Существуют три источника несправедливости: насилие, как таковое, злонамеренное коварство, прикрывающееся именем закона, и жестокость самого закона (Ф. Бэкон).

Установление равенства приводит к обезличиванию людей:

Социальный прогресс требует стандартизации людей, и эту стандартизацию называют равенством (Э. Фромм).

Критически оценивается зависть как основа стремления к равенству:

Почти все разговоры о равенстве возможностей рождаются от зависти к неравенству способностей (*С. Янковский*). *Не мучай других своими успехами (В. Голобородько). Если вы куёте своё счастье, соседи не спят (В. Колечицкий). Из стремления к превосходству рождается дух политического равенства (Ш. Талейран).*

Критически оценивая отрицательные последствия борьбы за равенство, афористы отмечают, что благородные и низкие люди вкладывают в эту борьбу разное содержание:

Идея равенства, наша естественная страсть, прекрасна в возвышенных душах, но для душ низких она не означает ничего, кроме зависти (Ф. Шатобриан). Хуже всего неравенство среди слуг (В. Шевчик).

Отрицательная оценка неравенства объясняется тем, что оно ведет к падению нравов:

Неравенство естественным образом приводит к материализации высшего класса, опошлению среднего и озверению низшего (А. Мэтью).

Нормы поведения в отношении равенства устанавливают прежде всего равные стартовые условия для всех:

У всех должны быть равные шансы, но ни у кого не должно быть преимущества (Г.Вильсон). Только одно равенство для всех: равенство предварительных условий для деятельности (В. Дудинцев).

Нормы поведения, обусловленного равенством, сводятся к осмыслению смерти как всеобщего уравнителя:

Смерть уравнивает всех. Единственное место, где все действительно равны, – это кладбище. Все в землю ляжем, всё прахом будет. Смерть чинов не разбирает. Смерть не разбирает чина, а косит и мужика, и дворянина. Нынче – полковник, а завтра – покойник. Сегодня – царь, а завтра – прах. Для тела папы нужно не больше пядей земли, чем для тела пономаря (С.Сервантес). На эшафоте все равны (В. Борисов).

Эта тема является одной из центральных в «Экклезиасте»: «*Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета! Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах» (Эккл., 3: 19–21).*

Отсюда вытекает критическая оценка неравенства как временного положения дел, утешающая тех, кто не сумел достичь многого в своей жизни, и огорчающая тех, кто не принимает идею загробного равенства.

В русском пословичном фонде вариативно выражено предписание соблюдать сложившееся неравенство между людьми:

Знай сверчок свой шесток. Знай ворона свое гнездо. Знай кошка своё лукошко. Не в свои сани не садись. Гусь свинье не товарищ. Волк коню не товарищ. Лапоть сапогу не пара. Пеший конному не товарищ.

Эти речения представляют собой жесткие директивы, определяющие незыблемость социальной иерархии. Истолкование этих фраз является утилитарным обоснованием бессмысленности попыток изменить порядок вещей: конный обгонит пешего, волк загрызет коня, тот, кто носит сапоги, не станет на равных общаться с обутым в лапти.

Заслуживает внимания ироничное народное предписание трезво оценивать себя и равных себе:

Либо старо-уродливое, либо молодо-спесивое, либо в ровню упрямчивое.

В этом речении выражен совет оценивать себя и партнеров в ситуации ухаживания (и не только ухаживания) адекватно обстоятельствам. Поговорка перекликается с известной фразой «*На зеркало неча пенять, коли рожа крива*».

В англоязычном мире приветствуется иное поведение:

The weakest go to the wall – Слабейшие идут к стене (в средневековой церкви скамьи для молящихся были установлены у стен, а почетные места были в центре, поэтому пойти к стене означало уступить в состязании). Отсюда вытекает требование отстаивать свое право находиться в центре. *Don't make yourself a mouse, or the cat will eat you – Не превращай себя в мышку, а то тебя кошка съест* (Не следует принижать себя, иначе другие этим могут воспользоваться). Близкая по смыслу идея выражена в известной сентенции Генри Торо: *If a man does not keep pace with his companions, perhaps it is because he hears a different drummer (H.D. Thoreau) – Если кто-то идет не в ногу со своими товарищами, возможно, он слышит другого барабанщика*. Иначе говоря, нужно вести себя не так, как большинство, а в соответствии со своими целями.

Таким образом, в российской и англоязычной публицистике и художественной литературе совпадают следующие характеристики концепта «социальное равенство»: 1) основным признаком равенства является юридическое равенство граждан перед законом, 2) юридическое равенство проявляется в праве голоса, 3) естественным следствием различий между людьми является имущественное неравенство, 4) противопоставляются равенство возможностей и равенство способностей, 5) равенство возможностей признается гуманистической ценностью, равенство способностей – иллюзией, 6) декларация равенства может маскировать неравенство, 7) существуют эмблемы равенства и неравенства, 8) существуют этнокультурные особенности проявления равенства и неравенства.

Текстовые примеры дают возможность установить определенные различия в понимании равенства в русской и англоязычной лингвокультурах. К числу специфических характеристик концепта «социальное равенство», отмеченных только в текстах на русском языке, относятся следующие: 1) важнейшим признаком равенства является имущественное равенство, 2) как правило, имущественное равенство есть равенство бедных, 3) борьба против неравенства бывает жестокой, 4) борьба против неравенства является тщетной, 5)

борьба против неравенства может наносить вред культуре, 6) равенство часто сопряжено с соперничеством, 7) неравенство обусловлено социобиологической природой человека, стремление к равенству – его духовной природой, 8) предпочтение свободы равенству свидетельствует о приоритете индивидуалистских ценностей, предпочтение равенства свободе – о приоритете коллективистских ценностей.

Специфическими для англоязычной культуры являются следующие характеристики рассматриваемого концепта: 1) отношение к имущественному неравенству является важнейшим показателем ценностей политической партии, 2) неравенство между женщинами и мужчинами создает напряжение в обществе, 3) социальное неравенство ярко проявляется в сфере образования.

Основные характеристики оценочного осмысления социального равенства в паремиях сводятся к следующим: 1) социальное равенство является принципом справедливого общественного устройства, 2) равноправие граждан способствует гармонизации общества, 3) социальное равенство представляет собой утопию, 4) равенство противоречит свободе, 5) борьба за равенство часто бывает жестокой и тщетной, 6) мотивом борьбы за равенство обычно бывает зависть, 7) установление равенства приводит к выигрышу худших, 8) нормы поведения по законам равенства требуют предоставления всем одинаковых стартовых условий, 9) эти нормы показывают временность и эфемерность успехов, 10) эти нормы отличаются этнокультурной спецификой применительно к пословичному фонду – в русском традиционном поведении следует соблюдать сложившееся неравенство между людьми, в англоязычном поведении такое требование, по данным паремиологии, не прослеживается.

§ 2.10. Концептуализация благополучия

Лингвокультурные концепты – сложные ментальные образования, фиксирующие кванты переживаемого опыта – могут рассматриваться с различных позиций. С позиций аксиологической лингвистики на первый план выходит ценностная составляющая концептов, с позиций когнитивной лингвистики значимым оказывается соотношение понятийного и образного содержания того или иного ментального образования, с позиций интерпретативной лингвистики в центре внимания исследователя находится различие между коллективным и индивидуально-авторским осмыслением концепта, с позиций социолингвистики нас интересует специфическое осмысление действительности в сознании представителей определенной социальной группы [Карасик 2004]. Эти подходы взаимодополнительны.

В данной работе рассматривается концепт «благополучие» в русском языковом сознании и коммуникативном поведении. Предполагается, что этот концепт имеет социально-групповую специфику, т.е. по-разному осмысливается представителями различных коммуникативных сообществ, и отношение к благополучию является одним из признаков самоидентификации этих сообществ. Самоидентификация выражается в виде однозначно интерпретируемых

и моментально осознаваемых эмблем: например, кто-либо позиционирует себя как взрослого интеллигентного человека, либо представителя артистической богемы, либо революционного романтика и т.д. Такое позиционирование, по справедливому замечанию Е.Д. Поливанова [1968], в значительной мере помимовольно, т.е. не зависит от намерения человека, а выражается как следствие важнейших смысложизненных установок, но вместе с тем включает и элементы сознательного конструирования своего образа.

Содержательный минимум рассматриваемого концепта определяется по данным толковых словарей следующим образом:

Благополучие 1. Спокойное и счастливое состояние, существование; жизнь в достатке. *Семейное благополучие. Материальное благополучие. Желаю Вам всякого благополучия (пожелание при прощании, поздравлении и т.п.).* 2. Нормальное, без каких-л. нежелательных явлений состояние чего-л. *Благополучие лесов* (БТС). Спокойное течение жизни, не нарушаемое несчастиями, неудачами. *Благополучие их семьи длилось не долго*. || Довольство, материальная обеспеченность. *Многие думают только о своем благополучии* (Ушаков). Благоденствие, благосостояние, счастие, желанное состояние, душевное приволье, удовольствие. *Донесения о благополучии – вообще все срочные донесения, не содержащие ничего, кроме известия, что все обстоит благополучно* (Даль). 1. Спокойное – без неудач и потрясений – течение дел, жизни. // Материальная обеспеченность, достаток // Счастье в любви, в семейной жизни. 2. *разг*. Обычное – без отклонений от нормы или нежелательных явлений – состояние кого-л. (Ефремова). 1. Человека называют благополучным, если он имеет хорошую работу, достаточно денег и у него вообще нет проблем в жизни. *Вырасти в благополучной семье. Она бросила своего благополучного мужа.* 2. Благополучным называют то, что заключает в себе спокойствие и довольство. *Благополучная страна. У них вполне благополучный брак. Жизнь казалась такой благополучной и удачливой.* 3. Благополучным называют то, что является удачным, успешным. *Шансов на благополучный исход у меня было немного. Мы надеялись на благополучное возвращение*. 4. Благополучным называют то, что не вызывает тревоги и опасений. *Благополучное развитие событий. Экологическая обстановка в этом районе благополучна* (Дмитриев).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить в содержании рассматриваемого концепта следующие признаки: 1) состояние человека, 2) спокойствие, 3) счастье, удовольствие, 4) отсутствие нежелательных явлений, 5) материальная обеспеченность. Словарные иллюстрации конкретизируют признаки благополучия: акцентируется семейное благополучие, подчеркивается быстротечность и кажимость благополучия, говорится о противопоставлении личного и общественного благополучия.

Внутренняя форма имени концепта прозрачна: это получение блага. Следует отметить, что из 70 слов с компонентом «благо», зафиксированных в современном толковом словаре, подавляющее большинство единиц является устаревшим, многие слова относятся к религиозному дискурсу (*благовест, благодать, благодеяние, благословение, благочиние*).

Рассматривая различные концепции счастья, С.Г. Воркачев противопоставляет два понимания этого состояния: отсутствие зла либо отсутствие скуки [Воркачев 2004, с. 76]. Благополучие в этой связи представляет собой проявление спокойного счастья. Отмечено, что пассионарное счастье свойственно юным, с годами же человек приходит к осознанию ценности счастья как покоя.

Понятийные характеристики благополучия показывают определенную динамику в осмыслении этого концепта: в словаре В.И. Даля благополучие объясняется как душевное состояние, как счастье, в то время как в современных лексикографических справочниках на первый план выдвигаются материальный достаток и хорошая работа. Иначе говоря, наши современники под благополучием понимают объективные признаки жизни, тем самым противопоставляя взгляд на жизнь со стороны и изнутри.

Слово «благополучие» соотносится с близкими по значению лексическими единицами «благоденствие» (полное благополучие), «процветание» (успешное развитие, состояние подъема, расцвета), «преуспевание» (достижение успеха в чем-л.), «успех» (положительный результат, удачное завершение чего-л.; общественное признание, одобрение чьи-л. достижений). Успех является условием благополучия, как правило, люди прилагают усилия для достижения успеха. Процветание и преуспевание относятся к деловой, профессиональной стороне жизни, в то время как благополучие характеризует главным образом личную сферу повседневного бытия. Благоденствие выступает как интенсив по отношению к благополучию и в наши дни чаще звучит иронически.

Обратимся к образно-перцептивным и ценностным характеристикам рассматриваемого концепта. В содержании регулятивных концептов, к которым относится и ментальное образование «благополучие», образные и ценностные характеристики неразрывно связаны между собой. В качестве источников использовалась текстовая база данных «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин). Для выявления таких характеристик рассматриваются сочетаемостные особенности имени анализируемого концепта. Итак, каким бывает благополучие?

В широком смысле благополучие есть положительно оцениваемое состояние человека или общества:

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье – это «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни» (А. Зубаирова).

Не случайно в текстах XIX века это слово во многом совпадало по своей семантике со словом «счастье»:

Иной педагог весьма благополучно протянет век свой с наивным «не рассуждать», а для ученика, может быть, вся задача жизни заключается именно в том, чтоб рассуждать – здесь его спасение и благополучие (Н. Лесков).

Внутренняя форма слова четко проявляется в его осмыслении:

Научные же, технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своем благополучии превосходят нецивилизованных,

сколько взрослый человек превосходит в своем благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви (Л. Толстой).

Такое целостное понимание концепта «благополучие» соответствует английскому концепту «well-being».

В более узком понимании благополучие имеет определения «земное», «человеческое», «житейское»:

А расстаться с житейским благополучием для него было не так просто... (К. Бадигин).

К благополучию привыкают. Оно пронизывает всю повседневную жизнь, и его отсутствие остро ощущается. Вместе с тем благополучие имеет для человека значимость здесь и сейчас, оно конкретно и осязаемо:

Наш Базаров также, конечно, был неопровержимо логичен, когда отказывался служить интересам мужика, и высказывал полнейшее равнодушие к тому человеческому благополучию, которое должно наступить, когда из него, Базарова, «будет лопух расти» (С. Франк).

Для персонажа из известного произведения И.С. Тургенева значимы только смысложизненные цели, и он пренебрежительно относится к повседневности, тем более – к повседневности грядущей.

Четкое противопоставление благополучия и высших ценностей прослеживается в религиозном дискурсе:

Для каждого из нас настанет, в конце концов, последний смертный час, и всякое земное благополучие исчезнет, как пар, как дым, но это будет не «конец всему», а только начало новой жизни – в вечности (Аверкий Архиепископ).

В приведенном высказывании построен контраст между земным благополучием и вечностью, и в таком контрасте благополучие становится суетным и быстротекущим обманом, похожим на исчезающий пар или дым (традиционное сравнение жизни с паром изо рта восходит к известному образу в «Экклезиасте»).

Целостное понимание благополучия подразумевает осознание его мимолетности:

Рассеянные кое-где проклятия по адресу большевиков да идиллические воспоминания об утраченном благополучии не могли образовать новый, соответствующий событиям идейный состав их писаний (В. Ходасевич).

Русские эмигранты с тоской вспоминали о старой жизни. Отметим, что это были люди, потерявшие как материальный достаток и высокий социальный статус, так и душевный комфорт.

Важным признаком благополучия является осознание необходимости прилагать усилия для его обеспечения:

Дрянненький студент Трофимов красно говорит о необходимости работать и – бездельничает, от скуки развлекаясь глупым издевательством над Варей, работающей не покладая рук для благополучия бездельников (М. Горький).

Такие усилия могут быть и напрасными, особенно если они прилагаются для недостойных людей.

Осмысление благополучия часто конкретизируется с семейной жизнью. Речь идет о благополучии семьи и детей:

Выброшенный за борт, ценой неимоверных усилий, человек сильной воли и могучей энергии, Раевский без всякой посторонней поддержки сумел устроить свое материальное благополучие, обзавелся семьей и поставил на ноги детей (П. Щеголев).

В приведенном примере подчеркивается идея неблагоприятных обстоятельств, вопреки которым человек строит свое благополучие и благополучие своих близких.

Возрастной признак актуален при описании благополучия:

Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие (М. Горький).

Эмблематическое противопоставление молодого и сильного, но бедного героя и слабого и богатого старика часто использовалось в идеологической революционной практике.

Внешним проявлением благополучия является здоровье:

Сам Брусничкин ходил свеженький как огурчик – чистенький, прилизанный, блестел большим квадратным лбом, розовые щеки его дышали здоровьем и благополучием, чисто выбритый круглый массивный подбородок отдавал хорошим одеколоном (И. Шевцов).

В приведенном примере благополучие героя показано в виде сочетания нескольких признаков – крепкое здоровье, чистая одежда, свежевыбритые щеки, хороший одеколон. Видно, что герой не симпатичен автору – об этом говорят слово «прилизанный», прилагательные с уменьшительными суффиксами «свеженький», «чистенький», такая деталь внешности, как круглый массивный подбородок. По-видимому, автор позиционирует себя как болезненного, не очень опрятного и не очень обеспеченного человека.

Внешними признаками благополучия являются хорошая одежда и особые манеры, свойственные успешным людям:

В общем, не знаю уж – увы или ура, но Саня – уже не прежний московский бич с галошей на одной ноге и с кедой на другой. Вместо «Яростной Гитары» на плечах у него твидовые пиджаки, на ступнях английские туфли, курит всегда что-то душистое, пилотирует BMW. Что больше повлияло – возраст или благополучие, но изменился Саня разительно, стал мрачноват, немногословен, похож теперь на выездного режиссера с Мосфильма, даже некоторое появилось высокомерие (В. Аксенов).

В ироничном портрете персонажа контрастируют галоши и кеды, с одной стороны, и английские туфли, с другой, гитара за спиной и дорогой твидовый пиджак, характерный вид богемного певца и солидная внешность бизнесмена. В списке эмблем значимы также марка дорогой автомашины, трубка с дорогим табаком, немногословие, свидетельствующее о том, что человек привык к внимательным слушателям.

Типичным определением благополучия выступает финансовый статус человека:

Сервировка стола зависела от материального благополучия хозяев (С. Васильев).

В связке с материальным статусом индивида идут его карьера и положение на социальной лестнице:

Меньше всего интересовало его материальное благополучие, положение, карьера (Ю. Тынянов).

Отметим, что пренебрежение этими эмблематическими признаками успешного человека свойственно тем, кто позиционирует себя как явного или скрытого оппонента истэблишменту, как изгоя.

Внешним показателем благополучия является сытость:

Вот Интендант. Так прозвали мы благоухающего сытостью и благополучием толстого полковника с чиновничьими погонами. Он целый день или лежал, блестя своей лысиной, на высокой постели, прекрасно устроенной на чемоданах, или с наслаждением ел бесконечное количество всяких закусок, которые вез с собой (П. Бобровский).

Образ благополучного человека карикатурно показан в виде лысого толстяка, который лежит в постели и постоянно ест всякую вкусную снедь. Такой имидж закономерно возникает в сознании бедных и голодных людей:

…на фоне недоедания и обнищания большинства населения особенно бросались в глаза сытость и благополучие богатых классов (Э. Пиккио).

Благополучие в его внешних эмблемах является, как можно видеть, объектом критики обездоленных слоев общества.

Важным является противопоставление личного и общественного блага:

В этом коренное отличие нашей интеллигенции от западной, где забота о личном благополучии является общепризнанной нормой, чем-то таким, что разумеется само собою. У нас она – цинизм, который терпят по необходимости, но которого никто не вздумает оправдывать принципиально (М. Гершензон).

Благополучие выступает как базовый признак индивидуалистского образа жизни. Несмотря на то, что в России забота о собственном благополучии всегда являлась одной из витальных ценностей, считается, что демонстрировать эту заботу некрасиво, следует заботиться о других – прежде всего о своей стране, о народе, о деле, которому ты служишь, в меньшей мере о своей семье и в последнюю очередь – о себе.

В публицистике общим местом является противопоставление личного благополучия и душевного комфорта:

И как бы хорошо ни было житейски с неслыханным числом сортов колбас и розовым унитазом, но тех, кому Родина не слово, а целое понятие, для кого личное благополучие не самое главное и нет ненависти к родной стране – этих тянет домой неудержимо. Поэтому комфортно чувствуем себя лишь в нашем общем, пусть даже со съехавшей крышей, доме (Ю. Шутов).

Автор саркастически сводит западное благополучие к гастрономическому раю и чистому отхожему месту. Следует заметить, что в современной России исчезло понятие продовольственного дефицита, набор товаров в

супермаркетах практически не отличается от соответствующих западных магазинов, а качественный санитарный фаянс доступен всем. При этом публицист честно отмечает, что важным признаком родного дома является съехавшая крыша, этот метафорический образ выступает в качестве эмблемы своего места. Журналисты и другие граждане нашей страны не раз ехидно констатировали, путешествуя за границей, что и там встречаются облупленные здания, грязные подъезды, замусоренные пляжи. Разница, как представляется, состоит в поддержании личного пространства в благополучии, и здесь уже речь можно вести о границах такого пространства у наших соотечественников и их западных современников.

Для романтиков важно противопоставить низкое благополучие и возвышенное счастье:

Когда я кончил бюст, Байрон мельком взглянул на него и сказал: «Вы сделали не меня, а благополучного человека. На вашем бюсте я не похож». – «Что же дурного, если человек счастлив?» – спросил я. «Торвальдсен, – сказал он, и лицо его побледнело от гнева, – счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина. Только глупцы или люди с низкой душой могут искать благополучия в наш век. Неужели на моем лице нет ни одной черты, говорящей о горечи, мужестве и страданиях мысли?» (К. Паустовский).

Счастье для романтического героя связано с борьбой и трагедией, в то время как благополучие – это размеренная спокойная жизнь. Эстетические эмблемы «мрамор» и «глина» подчеркивают красоту трагического счастья (вспомним, из мрамора делались храмы, статуи и надгробья) и обыденную непритязательность глины (всем знакома жидкая и скользкая глина на дороге, и не случайно в библейской легенде акцентируется символически низкий исходный материал, из которого был создан Адам).

Идея контраста счастья и благополучия логически приводит к неизбежности жертвы, которую нужно принести ради счастья. Такой жертвой оказывается благополучие:

Отношение к истине в науке сродни отношению к истине Откровения в Средние века. И даже если сейчас жар этого отношения несколько поугас (и совсем не предосудительно не умирать за научную истину), то тем не менее истина – то, чему стоит приносить в жертву свое житейское благополучие, славу, успех, здоровье и т.п. (Т. Кузьмина).

Житейское благополучие идет первым в списке жертвоприношений. Программная установка на отсутствие благополучия выражена в строке из бардовской песни Ю. Кукина: «*И неустроенность им заменяет уют*».

Такая установка на жертву поддерживается длительной практикой выживания в критических условиях:

Народ чувствовал себя в истории, что он совершает историческое действие, что он при чем-то великом присутствует... Подобное чувство он испытывал еще только в войну... А что вы ему дадите? Сытую жизнь? Благополучие? Они никогда не будут для нас конечной целью. Другой замес. Нам нужен трагический идеал (С. Алексиевич).

Совершая подвиг и принося себя в жертву, люди ощущают великое счастье, которое несопоставимо с тихими радостями повседневной спокойной жизни.

Благополучие проявляется как упорядоченная, предсказуемая жизнь:

В доме у Блока был порядок, размеренность и внешнее благополучие. Правда, благополучия подлинного и здесь не было, но он дорожил его видимостью (Г. Чулков).

По мнению автора, Александр Блок при всей его внутренней трагичности ценил внешнюю обустроенность жизни. Этот тезис нуждается в уточнении. Ошибочно считать, что великим людям не нужны достойные условия для повседневной жизни. Трагедийность жизни не сводится к материальным лишениям. Для творчества не требуется аскеза. Но люди, лишенные творческого начала, считают благополучие смыслом и целью жизни, а люди творческие относятся к благополучию как к необходимой или желательной норме повседневности, четко противопоставляя свою миссию и свое физическое «Я». Трагедией для них является утрата вдохновения, понимание мгновенности бытия, осознание неизбежного исчезновения.

Революционное сознание требует подвигов как ежедневной нормы жизни, такая позиция разделяется не всеми:

В 1946 году один рабочий, проживавший в «Железном Миргороде», или, говоря точнее, в Детройте, сказал мне: «Почему вы все время говорите об американских капиталистах, о монополиях, об эксплуатации? Вы думаете, мы не знаем этого? Знаем. Но нам с нашими капиталистами живется лучше, чем вам без капиталистов...» Отсутствие классового сознания? Конечно. Но не только это – другое отношение к жизни, культ благополучия, страх перед подвигом, перед жертвами, перед неизвестностью (И. Эренбург).

Известный советский публицист фиксирует главную отличительную черту западного образа жизни: нацеленность на жизнь здесь и сейчас. Трезвый здравый смысл подсказывает американскому собеседнику нашего автора, что минусы капиталистической эксплуатации менее значимы, чем издержки социалистического государства с его неизбежным переносом смысла жизни на день грядущий, а не сегодняшний.

Благополучие выступает как идеологическая эмблема чужого образа жизни:

Воображаемый Запад придаёт смысл заложенному в миф «псевдоразвитию», как будто указывая направление движения («технологический прогресс», «цивилизованный быт», «потребительское благополучие») (Б.Дугин).

Автор использует кавычки, один из любимых знаков препинания тоталитарной эпохи, по В. Клемперу, с язвительным цитированием таких концептов, как «прогресс», «цивилизованность», «благополучие» (по мнению автора, это спорные ценности, навязываемые миру Западом).

Весьма распространенной характеристикой благополучия выступает его кажимость, мнимость:

Современный мир представлен здесь в виде прекрасно оборудованного, комфортабельного парохода, пассажирами и командой которого, несмотря на видимость полного благополучия, овладевает беспокойство и страх – им кажется, что в трюме корабля скрыт труп: это означает, по поверьям моряков, неизбежность крушения судна (В. Адмони).

Отметим, что внешне благополучный мир выглядит очень красиво, но его обитателям в этом мире дискомфортно. Образ скрытого трупа на корабле символизирует неизбежность крушения судна. Соответственно, возникает устойчивая связь: внешнее благополучие есть признак неизбежной будущей трагедии. Такая связь представляет собой идеологическую установку автора.

Специфической характеристикой внешнего благополучия является его подчеркнуто поверхностная и показная сущность:

Что нужно деканату? Казенное благополучие. Чтобы процент хороших и отличных оценок неуклонно возрастал от сессии к сессии, а процент двоек падал (И. Грекова).

Когда говорят о казенном благополучии, то подразумевается, что на самом деле чиновники проявляют полное равнодушие к действительному положению дел, благополучие для них – это правильный, ожидаемый начальством рапорт, и что внешнее благополучие свидетельствует о кризисе и проблемах общества и организации. Эта идея очень глубоко укоренилась в сознании носителей русской культуры. Вспомним о «потемкинских деревнях» в царской России, о «полировке действительности» в отчетах местных руководителей, о штампах «законная гордость» и «глубокое удовлетворение» времен застоя (семидесятые годы в Советском Союзе). Это отношение точно выражено в ироничной песенке Булата Окуджавы:

Римская империя времени упадка сохраняла видимость твердого порядка: Цезарь был на месте, соратники рядом, жизнь была прекрасна, судя по докладам.

Иначе говоря, «благополучный» значит «фальшивый».

Если благополучие выступает эмблемой для определенного человека, то он стремится эту эмблему отчетливо продемонстрировать:

– Ну, покажи же нам свою квартиру, – подтолкнул Клинков Подходцева. – Я думаю, изнываешь от желания похвастаться благополучием… (А. Аверченко).

Герой хвастается своим благополучием, если чувствует, что это – его отличительный признак. Так, например, в наши дни вряд ли кто-то будет гордиться или хвастаться тем, что имеет компьютер или мобильный телефон.

Концентрированным обозначением приземленного бытового благополучия в советское время было слово «мещанство»:

И вдруг в эту атмосферу мещанского благополучия словно камень бросили в стоячую воду, – в театре появилась Яворская (Т. Щепкина-Куперник).

Актриса сравнивает мещанское благополучие с болотом, со стоячей водой. Изначально слово «мещанство» обозначало «податное сословие из мелких городских торговцев, ремесленников, низших служащих, домовладельцев и

т.п. В отличие от купцов, мещане платили подушную подать, могли подвергаться телесным наказаниям, рекрутской повинности. Принадлежность к мещанству наследовалась, при этом разбогатевшие (приобретшие капитал более 500 рублей) мещане могли свободно переходить в купечество, а купцы, разоряясь, становились мещанами» (БТС). Но постепенно этим словом стали называть поведение и образ жизни людей с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором. В центре критической оценки находится отсутствие общественного кругозора. Эмблемами мещанского благополучия были абажуры, кровати с перинами и множеством подушек, аляповатые безвкусные картины на стенах, гипсовые слоники на этажерках, канарейка в клетке. Приведу развернутое описание мещанского быта:

И дело тут, конечно, не в канарейках, кокетливо чирикающих в клетках, не в герани на окнах и не в других привычных атрибутах утлого квартирного мирка. Губительна для молодой души хлопотливая, самоуверенная пошлость, которая неизбежно ведет к тому, что человек отгораживается от всего мира тюлевыми занавесочками, геранью, патефоном, глухой стеной с крымскими видиками в ракушечных рамочках, бумажными веерами, целым стадом гипсовых слоников (якобы оберегающих домашнее счастье), бамбуковыми ширмочками, тряпичными ковриками, подушечками, всеми этими безвкусными вещами, как будто бы создающими комфорт, а на самом деле пыльным хламом, любезным только для клопов. Страшно то, что такие люди начинают думать, будто в этом отгороженном, тесном, непривлекательном мирочке истинный центр вселенной. А что там, снаружи, за окнами – пропади хоть все пропадом... Так этот жалкий вкус, страшащийся любого дуновения свежего ветра, ревниво оберегающий «милый» покой, начинает определять и образ жизни и все мироощущение человека (Л. Кассиль).

Критическая оценка благополучия в его эмблематических мещанских проявлениях (заполненное безделушками маленькое пространство, уютная клетка, знаки обеспеченности – занавесочки, герань, коврики, патефон) дается людьми, для которых существуют высшие ценности – произведения высокого искусства, социальные идеалы, борьба за светлое будущее человечества. Значимы в этом примере уменьшительные формы слов: подлинный мир противопоставлен мещанскому мирку.

Отметим, что дурной вкус часто был атрибутом купеческого образа жизни, и здесь жесткая критика мещанства является наследием презрения к ближайшим социальным типажам со стороны разночинной интеллигенции.

Таким образом, сочетаемостные характеристики слова «благополучие» свидетельствуют о том, что концепт, фиксируемый в этом слове, является идеологически маркированным. Такая маркированность появилась в содержании этого концепта тогда, когда возникла необходимость противопоставить ценности богатых и бедных. С точки зрения бедных, релевантным является противопоставление благополучия и счастья, при этом благополучие выступает как антипод спасения души (религиозное основание) и коллективного блага (классово основание), благополучие часто является мнимым,

свидетельствует о дурном вкусе, и оно должно быть принесено в жертву великой идее. Для бедных, постоянно испытывавших голод в прежнюю эпоху, важнейшим эмблематическим признаком благополучия являлась сытость. Благополучие – это эмблема западного потребительского общества, знак чужих в Советском Союзе. Официальная советская идеология утверждала романтическое отношение к жизни, и стремление к благополучию рассматривалось как бездуховность. В современной публицистике отрицательная оценка благополучия прослеживается в публикациях тех авторов, которые считают порочной рыночную модель общества.

Для определения современного понимания благополучия в России (лето 2010 г.) был проведен опрос информантов, которым было предложено написать короткое сочинение на тему «Когда я думаю о благополучии, я представляю себе…». Приведу типичные короткие сочинения.

Когда я думаю о благополучии, я представляю себе …

... Семью за столом. Все рады видеть друг друга, тихо беседуют, улыбаются. Вечер. В углу негромко работает телевизор. Особенно счастлива бабушка. Она молча переводит глаза с внуков на детей и улыбается. Двое подростков что-то увлеченно друг другу рассказывают. Видно, как им всем хорошо вместе.

... Хорошо одетого мужчину, который вышел из дорогого автомобиля и идет в свой дом. Этому человеку, наверно, около 40 лет. Он вернулся домой. Большой двухэтажный дом ярко освещен, за окнами мелькают силуэты людей. Слышится детский смех. К мужчине с лаем подбегает породистая собака, радуясь приходу хозяина.

... Пожилых туристов, мужа и жену, которые идут, взявшись за руки, по Парижу. Они приехали издалека, давно хотели здесь побывать. Они смотрят на город сияющими глазами. Они хорошо одеты. Жена что-то говорит мужу, он улыбается и кивает. Они с удовольствием проводят свой отпуск вдвоем.

... Веселую компанию на берегу реки. Они готовят шашлык. Это несколько человек, наверно, две или три семьи. Под деревьями в тени стоят автомобили. Дети весело бегают по песку.

В ответах всех респондентов называлась семья, часто указывался загородный дом, члены семьи собирались в своем саду, проводили вместе досуг. Таким образом, благополучие ассоциируется с домом, теплыми отношениями между близкими людьми, совместным проведением досуга. Критических оценок благополучия не было высказано. Интересно, что никто из респондентов не поставил на первое место материальный достаток. Идея материальной обеспеченности является пресуппозицией по отношению к концепту «благополучие», т.е. подразумевается, но не акцентируется. Благополучие проявляется в улыбках, часто в совместной трапезе. В «Русском ассоциативном словаре» приводятся данные от реакции к стимулу применительно к рассматриваемому концепту – *материальный (3), достаток, удобства (2), деньги, иметь, машина, надежность, ошибка, сделка, семья, создавать, стипендия, стремление*

(1). Эти данные свидетельствуют, что благополучие в современном языковом сознании в целом оценивается положительно (единственным косвенным доводом в пользу неоднозначной оценки благополучия является единичная реакция «сделка», т.е. благополучие как результат коммерческой операции, которая гипотетически допускает нечестность по отношению к партнеру).

Лингвокультурный концепт «благополучие» представляет собой сложное ментальное образование регулятивного типа. Его содержательный минимум стабилен и включает признаки удовлетворенности, спокойной гармоничной жизни, взаимопонимания с близкими людьми и материального достатка. Его ассоциативные признаки вариативны и характеризуются идеологической маркированностью, имеющей религиозную и политическую окраску. В религиозном плане благополучие – это нацеленность на обретение блага для души, а не для тела, в политическом плане – это эмблематическая самоидентификация романтических коллективистов, презирающих благополучие как индивидуалистское и материально-потребительское отношение к жизни. В современной российской коммуникативной практике благополучие оценивается как безусловное благо, как одно из условий счастья. Критическое отношение к благополучию высказывается только в оппозиционном российском публицистическом дискурсе, участники которого отрицательно относятся к ценностям западной цивилизации, сориентированной на максимальное удовлетворение материальных потребностей людей.

⁉ Вопросы для самопроверки:

1. Дайте определение термину «концепт».
2. Как возникают концепты?
3. Как соотносятся концепт и понятие, концепт и значение, концепт и смысл?
4. Как соотносятся концепт и картина мира?
5. Как соотносятся концепт и лингвокультурема?
6. Меняются ли концепты в коллективном и индивидуальном сознании?
7. Как может быть построен концептуарий культуры?
8. Существуют ли этноспецифические концепты?
9. Можно ли говорить о социально-групповой специфике понимания концептов?
10. В чем состоит сущность авторских концептов?

✎Темы рефератов:

1. Концепт как предмет лингвистического изучения.
2. Лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к концептам.
3. Типы лингвокультурных концептов.
4. Понятийная сторона концепта.
5. Образная сторона концепта.
6. Ценностная сторона концепта.
7. Коллективные и индивидуальные концепты.

8. Дискурсивная специфика концептов.
9. Динамика развития концепта в диахронии.
10. Социально-групповая концептуализация реальности.

🕮Литература

Адамокова Э.Б. Семантико-прагматические свойства и контексты функционирования средств выражения благодарности в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Эльмира Борисовна Адамокова. Пятигорск, 2005. 17 с.

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.

Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

Бабаева Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.

Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.20 / Елена Викторовна Бабаева, 2004. 40 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 с.

Белодед О.Р. Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические особенности высказываний благодарности: (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1990. 25 с.

Бердникова А.Г. Речевой жанр благодарности: Когнитивный и семантико-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Геннадьевна Бердникова. Новосибирск, 2005. 23 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 123 с.

Брицын В.М., Зимовец Г.В., Яворская, Г.М. Концепт БОЛЬ (когнитивные и культурно-антропологические аспекты) // Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Ред. В.М. Брицын, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Г.М. Яворская. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. С. 393–412.

Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 74–84.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. 84 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1. С. 64–72.

Воркачев С.Г. Концепт *счастья* в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. 142 с.

Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007а. 284 с.

Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: ВолГУ, 2007б. С. 8–93.

Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.

Воркачев С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2010. 299 с.

Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: РУДН, 1997. 331 с.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. №1. С. 35–47.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.–Калуга: Эйдос, 2007. С. 26–33.

Жданова Л.А., Ревзина О.Г. «Культурное слово» милосердие // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 56–61.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 36–44.

Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. Нижний Новгород: Деком, 2001. С. 38–53.

Имас А.В. Выражение благодарности в немецком языке (на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Александра Викторовна Имас. М., 2001. 26 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

Китанина Э.А. Концепт «диффамация» в русской лингвокультуре: прагматический аспект // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2016. № 1–2 (77-78). С. 39–45.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд.3. М.: URSS, 2016. 456 с.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

Кононова И.В. Художественный концепт как феномен индивидуального сознания // Художественный текст: формулы смысла: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 143–178.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. С. 90–93.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Куссе Х. Культуроведческая лингвистика / Пер. с нем. М.: Гнозис, 2022. 536 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.

Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография Волгоград: Прин-Терра-Дизайн, 2022. 252 с.

Леонтович О.А., Шейгал Е.И. Жизнь и культура США: лингвострановедческий словарь. Волгоград: Станица-2, 1998. 416 с.

Ли Сюзянь. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских (с точки зрения носителя китайского языка и культуры): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ли Сюзянь. М., 2006. 23 с.

Литвин Ф.А. Язык и культура в словарном представлении // Лексика и лексикография: сб. науч трудов / Отв. ред. Ю.Л. Воротников, Ю.Г. Коротких. М., 1997. Вып. 8. С. 58–65.

Литвин Ф. А. Проблемы словарной фиксации воспроизводимых (отрезков) текстов // Лексика и лексикография: сб. науч трудов / Отв. ред. Ю.Л. Воротников, Ю.Г. Коротких. М., 2002. С. 74–79.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Лю Цзюань. Волгоград, 2004. 20 с.

Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: ПомГУ, 1997. Вып.1. С. 11–35.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. М.: Наследие, 1997. 208 с.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Юлия Витальевна Мещерякова. Волгоград, 2004. 24 с.

Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: ОмГПУ, 1998. С. 80–85.

Песоцкая И.В. Концепт "болезнь" в зеркале мирового закона равновесия // Язык и национальные образы мира: материалы междунар. науч. конф. Майкоп, 2001. С. 221–225.

Пименов Е.А. Концепт *Gemüt* в немецком языке // Язык. Культура. Человек. Этнос. Кемерово: Графика, 2002. С. 79–82. (Серия «Филологический сборник». Вып. 3).

Пименова М.В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Приходько А.Н. Концепт ORDNUNG как мерная единица немецкого этнического менталитета лингвокультурный аспект) // Vita in lingua: к юбилею проф. С.Г. Воркачева: сб. статей. Краснодар: Атриум, 2007. С. 158–171.

Приходько А.Н. Типы и классы концептов // Новое в славянской филологии: сб. статей /отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 80-89.

Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Лингвосемиотические типы концептуализаций в языке и культуре // Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 386–401.

Прохвачева О.Г. Концепт «приватность» // Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. С. 98–199 с.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.

Росс Э. Кельты-язычники. Быт, религия, культура / Пер. с англ. Н.Ю. Чехонадской. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. 255 с.

Руткевич А.М. Архетип // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 51–53.

Савицкий В.М. Идея, схваченная знаком. Несколько вопросов по поводу объекта лингвоконцептологии: учеб. пособие. Самара: Поволжск. гос. соц.-гуманит. академия, 2011. 96 с.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.

Сковородина С.В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе: концепты *благодарность* и *извинение*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Светлана Валерьевна Сковородина. СПб., 2004. 20 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск: ПГЛУ, 1999. 156 с.

Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. 352 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 58–65.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып.1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8-20.

Стернин И.А. Знания и мифы обыденного языкового сознания // Коммуникативные исследования. 2017. №3 (13). С. 47–56.

Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): монография. Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. 302 с.

Сунь Хуэйцзе. Принципы номинативного структурирования семантического поля (на примере средств обозначения запаха в русском и китайском языках): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Сунь Хуэйцзе. Волгоград, 2001. 24 с.

Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Васильевна Тарасенко. Красноярск, 1999. 19 с.

Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.

Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры: монография. Тула: С-Принт, 2013. 92 с.

Тульнова М.А. Концепт «прогресс» в глобалистском дискурсе // Вестник Иркутск. гос. лингв. ун-та. № 2 (10) 2010. С. 169–175.

Тюпа В.И. Концепт идентичности в нарративах преодоления социокультурной угрозы // Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс: колл. монография / под общ. ред. В.И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Дом ЯСК, 2022. С. 102–118.

Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Александра Николаевна Усачева. Волгоград, 2002. 17 с.

Федотова В.Г. Равенство социальное // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. С. 494–395.

Фещенко В.В. Три способа исследовать концепты (в философии, современном искусстве, лингвистике) // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина; СПб.: ООО. «Книжный Дом» Вып. XXIII. 2015. С. 152–166.

Фрумкина Р.М. Константы культуры – продолжение темы // Язык и культура: факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 167–177.

Хазагеров Г.Г. Топос vs. концепт: к изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Серия: Филологические науки. 2008. №3. С. 6–26.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.

Чернобров А.А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2006. 332 с.

Чесноков И.И. *Месть* как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): монография. Волгоград: Перемена, 2008. 256 с.

Шабанова А.А. Репрезентация концепта «власть» в современной русской языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 17(232). С. 181–185.

Шахназаров Г.Х. Равенство социальное // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 557–558.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Якимович Е.В. Стёб в современной русской лингвокультуре: слово, концепт, жанр // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2009. С. 29–40.

Gosepath S. Equality // The Stanford Encyclopedia of Philosophy**.** E.N. Zalta (ed.). 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://plato.stanford. edu/archives/ spr2011/entries/equality. (дата обращения: 10.02.2024).

Oksaar E. Kulturemtheorie: ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung. Hamburg: Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften, 1988. 72 S.

Rosch E. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology 104. 1975. P.192–233.

A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. A contribution to the History of Ideas. By C.D. Buck. Chicago: The University of Chicago Press, 1988.

РАЗДЕЛ 3.
Лингвокультурология вчера, сегодня, завтра
(В.А. Маслова)

§ 3.1. Лингвокультурология вчера: из истории появления

Можно с гордостью сказать, что современная лингвокультурология – это достижение отечественной науки, толчком к ее зарождению стало лингвострановедение, которое начало изучать артефакты национальной культуры, представленные в языке. Оформилась лингвокультурология в 90-е годы XX века: это работы В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, позднее В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, М.В. Пименовой и др.

Однако возникла лингвокультурология не на пустом месте, в ее основе лежит учение В. Гумбольдта, а также разрабатывались проблемы *языка и культуры* Я. Гримом, одним из основоположников мифологической школы в Германии начала 19 в.

В середине XX века появились концепция Л. Вейсгербера, гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа, исследования по культурной антропологии и культурологи и др. исследования. Э. Сепир писал о языке как о строго социализированной части культуры и инструменте для выражения ее значения [Сепир 1993]. В этот же период появляются работы немецкого философа Эрнста Кассирера. Его работа двухтомная «Философия символических форм» (М.–СПб., 2002. 272 с.) посвящена исследованию языка, мифа, религии, науки. Общим для данных областей знания автор считает «дух», понимаемый как «духовная культура», поэтому жизнь народа и отдельного человека должна рассматриваться в зеркале культуры. Оформление духа происходит в знаке и его разновидности – символе. Именно культура составляет тот общий фон, на котором воспринимается язык, который не просто выражает идеи, но и создает их.

Нужно сказать, что и в американскую лингвистику проникали данные идеи, и там возникла *культурная антропология*, но задачи и подходы у нее иные, нежели в лингвокультурологии.

Что происходило в этот период в русской науке? Во второй половине 19 в возникает русская мифологическая школа. Она была основана Ф.И. Буслаевым и читается первой школой фольклористики. Почти сразу же к ней присоединились А.Н. Афанасьев и А.А. Потебня. В основе данной школы лежит идея о связи языка, мифологии, народной поэзии. Фольклор для представителей данной школы – продукт бессознательного творчества народа, его «душа».

В середине XX века русский ученый М.М. Покровский показал, что содержание языка в значительной мере определяется культурными реалиями (средой), т.е культура помогает понять процессы, происходящие в языке, а анализ языковых данных, в свою очередь, помогает проникнуть в сферу культуры [Покровский 1959, с. 77–78]. В своей работе «Соображения по поводу изменения значений слов» ученый пишет следующее: «Вариации значений слов, с

виду капризные, в действительности подчинены определенным законам», он замечает также «душевные движения» в слове [Покровский 1959, с. 36, 38].

Взгляды названных ученых мы условно выделяем в первый период развития лингвокультурологии – **период предпосылок** развития науки.

§ 3.2. Лингвокультурология сегодня

Этап «вчера» позволил подойти к периоду оформления лингвокультурологии как самостоятельной области исследований в рамках лингвистики. Сегодня можно говорить о следующем этапе – разработке фундаментальной междисциплинарной науки лингвокультурологии.

Начало ее формирования – рубеж тысячелетий. В это время формируются несколько направлений лингвокультурологии: 1. Лингвокультурные аспекты русской фразеологии. 2. Лингвокульутрология языка отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т. е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации. 3. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния языка этноса за длительный период времени. 4. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных этносов и др. [Маслова 2001]. Как всякая научная область знаний лингвокультурология отвечает на следующие вопросы: что исследуем, зачем и как? Следовательно, она имеет свой **объект** исследования, **предмет** и **задачи**.

Объектом лингвокультурологии выступает язык, но не в качестве системы чисто формальных лингвистических правил и категорий, а как отражение и фиксация культуры, как часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу не только речевой, но и познавательной деятельности [Леонтьев 1993].

Предметом лингвокультурологии являются языковые единицы, содержащие культурную информацию, а также установление того, как «работают» механизмы, включающие культуру в значение языкового знака. Возникшая в 90-е годы лингвокультурология, связанная прежде всего с именем В.Н. Телия и представителей ее школы, исследует не просто взаимодействие языка и культуры, но учитывает знания о человеке, его сознании, мышлении, обществе, в котором он живет, т.е. лингвокультурология изучает и описывает корреспонденции языка, сознания и культуры человека в их взаимодействии.

Лингвокультурология как самостоятельная отрасль знаний решает свои специфические задачи:

1) описать культурную семантику данных языковых знаков; если в начале своего формирования задачей было описать взаимовлияние языка и культуры, то теперь лингвокультурология формируется на основе взаимодействия нескольких разных предметных областей – человека – его сознания – языка – культуры;

2) установить, к какой части значения языкового знака прикрепляются “культурные смыслы”; осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии;

3) как культура участвует в образовании языковых концептов; сконструировать концептосферу (совокупность основных концептов данной культуры) и картину мира каждого этноса.

Это так называемые “высокие” или теоретические задачи, но есть еще частные задачи, связанные с проблемой перевода, обучения языку, составления словарей, где была бы учтена культурная информация и т.д.

Одной из насущных задач современной лингвокультурологии становится создание концептуального аппарата, который включает в себя разработку таких понятий, как *ЯКМ, национальная ментальность, культурная семантика, культурная коннотация*, *культурные установки (прескрипции), культурный фон* и др., которые, как считает М.Л. Ковшова, изменили «теоретическое лицо» лингвистики [Ковшова 2012, с.35].

При решении данных задач нужно учитывать одну чрезвычайно важную особенность, создающую дополнительную трудность в изучении данной проблемы: культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы “скрывается” за языковыми значениями.

Например, русский фразеологизм “*выносить сор из избы*” имеет следующее значение – “разглашать сведения о каких-то неприятностях, касающихся узкого круга лиц” [Словарь... 1995, с. 211]; сразу становится не совсем понятно, почему это в целом полезное и положительное действие по выносу сора негативно оценивается, и в большинстве современных фразеологических словарей есть помета «неодобрительно». Это помогает понять культурная информация, которая здесь глубоко запрятана – это славянский архетип “выносить сор из избы нельзя, ибо тем самым мы ослабляем “свое” пространство, делаем его уязвимым, а потому и можем причинить вред членам своей семьи”, а человеку недостойно заниматься ослаблением ближних. Поэтому маркером культурной информации при фразеологизме становится помета “неодобр.”.

Современная лингвокультурология исследует такие единицы языка и факты культуры, где активно взаимодействуют язык и культура. Они являются наиболее **культуроносными сущностями.** Это прежде всего фразеологический фонд языка, именно его исследование натолкнуло В.Н. Телия на мысль о том, что семантику этого знака нельзя исследовать без привлечения культурных знаний; 2) мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы; 5) речевое поведение; 6) область речевого этикета; 7) коды культуры; 8) концепты культуры; 9) ценности культуры. Однако обозначенный нами список объектов исследования в лингвокультурологии не представляется нам окончательным и неизменным, он может быть продолжен, здесь указаны лишь основные.

Поговорим о наиболее сложных сущностях. В сфере особого внимания лингвокультурологов являются единицы языка, которые приобрели

символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания - архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях и т.д.

При этом одна лингвокультурологическая единица может одновременно принадлежать нескольким семиотическим системам: стереотип ритуала может войти в поговорку, а потом превратиться во фразеологизм; например, было время, когда *клятву ели*, т.е. ели землю, изображая породнение с ней, как бы жертвуя собой при этом, данный обычай закрепился в языке во фразеологической единице (ФЕ) *есть землю* (ср. современное употребление в воровском жаргоне); песня «Лазарь бедный», которую пели нищие и обиженные, усиленная семантикой самого имени *Лазарь* - "бог помог", подкрепленная библейской легендой о Лазаре, который получил награду за свои мучения на том свете (Евангелие от Луки), трансформировалась во фразеологизм *петь лазаря* в значении "пытаться разжалобить, вызвать сочувствие".

Иногда одна и та же лингвокультурологическая единица воплощается и в мифах, и в поговорках, и во фразеологизмах: ВОЛК содержит в себе представление древних славян о грабителе, убийце, резне, т.е. мифологему "волк-разбойник", которая накладывает отпечаток на метафору *волк зарезал*. Неизменность разбойничьих привычек волка нашла отражение в поговорке "*Волк каждый год линяет, но обычая не меняет*", а затем закрепилась во ФЕ *волчья хватка* и др.

Рассмотрим кратко перечисленные нами сущности.

1. Лингвокультурология возникла и развивалась как особый **анализ фразеологических единиц**, которые считаются ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервирована культура – мифы, легенды, обычаи, ритуалы.

Кажется, что фразеологизмы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации, необходимости этикетного поведении (*садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку*), о традициях и обычаях (*из полы в полу, вывести на чистую воду*) и т.д. Общечеловеческие знания о мире также присутствуют во ФЕ типа *развязать язык, связать по рукам и ногам,* в которых живет семантика узла, связывания как магического действия, т.е. национальная культура в них явлена через связь с мифологией, которая является достаточно общей, по крайней мере, для славянских народов.

Многие ФЕ связаны с мифологемами и архетипами – *как в воду глядел, как в зеркале*; у славян *зеркало* – граница между земным и потусторонним миром, а потому по функции подобна другим границам – меже, порогу, окну, колодцу и т.д. Известный русский языковед Б.А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда **косвенно** отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы». В

описании данной языковой сущности значительное место принадлежит В.Н. Телия и ее школе (М.Л. Ковшовой, В. Красных, И.В. Зыковой и др.).

2. Представляют особый интерес **мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, символы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке**.

В каждом конкретном фразеологизме отражается не целостный миф, а мифологема. **Мифологема** – это важный для мифа персонаж или ситуация, это как бы «главный герой» мифа, который может переходить из мифа в миф. В основе мифа, как правило, лежит **архетип**. Архетип – это устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях и имеющий распространение в культуре [Сендерович 1995, с. 144]. Понятие архетипа – одно из базовых понятий аналитической психологии К.Г. Юнга, оно было введено им в 1919 г. в статье «Инстинкт и бессознательное». К.Г. Юнг считал, что все люди обладают врожденной способностью подсознательно образовывать некоторые общие символы – архетипы, которые проявляются в сновидениях, мифах, сказках, легендах. В архетипах, по К. Юнгу, выражается «коллективное бессознательное», т.е. та часть бессознательного, которая не является результатом личного опыта, а унаследована человеком от предков. Глубины коллективной памяти, коллективно рождаемые архетипические (мифологические) образы постоянно пересекаются с индивидуальным опытом человека и корректируют его. Архетип – это «психический орган», вырастающий в душе человека «как цветок». Современная наука подтвердила, что архетип – это глубокий уровень бессознательного.

В рамках генетической теории К. Юнг устанавливает тесную связь архетипа с мифологией: мифология – хранилище архетипов [Юнг 1996]. По всей вероятности, наиболее важные мифологические мотивы общи для всех времен и народов. Человек находится во власти архетипов, не понимая этого.

Например, в основе фразеологизмов с компонентом «***хлеб***» *есть чужой хлеб, жить на хлебах у кого-либо, зарабатывать на хлеб, хлебом не корми* лежит архетип хлеба как символа жизни, благополучия, материального достатка. Хлеб обязательно должен быть «своим», т.е. заработанным собственным трудом (вспомните слова из Библии, обращенные к первым людям Адаму и Еве: «Хлеб будете добывать в поте лица своего»). Если же *есть чужой хлеб,* то такое поведение осуждается обществом. Основой для осуждения является библейская установка на то, что хлеб должен добываться трудом, а также представление о хлебе (архетип) как о ритуальном предмете, способном оказать влияние на различные стороны жизни человека, – с хлебом связаны весенние обряды, гадания, ворожба, заговоры. Хлеб – символ солнечного бога он не просто дар Божий, а сам есть божественное существо. В древности считалось, что если человек ест «твой» хлеб, он может навредить тебе. Есть и прямо противоположная точка зрения, высказанная А.Н. Афанасьевым, – «странник, вкусивший нашего хлеба-соли, уже не может питать к нам неприязненного чувства, становится как бы родственным нам человеком» [Афанасьев 1996, с. 340]. О святости хлеба есть множество свидетельств у славян. Так, по словацкому

обычаю в пеленку новорожденному кладут кусок хлеба, чтобы его никто не сглазил. Чехи и украинцы считают, что хлеб способен защитить от нечистой силы. Отсюда и поговорка, бытующая у русских, – «*Хлеб-соль не пропустит зла*», а одна из функций хлеба-соли, оставляемого в течении 40 дней после смерти покойника, быть оберегом. Эти архетипические представления о хлебе до сих пор живут у славян. Например, на Украине на том месте, где хотят построить дом, сыплют по всем четырем углам зерно. Если место хорошее, то зерно в течение трех дней будет лежать на месте. В России под строящуюся избу закладывают хлеб [Сумцов 1996, с. 101]. В Белоруссии широко распространено употребление каравая – обрядового хлеба как жертвы солнцу. В Кыргызстане также особое отношение к хлебу: он здесь даже более почитаем, чем у славян. **Таким образом, понятие архетипа – важнейшее в феноменологии культуры.**

Символ. Символ – важнейшая часть всякой национальной культуры. Это не просто культуроносная сущность, но одно из центральных понятий философии, эстетики, филологии, без него невозможно построить ни теорию языка, ни теорию познания. Символ — особая коммуникационная модель, показывающая возможность интеграции индивидуальных сознаний в единое смысловое пространство культуры.

Понятие символа является одним из самых трудноопределяемых понятий. А.Ф. Лосев отмечал: «Понятие символа и в литературе и в искусстве является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых понятий» [Лосев 1995]. Символ имеет более чем двухтысячелетнюю историю осмысления: термин «символ» использовался Платоном, Пифагором и Аристотелем. К сегодняшнему дню символ получил многообразные трактовки, однако целостного представления о нём до сих пор нет. «Новейший философский словарь» (под ред. Л. Родионовой. – М., 1999) дает следующее определение символа – это «понятие, фиксирующее способность материальных вещей и событий, чувственных образов выражать идеальное содержание, отличное от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [Новейший…, 1999]. Свои определения и трактовки символа мы находим в трудах А.Ф. Лосева (1982), Н.Д. Арутюновой (1988), Ю.М. Лотмана (1996), Ю.С. Степанова (1985), Г.И. Берестнева (2007), Г. В. Токарева (2021) и др.

Символ – это своего рода способ социокультурного кодирования информации и особая форма коммуникации. По словам А.Ф. Лосева (1982), символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания. Анализируя символ с лингвокультурологических позиций, М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков дают его следующее определение: «символ – знак языка культуры, знаковый заместитель реалий (разных субстанций), обладающих культурным смыслом, репрезентант этого смысла» [Ковшова, Гудков 2018, с. 119].

Символ нужно отличать от знака, образа, архетипа и других сходных сущностей. Как универсальная семиотическая матрица, моделирующая структура [Бенвенист 1974, с.87] язык совмещает в себе знаковое и символическое.

В основе символа лежит образ. Всякий символ есть образ, однако образ можно считать символом лишь при определенных условиях. По словам Н.Д. Арутюновой, знаки конвенционализируются, а символы канонизируются: крест становится символом веры христианской, символом страдания, символом объединения пространства и т.д. Символ в отличие от знака не подразумевает прямого указания на денотат. Н.Д. Арутюнова утверждает: «Знаками регулируют движение по земным, водным и воздушным путям, символы ведут по дорогам жизни» [Арутюнова 1998, с. 342]. С ее точи зрения, символ имеет более высокий семиотический статус, чем образ [Арутюнова 1998, с. 338]. Это связано с тем, что символ чаще интерпретируется в терминах культуры (ср.: **рука** – символ власти и символ помощи в русской культуре: *из первых рук, быть правой рукой, иметь свою руку*, но и символ наказания – *рука не дрогнет, руки чешутся, поднимать руку*. Знаки требуют понимания, а символы интерпретации. Таким образом, символ имеет знаковую природу и ему присущи все свойства знака, кроме которых есть еще и специфические. Примером могут служить фразеологизмы, отдельные компоненты которых становятся символами. Так, *нос* – символ уязвимого места в человеке, отсюда ФЕ *утереть нос, водить за нос, прищемить нос, хоть кровь из носу.* Еще один символ носа как прибора реагирования выделяется из следующих ФЕ: *не по носу* (не нравиться), *крутить носом* (выражать несогласие), *воротить нос* (выражать презрение).

Проанализировав разные концепции символа, пришли к выводу, что **символ – это вещь, награжденная смыслом**. Это язык намека, имеющего глубокое и многочисленное истолкование. Символ можно назвать *воспоминанием об опыте*. Этот опыт персонифицирован – будь то на уровне отдельной личности, сообщества или целого народа, целой культуры.

Символы являются национально-специфичными. Так, китайцы вписывают в изображение луны жабу и зайца (символы бессмертия), а в солнце – ворона (символ сыновней почтительности) [Вэнь Бянь 1974]. В славянской культуре эти символы имеют иное значение: заяц – символ трусости, ворон – вещая птица, птица смерти, прилетом к жилью приносящая несчастья и т.д.

Национальная символика каждого народа очень традиционна, при этом она обновляется, появляются (в том числе под воздействием других культур) новые символы, традиционные символы нередко наполняются новым содержанием. Число символов ограничено, подсказано жизнью, закрепляется в культуре, но меняется и в историческом аспекте, и в аспекте творчества отдельных представителей культуры. У А. Чехова: жизнь – это путь, жизнь – сон, мир – театр, тюрьма и т.д. У персидских поэтов роза – символ живого существа, в средневековье – это символ любви и красоты, у А. Пушкина – прекрасный цветок, у А. Майкова – всегда украшение, у Вяч. Иванова –мистическая ценность.

Алфавита символов, единого для всех народов, всех культур, не существует. Чет глубже этот опыт, тем значимее символ. Но бывают более или менее универсальные символы. Всем христианским народам известен следующий символ: *красный цвет* – символ огня, славы, Богородицы (она Огневидная), святой дух появляется в огне: икона Благовещения. Символ огня у

языческих славян – это красота: *Весна Красна, красна девица, красно Солнышко*. *Белый цвет* – символ чистоты, истины, невинности, святости, божественности. Белый свет – это и ясный день, и весь наш мир. Белый царь (в Голубиной книге) – это русский православный царь, самый лучший, самый правильный.

Материальную форму символ может обретать в образе, звуке, слове, действии, вещи – во всем, что существует в физической действительности.

Поэтому материальным экспонентом замещения является не только реалия, но и имя. Например, не реалии *рука, крест* являются символами в выражениях *правая рука*, *нести свой крест,* а имена: *рука* – это власть, *крест* – это символ жертвенности, соединение земли и неба, духовная высота креста – это вертикаль, материальный мир – горизонталь; крест во время молитвы – наше согласие с Христом, т.е. символ веры Христовой и т.д. Вероятно, не следует искать наиболее точный смысл символа, надо сосредоточить внимание на доступных для восприятия и понимания узуальных значениях и на узловых точках корреляции значений в символе. Например, **голубь** – это символ Святого Духа, символ мира, но и символ потустороннего мира (у М. Цветаевой в «Переулочках» такие голуби *вороные*). Таким образом, важнейшее свойство символов – их имманентная многозначность и распывчатость границ. Один и тот же символ может иметь несколько смыслов.

В понимании В.Н. Телия, приведенные нами примеры – это ***квазисимволы.*** Репертуар квазисимволов, как и символов, возникает в результате культурно значимого отбора [Телия 1996, с. 243–244]. Примеры: символ – крест на куполе церкви, квазисимвол – слово (имя) «крест». Однако наряду с ними есть языковые символы, которые порождаются в процессе эволюции и функционирования языка. Такие символы имеют мифологическую, а точнее, архетипическую природу. Например, *радуга* для русских – символ надежды, благополучия, мечты, т.е. имеет резко позитивное значение; отсюда выражения *радужные мечты, радужное настроение, радужные надежды* и т.д. Этот символ берет свое начало из библейской легенды: после всемирного потопа Бог в знак договора с людьми, что потопа больше не будет, оставил на земле радугу. Таким образом, здесь метафора, осложняясь культурными коннотациями, превращается в символ. Но чаще несколько метафор, переплетаясь, создают символ.

Эталоны и стереотипы. Примером эталона является выражение *здоров как бык, глаза красивые как у коровы* (эталон красоты у киргизов*), толстый как бочка* [Маслова 1988]. Эти эталоны отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения мира. **Эталоны – это то, в чем образно измеряется мир.** Чаще всего эталоны существуют в языке в виде устойчивых сравнений (*глуп как валенок, весел как птичка, злой как волк, собака*), но в принципе эталоном может быть любое представление о соизмерении мира относительно человека – *сыт по горло, влюблен по уши* и др. Эталон, по В.В. Красных, имеет следующие характеристики: 1) мера; 2)

единичный феномен; 3) уникальный феномен; 4) возможно подражание; 5) строго фиксирован, т.е. равен содержанию [Красных 1998].

Анализируя семантику фразеологизма *дрожать над каждой копейкой,* В.Н. Телия справедливо отмечает, что здесь «фокусируется не вещный образ копейки, а знание о том, что копейка – эталон минимальной денежной единицы. Благодаря такого рода восприятию образного основания фразеологизмов, в которые входят слова-эталоны, фразеологизмы приобщаются к языку культуры» [Телия 1996, с. 242–243]. Здесь, говоря словами А.А. Потебни, «символ становится образцом (эталоном) и подчиняет себе волю понимающих» [Потебня 1976, с. 415].

Таким образом, **эталон – это сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов**. Эталон на социально-психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о явлениях природы, общества, о человеке, о их качествах и свойствах. **Эталон содержит в себе в скрытом виде предписания, он влияет на избирательность и оценку.**

Стереотип, в отличие от эталона, **это тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение** и т.д. Стереотипы поведения как важнейшие среди стереотипов могут переходить в **ритуалы.** Разница между ними в том, что при реализации стереотипа человек может не осознавать целей, ради которых действие совершается. Ритуал же всегда предполагает рефлексию относительно значения его исполнения. **Ритуал условен, конвенционален. Он есть способ разрешения социальной драмы**.

Обряд. А.Н. Веселовский в своей «Исторической поэтике» отмечал ведущую роль обряда в развитии культуры, а между ритуалом и мифом он не видел никакой связи. В современной науке наибольшее распространение получила точка зрения, принимающая семантическое единство мифа и ритуала как теоретической и практической сторонах одного и того же явления.

Любое действие может стать обрядом, если оно теряет целесообразность и становится семиотическим знаком. Обряд тесно связан с мифами и ритуалами. Некоторые ученые выводят происхождение мифа из обряда и ритуала (К. Леви-Стросс, Е.М. Мелетинский). Обряд в отличие от ритуала имел более сложную структуру, включал несколько этапов и был более длительным во времени. Он сопровождался специальными песнями, драматическими действиями, хороводами, ряжением, гаданием и т.п. Миф мог обосновывать происхождение обряда.

В сущности, каждый обряд символизирует и воспроизводит творение. Обряды подтверждают основные принципы мирового порядка в трактовке конкретной традиции. Обряд и есть освященное многовековой традицией условно-символическое действие, он складывается на основе обычая и наглядно выражает устойчивые отношения людей к природе и друг к другу. Примерами обрядов могут служить родильные обряды, крестины, сватанье, свадьба, лечение всяческих болезней, смерть, похороны, поминки и др. Например, белорусский ФЕ *пасадз1ць на пасад* означает «готовить место и сажать невесту и жениха на свадьбе в почетном углу» и «отдавать замуж». Таким образом, данный

фразеологизм закрепил в своей семантике обряд сажать молодую на почетное место во время свадьбы, ее сажали на дежу, которая накрывалась тулупом [Сержпутоўскі 1988, с.199].

Ритуал – система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. Это форма «превращенного сознания» (термин В. Зомбарта), он является главным механизмом коллективной памяти, который во многом определяет жизнь человека и теперь.

Ритуал стал изучаться сначала у животных, объединенных в крупные сообщества; как утверждает К. Лоренц, все человеческие ритуалы возникли у человека естественным путем, т.е. в своих истоках человеческий ритуал и ритуал животных един. У ритуала К. Лоренц выделяет три функции: 1) снятие агрессии, 2) обозначение круга «своих», 3) отторжение «чужих». Ритуал столь важен для человека, что существует гипотеза, будто язык возник в русле ритуала [Топоров 1988].

Действие становится ритуалом, когда оно теряет целесообразность и становится семиотическим знаком.

Ритуалы на заре истории человечества были невербальными текстами культуры людей, а само знание ритуалов было символом, определяющим уровень овладения культурой и социальную значимость личности. Ритуал нельзя сводить к театрализованному действию, иллюстрирующему миф, ибо миф проникал во все формы жизнедеятельности людей. Устная трансляция мифа как и ритуальные действия обеспечивали единство взглядов на мир всех членов сообщества, объединяло «своих» и отделяло их от «чужих».

Ритуал – обряд оберега от вреда. Он магически связывал людей с живыми силами природы, с персонифицированными мифическими существами, богами; древние ритуалы – это своего рода обряд оберега от вреда. Например, сглаз – специфический вид вреда, нанесенного визуальным путем. Отсюда, *беречься от сглаза – не попадаться на глаза, не смотреть в глаза. Дурной глаз* входит в архетипическую модель мира. Око – окно в иной мир. Через окно иной мир врывается в дом в сказках, например, так вампиры и вурдалаки проникают в дом. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре сейчас активно исследуются [Толстая 1994, с. 172–177].

Бережет человека и смех, точнее, ритуальный смех. Уже на самых ранних стадиях развития культуры рядом с серьезными культами существовали и смеховые, срамословящие и высмеивающие божество: его ругают, над ним издеваются, чтобы утвердить жизненное начало вслед «умирающему» божеству; смех их сопровождающий и назывался ритуальным смехом. Так древний и средневековый человек освобождался от религиозного догматизма, от мистики и благоговения, молитвенного характера. Так создавался второй как бы параллельный мир, в котором жил человек. Это было для него необходимо, ибо официальный праздник не соответствовал природе человеческой праздничности, искажал ее, т.к. был абсолютно серьезным.

Смех по своей семантике амбивалентен. Смех в языческом обществе имел сакральную символику, это своеобразный магический жест [Маковский

1996, с. 300]. В христианской культуре смеются смерть, дьявол и прочая нечисть, отсюда фразеологизм *дьявольский смех.* Считается, что уже с самого рождения возле человека находится как ангел-хранитель, так и дьявол искуситель, соблазнитель. И если ангел радуется, умиляясь добрым поступкам человека, то дьявол хохочет, при виде злых дел. Христос, его апостолы и святые никогда не смеются, лишь улыбаются, радуясь.

Смех не одобряется древними славянами, отсюда выражения типа *дурня па смеху пазнаеш; па латках пазнаеш скупога, а па смеху – дурнога* (бел.), русские фразеологизмы и поговорки *смеху подобно* (о смехотворном – неодобр.), *смех без причины – признак дурачины* и другие. Выражение *гомерический смех* имеет негативную окраску: это громовой смех, подобный тому, каким смеялись на пиршествах олимпийские боги в «Илиаде» Гомера.

К фразеологизмам поведения можно отнести ФЕ с компонентом “смех”: *и смех и грех, поднимать на смех* (русск.); *паміраць ад смеху, не на смех, надрываць жываты ад смеху, паехаць ад смеху* и другие, которые кодируют в своей семантике запрет на смех.)

Но есть и другая сторона у смеха. А.А. Потебня [Потебня 2000, с. 167] видит связь смеха со светом и жизнью. В мифах народов мира, в которых повествуется о людях, проглоченных рыбами, смех – возврат к жизни. По украинскому поверью, ворон похищает детей на тот свет, и если мать успеет рассмешить ребенка, он остается с ней, а если не успеет, то он достается ворону. Следы этого аспекта значения у смеха имеют фразеологизмы *смех разбирает, смешинка в рот попала* и др.

В наивной картине мира, которая отражена во фразеологии, зафиксированы различные способы мировосприятия. Так, зрение в народной анатомии – это особое видовое понятие для многих способов восприятия: *вижу дом* (зрение), *вижу, что вы не понимаете этого* (рацио), *смотрю – кругом мокро* (осязание) и т.д.

Чутьё – еще более широкое, годное для всех способов восприятия, включая духовное зрение (*чуять запах* – обоняние; *чую, мокро / сухо* – осязание, *чуять сладость на языке* – вкус; *чуять звуки* – слух, *чуять беду* – предвидение, духовное зрение).

Из данных примеров мы видим, что фразеологическая картина мира формируется как средство воплощения различных культурных прескрипций, которые организуют некоторый этнос в лингвокультурное сообщество – нацию – и создают пространство народной мудрости. Традиционно считалось, что фразеология хранитель исторического опыта, культуры, мудрости нации. Однако мы видим множество современных фразеологизмов, обусловленных современными реалиями: *голосовать обеими руками; доводить до ума; хотели как лучше; поставить на счётчик; сесть на иглу и др.* (Вальтер и Мокиенко создали словарь ковидных фразеологизмов и пословиц). Это позволяет нам сделать вывод о **континуальности смысла во фразеологии.**

Заговор. Урон, по Т.В. Цивьян, – семантизируется как на-говор, т.е. вред, нанесенный словом. Нужен заговор. Заговоры и заклинания уходят

своими истоками в глубокую древность. Первые сведения о них у восточных славян встречаются в летописных сводах X века, в договорах XI века русских с греками. Точки зрения на происхождение заговоров и заклинаний различны. Ф.И. Буслаев и А.Н. Афанасьев, например, настаивали на их связи с мифом, А.А. Потебня усматривал в заговорах склад древнего поэтического мышления. Существуют мнения, что заговоры возникли на основе византийских апокрифов (А.Н. Веселовский), на основе халдейских книг (Миллер В.Ф.), на основе чернокнижия.

Предмет исследования в лингвокультурологии как наиболее культуроносная сущность – это и **паремиологический фонд языка**, поскольку большинство пословиц – это стереотипы народного сознания, дающие достаточно широкий простор для выбора. Традиционно пословицы и поговорки изучались в фольклористике как жанровые тексты. Их изучение в лингвистике только начинается. Это аргументированные, иллюстративные единицы речи, но не инвентарная продукция языка, с точки зрения прагматической цель в которых размыта: одна и та же пословица может быть упреком, утешением, нравоучением, советом, угрозой и т.д., например, *Старость не радость.*

Не все пословицы, однако, являются предметом исследования лингвокультурологии. Например, библейская пословица *Одна ласточка весны не делает* представлена у славян, французов, итальянцев и других народов. Она, хотя и отражает передаваемый из поколения в поколение опыт, не является присущей конкретной культуре, конкретному этносу, поэтому, согласно развиваемой нами концепции, не может считаться предметом лингвокультурологии. Здесь должны изучаться лишь те пословицы и поговорки, происхождение и функционирование которых неразрывно связано с историей конкретного народа или этноса, его культурой, бытом, моралью и т.д. Например, *На каждое чихание не наздравствуешься*, в ее основе лежит славянский обычай в ответ на чихание желать здоровья.

Предметом специального исследования в лингвокультурологии должно стать **речевое поведение**, а также всякое другое поведение, закрепленное в номинативных единицах, в единицах грамматических и стилистических. Речевой поведение – это система факторов, среди которых А.А. Леонтьев выделял следующие: 1) факторы, связанные с культурной традицией (разрешенные и запрещенные типы и разновидности общения, а также стереотипные ситуации общения); (Я-ТЫ-ОН-грамматика); 2) факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения (функциональные подъязыки и этикетные формы общения); 3) факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т.е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности; 4) факторы, связанные со спецификой денотации; 5) факторы, определяемые спецификой языка данной общности (стереотипы, образы и сравнения, кинесические средства и т.д.). Роль таких факторов была проанализирована в коллективных монографиях - “Национально-культурная специфика речевого поведения” (1977), “Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР” (1982) и др. В

результате исследования было установлено, что в каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как человеку полагается вести себя в типичных ситуациях, в соответствии с их социальными ролями (начальник – подчиненный, муж – жена, отец – сын, пассажир – контролер и т.д.).

Еще одна лингвокультурная сущность – **коды культуры**. Это культуроносная сущность в лингвокультурологии, потому что правила прочтения кодов задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Код вырабатывается и функционирует в культуре (В.А. Маслова, М.В. Пименова). В этом случае говорят о существовании «кодов культуры» (культурных кодов). Д.Б. Гудков, В.В. Красных подчеркивают, что «код культуры» представляет собой передачу материального и духовного опыта (достижений, нравственных заветов), выработанных человечеством в период реальной (а не мифической) истории, т.е. истории, подтвержденной материально и имеющей свидетельства (артефакты и описания, письма, летописи, дневники, отзывы путешественников) [Гудков 2004, с. 39–50; Красных 2003].

В качестве основы для культурного кода может послужить любой комплекс чувственно воспринимаемых реалий действительности – флора, фауна, явления природы, оружие, орудие труда, хозяйственная утварь, одежда, пищевые продукты, здания и прочие артефакты, а также культурные сценарии (трудовые процессы, празднества, игры, состязания, битвы, шоу, торги и другие социокультурные трансакции). Выделяют целый ряд кодов культуры: космогонический (*быть на седьмом небе)*, соматический (*голова колонны, третий глаз*), пространственный (*слева, верхний*), временной (*перед Рождеством*), предметный (*гвоздь программы*), зооморфный (*львы, орлы в геральдике*), природно-ландшафтный (*лес рук, родословное древо*), архитектурный (*мосты дружбы, храм науки*), гастрономический (*мед, соль земли*), обонятельный (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*), оружейный код (*копьем и мечом*) и др. Именно эти коды являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры.

Думается, что часть информации о мире, заложенная в языковом коде, присутствует в «светлой зоне» сознания, другая – имплицитна, а потому должна стать объектом лингвокультурологического анализа. Так, для каждого народа существует иерархически организованный набор ценностей, которые, хотя и повторяются в других культурах, но имеют иную конфигурацию и систему соотношений. Например, человек в русской языковой картине мира, сравниваемый с другим, похожим по характеру, поведению, социальному статусу или другим характеристикам личности, получает следующие именования: *одного поля ягода, гусь (кулик) да гагара – пара, два сапога пора, из одного теста сделаны, из одной плахи вытесаны, черти одной шерсти, одна шайка-лейка, одной масти, на один покрой, одним миром мазаны, того же сорта, оба хороши, один другого стоит, муж и жена – одна сатана, из одного кремня искра* и т.д. [Маслова 2007]. Белорусы к этому добавят: *обае рабое, чорт не адзіныя лапці стаптау, пакуль іх да кучы сабрау* (в значении оба одинаково

плохие). Если выражения для обозначения похожих людей в русском языковом сознании предполагает похожесть и хороших либо нейтральных явлений (*из одного кремня искра*), то в белорусском используются только для обозначения плохих (здесь работает архетип двойничества как негативного явления в белорусской культуре).

Итак, коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, эти представления они и «кодируют». Можно сказать, что коды культуры «образуют» систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры, и обслуживают, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира [Телия 1999, с. 51–53]

Культурный код – это способ хранения и передачи информации, тип культурной памяти. Коды лингвокультуры, в которых фиксируются коллективные представления, универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры. Указанные сущности не представляются нам гомогенной системой, скорее это гетерогенная совокупность, но именно они не только наиболее «культуроносны», но и наименее изучены.

Важным предметом исследования в лингвокультурологии нужно считать **область речевого этикета** [Формановская 1989], т.е. «культурное притворство вежливости», по О. Мандельштаму. Речевой этикет – это социально заданные и культурно-национально специфические регулируемые правила речевого поведения в ситуациях установки, поддержания и завершения контакта коммуникантов в соответствии с их социальными и психологическими ролями, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановках общения. Речевой этикет – зона «социальных поглаживаний», по Э. Берну, это национально-культурный компонент общения. Этикетные отношения – это универсалия, но проявление их – национально-специфичны, а потому должны изучаться лингвокультурологией. Казалось бы, этикетное поведение стандартно и стереотипно, представляет собой замкнутую систему, но нарушение этого поведения может привести к непредсказуемым последствиям для человека и человечества, ибо, по словам Н.И. Формановской, коммуникативная истинность выше по ценности для культурной общности людей, чем искренность (истина). Лингвокультурология исследует и живые коммуникативные процессы – связь используемых в них языковых выражений с культурой и менталитетом народа, т.е. его массовым сознанием, традициями, обычаями т. д.

Важное место в лингвокультурологии принадлежит **культурным концептам** и **ценностям культуры**. Но эти сущности требуют особого большого разговора.

Если к началу третьего тысячелетия сложились и функционировали четыре лингвокультурологические школы и, соответственно четыре школы, то теперь их множество: не только в Москве, но и других городах России, в Белоруссии, Украине, Казахстане, Кыргызстане и др., а также в Европе в Словакии (Эва Коларова), Польше (Иоанна Коженевска) и ряде других стран.

К концу первой четверти XX1 список направлений в лингвокультурологии значительно пополнился. Теперь оформились следующие направления: теоретическая лингвокультурология (В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова и др.), философская лингвокультурология (Ю.С. Степанов и др.), сравнительно-сопоставительная лингвокультурология (Ж. Капенова и др.), прикладная лингвокультурология состоит из двух направлений – лексикографическая лингвокультурология (Словарь «Русское культурное пространство»); и методическая (В.М. Шаклеин, В. Воробьев, В. Синячкин); лингвокультурология поликультурного пространства (Г.Ю. Богданович), лингвокультурологическая лексикография (М.Л. Ковшова), региональная лингвокультурология – появление ряда лингвокультурологических словарей регионов (Н.В. Бубнова, С.В. Николаенко, В.А. Маслова идр.); аксиологическая линговокультурология; экспериментальная лингвокультурология (М.Л. Ковшова). Появление экспериментальной объясняется тем, что процессы, которые происходят в сознании человека, не поддаются непосредственному наблюдению, а значит, ментальные операции со смыслом не могут быть полностью эксплицированы. Еще Л.В. Щерба писал, что «в возможности применения эксперимента и кроется громадное преимущество с теоретической точки зрения [Щерба 1956, с. 259]. Проблемы экспериментальной методологии получили разработку в работе К.Я. Сигал и Н.М. Юрьевой [Сигал и Юрьева 2009].

Общей чертой почти всех названных направлений в рамках современной лингвокультуролоии является крен в когнитивистику, потому что мы живем в мире собственных ментальных схем: все лингвокультурные реалии являются в то же время лингвоментальными, т.к. существуют в единстве их языковых и культурных содержаний и рассматриваются сквозь призму когнитивного анализа, но при этом учитываются особенности национального сознания человека. При таком подходе разные когнитивные области гуманитарного знания объединяются, и здесь современная лингвокультурология реализует интегральный подход к языку. Возникает еще одно новое направление, которое только наметилось в науке, – синергетическая лингвокультурология. Речь о ней пойдет отдельно как о лингвокультурологии будущего.

Активно развивающаяся сейчас лингвокультурология позволила прийти к выводу, что невозможно исследовать фундаментальные вопросы взаимодействия феноменов языка и культуры без обращения к человеку и его языковому сознанию, потому что человек стоит в центре языка и культуры (антропоцентрический подход).

§ 3.3. Лингвокультурология завтра

Дальнейшее развитие лингвокультурологии с полной уверенностью, что все так и будет, описывать рискованно. Однако интуиция, основанная на опыте, позволяет нам очертить 2-3 вектора ее развития в будущем, которые помогают понять, как будет взаимодействовать языка и культура с позиции новых данных в быстро меняющемся мире.

Один из них связан со сменой парадигмы. Теоантропокосмическая парадигма. Такой подход открывает новые горизонты в проблеме взаимосвязи языка и культуры.

Второй вектор развития лингвокультурологии в будущем – ее интеграция с еще большим количеством наук естественного цикла – биологией, квантовой физикой и др.

Третий вектор – внимание к глубинным знаниям в языке и культуре, которые можно экстеризовать в лингвокультурологии.

Рассмотрим их далее более подробно.

3.3.1. Место и роль лингвокультурологии в новой парадигме

Известно, что почти весь XX в. главной в языкознании была **структурно-семантическая парадигма языка**. Новая исследовательская парадигма языка – антропоцентрическая – вобрала в себя ряд подходов, которые многие лингвисты тоже считают парадигмами: **семиотическая, коммуникативная, функциональная, когнитивная, лингвокультурологическая** и др.

Наблюдения показывают, что антропоцентрическая парадигма, пришедшая на смену системно-структурной, не является идеальной, а потому не будет последней. Философы и лингвисты-методологи уже пишут о необходимости поиска новой парадигмы пока как нового витка антропоцентрической. В.И. Постовалова пишет о **теоантропокосмической** как парадигме будущего [Постовалова 2011]. В ней человек начинает видеть свое место не над миром, а внутри него. Патриарх Русской православной церкви Кирилл сказал, что любое научное построение, в центре которого стоит человек, а не Бог, обречено. Следовательно, если в западноевропейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение «гуманистической лингвистики» (Дж. Лакофф), изучающей «человека говорящего», «языковую личность», в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью – Космос (Вселенная). Поэтому именно русская лингвокультурология готова к такому объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории вселенной.

В языке живут глубинные трансцендентные религиозные смыслы, которые с трудом поддающиеся рациональному осмыслению, но играют огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации. Не случайно В. фон Гумбольдт писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать…» [Гумбольдт 1984, с.37]. Данная идея нашла место и в трудах отечественных философов. Так, о языке как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писал и Г. Шпет [Шпет 1989, с. 35]. Сейчас уже появились работы о духовной силе слова – В.И.

Постоваловой [Постоваловой 2003, с. 35], близкие к ним – работы И. Бугаевой, А.К. Гадомского, Вс.Ю. Троицкого и др.

Культура голографична. Она поворачивается к исследователям разными смысловыми слоями, поэтому каждый из нас видит свое. Эти смысловые слои диффузны, не имеют чётких границ, постоянно проникают один в другой, но в каждой лингвокультуре это происходит по-своему. Тогда получается, что **сама культура – это пространство культурных смыслов, ценностей, вырабатываемых человеком и процессе миропонимания, и кодов лингвокультуры, закрепляющих эти культурные смыслы.** Тексты культуры хранят и транслируют нам запечатленные в них установки и ценности народа. Но мир сейчас быстро меняется, что делает нас все более не готовыми принять, например, его прозрачность, скорость изменения, новые ценности и условия жизни, например, феномен «пожизненного обучения». Поэтому общество должно формировать готовность личности к переменам, что требует новой этики, без которой общество просто погубит само себя.

Как формировать новую этику? С помощью Слова. Во-первых, постоянно подчеркивая духовный смысл русского языка вообще и русского слова, в частности. Это важно и при обучении русскому языку россиян, и при обучении русскому языку как иностранному. Нужно помнить, что у пространства культуры есть три измерения (но все время пишут лишь о 2 – материальной и нематериальной культуре!). Это 2 горизонтальных измерения, но есть и 3-е вертикальное, задаваемого духовной составляющей народа. **Язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука).** По образному выражению В. фон Гумбольдта, языки это и орудие, необходимое для духовной деятельности, и колея, по которым он совершает свое течение. Учет духовной составляющей позволяет увидеть глубинные смыслы, а иногда помогает просто понять сказанное. Обращение к Богу: ***Возвесели сердца наша, во еже боятися имени Твоего Святого.*** Для чего веселится? Чтобы бояться? – А все дело в том, что Страх Господень сопровождается иными смыслами: это и благоговение перед именем Божьим, и благодарность, и радость от понимания мира, созданного по его законам.

Развиваясь вместе с национальным сознанием, основанном на христианском мировидении, русский язык вобрал в себя православную культуру, сам став ее важным элементом и строительным материалом. Многие русские слова вбирают в себя религиозные смыслы и хранят их, передавая из поколения в поколение. В других языках это выражено значительно слабее. Например, русское духовное выражение *благая весть* на английский язык переводится как *хорошие новости;* русское слово *честь* также содержит духовные смыслы, которые, хотя и исчезли из современного языка (ср. *честный человек*), но отблески смысла *честность* как *святость* сохранились в выражениях *всечестные отцы*, в пословице *Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает.* Как видим, русский язык чудом сохраняет сакральные смыслы.

Переход на новую парадигму открывает новые возможности для объяснения и исследования языка. Религиозный фактор в жизни народов является настолько важным, что без учета его особенностей невозможно представить развития и становления культуры в целом (само слово *культура* связано со словом *культ*). Не случайно В.М. Шаклеин, исследуя лингвокультурную ситуацию в современной России, прослеживает эволюцию дохристианского и христианского мировидения [Шаклеин 2012].

По А.Ф. Лосеву, Слово – место встречи Бога и мира. Отсюда возможность религиозного восприятия Слова, при котором слова значительно богаче, т.к. включают в себя, кроме обычного значения и множества смыслов, особую энергию, которая обеспечивается присутствием в ней божественной силы. Архимандрит Софроний (Сахаров) писал: в Слове «…присутствует Бог, как в некоем сосуде-драгоценной вазе, полной благоухания… Как божественная энергия – оно исходит от Сущности Божества и божественно само по себе» [Софроний 1991, с. 143, 153–154]. Отсюда следует, что у слова, кроме смысловой, культурной энергии, есть еще и энергия духа. В Библии сказано: «Жизнь и смерть во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (Притч. 18: 22). Мы созданы Словом, и само Слово в нас высший дар Божий.

Слово с позиции православия есть творческое со-действие Бога и человека. Оно не просто человеческий продукт, оно «дано Свыше» [Софроний, 1991, с. 230]. В русском языке довольно много слов, которые зафиксировали и хранят в себе свет Божий и его энергию: *одухотворенность, светоносность, искрометность, слово – молния* и др.

Очень тонко силу слова чувствовали поэты: *Есть сила благодатная в созвучьи слов живых, // И дышит непонятная святая прелесть в них*… (М. Лермонтов. «Молитва»). Лермонтов видит обнажение глубинного таинственного смысла слова, которое далеко от смутных намеков и непонятной невнятицы. Он говорит о прямой связи звучания и силы, создающей «святую прелесть». А. Белый сравнивал поэтическое слово с «расцветшим жезлом Аарона» (библейский символ богоизбранничества), т.е. также указывал на его волшебную божественную силу.

Е.М. Верещагин, исследуя отражение в языке религиозного знания русского народа о Боге на бытовом уровне, подчеркивал, что «русский язык настолько пропитан православными реминисценциями, что если возможно, с понятными оговорками, говорить о России как о православной стране, то и о русском языке соответственно следует говорить, с теми же оговорками, как о языке православном» [Верещагин 1990, с. 2]. Подтверждением тому служит существование большого количества устойчивых выражений со словом Бог, в которых фиксируется сила и всевидящее око Бога (*Бог всё видит; есть Божий суд* (М. Лермонтов); *побойся Бога; от Божьего суда не уйдешь; Без Бога не до порога, а с Богом – хоть за море),* его любовь к людям (*Бог любит смирение; за добро Бог плательщик; кто родителей почитает, того Бог не забывает),* справедливость (*все мы под Богом ходим; перед Богом все равны; тот не унывает, кто на Бога полагает*), строгость (У *Бога палок*

много). Выражения с компонентом *Бог* в русской лингвокультуре фиксируют в себе правильное поведение в обществе: *Бог-то Бог, да и сам не будь плох; Бойся Вышнего – не говори лишнего; не бойся никого, кроме Бога одного* и многие другие.

Как показывают словари [Словарь… 1984–1988], в современном русском языке известно более двухсот устойчивых выражений, связанных с текстом Библии: *не хлебом единым жив человек; тайное становится явным; всемирный потоп; капля в море; Соломонова премудрость;* Особенно много выражений из Нового Завета: *левая рука не знает, что делает правая* (о скромности при совершении добрых дел); *дух и буква закона* (полное воспроизведение чего-либо); *альфа и омега* (о самой сути); *от Адама* (с глубокой древности); *внести (свою) лепту; глас вопиющего в пустыне; злоба дня; имеющий уши слышать да слышит; камень преткновения; поцелуй Иуды; соль земли; тайное становится явным; терновый венец; Фома неверующий*; *хлеб насущный* и многие другие. Названия дней недели в русском языке связаны со Священным Писанием: *понедельник* – первый день трудов Господа, *вторник, четверг, пятница* – соответственно второй, четвертый и пятый дни, *среда* – середина недели, *суббота* (от древнееврейского «шабат» – покой), *воскресенье* – в честь воскресения Христова. Такое ключевое для русской культуры слово, как *спасибо,* представляет сокращение от «спаси вас Бог». Словом *спасибо* человек просит Бога спасти душу своего собеседника.

Итак, слово живет среди нас и действует на наши сердца, т.к. в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков.

Русское слово в своих глубинах сакрально. Для русских характерна вера в слово как в непосредственное созерцание Божественной истины. Язык – основной источник веры. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция языка древних, скорее всего, была сакральной. Во-вторых, вера репрезентирована с помощью языковых средств. Вера консервируется в языке и хранится в нем веками. Поэтому родной язык – носитель истины и источник народной мудрости, который формирует нас. «В начале было Слово…» – именно Божественное Слово стало началом, источником энергийной силы, предшествующей человеку и создавшей его. Язык присутствует внутри нас, это наш «дом бытия» (М. Хайдеггер), он носитель и средство выражения истины и Божественной воли.

Язык, по П. Флоренскому, – это свет божьей благодати, излитой на человека. Он является средством развития культурных установок общества. В перестроечные годы возникла мода на язык, украшенный религиозно-культовой терминологией. Однако мода прошла, а религиозные настроения в обществе преобразовались в культурные, где язык как бы подытоживает прошлые духовные достижения, хранит их (отражает уровень богословских осмыслений,

достигнутых к настоящему времени), и тем самым определяет путь языка в будущее.

Язык обесценивается из-за узко позитивистского воззрения на мир, утраты идеального библейского объема слова. Слово – барометр праведности и правильности нашей жизни. Оно набирает глубину и мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом оно может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Примером может служить слово *любовь*, в современной поэзии получившее многочисленные оттенки, в лучшем случае оно низводится до философского альтруизма, а в худшем – совсем падает до его физической сути, заключенной в слове *секс*. Что при этом теряется? Глубокий христианский смысл любви как преобразующего вселенную генерального закона.

Сказанное позволяет нам заключить, что вера и язык теснейшим образом взаимосвязаны. Во-первых, вера заключена в самом языке: первая и главная функция древнего языка была сакральной, т.е. для Богообщения, а не общения человека с человеком, как пишут в учебниках по языкознанию. Во-вторых, вера репрезентирована с помощью языковых средств. Вера консервируется в языке и хранится в нем веками. В пословицах имплицированы бесконечность и вечность Господа: *Век мой прошел, а дней у Бога не убыло.*

Все сказанное можно объединить одной тематикой духовного кода. Это область знаний из лингвокультурологии будущего. Духовный код культуры, который составляют нравственные ценности и эталоны, зафиксированные в языке. Этот код изначально онтологичен, он пронизывает все наше бытие, обусловливают поведение и деятельность. С помощью духовного кода как раз и может быть представлен «дух народа» (в понимании В. фон Гумбольдта): это система духовных законов, духовных ценностей, выработанных нацией в процессе ее формирования. Эта взаимодействие универсального и культурно-специфического, сложившаяся в национальной картине мира.

Языковой знак двуедин: материален и идеален, духовен и телесен. В русской языковой картине мира противопоставление плотского и духовного не имеет четкой границы, эти сущности диффузны, неясны: *душа* может *петь*, ее можно *обжечь*, а *тело* определяет наш *дух: в здоровом теле – здоровый дух*. Следовательно, телесное перетекает в духовное и наоборот. Поэтому духовная сущность познается с трудом. При этом нужно понимать, что между духовной и материальной культурой нет резкой границы. В культуре не только слова, но и природные сущности, и материальные предметы могут нести духовный смысл: *березка* для русских, *василек* для белорусов. В культуре редко встречаются только духовные или только материальные сущности, почти каждое явление культуры имеет две эти стороны. Но мы их не всегда видим.

Следовательно, именно лингвокультурология, исследующая язык, культуру и человека в его вере, поможет понять силу и энергию русского слова.

3.3.2. Интегративный характер лингвокультурологии

В мире, где царит специализация, которая навязывается еще в школе, человек утрачивает целостное видение мира. Поэтому важнейшим принципов исследования языка мы считаем интегративность (синкретизм знаний, междисциплинарность). Хотя, начиная от античности, ученые считали, что необходимо построение целостных систем знания. Так, Аристотель писал: «Все науки имеют между собой нечто общее через общие им начала» [Аристотель 1978, с. 277]. Потом эти мысли были забыты на тысячелетия. И только во второй половине прошлого века родилась общая тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания. Философия этого явления разработана В.В. Налимовым, который писал: «Взаимосвязано всё, что обретено человечеством на пути становления: рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое…» [Налимов 1993, с. 31].

По своему характеру лингвокультурология – интегративная область знаний, при которой языковой знак исследуется с позиции культуры, а также человека и его сознания. В будущем к ней должны взаимодействовать не только психология, менталингвистика, этнография, теология, когнитивная лингвистика, но и большое количество наук естественного цикла – биология, медицина, химия, квантовая физика, теория фотонных кристаллов, микроэлектроника и др.

Мы хотим показать, что взаимодействие разных наук при исследовании одного и того же объекта, в нашем случае лингвокультуры – тенденция времени. Возможно, на основании такого подхода родится новый метод научных исследований, который будет универсальным для целого ряда наук, подобного структурно-системному. Хотя в традиционной науке считается, что метод – ключ к исследуемому материалу, а универсальных ключей не бывает. Чтобы он появился, нужно менять параметры научного мышления в сторону интегрирования различных знаний.

Человек всегда подсознательно чувствовал всеобщую связь мира и самим собой. По М. Хайдеггеру, человек представлен как сущее в мире, в своем бытии связанное с космосом, землей, понимающее существо, призванное смертью к своей подлиннейшей возможности бытия [Хайдеггер 1991]. К.Э. Циолковский также утверждал, что «Вся Вселенная жива, но сила чувствительности проявляется во всем блеске только у высших животных». Поэты раньше ученых, на целостность мира: есть такое четверостишье: *С каждой избою и тучею,/ С громом, готовым упасть,/ Чувствую самую жгучую,/ Самую смертную связь* (Н. Рубцов). Наши обыденные представления также это подтверждают. Кто из нас не видел, как Земля сама залечивает свои раны: на месте бывших карьеров сами собой возникают поля.

Данный феномен получил разную терминологию – синкретизм, интегративность, междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность. Хотя некоторые ученые дифференцируют их (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко и др.), мы используем их как синонимичные. Для нас важно то, что все

они в той или иной степени и с некоторыми вариациями называют целостную рефлексию, порождаемую интегрированным знанием об объекте изучения.

Единая общая тенденция для всех наук называется ***холизм.*** Холизм опирается на следующий принцип: познание целого должно предшествовать познанию его частей. Еще в трудах античных ученых отмечено, что «человек есть универсальная и единая часть от окружающего мира», «микрокосм в макрокосме». «Только целое имеет смысл», – писал позднее Г. Гегель.

Современная наука доказала наличие глубинного изоморфизма всего в мире – живого и неживого, т.е. доказала то, что шестым чувством чувствовали древние мыслители, поэты и писатели. Так, М. Пришвин, восхищаясь красотой кристаллов замерзшей воды, писал, что они близки по форме к растениям и что связь между ними очевидна. В XX веке был открыт закон единства всего сущего, свидетельствующий о единстве Вселенной и человека в ней. При таком понимании миропорядка настало время для возникновения такого мировидения, которое обладало бы междисциплинарным потенциалом.

В сфере гуманитарных дисциплин синтез наук выразился в рассмотрении проблем языка вкупе с литературоведческими, культурно-историческими, психологическими, философскими, религиозными и др. проблемами. Так возникли когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, юридическая лингвистика, теолингвистика, компьютерная лингвистика, межкультурная коммуникация и др. Все эти дисциплины объединяет внимание к говорящему человеку и тесная связь с другими науками о человеке.

Лингвокультурология многогранна и синтетична, она способна интегрировать достижения ряда междисциплинарных направлений, центром исследования которых является человек и его культура в разных своих проявлениях: проблемы человека в языке, языка в человеке и социуме и им подобные.

Интегративный подход проявляется тогда, когда знания, полученные в других областях науки (психологии, и др.), не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении собственно лингвокультурологических задач. При интегративном подходе расширяются горизонты видения проблемы, расширяется исследовательская проблематика, которая детерминирована многогранностью центральных феноменов (языка и культуры), многоаспектностью их связей. Специализация исследований идет, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам». Мы видим, что возник целый ряд новых направлений, родившихся на стыке наук, например, квантовая медицина, исследующая механизмы регуляции самогенеза человека (В.С. Белокриницкий и др.). Но большинство новых направлений – это объединение десятков отдельных наук. Появились **кибернетика** (наука об управлении и связи), ***семиотика*** как междисциплинарная наука закладывалась еще в трудах философов Античности; **когнитивистика**, в которую включаются когнитивная психология, культурная антропология, искусственный интеллект, философия, нейронауки, лингвистика и др.; **синергетика** (от греч. «синергена» – содействие, сотрудничество) – научное направление, объединяющее теорию сложных систем, теорию хаоса, теорию катастроф, теорию самоорганизации и т.д.

Сейчас синергетика: это и методология, и подход, и научное направление, заключающееся в абсолютном принятии принципа целостности и системности.

Триангуляция появилась ранее, но в гуманитарные исследования (психолингвистические, лингвокультурологические исследования) вошла недавно. О ней заговорил Е.Ф. Тарасов в 2010 г. [Тарасов 2010], потом его ученики – В.П. Синячкин, А. Палкин и др. Триангуляционный подход в науках гуманитарного цикла (и в лингвистике в частности) подразумевает наличие разных векторов решения некоторой научной задачи в рамках одного исследования. В.А. Янчук назвал это узаконенной эклектикой, к которой было негативное отношение в советское время. Между тем эклектизм как таковой характерен для человека в ходе накопления им жизненного опыта, поэтому данное явление не следует отвергать безоговорочно.

Почти одновременно с триангуляционным подходом возникло еще одно направление методологических поисков универсального описания – **теория тотальности** (90-е годы XX в.). Ее представители считают, что и системное языкознания и синергетическое – взаимодополняющие сущности. Концепция тотальности предполагает анализ трансформирующихся целостностей, которые, разворачиваясь в себе, остаются идентичными самим себе [Кизима 2004]. В ее рамках разработан инструментарий для анализа разного рода переходных процессов, нечетких понятий, которыми, как известно, оперирует наш мозг.

Еще одно новое направление – **теория трансфера.** Термин *трансфер* пришел в лингвистику, а потом и в лингвокультурологию из психологии, когда, еще в 1905 году от З. Фрейда. Польско-американский лингвист У. Вайнрайх использовал его в своей работе «Языковые контакты» (1953). В России в последние годы появилось несколько работ: Культурные трансферы: проблемы кодов: коллективная монография под ред. С.Г. Проскурина (Новосибирск. М., 2015); Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии (М.: Культурная революция, 2016) и др.

Сейчас активно развиваются лингвокультурологические исследования, которые посвящены изучению взаимодействия языка, сознания и культуры человека. Вместе с когнитивной лингвистикой лингвокультурология они образовали ***лингвоконцептологию,*** вместе с социальными науками – ***социокультурный подход*** к явлениям языка. Язык мгновенно реагирует на социальные изменения, поэтому несомненна польза его изучения для социологов, политологов и представителей др. гуманитарных наук. Пока только философы хорошо это поняли, поэтому, начиная со второй половины XX в., они учитывают данные языка – М. Бубер, М. Хайдеггер и др., работают с использованием языкового материала.

Коммуникативная лингвистика тоже интегративна, в ней, начиная со второй половины XX века, стали появляться интересные теории – теория речевых актов, теория стратегий и тактик, теория речевых жанров, теория языковой игры, межкультурная коммуникация, теория дискурса и др. Она актуальна и сейчас, потому что изменения технологий привели к формированию нового коммуникативного пространства. Однако понять и объяснить язык со всеми

его противоречиям коммуникативная лингвистика не может. Более того, даже в самой коммуникации осталось много необъяснимого. Например, почему молчание из простого речеповеденческого акта может превратиться в хозяина коммуникации? Молчание не отягощено словом и потому более свободно. Оно способно полнее передать смысл, а потому оно становится важнее слова сказанного. Это момент, когда собеседники общаются душами. Человек настолько полно погружается в мир, что начинает понимать не только человека, но и зверя, травы, горы. Как заметил Б. Пастернак: *Есть в опыте больших поэтов // Черты естественности той,// Что невозможно, их изведав,//Не кончить полной немотой*. В молчании возникает как бы параллельный мир общения – обмен молчанием, которое как воронка затягивает в себя звук, рождая чистый смысл. Современные психолингвисты (Е.Ф. Тарасов) считают, что образы сознания вынужденно разрушаются в процессе речи, что и позволило великому поэту сказать: *Мысль изреченная есть ложь*. Так постепенно формируется целостный образ мира, с позиций которого попытаемся посмотреть на язык.

В последние десятилетия лингвистика доказала, что язык – особая система, в которой системные факты чередуются с асистемными, хаотичными: почему *заводская труба высокая*, а *водосточная труба длинная*, почему *русский смотрит в окно*, а *англичанин через окно.* Почему разное членение слова меняет смысл всего предложения: *Мы женаты – мы же на ты*. *Покалечилась – пока лечилась.* И еще один смысл при их объединении: *Пока лечилась – покалечилась.* Почему, например, предложения с отрицанием ничего не отрицают: *он не мог не прийти* – пришел, несмотря на целых два отрицания. Таким образом, язык следует принимать со всеми его противоречиями, которые объяснить мы пока полностью не можем. Однако дети, как известно, гениальны, они живут по своей детской логике, а не по логике здравого смысла, поэтому в целом правильно используют язык.

Более того, не всякое состояние языка есть следствие предыдущих и причина последующих его состояний. Статистические зависимости в языке, которым до сих пор придается значение в лингвистических работах, – блеф: это «бухгалтерия в лингвистике», которая бухучету не поддается. Несколько важнее и сложнее функциональные зависимости: почему бутерброд нужно делать так: *хлеб намазать маслом*, а не *намазать масло на хлеб*. Для их объяснения нужно использовать данные других наук – от психиатрии до физики.

То, что в языке многое нельзя объяснить причинными связями, доказывает существование и широкое распространение в обществе метафорических выражений типа *теплый шарф, группа продленного дня, солнце садится* и др.

В 80-е годы прошлого века в лингвистике заговорили о полипарадигмальности (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов), которая позволяет комплексно исследовать выбранный объект одновременно по разным направлениям в различных парадигмах лингвистического знания – речеведческих, психолингвистических, риторических и лингвокультурологических дисциплинах. Но здесь мы видим интеграцию между собой различных аспектов лингвистического знания. Этого недостаточно.

Известно, что мир в целом подчиняется второму закону термодинамики, который гласит: беспорядок в мире увеличивается, а порядок уменьшается. В языке мы видим все больше необъяснимого, не укладывающегося в понимание порядка, системы: например, высказывание *Ему больше не больно*, в котором наречие *больше*, имеющее качественное значение, вдруг начинает обозначать время – «после того, что произошло, он не чувствует боли». Даже в близкой к русской белорусской лингвокультуре используется наречие с временным значением – *цяпер*. Таких примеров гораздо больше, чем кажется на первый взгляд: *уйти в себя, выйти из себя, прийти в себя* – казалось бы, одно и то же возвратное местоимение *себя* и глагол движения *идти* обозначает разные состояния языковой личности. Как объяснить, что фраза НИЧЕГО СЕБЕ означает удивление? Возможно все дело в загадочном русском местоимении *себя,* которое легко курсирует в языке то в местоимения, то в частицы, не может быть подлежащим, т.к. не имеет именительного падежа, при функционировании похоже на суффикс -ся в возвратных глаголах и т.д. Такое возможно только в русской языковой картине мира. Потому что русское слово как раз так функционирует, обогащаясь, – через семантическое включение и транспозиции. В европейских языках, например, французском, часто теряется автономия слова в пользу синтагмы. Поэтому А. Вежбицкая называла многие русские высказывания «неправильными». Видимо, поэтому концепты русской лингвокультуры как фиксаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой четкие сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются.

Рассмотрим с этой точки зрения возможные связи лингвокультурологии с другими науками через посредство языка.

Связь языка с биологией: Что отличает человека как биологический вид? – Язык! Поэтому в понимании механизмов языка могут помочь биологические данные. Философ В.В. Налимов справедливо считает мир и человека семантической вселенной, которую он рассматривает сквозь призму генетического кода [Налимов 1993]. Поэтому повлиять на другого человека можно, войдя в его семантическое поле. У всякого семантического поля своя грамматика, причем, она универсальна в своей стратегии. Тексты ДНК и РНК подчиняются общим законам универсальной грамматики. Если мы знаем эту грамматику, то можем существенно повлиять на человека. С учетом данных знаний должна строиться теория речевого воздействия.

Для чего лингвистам **нейрофизиология?** Чтобы понять, как мы воспринимаем и понимаем мир, как зарождается и зреет мысль, облекаясь в слово. *Смотреть* и *видеть* – не одно и то же. Смотрят глазами, а видят мозгом, т.е. понимают увиденное. Аналогичные процессы происходят при осязании, слухе, обонянии. Мозг на сегодняшний день – загадка. Пока ясно лишь то, что мышление не функция мозга (К. Анохин и др.). Тогда, что делает мозг? Это компьютер, который управляет всем нашим телом, кроме мысли. Но и здесь много загадочного, например, установлено, что скорость перемещения нейронов в

мозге маленькая – несколько тысяч метров в секунду, а в компьютере передается информация со скоростью 300 тыс. км в секунду (С. Медведев). Почему так эффективно работает система из 20-30 мл элементов при такой низкой скорости передачи данных? При этом мозг – не энергоемкая сущность, он потребляет энергии столько, что может работать лишь лампочка 40 вт. А компьютер – множество мегаватт.

Французский **математик** Рене Том, разрабатывая семиофизику, не мог обойтись без языка, который представляет собой идеальную знаковую систему. Он пытался объяснить язык с точки зрения динамической теории морфогенеза и теории катастроф. Теорию катастроф он рассматривал сквозь призму языка. А сама теория катастроф содержала в себе имплицитную необходимость проработки теории знака и значения, т.е. некоторые обширные семиотические выводы. Для этого он рассматривал язык как нелинейную, открытую и неустойчивую семиотическую систему. Он пытался создать бионейрофизическую модель языка как нелинейной знаковой системы. Это тоже должно стать задачей и лингвокультурологов в скором будущем.

Для чего лингвокультурологам **квантовая физика**? В своих предсказаниях и предвидениях человек каким-то образом преодолевает границы времени и пространства. Как это ему удается? Квантовой механике удалось выяснить, что не только обыденное, но и научное ньютоновское понимание физической реальности ошибочно. Реальность – сложнее и гибче, чем она описана Ньютоном: «таинственные, мистические возможности нашего сознания объясняются при правильном понимании объективной реальности» [Менский 2011, с. 288]. Психология бессознательного тоже проливает свет на эти процессы, дает новое понимание мира и языка. Джон Уиллер, коллега А. Эйнштена с учетом экспериментов квантовой физики, объясняя наше взаимодействие с миром, утверждает, что даже если мы просто смотрим на некоторый объект, он изменяется под действием взгляда. Если так обстоит дело только со взглядом, то как же тогда воздействует на мир наше слово?

Акт наблюдения оказывается актом творения, потому что деятельность сознания креативна. Оно обладает воздействующей функцией. Наше сознание голографично, поэтому мы связаны не только со всем, что существует в настоящее время, но и со всем, что существовало в прошлом, и что свершиться в будущем [Брейден 2017, с. 36].

Исходя из сказанного, нужно активнее исследовать единый символический и метафоро-метонимический язык, способный «ухватить» идеальную реальность. Хотя по теории метафоры у нас написаны горы литературы, но почти все работы не далеко ушли от Аристотеля и его понимания метафоры.

Язык и энергия. В.И. Вернадский открыл биохимическую энергию, привносимую в организмы из Космоса [Вернадский 1988]. Тогда получается, что человек – это малый Космос, часть Вселенной. Совпадение ритмов человека с космическими – это источник энергии. Материя тоже энергия, но достаточно примитивная. Слово тоже энергийно, но высшая форма энергии Дух. Сам язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в

основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука). По образному выражению В. фон Гумбольдта, языки это и орудия, необходимые для духовной деятельности, и колеи, по которым она совершает свое течение. Он писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать… Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь» [Гумбольдт 1985, с. 143].

Из современных исследователей ближе всех подошли к решению проблемы интеграции лингвистики с другими науками Юрий Александрович Сорокин и Юрий Сергеевич Степанов. Так, Ю. А. Сорокин предлагал развивать антропосемиологию – интегративное направление, объединяющее методы и положения ряда междисциплинарных наук, затрагивающих проблемы человека в языке, языка в человеке и обществе. Юрий Сергеевич Степанов в последние годы своей жизни искал новые пути в гуманитарном познании. Один из таких путей он видел в целостном, синкретичном мировосприятии науки, искусства, философии, религии, мифологии, при котором открывается *Новая сфера знания*, для которой нет пока еще точного имени. Диалектика творческой взаимосвязанности бытия и слова, онтологии и филологии характерна и для мира, что в комплексе Ю.С. Степанов назвал *Воображаемой Словесностью* [Степанов 2010]. Через принцип симфонии, через идеи строгого синтеза, встречи и диалога, он приходит к необходимости интегрального подхода.

Поэтому филологов и специалистов по смежным дисциплинам должна объединять идея *целостного подхода к изучению человека.* Рассмотрим, например, фразы: *Вышла из возраста домоганий и вошла в возраст недомоганий.* С одной стороны, здесь простая языковая игра, с другой – философия жизни, объяснить которую могут лингвисты и лингвокультурологи совместно с медиками и психологами.

Ю.С. Степанов пропагандировал творческий синтез теории интуиции, науки и искусства. Он был не за бесконечное углубление специальных знаний (хотя и не исключал этот путь), а за гармоничное слияние их, за синтетическое понимание жизни [Степанов 2002]. Поэты здесь снова впереди. Так, И. Анненский словно чувствовал единство мира: *Смычок все понял, он затих/ А в скрипке эхо все держалось…/ И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось.* Здесь два видения одного и того же явления мира.

При этом нужно учитывать, что язык художественных произведений правдивее говорит о своей эпохе, чем содержание текстов. Например, неопределенность значений единиц языка, их созвучие и ассоциации провоцирует появление множественных смыслов:

Приюти меня, речь, приручи.
Поручи, препиная дорогу,
Выговаривать горечь по слогу,
Чтобы были слова горячи (Дм. Бураго).

Соединение близких по звучанию слов – *приюти – приручи – поручи; горечь – горячи*, трансформированная лингвистическая терминология – *препиная* – ломают привычную реальность, вызывают необычные ассоциации, что спасение в языке, в слове.

Сходную мысль мы встречаем у педагога и философа С.В. Кульневича: «Если иметь в виду, что слово – это звуковая сверстка образа, то первым волновым генетиком был Бог. Бог создал человека не сразу, а как *саморазвивающуюся модель*. Сначала – хромосомные молекулы, на которых были записаны некоторые тексты, программы – Слово. Затем началась эволюция» [Кульневич 2018, с. 36]. По мысли С.В. Кульневича, *личность – это сверстка человека*, его материального и энергетического тела, т.е. тела и души. Мы как бы *метим* все, к чему прикасаемся. Мы можем влиять на фундаментальные качества личности. Не случайно народная мудрость гласит: *«С кем поведешься, от того и наберешься*». И действительно, как считает В.В. Налимов, в диалоге партнеры составляют единую структуру, и эта структура подвижная. Партнеры часто меняются местами. «Плохой» не изменяется, изменяется «хороший» (*Здоровый человек заражается от больного*). Для нации это происходит в результате нарушения культурно-событийного контекста, *когда нарушается традиционный нравственный уклад жизни*. На потомстве сказываются нравственные пороки предыдущих поколений. Наследуется не только физическое тело, но и тонкое. Добро и зло – вопрос совести, интуитивная сфера, т.е. многомерная структура, а не бинарная**.**

Художественный текст (в большей степени – поэтический) ярче отражает вероятностные процессы в языке, а события, отображенные в нем, не всегда подчиняются принципу каузативости, поэтому ни прагмалингвистика, ни функциональная лингвистика здесь не помогут:

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь,
В старческий вереск,
В среброскользящую грусть… (М. Цветаева).

Ни одно слово в данном четверостишье не соотносится с рядом стоящими, с которыми оно образует абсолютно бессмысленные сочетания. Но в целой фразе всплывают глубинные смыслы, и мы чувствуем высочайшую поэзию – поэзию тоски и ожидания чуда.

Еще пример. В поэзии мы оперируем множеством символов, имеющих диффузную семантику, создателем и потребителем которых является языковая личность. Например, в языке известны противопоставления (оппозиции) *человек – конь* (*лошадь*), по принципу дополнительности возникает слово *всадник* (человек на лошади). Вот как использует и преобразует эти понятия М. Цветаева: с одной стороны, коня она отождествляет со стихией – *Вихря-мне-Коня седлали; Ох, огонь-мой конь,* с другой – конь и человек (поэт) у нее тождественны: *Я же и конь // Я ж и погоня; Он возчик и он же конь* (о Маяковском). Здесь она подчеркивает абсолютную спаянность коня с человеком (всадником). Таким образом, лошадь – всадник – это сложная разноуровневая

оппозиция. На первый взгляд, между простой оппозицией *лошадь – человек* и сложной *лошадь – всадник* нет разницы. Но М. Цветаева как тонкий интуитивный лингвист ее почувствовала и экстериоризовала для нас.

У коня в творчестве М. Цветаевой сложная и диффузная семантика: *конь* у нее Родина, Россия: *Эх, Родина-Русь // Нераскаянный конь!* Конь у нее становится даже струнами гуслей: *отпустил гусляр своих коней стреноженных* (о струнах).

Исследуя хорошую национальную поэзию, мы понимаем, что через поэтический образ можно по-новому увидеть мир – во всей его сложности и противоречивости, поэтому к ней можно подходить с позиции интеграции различных наук – когнитивистики, психологии, семиотики, культурологи и др. Истинный мир языка и мир поэзии лежит за пределами истолкований и причинности, происходит процесс сближения языка с самим человеком, и без интегративного подхода исследовать и интерпретировать поэтический текст возможно лишь очень поверхностно.

Человек создает для себя особую среду обитания, при этом осмысливает мир не только логически, но и воспринимает эмоционально. На основе этого человек создает продукты духовной деятельности, т.е. разные области постижения мира: мифологию, науку, искусство, которые тесно связаны. Даже наука и искусство как части культуры имеют сходные иллюзии и общую судьбу: гуманитарные науки ближе к поэзии, т.е. к искусству, чем к естественным наукам. Примером могут служить наблюдения за обыденным языком, которые свидетельствуют о взаимосвязи языка музыки, языка поэзии и языка живописи: *светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии.* Широко известны следующие «синкретические» метафоры: *Хачатурян – Рубенс в музыке*. *Шедевры поэзии сделаны по-бетховенски.* Музыку С. Прокофьева сравнивают с фреской. На близость музыки и поэзии указывали романтики и русские символисты – Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок. А. Фет, например, считал музыку не просто высшим видом искусства, на который должна ориентироваться поэзия, а философией жизни, вдохновения, творчества.

Именно музыка есть первоисточник поэзии, она не менее важна, чем слово. Она вместе со словом запечатлевает в художественных образах многомерную и сложную картину мира, развивая в человеке творческое начало. Например, в стихотворении Ю. Левитанского «Музыка моя, слова…» (1991) есть такие строки:

музыка моя, слова,
осень, ясень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли снится,
сон ли синью осенится,
сень ли, синь ли, синева ….

Кажется, что идет малоосмысленный перебор созвучных слов, создающих мелодику стиха. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что здесь работает игра значений в слове *осениться*, которое, с одной стороны, 1) покрыться, закрыться тенью и 2) внезапно появиться (осенила мысль),

таковы данные толкового словаря. Скрытая энантиосемия (противопоставленность), сближая оба значения, объединяет их в стихотворении и сталкивает с созвучными словами, тем самым сплетает единую ткань, в которой строится новый сложный неуловимый образ музыки сна, сквозь который сияют смыслы.

Названные механизмы-приемы рождают полутени смыслов, которые, сливаясь в одном образе, создают новый, неожиданный, оригинальный образ, адекватный выражаемому состоянию поэта. Сказанное подтверждает мысль П.А. Флоренского: «В корнях бытия – единство, на вершинах – разъединение» [Флоренский 1990, с. 13].

Таким образом, снятие информационных барьеров между науками и направлениями одной науки дает мощный импульс для развития исследований. Интегративный подход обеспечивает многоаспектность при решении конкретной, одной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Третий вектор – **внимание к глубинным знаниям в языке** и культуре, которые можно экстериоризировать в лингвокультурологии. Проблема, встающая сейчас перед лингвистикой и лингвокультурологий, – внимание к г**лубинным процессам интерпретации языка и текста, установление границы между поверхностным и глубинным смыслами, их зависимость от культуры.** Это и есть современный период развития всех гуманитарных наук.

Интерес к глубинным знаниям проявился в нескольких науках – философии (И. Кант: *сфере смутных представлений*; Л. Витгенштейн: *Высшее, Невысказываемое*); психологии (З. Фрейд: *Оно*; К. Юнг: *архетипы коллективного бессознательного*). В русской науке эта область определяется как *Несказанное* – Н. Бердяев, Г. Берестнев и др. Т.В. Черниговская называет это явление *невычисляемыми пластами человеческой психики.*

Весьма условно и приблизительно это можно назвать интуицией. Наличие интуиции как некоего глубинного механизма мозга, сознания, получило закрепление в языке – *нутром чуять.* Наблюдения над языком показывают, что почти вся современная семантика глубинна по отношению к поверхностным концептуальным структурам языка. Глубинность обеспечивается связью с бессознательным, поэтому часто она ориентирована на иную (возможную) реальность, т.е. глубинные знания как бы ирреальны с точки зрения обыденного языкового сознания.

С помощью глубинных смыслов можно объяснить многие противоречия в функционировании современного языка. Именно на глубинных культурных знаниях основана связь следующих пар слов: *живот – жизнь, худой – худо, тощий – тоска* и т.д. Эти пары слов тесно связаны, если не на уровне этимологии, то на уровне ассоциаций.

В мире наблюдается столько того, что мы не можем пока объяснить, что можно предположить: **логически непротиворечивое описание мира языком становится препятствием для получения новых знаний – отсюда метафоры**, в том числе и научные (*семантическое поле, пространство языка*) которые высвечивают тонкие недоговоренности; это и «текучие смыслы», по Р.

Барту (*Как поживаете? – Бывают дни, что я голубь, а бывают – памятник*), игра намеками, а не только словами (*Жареный петух – русская птица счастья*), неожиданных схождений (*тараканы в голове*). В.В. Налимов утверждал, что природа – семантична [Налимов 1997]. Это метафора или истина, пока не получившая распространения? Пока достоверно известно, что можно, например, уговорить конкретный цветок зацвести, сам ученый уговорил кактус сбросить иголки.

Многое в таком видении мира основано на ассоциациях. Как объяснить, что *бесчеловечно* и *безлюдно* – не синонимы, а *геморрой* и *головная боль* – это синонимы.

Что делать лингвокультурологам? Нужно исследовать единый символический и метафоро-метонимический язык, способный «ухватить» эти смыслы. А он теснейшим образом связан с культурой, которую ребенок получает с раннего детства. Например, только для русских петух – *золотой гребешок, масляна головушка, шелкова бородушка*. Русский язык имеет еще одну яркую черту – он способен передавать тончайшие эмоции. Об его особой эмоциональности писал В.Г. Костомаров. Казалось бы, эмоция как важная составляющая личности человека вообще, должна быть сходна у многих народов. Но язык свидетельствует о другом – *страх* – русские бояться темноты, змей, а якуты – гнета (данные ассоциативного словаря).

Далее. Русский язык имеет разветвленную систему ласкательно уменьшительных средств, так все маленькое позитивно воспринимается русским человеком. Именно эмоциональная составляющая делает непревзойденной русскую поэзию, она усиливает поэтический образ: *Можно и не быть поэтом / Но нельзя терпеть, пойми,/ Как кричит полоска света, Прищемленная дверьми!*– А. Вознесенский. Образ мира в хорошей поэзии – это реконструкция мира, не до конца понятого человеком. Вероятно, весь язык, а не только поэзия в его реальном функционировании работает на образах. Все эти проблемы, наравне и другими науками должна решать синергетическая лингвокультурология, основанная на глубинных знаниях.

Снятие информационных барьеров между науками и направлениями одной науки дает мощный импульс для развития исследований во всех науках, включая лингвокультурологию.

3.3.3. Лингвокультурология с позиции новых данных в быстро меняющемся мире

Здесь есть несколько актуальных проблем, решить которые может лингвокультурология. Одна из них – понять то, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах мир, как из них формируется образ мира русского человека. Каждый язык, сквозь призму которого его носитель вбирает в себя культуру и миропонимание, по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Каждый народ видит мир немного не так, как другой. Специфична, например, русская цветовая картина мира, при едином для

всего человечества цветовом спектре: *зависть черная и белая, тоска – зеленая, очки розовые, мечты голубые, будни серые* и т.д. По М. Джонсону, автору теории образных схем, формируется повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия, на основе которых осмысляются затем более абстрактные идеи. Например, чувства воспринимаются через любую текучую жидкость (*любовь переполнила его*) либо через стихию огня (*воспылать любовью*), что было отмечено еще В.В. Виноградовым. Сколько таких динамических образцов нужно человеку? У всех ли людей эти образцы одинаковы?

Ответы на данные вопросы даст новая теория категоризации, активно разрабатываемая сейчас лингвокультурологией. Одна из разновидностей классификация мира – это коды лингвокультуры, рассматриваемые с с позиции интегративного подхода. Особый интерес к кодам, вероятно, объясним их универсальностью: специалистами-генетиками, молекулярными биологами, семиотиками было замечено структурное сходство генетического кода и языка. Существуют даже работы генетика Р.О. Солганика о единстве музыкального, генетического и языкового кода, результатом исследования которого стала *музыка гена* с возможностью ее проигрывания. Такая универсальность может быть объяснима универсальной идей Творца, она находит подтверждение в достижениях разных наук, и это открылось на рубеже тысячелетий. Наш организм неосознанно владеет информацией о своем строении, в том числе – о строении своего генетического кода и соотносит его с миром и языком.

Мы видим сейчас самые разные изменения в языке – как сравнительно безобидные для него, так и наносящие ему вред, расшатывающие саму систему языка и код лингвокультуры. К первым можно отнести расширение или сужение значения отдельных единиц, например, слово *проект* расширило свои значения – от технического термина до любого социального начинания. Хуже, если в силу незнания носителями языка значений не часто используемых слов, им придаются значения по собственному разумению говорящего, а потом это приживается в языке: *одиозный* – это неприятный, противный, а не «эпатажный», как оно используется сейчас; *довлеть* – быть достаточным, а не «давить, подавлять» и др. И совсем плохи и для языка, и для носителей русской лингвокультуры две проблемы: 1) засилье иностранных слов, о которых много писали М. Кронгауз [Кронгауз 2009], И. Левонтина [Левонтина 2016] и другие исследователи, и 2) исчезновение нужных для русского человека, на которых основана его духовность, слов. Так, из современного языка, прежде всего языка СМИ, исчезло много слов, с первой частью благо- и добро- как *добросердечность, благодать,* а также просто важные именно для русской лингвокультуры слова *честь, смирение; не прилично, пошло, бестактно* и др., зато частотными стали слова, которые разрушают духовный код русских – *недоверие, вражда, обида, фейк*. Разрушает нравственность и духовность русского человека и обеднение целого ряда слов. Так, в современном мире слова теряют свою глубину. Например, слово «добрый» (от греч. καλός), означающее в церковнославянском языке «прекрасный» («*пастырь добрый*») теряет вселенскую глубину и получает психологический оттенок душевного качества [Седакова 2008, с.

15]. Слово *теплый* в современном языке означает «нечто среднее между горячим и холодным, умеренно горячее», а ранее понималось как «очень горячее, ревностное». Теперь нужен специальный анализ, чтобы понять выражение «теплая предстательница», относимое к Богоматери [Седакова 2008, с. 17]. В последнее десятилетие все реже используются слова *совесть, благодать, милость, сопереживание* и др. Старец Иосиф сказал, что уход слова не трагедия, но всегда потеря смысла и некоторого особого взгляда на мир. Поэтому если заменить *соборность коллективизмом,* а *честь – престижем,* как это сейчас делается в СМИ, то тем самым вытесняется духовный смысл из этих слов. Божественная высота потеряна и у слов *благополучие, благосостояние,* где была утрачена великая философия в первой его части *благо*, его связь со словом *благодать.* В христианстве Благим (Всеблагим) именуют Бога (1, Мф. 19:17), дарующего человеку блага. Взлом культурного кода происходит в результате переформатирования ценностей: выражение *черная пятница* в рекламе – это хороший день скидок и удачных покупок, но *черный* в русской лингвокультуре – цвет скорби, горя и т.д.; *успешный человек – успех* у русских и белорусов никогда не был основополагающей ценностью (происходит от праславянского вполне нейтрального «Успеть»); *карьера* – всегда считалось постыдным признаваться в стремлении «сделать карьеру»; *полюби самого себя* – становится лозунгом молодежной русской лингвокультуры, так культивируется гордыня, вместо гордости. Разрушают лингвокультурный код и жаргонизмы – *наехать, отмазать* и др. Эти уголовные словечки внедряют в наше сознание миропонимание антиобщественной группы людей. Этим жаргон опасен.

Обилие подобных слов ведет к попытке переформатировать наше сознание, изменить наши ценности, потому что наше миропонимание находится в плену у нашей языковой картины мира: мы видим именно и только то, что есть в нашем языке. Нам следует помнить слова И.С. Тургенева: «Русский язык так богат и *гибок*, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». Это нужно помнить, видя засилье иностранных слов в русском языке.

Негативным процессам в языке, не ведая, что творят, активно способствуют СМИ. Все это, с одной стороны, отражает особенности национально-культурного мышления в определенный исторический период, а с другой – становятся средством преобразования языкового сознания, национальной ментальности и картины мира носителя языка. Такова наша реальность. И эти явления должны быть постоянно в поле зрения не только лингвистов, но и лингвокультурологов.

§ 3.4. Лингвокультурный концепт как важнейшая культуроносная сущность. Концепт «Кружение»

В XX1 в. осмысление понятия «концепт» идет в русле нескольких направлений – когнитивном, психолингвистическом и лингвокультурологическом. С когнитивной точки зрения, моделирование мира осуществляется с помощью концептов, концепты – это «минимальные предельные смысловые

кванты», «мировоззренческие константы», «основные конститутивные элементы картин мира». Наиболее существенными для построения всей концептуальной системы являются те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения [Арутюнова 1999].

Концепт – междисциплинарное образование, имеющее сложную структуру. М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева выделяют различные подходы к нему: психологический, логический, философский, культурологический, интегративный, когнитивный [Пименова, Кондратьева 2012, с. 55–57]. Л.В. Попова отмечает, что философский, логический и интерактивный подходы позволяют охарактеризовать концепт в целом [Попова 2015, с. 31].

С точки зрения С.Г. Воркачева, *концепт* «выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования в аспектах которого – в его составляющих – отражаются предметные области наполняющих этот концепт дисциплин: понятийная составляющая отражает дискурсивность и рациональность представления смысла, идущие от логики, образная – метафоричность и эмотивность этого представления, идущие от психологии, значимостная – его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка, ценностная – аксиологичность такого представления, идущую от философии» [Воркачев 2014, с. 20]

Понимание концепта в лингвокультурологии отличается тем, что центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [Карасик 1996, с. 14; 2002, с. 129]. Концепт в данной трактовке предстает как посредник, осуществляющий процесс взаимодействия между человеком и культурой. Язык служит средством кодирования определенных фрагментов когнитивного пространства, которое предполагает переработку этнокультурно-значимой информации.

Ю.С. Степанов определяет культуру через концепты (явления духовной культуры), понимая их как ментальные образования, представляющие собой «сгустки культурной среды в сознании человека» [Степанов 2001, с. 40]. В его трактовке, «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997, с. 42].

Согласно концепции В.В. Колесова, культурные концепты представляются в виде содержательных структур национальной речи мысли, имеющих отношение к концептуальному полю национального сознания [Колесов 1992; 2002].

Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода концепт трактуется как сгусток культуры в сознании, т.е. как сложное ментальное и социопсихическое образование, которое имеет понятийный, образный и ценностный компоненты и относится к концептуальному полю национального

сознания, а само сознание играет роль посредника между культурой и языком, через который и осуществляется связь между сознанием, языком, миром. Это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в тексте целым рядом своих языковых реализаций; это единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Исследование языка и культуры в рамках лингвокультурологии будет неполным без этого связующего элемента [Ковшова 2012, с. 62]. Сам лингвокультурный концепт рассматривается в рамках проблемы «язык – сознание – человек – культура» с точки зрения его места в системе ценностей этноса, функциональной значимости вызываемых им ассоциаций, а также в историко-этимологическом аспектах.

Учитывая, что определений концепта сегодня только на постсоветском пространстве более 200, примем его рабочее определение. Концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя значение, культурные коннотации, понятие и образ, лежащий в основе наименования (ВФ). Если традиционная лингвистика рассматривает слово, словосочетание, предложение как важнейшие единицы для анализа, то концептология такой единицей считает концепт как явление ментального мира, он может быть репрезентирован и словом, и словосочетанием, и предложением, и даже целым текстом.

Большинство лингвистов на сегодняшний день считают, что у концепта полевая структура. «Полевой», или (в другой традиции) «прототипический», подход является наиболее разумным, так как он позволяет не очерчивать четкую границу, а рассуждать в терминах центральных и периферийных членов данного класса. На нечеткость границ поля указывает, например, В.А. Виноградов: «Границы концептуальных полей нерезки и подвижны, а это означает, что в поле концепта могут втягиваться новые элементы, и сила аттракции прямо пропорциональна мощности концепта и массе его поля» [Виноградов 2010, с.14]. И это действительно так, ибо концепты – это динамические образования; они имеют расплывчатые границы: то расширяются, то сливаются, или, наоборот, разбиваются на части. Соответственно, изменяется и все поле.

Рассмотрим это на примере концептов ***кружение, верчение***. Отчего данные концепты (а, точнее, это варианты одного концепта) столь важны в русской лингвокультуре? Как известно, фактически конкретное видение одного человека – 60 градусов, поэтому, чтобы возникла объективная картина мира нужно не менее 6 человек, но чем больше людей будет обращено друг к другу, тем точнее будут конкретные знания, т.е. каждый должен вместить в себя опыт других людей. Это хоровод – образ объективного знания, либо один, но кружащийся вокруг своей оси человек.

Кружение первично и естественно в мире: вселенная кружится, кружатся планеты; физики конца XX века создали теорию торсионных полей (torsion – англ. – кручение), согласно которой любой крутящийся объект создает поле, и все пространство Вселенной заполнено бесконечным числом малых вихрей, энергию которых можно использовать. Более того, душа русского человека, по

мнению Н.В. Гоголя, стремится к кружению: «Его ли душе, стремящейся закружиться, разгуляться…».

Хотелось бы предположить, что столь важное явление в мире не могло не сказаться на культуре. И действительно, кручение известно среди разных народов. Например, религиозные танцы первобытных племен состояли в основном из кружения. Сюда же относятся пляски сибирских шаманов, дионисийские, или вакхические пляски. Кружение известно и в восточной культуре, к нему прибегали дервиши, совершая одиночное кружение на глазах у толпы. Кружились они с огромной скоростью, и это было формой экстатической молитвы, в результате которой дервиш начинал прорицать.

В русской культуре известны мистические секты (хлысты, скопцы), являющиеся частью народной культуры. Название происходит от глагола *хлестать*: на молитвах они хлестали себя ветвями деревьев или скрученными полотенцами. Важное место хлысты отводили радениям – особого вида молитвенным экстатическим кружениям, в ходе которых Святой Дух должен был снизойти на молящихся. Радения проходили под молитвенные песнопения. Именно песни способны настроить душу на экстатический лад, отсюда хлыстовская поговорка – *Песенка – к Богу лесенка.* В отличие от обычных духовных стихов, заунывных и печальных, хлыстовские песни радостны, полны ликования, они как бы заставляют пуститься в пляс.

А. Ремизов в «Пляшущем демоне» пишет: «В «радении» природа пляски, верть и опьянение…Чаруя, танец уводит в сказку, захлестывает в неправдобный чудесный круг. Без колдовства нет танца… С именем «Русь» начинается пляска».

Радение – это еще и усмирение плоти, т.к. в ходе радений участники действа полностью обессиливают. Но физическое изнурение в этот момент сопровождается необыкновенным духовным подъемом. Радения называются у хлыстов «Божьей работой», и это действительно работа, позволяющая пережить мистическое слияние с Богом.

Народный хоровод тоже имеет связь с кружениями, с ритуальными хороводами вокруг огня, алтаря или идола. Сходные значения в мировой и русской культуре имеют круг, колесо, вихрь, метель, кувыркание и под.

Хоровод очерчивает внутреннее и внешнее пространство. Отсюда круг, который распространен в культуре кочевников – юрта, округлое оружие: меч, лук, щит, сабля и т.д. В этом выражается отношение к миру кочевников. Прямоугольник – любимая форма оседлых земледельцев поля, дом из бревен, мебель. Характерно, что круг, отражающий темперамент кочевников, более динамичен, нежели прямоугольник. Вероятно, поэтому арена цирка более динамична и экспрессивна, нежели прямоугольник театральной сцены.

Круговые танцы и Колесо – наделяется в народной культуре апотропейными и демоническими свойствами. Это одна из ипостасей ведьм и колдунов. В истории культуры известно колесо Сансары – индийский символ чар видимого мира. Попадая под чары при воздействии колеса, душа оказывается в череде бесконечных воплощений и своими поступками создает карму.

Катание колеса у многих народов имело значение оберега от нечистой силы, например, в весенне-летних обрядах славян (на Витебщине – на Купалу).

Кататься, кувыркаться – ритуальное действие, обладающее широким спектром значений: в календарных и продуцирующих обрядах, народной медицине, колдовстве, брачно-эротических действах. Например, хорошо известно катание по полу обнявшихся парня и девушки у восточных славян; в Болгарии старые девы на Юрьев день катались по полю, чтобы выйти замуж. Катание на качелях – магический способ заставить девушку или парня жениться. Катание по росе имело целительную силу. Кувыркание по земле при первом громе, при виде первой перелетной птицы и т.д. также имело значение оберега.

Венок и другие круглые и предметы с дыркой посредине (кольцо, обруч, калач) имели магическое осмысление в обрядах народной культуры, в народной медицине, гаданиях.

Данный архетип неожиданно проявился в теориях текста. В тексте обнаружился центр, вокруг которого кружатся разноуровневые дискурсы: так реализована здесь сама идея кружения, которая, как было показано выше, имеет до-словесный характер.

При незначительном позитивном спектре значений-символов, кручение-верчение у славян имело негативную семантику. У русских, например, этимологически связаны *крутить* и *кручина*. Негативные смыслы есть и у слов «вихрь» (*Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя*…– Пушкин), «вить» (*вить веревки* – ‘по собственному произволу распоряжаться безвольным человеком’), «витьё», «Вий» (один из адских царей, насылатель ночных кошмаров и привидений) и других слов, семантически связанных с кручением, кружением.

Мы, вслед за Дж. Лакоффом и другими современными лингвистами, различаем концепт и значение слова «кружение». Так, для концепта важно не только словарное значение – «движение по кругу», но и те смыслы, которые бытуют в культуре (мифологии, фольклоре, обрядах), опыте народа, т.е. в его концептуальной системе.

Очень интересно реализуется этот концепт в поэзии М. Цветаевой, которую как истинного поэта культуры не могла не захватить мистика кружения. М. Цветаева, например, в творчестве которой данный концепт занимал важное место, считала, что весь мир – это «вертящийся шар», «внутри которого – ОГОНЬ» [Цветаева 1997, с.222].

Сам факт неоднократного введения этих слов в поэзию (мы их насчитали более 100) свидетельствует о значимости его для цветаевской поэзии. Хотя это и не главный аргумент: мы знаем, насколько важны для понимания ее творчества слова *быт* и *бытие,* которые, тем не менее, едва ли по разу встретились в ее стихах. Нужно смотреть на роль данного слова в языковом сознании автора и его картине мира.

М. Цветаева с детства знала о хлыстах и даже потихоньку посещала их радения (биографический очерк «Хлыстовки»). Вероятно, она сочувственно

относилась к миропониманию самих хлыстов, которые считали, что смысл и цель радений в следующем: кружась и пляша, человек как бы выходит из собственного тела и соединяется с божественным духом, в него вселяющийся.

Эта мысль проходит через все ее творчество: впервые мотив кружения появляется в ее ранних стихах об Эллисе, который назван *святым танцором*; он *Ответный вихрь и смерч, ответный / Водоворот*. С приходом его *сразу хочется кружиться, Кричать и петь.* В других своих ранних стихах Цветаева писала о себе: *Я – мятежница с вихрем в крови.*

В произведениях М. Цветаевой концепт кружения сложен и многогранен. Кружение, метель – это предчувствие беды, трагедии: *Февраль. Кривые дороги./ В полях – метель./ ….То вскачь по хребтам наклонным,/ То снова – круть…* (Цветаева 3_1,, 20). Кружение у М. Цветаевой – это и ощущение греха:

Грех над церковкой златоглавою
Кружить – и не молиться в ней.

Во многих стихах поэта кружение приобретает смысл метафоры, выражающей ядро авторской идентичности, ее отношение к Богу, искусству и любимому: *Так вплясываются… (Велик / Бог – посему крутитесь!)* (2, 194).

Кружение в ее творчестве – также колдовство, попытка околдовать, заставить забыть многое:

Даже богиней тысячерукой
– В гнезд, в звезд черноте –
Как ни кружи вас, как ни баюкай
– Ах! – бодрствуете… (3_1, 364).

Силой своего таланта часто она нивелирует негативную семантику, трансформирует ее в прямо противоположный смысл. Так, в ее концептосфере соседствуют идея добра и вихря. Как известно, в культуре вихрь – это символ, выражающий семантику трехмерного креста, т.е. самого пространства, но пространства, населенного нечистой силой [Керлот 1997, с. 113]. Вихрь характеризуется спиральным или винтовым движением, символизируя также и вселенскую эволюцию. У М. Цветаевой же вихрь – синкретичный концепт-символ: это и чара, и протест, и любовь, и революционные события. В «Поэме горы» вихрь становится символом любви:

Ты – как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак (Цветаева, 30).

Многие ее поэмы пронизаны плясками, из круговерти которых вырисовывается сюжет. Поэма «Царь-Девица» вся насыщена идеей кружения, вихря, танца. Вихрь организует наиболее важные сцены, композицию, звуковой и ритмический строй поэмы. Например, во «Встрече первой» – *Вихрь-Девица, Вихрь-Конь, Вихря-мне-Коня* (3_1, 199), во «Встрече второй» – *вихрь-жар-град-гром*, в «Ночи третьей» – сначала загадочно-странная, потом бешеная пляска:

Ой, в пляс пошла, помилуй Бог вас, стар и млад!
… (Ох, не пляшут так, жена, пред муженьком!).

Женское влечение в «Царь-Девице» также имеет вихревую кульминацию: *И – взыграв как целый град Содом – / Закрутилась дымовым столбом*, т.е. пляска, вихрь – это еще и страсть, пылкость, это стихия любви и творчества.

В поэме «Молодец» пляска, вихрь, «выкрут» – сюжетообразующий феномен, без проникновения в тайны которого невозможно полное понимание поэмы. В самом начале гулянье девушек сопровождается пляской, пляшет нечистая сила в середине поэмы: *Вьется, лепится / Черной немочью* (Цветаева).

М. Цветаева рифмует *пляс* и *плач*, как бы заражая слово *пляс* негативной семантикой плача: *...Пляс. Плач./ Плач. Пляс* ($З_1$, 308).

Почти все ключевые сцены в поэме даны в сопровождении пляски, как бы через пляску. Реальное и бесовское взаимодействуют друг с другом, создавая “космос” поэмы. Важная сцена разговора с матерью – приглашение к пляске:

Пляши, мати,
Коль не лень! ($З_1$, 285).

Ситуация окончательного выбора Маруси в пользу Молодца (после смерти матери) описана в виде диалога двух влюбленных в вихре сумасшедшей пляски:

Не избыть такой нежбы!
Выплясали из избы.
Лесной стравы опилась!
Двор переплывают в пляс ($З_1$, 296–297).

Здесь через стихию круговерти, пляски-экстаза как бы передается колдовская, завораживающая сила, это своего рода «приворотное» действо.

Пляска здесь связана с ритуально-магическими действиями, когда на первый план выходит мотив стихии, разгула, а сам ритм пляски доводит до головокружения, когда перестаешь понимать, где реальность, а где мистика. Пляска организует не только ритмический рисунок важнейших частей поэмы, но и ее звуковой ряд – завораживающие ассонансы:

Белки – пучат,
Перстом – тычут.
Тот – по-щучьи,
Тот по-птичьи ($З_1$, 321).

Молодец и подруги будто обтанцовывают Марусю, лишая ее силы сопротивляться дьявольскому миру (ср. ритуальное языческое обтанцовывание объекта с целью придать или отобрать у него силы). Едина ткань поэмы: композиционное кольцо усиливается кольцом пляски, куда проникает круговое, хороводное, все пляшут почему-то *Кругом, кругом, кругом.* Еще одна ступень усиления – поэма завершается фразой «Прага. Сочельник». Так называется древний праздник поворота солнца в конце декабря: круговорот старого года кончился и начинается круговорот нового; это еще и преддверие разгула нечистой силы, плясок чертей. А сам праздник сопровождается различными обрядами кругового движения, хороводами.

Архетип пляски – это стихия бесовского действа, пляски “в усмерть”, пляски смерти: *Очнись! – Не хочу! / Пляша душу испущу! … Не пожар тушу, / Свою смерть пляшу / С гикотом! С топотом!* ($З_1$, 296). Описывая эту пляску, М. Цветаева использует целый ряд фонетически сходных слов, которые позволяют передать весь динамизм, лихость, гибельность пляски: *пляс, плеск, плач, плющ, плещ, топот, гикот,* соединяя сходные в звуковом отношении слова, поэт сплетает их в одно смысловое поле, как бы усиливая и дополняя их смысл соседством друг с другом.

Согласно Х. Керлоту, вращение порождает магическую силу, силу оборонительного порядка [Керлот 1997, с. 127], оно создает неприкосновенную территорию – круг. У поздней М. Цветаевой находим:

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал (2, 338).

Круг заключает в себе идею уничтожения зла. Отсюда идут метафоры М.Цветаевой *круговая порука планет,* («Земные приметы»), *круговая – Сверху – порука – Крыл* («Ремесло»), *В ворко-клекочущий зоркий круг – / Голуби встреч и орлы разлук*. Важны здесь не только метафоры, но и метонимии, «тянущие» за собой важное осмысление ситуации: *Душа, как камень, в воду брошенный – / Всё расширяющимися кругами* (Цветаева).

Иногда поэт использует синонимы и эвфемизмы круга – *окружила = обнесла, объяла, охватила, обняла: Я был наг, а ты меня волною/Тела – как стеною/ Обнесла* (Цветаева).

Рай, по М. Цветаевой, – *круглый рай.* В прозе поэта встречаем: «*самое полное определение добра: добра как круговой поруки* («Искусство при свете совести»). Концепты *кружение, круг, вихрь, пляска* в русской лингвокультуре сходны по своим магическим действиям. В поэтическом мире М. Цветаевой они становятся репрезентантами различных смыслов, которые отражают интенцию автора, ее личность, жизнь, творчество, делая их неразделимыми. В этих концептах интегрируются внешний мир, мир языка, мир культуры и внутренний мир поэта, личностный авторский заряд. У М. Цветаевой стихия и история движутся вихрем, смерчем, взвиваясь и отплясывая. Она конструирует собственную реальность, ее ментальный мир значителен и глубок, как и реальный.

Отсюда **вывод** о том, что лишь поэзии под силу раскрыть процессы, происходящие на глубинных уровнях сознания и подсознании, т.е. в ментальности. Смысл в поэзии является психическим по своей природе. Язык с помощью поэта творит сложнейшую реальность, в которой мы и живем. И эта сотворенная поэтом реальность называется культурой. Смыслы в поэтическом тексте далеко уходят за пределы значений слов, используемых в стихотворении. Истина, содержащаяся в стихах, сокрыта, ее следует искать, как ищут ее в речах пророка. Содержание стихотворения часто алогично и загадочно. А основной источник эстетического переживания – художественный смысл, а, точнее, игра со смыслами, которые закладываются в текст и извлекаются из него чаще всего с помощью сочетаемостных возможностей слова.

§ 3.5. Медиаконцепт как разновидность культурного концепта (на материале концепта-события «Славянский базар»)

Общение – это многогранный и сложный процесс, который включает взаимодействие – интеракцию, восприятие и познание друг друга – перцепцию, а также обмен информацией – собственно коммуникацию, которая есть часть более глобальной категории общения. Есть и другие подходы к этой проблеме – от отождествления общения и коммуникации до полного их разведения.

Была исследована проблема формирования регионального витебского медиаконцепта. Витебский региона и его коммуникативное медиапространство – это совокупность ареально органичных социальных коммуникаций (газеты, регинальное телевидение и др.), региональных реалий и знаний о них, знаний об известных личностях региона, творцах материальной и духовной культуры. Все они репрезентированы языком, в котором предстают как региональные ценности, региональная языковая личность, региональные концепты.

Актуальность региональных проблем связана с развитием и региональной лингвокультурологии в противовес процессам глобализации. Сейчас во всем мире растет мощное движение против глобализации, в защиту регионализма. А региональные проблемы выходят на первый план в целом ряде наук – от экономики до лингвистики, т.е. регион сейчас рассматривается как основная административно-политическая и культурно-языковая единица.

Региональная коммуникация представлена двумя основными видами: вербальной и невербальной. Концепт-событие «Славянский базар» вбирает в себя и вербальный и невербальный аспекты. И.Н. Горелов высказывает мнение о том, что невербальная составляющая коммуникации является основой речевого высказывания. Согласно автору, невербальные компоненты коммуникации являются первичными, что «в акте речевого поведения человека сначала развертываются невербальные коммуникативные средства, а затем – если их ресурса недостаточно для взаимопонимания – вербальные средства, поток речи на национальном языке» [Горелов 2014, с. 15]. Поскольку нами анализировались в телепередачи регионального телевидения («Витебск», «Скиф»), то невербальная составляющая тоже учитывалась.

Материалом для исследования были взяты региональные СМИ (газеты, телевидение, реклама) за два года, но рассматривались только 3 летних месяца (июнь, июль, август): 1 месяц предшествовал фестивалю, июль – фестивальный месяц, в августе анализировался ход данного события. В результате корпус газетных номеров составил 70 единиц, рекламы 20 единиц и 30 телепередач, в основном интервью. Количество языковых единиц в состав которых входил исследуемый концепт, составило 312 наименований.

В когнитивных исследованиях и лингвоконцептологии *концепт* изучается через знак, его репрезентирующий, анализу подвергаются «парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность» [Воркачев 2007, с. 57]. *Концепты* позволяют

классифицировать наблюдаемые предметы и явления и создают целостное представление о мире. Исследователь указывает, что *концепт* может принимать форму образа, картинки, схемы, но самые значимые концепты находят выражение в языке, а значения слов принимаются за содержание *концепта* [Там же, с. 90–92]. Соответственно, структурно *концепт* является многослойным, амбивалентным и разнородным [Воркачев 2014, с. 55].

В процессе эволюции *концепт* получил культурное наполнение, а после установления тесной взаимосвязи между языком и мышлением понимается как лингвокультурный [Маслова 2013, с. 51]. Мы рассматривает концепт как сложное образование, включающее в себя не только понятийное содержание, как правило, это ядро концепта, разные смыслы, часть из которых входит в ядро, в часть в периферию концепта. Периферию также образуют коннотации и образные составляющие, которые в совокупности составляют региональные и культурно значимые ценностные смыслы. С.Г. Воркачев считает, что можно выделить три основных признака лингвокультурного концепта: многомерность, иерархичность и этноспецифичность [Воркачев 2014, с. 63].

Региональные СМИ позиционируют данный реконструируемый нами концепт (напомним, что понятие конструируется, а концепт реконструируется, по словам В.З. Демьянкова) как *главное событие года* в регионе, как *международный фестиваль искусств,* как *градообразующее мероприятие Витебска,* как *главный символ Витебска.* Эти смыслы представляют собой ядро концепта. Они статичны. Например: *«Главное событие года – Международный фестиваль искусств "Славянский базар в Витебске" стартует уже завтра!»* (НС); *«"Славянский базар" – градообразующее мероприятие Витебска»* (ВР); *«Фестиваль давно стал главным символом Витебска, центральным событием жизни всего региона»* (В).

В ядро концепта входит культурная составляющая этого события. Более половины собранного материала – это доказательство того, что фестиваль – явление культуры: *праздник культуры, культурное событие года, культурное мероприятие года, островок «истинной» культуры, культурный символ славян, культурный форум* и др.; ВР: *культурный месседж, славянская/ мировая культура, культурный форум, «культурная» традиция, культурное послание* и др.; НС: *культурное событие года, «культурный» бомонд, квинтэссенция культуры, культурный форум, праздник культуры, культурное мероприятие и др.*; ВВ: *праздник культуры и искусства, культурный форум, культурный бренд, нива культуры, культурное послание* и др.

Как и всякое явление культуры, «Славянский базар» связан со славянскими традициями, либо создавать свои традиции, что и выделяется в региональных СМИ, в материалах которых находим следующее: *«Фестиваль стал доброй традицией…»* (В); *«Традиционно на площадках фестиваля пройдут многочисленные мероприятия»* (ВВ); *«История фестиваля неразрывно связана с традицией проведения дней культуры Беларуси, России и Украины»* (НС); *«Доброй традицией "Славянского базара" стало вручение специальной премии…»* (ВВ); *«История фестиваля – это десятки традиций…»* (В);

«Доброй традицией “Славянского базара” стало проведение “Театральных встреч”» (ВР); *«Главная традиция фестиваля – это поиск и открытие новых талантов»* (НС); *«Традиции фестиваля прошли проверку временем…»* (ВР). Динамику концепта-события определяют такие высказывания: *“Славянский базар” определяет ритм жизни Витебска – город живет от фестиваля до фестиваля»* (ВР). Здесь фестиваль представлен как сгусток энергии, определяющий ритм жизни города.

Следует отметить, что большинство материалов в СМИ, связанных с освещением мероприятий фестиваля, ориентированы на создание его положительного имиджа. Поэтому положительная эмоционально-оценочная маркированность концепта «Славянский базар» в журналистском тексте характеризуется использованием самых разных языковых средств и приемов – от эпитетов до различных фигур и тропов: эпитетов (*«событие планетарного масштаба»*), метафор (*«покорение искусством»; «звездный» дождь»; «палитра эмоций»*), сравнений (*«пейзажи <…> напоминают виды Шотландии и Канады»;* отрицательных сравнений (*«Витебск – не Канны»*), игры слов (*«поБазарили»*). Часто используются для этого восклицательные предложения (*«Браво, фестиваль!»; «Будут аншлаги!»*), рифмованные высказывания (*«Базарное раздолье ищем на подворьях; Полная чаша в городе нашем»*) и др.

Ключевым этапом анализа событийного концепта «Славянский базар» стало выделение важнейших его коннотативных сегментов, способных отразить особенности дополнительных смыслов. На основании изученных контекстов нами было выделено более десяти таких сегментов, посвященных фестивалю «Славянский базар». Некоторые контексты можно было отнести одновременно к нескольким коннотативным сегментам. Их иерархичная структура представлена в таблице (таблица 1).

Таблица 1. Рейтинг коннотативных сегментов концепта «Славянский базар»

Наименование коннотативного сегмента	**Количество выявленных контекстов**
Артисты	*41*
Летний амфитеатр	*24*
Концертная программа	*22*
Конкурс исполнителей эстрадной песни (конкурс молодых исполнителей)	*20*
Детский музыкальный конкурс	*15*
«Театральные встречи»	*16*
Фестивальная инфраструктура	*10*
«Город мастеров»	*10*
Эстрадная / популярная песня	*7*
«Сельские подворья»	*7*
«День молодежи»	*6*
Кино	*4*

Обратимся к более подробному описанию самых популярных коннотативных сегментов (частей) концепта «Славянский базар»: «Летний амфитеатр» и «Конкурс исполнителей эстрадной песни». Они входят в ядро концепта.

«Летний амфитеатр». Несмотря на то, что в региональных газетных материалах за исследованный период практически отсутствуют публикации, полностью посвященные главной сценической площадке фестиваля, зато он присутствует в телетрансляциях, что делает данный концепт поликодовым.

При этом коннотативный сегмент предстает в СМИ не просто архитектурным объектом, а центром событий, особым динамичным (практически живым) субъектом фестивальных мероприятий с контекстуально положительной семантикой: а) *«За кулисами Летнего амфитеатра царит особая атмосфера. Здесь можно узнать самые невероятные подробности о творческой и личной жизни любимых артистов, увидеть кумиров, задать волнующие вопросы и получить ответы, как говорится, из первых уст»* (НС); б) *«На сцене Летнего амфитеатра действительно было представлено созвездие всех искусств: оперного пения, джаза, популярной музыки, современной молодой эстрады и хореографии»* (ВР); в) *«Еще в конце 1980-х годов здесь было установлено самое современное на тот момент акустическое оборудование <…> в амфитеатре была установлена эксклюзивная музыкальная техника одной из лучших в мире французских компаний. До этого она вообще никогда ее не продавала, а лишь сдавала в аренду звукозаписывающим компаниям. Так что сейчас амфитеатр обладает современным звуковым оборудованием высокого европейского уровня. Здесь 48 акустических систем; микшерный пульт позволяет подключить со сцены сразу 112 микрофонов»* (В); г) *«В эту сцену невозможно не влюбиться»* (В).

Концепт «Летний амфитеатр» сопровождается положительной эмоциональной коннотацией. Это создается высокочастотными именами прилагательными – *уникальный, уютный, многофункциональный, современный, величественный*. Амфитеатр – это не только архитектурное сооружение, но и зрители и слушатели, аудитория. Вследствие чего его название сочетается с именами прилагательными, употребляющимися только с одушевленными именами существительными *добрый, приветливый, отзывчивый*. Кроме того, для описания атмосферы на концертной площадке в СМИ используются различные положительно маркированные словосочетания и коллокации: *отвечающий всем требованиям, чарующий взгляд, лучшая сценическая площадка Европы, с распростертыми объятиями*.

Выбор в качестве примера описания коннотационного сегмента «Конкурс молодых исполнителей» обусловлен тем, что, в отличие от других контекстуально частотных сегментов, тематические медиаматериалы, посвященные главному событийному мероприятию культурного форума, имеют не только содержательно положительную, но и отрицательную оценку. Кроме того, в большинстве журналистских текстов подчеркивается ключевая значимость и важность конкурса: а) *«<…>самое главное событие фестиваля “Славянский базар в Витебске” – Международный конкурс исполнителей*

эстрадной песни» (ВВ); б) *«<…> самых крупных и интригующих проектов этого творческого форума»* (НС); в) *«Это важнейшее событие фестиваля <…> скорее не конкурс, а праздник дружбы и творчества»* (В).

О конкурсе исполнителей эстрадной песни СМИ пишут и говорят так, что создается негативная тональность текста: а) *«<…> оценка жюри вызвала неоднозначное отношение и в зале, и за кулисами»* (В); б) «*Музыкантовед <…> обвиняла жюри в необъективности»* (НС); в) *«Зрительный зал тоже выражал свое отношение шумом неодобрения низких оценок некоторым конкурсантам и завышенных – другим»* (НС). Но часть текстов идет с нейтральной тональностью: а) *«<…> у каждого есть шанс завоевать публику и получить самые высокие баллы жюри»* (НС); б) *«Несмотря ни на что конкурс запомнится созвездием новых талантов»* (В); в) *«Витебские зрители бурными овациями наградили самых, по их мнению, достойных. А такое признание дороже любых призов»* (НС).

Среди лексем-репрезентантов выбранного сегмента (о конкурсах) много лексики с положительной эмоциональной окраской и оценкой. Это не только распространенные имена прилагательные и причастия: *интригующий, уникальный, престижный, чарующий* и др., но и различные авторские словосочетания и выражения: *оазис музыки и любви, славянский калейдоскоп, культурный десант фестиваля, атмосфера славянского единства* и др.

Для большей убедительности наших результатов, мы провели небольшой ассоциативный эксперимент со 100 испытуемыми-студентами педагогического факультета Витебского госуниверситета.

Сопоставление полученных результатов показывает, что в ассоциативном эксперименте отражены лишь несколько важных коннотативных сегментов концепта «Славянский базар» – мероприятия фестиваля, его участники, отдых и развлечения, а также некоторые пространственные ассоциативные связи. В ассоциативном эксперименте отсутствовали коннотативные сегменты, характеризующие основные мероприятия Международного фестиваля искусств, его участников, а также праздничное настроение и артистов, и зрителей.

Значительное совпадение результатов ассоциативного эксперимента с анализом журналистских текстов местных СМИ рассматривается нами как признак того, что концепт «Славянский базар» изначально формировался в СМИ как медиаконцепт. Кроме того, это частично подтверждает мысль о том, что концепт имеет нематериальную природу. Он является единицей мысли, которая представляет собой результат категоризации знания. Восприятие концепта личностно, но СМИ социализируют его, дополняют, акцентируя определенные аспекты.

Анализ медиаконцепта «Славянский базар» дает возможность сделать вывод о том, что при создании положительного имиджа медиаконцепта «Славянский базар» региональные газетные издания Витебщины используют много языковых средств с положительной коннотацией, которые создают общий положительный имидж культурного форума. Кроме понятийных аспектов, данный концепт репрезентируется посредством более десяти различных

коннотативных сегментов, характеризующих основные мероприятия Международного фестиваля искусств, его участников, а также праздничную инфраструктуру.

Таким образом, через развлекательный контекст создается положительный имиджа города и фестиваля как туристического и культурного центра. «Славянский базар» в витебских СМИ ассоциируется с мероприятиями фестиваля, его участниками, возможностью отдыха и развлечений. Формирование данного концепта в языковом сознании происходит посредством психической активности человека в процессе получения знаний о мире прежде всего через СМИ.

А сам медиаконцепт, выполненный на материале СМИ, значительно беднее по смыслу, ибо не содержит особых нюансов – образности, символизма и др. по сравнению с концептом, реконструированным на материале художественной литературы, а особенно поэзии.

⁉ Вопросы для самопроверки:

1. Какие исследователи стояли у истоков лингвокультурологии?
2. Каковы временные рамки ***периода предпосылок*** развития науки?
3. Назовите основные направления в современной лингвокультурологии.
4. Будет ли развиваться лингвокультурология в будущем, каким путем она пойдет?
5. Что дает интегративной подход лингвистике вообще и лингвокультурологии в частности?
6. С какими науками может интегрироваться лингвокультурологии?
7. Какие парадигмы существуют в лингвистике и лингвокультурологии?
8. Обоснуйте введение термина ***теоантропокосмическая парадигма***.
9. Как позволяет лингвокультурология заглянуть в глубину человеческих знаний?
10. Что означает термин ***лингвокультурный концепт***?
11. В чем специфика реконструкции медиаконцепта?

✎ Темы для рефератов:

1. Основные направления современной лингвокультурологии.
2. Синергетический подход к лингвокультурологии.
3. Описать любой современный медиаконцепт.

🕮 Литература

Аристотель. Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. М.: Индрик, 1996. 638 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Библия. Книги священного писания Нового и Ветхого завета. Минск: Беларусь, 1990. 1376 с. (Сир. – Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова; Притч. – Притчи Соломона; Ин. – Первое послание Иоанна; Мф. – От Матфея святое благовествование).

Брейден Грегг. Божественная матрица. М.: «София», 2017. 224 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 247 с.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 522 с.

Виноградов В.А. О единстве и взаимодействии языка и культуры // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. Е.П. Челышева. М.: Азбуковник, 2010. С. 13–17.

Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема // Политическая лингвистика. 2014. Вып. 3(49). С. 12–20.

Гадомский А.К. Размышления о религиозной картине мира // Вестник Харьковского национального университет им. В.Н. Каразина. Серия «Этнолингвистика». Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2008. С. 175–181.

Горелов И.Н. Невербальная коммуникация. М.: URSS, 2014. 112 с.

Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык. Сознание. Коммуникация / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39–50.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты / под ред. В.И. Шаховского. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–15.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. № 2. С. 3–40.

Колесов В.В. Филосовия русского слова. СПб: ЮНА, 2002. 444 с.

Кизима В.В. Тоталлогия (философия обновления). Киев: ПАРАПАН, 2004. 272 с.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012. 279 с.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018. 192 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд. М.: Знак, 2009. 232 с.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.

Кульневич С.В. Методологические особенности гуманистической философии образования. Ростов-на Дону: Учитель, 2018. 560 с.

Керлот Х. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 601 с.

Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: АСТ, 2016. 464 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16–21.

Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Эксмо-Пресс, 1995. 339 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.

Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнопсихолингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988. С. 116–120.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Академия, 2007. 202 с.

Маслова В.А. Когнитивные аспекты новых русских паремий // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития. Казань: Печать-Сервис XXI в., 2013. С. 147–151.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. Санкт-Петербург, 2015. 152 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 9).

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 180 с.

Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011. 319 с.

Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 264 с.

Налимов В.В. Размышления на философские темы // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 58–76

Новейший философский словарь / Под ред. Л. Родионовой. М., 1999. 512 с.

Новейший философский словарь. 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом. 2003. 1280 с.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. М.: М.: Флинта: Наука, 2011. 176 с.

Пименова М.В. Смена стереотипов, или новый взгляд на ментальность в лингвокультуре // Филологические науки. 2014. №2. С. 3–9.

Пименова М.В. *Род* и *орда* как факторы самоидентификации в лингвокультуре // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. № 2 (18). С. 117–128.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: АН СССР, 1959. 382 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.

Постовалова В.И. Религия, наука и философия в концепции цельного знания А.Ф. Лосева // Христианство и наука: Сборник докладов. М.: Отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, 2003. С. 114–166.

Постовалова В.И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматия теолингвистики / под ред. А. К. Гадомского и К. Кончаревич. Белград: Универзитет у Београду – Православни богословски факултет, 2011. Т. 2. С. 6–12.

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000.184 с.

Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.

Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.

Сендерович С. Ревизия юнговой теории архетипа // Логос. 1995. № 6. С. 144–163.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

Сержпутоўскі А. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мінск: Вышэйшая школа, 1988. 367 с.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. М.: Ключ-С, 2010. 92 с.

Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.

Словарь русского языка: в 4 томах / Институт русского языка АН СССР; гл. ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1984–1988.

Софроний (Сахаров), архим. О молитве: Сборник статей. Paris : Ymca Press, 1991. 207 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Степанов Ю.С. Авангард наших дней: атмосфера и сеть // Язык и искусство: Динамический авангард наших дней. М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. 212 с.

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Издательство «Эйдос», 2010. 168 с.

Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 296 с. (Этнографическая библиотека).

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

Толстая С.М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 172–177.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / ред.: Е.М. Мелетинский [и др.]. М.: Наука, 1988. С. 7–60.

Троицкий Вс.Ю. Духовность слова. Слово в филологическом образовании и воспитании // Духовность слова. Слово в филологическом образовании и воспитании. М.: Гнозис. 2001. 181с.

Флоренский П. Сочинения в 2-х т. У водоразделов мысли. М.: «ПРАВДА», 1990. Т. II. 447 с.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989. 159 с.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. 192 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1997. Далее ссылки на это издание даются в тексте параграфа с указанием тома и страницы.

Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация в современной России. М.: Флинта: Наука, 2010. 152.

Шпет Г.Г. Сочинения. Правда, 1989. 608 с. (Серия «Из истории отечественной философской мысли»).

Щерба Л.В. Избранные работы. М.: Учпедгиз, 1957. 186 с,

Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1996. 320 с.

РАЗДЕЛ 4.

Типы лингвокультурных макроконцептов и концептов (М.В. Пименова)

§ 4.1. Лингвокультурные макроконцепты и концепты и их структуры в Санкт-Петербургско-Кемеровской школе концептуальных исследований

Под *концептом* понимается совокупность признаков, актуальных для описания фрагмента мира или части такого фрагмента. ***Лингвокультурный концепт*** – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. «Под ***макроконцептом*** понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [Пименова 2001, с. 32]. Описание (макро)концепта заключается в определении его структуры и способов актуализации его признаков.

Структура концепта – иерархическая организация признаков концепта, построенная по эволюционному принципу: от появления первопризнака и развитию к настоящему времени. Изучая (макро)концепт, исследователь воссоздает его структуру путем описания его признаков.

Структура концепта (макроконцепта) состоит из мотивирующих, образных, понятийных, категориальных, символических признаков. В некоторых структурах, достигших апогея своего развития, отмечаются ***иронические признаки***, под которыми понимаются признаки скрытого отрицания, низкой оценки: насмешки, издёвки, скепсиса, сатиры, троллинга и сарказма. Основной особенностью наличия иронических признаков у определенного (макро)концепта является факт обесценивая того, что ранее в лингвокультуре наделялось большой ценностью. Структуры некоторых (макро)концептов включают в себя **сценарий**.

Первопризнак есть мотивирующий признак. «***Мотивирующим*** называется такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом» [Пименова 2007, с. 18–19]. «Точкой отсчета» структуры будущего концепта, который в дальнейшем обрастет новыми признаками, служит мотивирующий признак, положенный в основу номинации слова, его репрезентирующего. У некоторых (макро)концептов может быть несколько мотивирующих признаков вследствие синкретизма и древности появления слова, его репрезентирующего, в языке.

Следующий этап эволюции концептуальной структуры предполагает развитие образов на основе внутренней формы слова – репрезентанта (макро)концепта, т.е. образные признаки (макро)концепта – следующий этап

переосмысления мотивирующего признака или мотивирующих признаков (если их несколько). По С.Н. Трубецкому, «Образ должен изучаться с точки зрения генезиса, породивших его представлений. Религиозные представления важны не своим содержанием, но общим принципом своего возникновения; вот это-то возникновение, отрицающее формальную логику, говорит, что мышление понятиями вырабатывалось в течение долгих веков, и что ему предшествовало мышление образами» [Трубецкой 1908, с. 553].

Под ***понятийными*** понимаются *признаки* (макро)концепта, актуализированные в словарных дефинициях в виде семантических компонентов (сем и семем) слова – репрезентанта (макро)концепта [Пименова 2007, с. 314]. Для анализа понятийных признаков привлекаются данные не только толковых словарей, но и исторических словарей, словарей диалектов и синонимов. Словари синонимов помогают отыскать «пропущенные» в толковых словарях понятийные признаки в концептуальных структурах. Более полный набор понятийных признаков позволяет определить языковой материал: словари не всегда успевают фиксировать изменения в этой части концептуальных структур.

Под *категориальными* понимаются признаки разного рода параметров. К этому роду признаков относятся *дименсиональные* (признаки объёма, размера, веса, ширины, длины, высоты и т.д.), квалитативные (признаки качества: температуры, твёрдости-жёсткости-мягкости, солености-сладости и т.д.), квантитативные (признаки количества: мало, много, один-несколько и т.д.), колоративные (признаки цвета), пространственные, темпоральные признаки (единиц времени, сезонов, относительного времени, времени суток, возраст и т.д.).

Понятийные и категориальные признаки развиваются в структуре (макро)концепта одновременно. У некоторых (макро)концептов категориальные признаки появляются еще на этапе мотивирующих признаков.

Бóльшая часть (макро)концептов содержит в своих структурах символические признаки. «***Символическими*** называются такие признаки, которые восходят к существующему или утраченному мифу или ритуалу и могут восприниматься в виде метафоры, аллегории или культурного знака. Миф сохраняет ранее распространенное в народе представление о мироустройстве» [Пименова 2007, с. 431].

В сознании современного человека сталкиваются две различные исторические традиции. Первая отражает ценности, идеалы и представления людей, сложившиеся как формы исторического опыта бытия в мире и образующие основу сознания человека в виде системы, т. к. именно эта основа и есть *концептуальная картина мира*, которую человек осваивает с языком, познавая мир. Другая историческая традиция обусловлена системой научного знания, которая не появилась одномоментно, а развивалась в течение всего периода становления народа. Система научного знания осваивается сознательно, именно это знание человеку дается со школьной скамьи, а *концептуальная система* скрывается в недрах языка, познается стихийно, неосознанно, ее усвоение происходит с момента рождения. Человек, не задумываясь, употребляет те или иные формы языка, потому что так принято. Концептуальная картина мира

сохранила в себе знания, забытые носителями языка, незаметные в силу изменений, произошедших в социуме и культуре, а следовательно, оставившие «отпечаток» на ментальности народа. Язык хранит память о них в виде устойчивых форм, увидеть, понять и правильно интерпретировать которые составляет задачу современных концептологов.

Языковая картина мира – это совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний [Пименова 1999, с. 9]. При таком подходе язык рассматривается как определенная концептуальная система и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире. Языковая картина мира – многоступенчатое образование. Человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях.

§ 4.2. Классификация лингвокультурных макроконцептов и концептов

Концептуальная система состоит из гиперконцептов, макроконцептов, концептов, субконцептов и микроконцептов (наноконцептов). Их способом актуализации выступает язык. Основу концептуальной системы образуют макроконцепты и концепты. Концептуальная система формируются тремя основными категориальными классами:

I. **Базовые (макро)концепты**, к ним относятся составляющие фундамент языка и всей картины мира:

1) космические макроконцепты и концепты (*мир, космос, Вселенная, Земля, Солнце, Луна*, *небо, планета, звезда, комета* и др.);

2) теоморфные макроконцепты и концепты (*бог, серафим, Род и рожаницы* и др.;

3) витальные макроконцепты и концепты (*рождение, покой, вкус, лицо, возраст, детство* и др.);

4) антропомофные макроконцепты и концепты (*человек, молодежь, ребенок, комсомолец, пенсионер* и др.);

5) социальные макроконцепты и концепты (*власть, воля, народоволец* и др.);

6) психические макроконцепты и концепты (*душа, ум, разум*, *гнев, радость, раздражение, ласка, воображение* и др.);

7) зооморфные макроконцепты и концепты: анималистические (*зверь, волк, лиса, кошка,*), орнитологические (*аист, кукушка, лебедь*), энтомологические (*бабочка, пчела*), ихтиологические (*акула, рыба, кит*), гады (*червяк, змея*);

8) вегетативные макроконцепты и концепты (*Древо, куст, ягода,* и др.);

9) предметные макроконцепты и концепты, включая природные (*валун, бархан, дюна*) и артефактные (*строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда, часы, дом* и др.).

II. (**Макро)концепты-дескрипторы**, которые квалифицируют базовые макроконцепты и концепты; среди них:

1) дименсиональные макроконцепты и концепты, выражающие различного рода измерения (*мера*, *размер, объем, глубина, высота, вес* и др.),

2) квалитативные макроконцепты и концепты, выражающие качество (*температура*, *состояние*, *тепло-холод, целостность* (*холистичность*)-*партитивность, твердость-мягкость*),

3) квантитативные макроконцепты и концепты, выражающие количество (*число, количество*, *один, много, мало, достаточно-недостаточно*),

4) аксиологические макроконцепты и концепты, выражающие оценку прямо (*добро-зло, ценность, оценка, истина, правда, ложь* и др.) и метафорически (*золотой, серебряный, драгоценный* и др.),

5) темпоральные макроконцепты и концепты, выражающие время (*пора*, *година* и др.), в том числе время года (*весна, зима, лето, осень*, *межсезонье* и др.), единицы времени (*час, минута, год, неделя, столетие, эпоха, эра* и др.), время жизни (*возраст, юность, молодость, зрелость, старость* и др.).

6) пространственные макроконцепты и концепты (*область, регион, территория, межа, граница*, *рубеж* и др.).

III. (**Макро)концепты-релятивы**, реализующие типы отношений, среди них: 1) концепты-оценки (*хорошо-плохо, правильно-неправильно, вредно-полезно, вкусно-невкусно*), 2) концепты-позиции (*против, вместе, между, впереди-позади* (*всех*), *рядом, вверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный*), 3) концепты-привативы (*свой-чужой, брать-отдавать, владеть-терять; включать-исключать*).

Первый класс самый обширный и насыщенный.

Класс **космических (макро)концептов** включает в себя субклассы:

а) метеорологические макроконцепты и концепты (*погода, осадки, туча, гроза, дождь, гром, град, снег* и др.);

б) ландшафтные концепты (*поле, лес, луг, роща, чаща, бор, тайга, степь, гора, холм, озеро, море, река, океан, дорога* и др.).

Класс **теоморфных (макро)концептов** объединяет субклассы:

а) макроконцепты и концепты божества (*Аллах, Великая Богиня-мать, Брахма, Шива, Вишну, Перун, Велес, Ярило, Купало, Макошь/ Мокошь, Тэнгри*, *Умай* и др.),

б) макроконцепты и концепты существ, сопровождающих божества (*архангел, серафим, ангел, гурия, апсара* и др.),

в) магические макроконцепты и концепты (*маг, волшебник, волхв, оракул* и др.).

Класс **витальных (макро)концептов** включает в себя субклассы:

а) физиологических (*сон, бодрость, питание* и др.),

б) физических (*жизнь*, *движение, голос, смерть* и др.),

в) перцептивных (*зрение, слух, вкус,* в наивной картине мира *предчувствие, уловление, нюх, чутье, прозрение, предвидение, чутьё, интуиция* и др.),

г) соматических макроконцептов и концептов: свойственных человеку (*лицо, рука, тело/ плоть, голова, сердце, печень*) и другим живым существам (*морда, лапа, хвост* и др.);

Класс **антропомофных (макро)концептов** представлен субклассами:

а) гендерных макроконцептов и концептов (*женщина, мужчина, мальчик, девочка* и др.),

б) макроконцептов и концептов родства (*родство, мать, отец, бабушка, дед/ дедушка, жена, муж, сын, дочь* и др.),

в) образовательных (*школьник, студент, курсант* и др.),

г) профессиональных (*продавец, учитель* и др.),

д) макроконцептов и концептов занятий (*труд, ремесло, игра, наука, праздник, дело, пение* и др.).

Класс **социальных (макро)концептов** включает в себя субклассы:

а) макроконцептов и концептов социальных объединений (*государство, армия, страна, общество, правительство* и др.), в том числе концептов стран (*Россия, Германия, Франция, Китай* и др.),

б) макроконцептов и концептов социального статуса (*директор, начальник, страж, узник, школьник, воин, профессор, хозяин, ремесленник* (*гончар, плотник, кузнец*), *интеллигент, ученый, раб, элита, крестьянин, рабочий, богатырь, правитель* (*властитель, вождь, князь, царь, император, генсек, президент*), *богатый, бедный, святой* и др.),

в) политических и идеологических макроконцептов и концептов (*идеология, политика, партия, коммунизм, социализм* и др.),

г) концептов национальности (*русский, немец, китаец, американец, француз* и др.),

д) макроконцептов и концептов власти и управления (*власть, демократия, диктатура, свобода, воля, кризис, свобода* и др.),

е) моральных (этических) макроконцептов и концептов (*вежливость, коварство, честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние; корысть, лесть, подлость, измена, верность* и др.),

ж) интерперсональных макроконцептов и концептов (*влияние, подавление, уважение, независимость, соборность, рабство, подчинение, мир, война* и др.).

Класс **психических (макро)концептов** объединяет субклассы:

а) духовных макроконцептов и концептов (*дух, душа* и др.),

б) эмотивных макроконцептов и концептов (*веселье, апатия, радость, печаль, зависть, злоба, ненависть, любовь, счастье, грусть, ликование, страдание, ревность, тоска, тревога* и др.),

в) ментальных макроконцептов и концептов (*знание, понимание, память, представление, ум, разум, интеллект, мысль, идея, воображение, мнение, рассудок, вдохновение, сознание* и др.).

г) концептов характера (*азартность, беспутность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*).

Класс **вегетативных (макро)концептов** образуют субклассы:

а) макроконцептов и концептов растительных массивов (*поле, сад, огород, нива, роща, дубрава* и др.);

б) макроконцептов и концептов растений (*дерево, вишня, дуб, яблоня, цветок, трава, фрукт, овощ* и др.),

в) макроконцептов и концептов плодов (*орех, семя, яблоко* и др.).

Класс **анималистических (макро)концептов** включает субклассы:

а) зооморфных макроконцептов и концептов (*животное, зверь, волк, лиса, кошка, олень, медведь, заяц* и др.),

б) орнитологических макроконцептов и концептов (*птица, аист, кукушка, лебедь, сорока, ворон* и др.),

б) энтомологических макроконцептов и концептов (*насекомое, бабочка, пчела, мотылёк, муха, муравей* и др.),

г) ихтиологических макроконцептов и концептов (*акула, рыба, кит* и др.),

д) макроконцептов и концептов гадов – пресмыкающихся (*червяк, змея* и др.).

Макрокласс биологических объектов построен на понятийных оппозициях «живое-неживое», «съедобное-несъедобное», «рукотворное-природное», «человек-нечеловек».

Класс **предметных (макро)концептов** объединяют субклассы:

б) природных (*валун, бархан, дюна*),

в) рукотворных, формируемых пищевыми (*ритуальная пища, повседневная еда, национальная кухня*) и артефактными макроконцептами и концептами (*строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда, часы, дом, икона* и др.).

Границы между классами макроконцептов и концептов размыты. Так, соматические макроконцепты и концепты относятся к классу витальных, и в части своих структур они представлены в иерархии духовных макроконцептов: *сердце* – реально существующий кровеносный орган, при этом *сердце* – воплощение характера (*доброе/ злое сердце*), в наивной картине мира *сердце* – орган эмоционального переживания (*сердцем веселиться/ радоваться/ печалиться*). *Совесть* – концепт из класса моральных (этических) и при этом – класса духовных концептов, в наивной картине мира *совесть* – воплощение конфессиональной принадлежности человека (*Менять веру, менять и совесть*) и его национальности (*Душа христианская, а совесть цыганская*).

§ 4.3. Типология лингвокультурных макроконцептов и концептов

Типы макроконцептов и концептов выделяются по разным классификационным признакам (см. подробнее в: [Пименова 2006]).

По признаку появления макроконцепты и концепты национальной концептуальной системы подразделяются на **исконные** и **заимствованные**. ***Исконные макроконцепты*** *и* ***концепты*** зародились в национальной концепуальной системы, ***заимствованные*** были в нее привнесены из других

национальных концептуальных систем. Примеры исконных русских макроконцептов и концептов: *везение*, *мать*, *Род, соловей* и др. Заимствованными являются, например, концепты *идея, иллюзия, фантазия, царь, император, президент* и т.д. Показателем заимствования выступает заимствованное слово – репрезентант концепта. При переходе макроконцепта и концепта из одной национальной концептуальной системы в другую переносятся, как правило, только понятийные его признаки (мотивирующие могут быть перенесены, если они сохранили свою актуальность на момент заимствования, т.е. к тому времени перешли в разряд понятийных); образные и ценностные признаки развиваются по аналогии со схожими исконными макроконцептами и концептами. Так, в русской концептуальной системе концепт *идея* появился в начале XVIII в. с перенесенными из западноевропейских языков понятийными признаками ‘мысль’, ‘замысел’. Структура заимствованного концепта *идея* стала развиваться по аналогии со структурой исконно русского концепта *мысль*.

По лингвокультурологическому признаку выделяются **универсальные** и **этноспецифические** макроконцепты и концепты. К универсальным макроконцептам и концептам лингвокультуры относятся такие, которые отображают одни и те же фрагменты мира – реального или виртуального, например *луна, солнце, дерево, плод, творчество, сердце* и т.д. Этноспецифические макроконцепты и концепты присущи определенной лингвокультуре. Примером могут служить концепты *безалаберность, разум, чутьё, коррида, Баргузин* и т.д. **Универсальные** – это **эквивалентные** макроконцепты и концепты, **этноспецифические** – **лакунарные**, **безэквивалентные**.

По признаку эволюции структуры (макро)концепты можно разделить на **развивающиеся** и **застывшие**. ***Развивающиеся*** *(макро)концепты* – активно функционирующие в национальной концептуальной системе, пополняющие свою структуру новыми признаками. Примером развивающегося может служить макроконцепт *сердце*, в XIX и XX веках у которого появились новые образные – артефактные – признаки ‘мотор’ (*мотор барахлит* «о сердце»), ‘фотография’ (*запечатлелось/ проявилось в сердце*) и др. ***Застывшими*** считаются такие (*макро*)*концепты*, структуры которых перестали пополняться новыми признаками; обычно такое явление связано с исчезновением реалий, связанных с этим (макро)концептом, процессом перехода слова – репрезентанта (макро)концепта – из активного словарного запаса в пассивный (это так называемые архаизмы и историзмы). Примером застывших концептов могут служить *князь, богатырь, соловей-разбойник*.

По признаку постоянства базовой части структуры (макро)концепты бывают **постоянными** (сохранившимися) и **трансформировавшимися**. ***Сохранившиеся*** *(макро)концепты* – такие, у которых понятийная часть и ценностная составляющая категориальных признаков структуры не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов. В качестве примера можно назвать концепт *правитель*, понятийная и ценностная части структуры которого были перенесены на составляющие концепты *князь, царь, император, президент*. ***Трансформировавшиеся*** *(макро)концепты* – те, которые были

перенесены в связи с исчезновением референтной базы на новые реалии. Так, концепт *придворный этикет* был постепенно перенесен после революции 1917 года на реалии советского правительства, при этом структура исходного концепта была подогнана под новые обстоятельства (особенно его сценарная часть, где субъект, объект и обстоятельства действий видоизменились).

По признаку первичности (макро)концепты делятся на **первичные** (основные) и **производные**. ***Первичные*** *(макро)концепты* – те, что появились раньше и послужили базой для развития *производных*. На последнее указывают производные слова – репрезентанты (макро)концепта. Концепт *мысль* – первичный концепт, *замысел, помысел, умысел, вымысел* – производные субконцепты. Первоначально производные – (суб-, нано-)концепты входили в структуру первичного в виде составных признаков, позже они стали эволюционировать самостоятельно, однако их структура до сих пор не достигла той степени развития, которая существует у первичного (макро)концепта.

По признаку актуальности (макро)концепты делятся на **ведущие** и **второстепенные**. Ведущие макроконцепты и концепты называют *ключевыми*. К ним относятся такие (макро)концепты, которые широко представлены в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе. Примерами служат такие макроконцепты и концепты, как *душа, сердце, ум, человек, природа, мир, земля, солнце, небо, луна* и др. Второстепенные концепты находятся на периферии концептуальной системы, они вторичны, менее актуальны, их репрезентанты менее частотны, например, концепты *чиновник, революция, консультант, демонстрация* и др. В этой же классификации выделяются *постоянно актуальные, неактуальные* и *переменные* («плавающие») (макро)концепты. Постоянно актуальные есть ведущие (*ключевые*) макроконцепты и концепты, неактуальные – второстепенные, переменные («плавающие») – это периодически становящиеся актуальными и неактуальными макроконцепты и концепты. Пример переменного концепта в русской концептуальной системе – *вера*. Первоначально этот концепт представлял дохристианскую систему воззрений на мир, позже – был перенесен на христианство как религиозную систему взглядов, в советское время базовая часть признаков концепта *вера* была перенесена в структуры концептов идеологии и политики (*вера в светлое будущее; Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить* – формула божественного бессмертия). На переломе XX–XXI веков вернулось православие, и основная часть структуры этого концепта вновь стала актуальна, вытеснив некоторые признаки в связи со сменой ситуации в стране. В зависимости от промежутка времени, когда концепт становится востребованным, он может стать трансформировавшимся. Переменные концепты могут менять имя, репрезентирующее концепт, и даже часть своей структуры. Так, в период войны на Кавказе в XIX веке в русской концептуальной системе был актуален концепт *абрек*. В последнее десятилетие XX в. этот концепт трансформировался и стал не менее актуальным, вербализованным именами *чеченец* и *лицо кавказской национальности*.

По признаку отличия части мотивирующих признаков выделяют **символические** и **оценочные** макроконцепты и концепты. *Символические макроконцепты* и *концепты* были открыты в 2010 г.: «есть концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т.е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [Пименова 2010, с. 65]. Термин *оценочные макроконцепты* и *концепты* был введён в 2020 г.: среди концептов лингвокультуры есть особый тип – оценочный. *Оценочный макроконцепт/ концепт* – тот, у которого среди мотивирующих обнаруживаются оценочные признаки, т.е. в мотивирующих признаках изначально заложена оценка [Пименова 2020, с. 3–16]. Оценка в языке может быть выражена прямым или косвенным способом. Одним из примеров оценочных концептов служат *счастье* и *везение*.

Структуры некоторых макроконцептов и концептов могут представлять собой смешанный тип. Рассмотрим эти типы на конкретных примерах.

§ 4.4. Исконные символические концепты (теоморфные концепты *Перун* и *Перыня*)

Символическая составляющая в структуре концептов была открыта В.В. Колесовым в 1992 г. и обозначена формулой «концепт – образ – понятие – символ». Термин *символический концепт* был введён М.В. Пименовой в 2010 г. (на примере структуры концепта *творчество*). Активно эта тема стала разрабатываться в рамках Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований [Пименова, Айдарбекова 2018, с. 71–75; Пименова, Киселёва 2020, с. 26–33; Пименова, Сатыбалдиева, Темиркулова 2021, с. 127–133; Пименова, Бакирова 2021, с. 92–101; Пименова, Шестак 2024, с. 179–206].

Были описаны символические концепты *радуга* [Пименова 2008, с. 688–700] и *rainbow* [Пименова 2019, с. 21–29], *игра* [Пименова 2013, с. 41–50], *Велес* [Пименова 2024, с. 57–72], *Род* [Пименова 2021, с. 32–41; Пименова 2021, с. 37–44], *Перун-Род* и *Перыня-Макошь* [Пименова 2021, с. 205–214; Пименова 2022, с. 24–32], *шатёр* [Пименова 2021, с. 21–28], *Бог* [Пименова 2023, с. 104–116], *чудо* [Пименова 2024, 56–63].

Утрата ключей от национальной мифологии влечёт за собой незнание своих корней, своей культуры, концептуальных глубин родного языка. В русской (и, шире, славянской) мифологии сохранились отголоски существовавших ранее знаний о мироустройстве, нам уже неведомом. Актуально обращении к именам двух богов – *Перуна* и его жены *Перыни* с позиции изучения их происхождения и скрытых за ними образов и символов. Мифология народа – кладезь знаний, их глубина непонятна современным носителям языка. Сталкиваясь с определенной метафорой, носитель языка понимает, что за ней можно отыскать утерянный культурный миф. Миф объединяет народ, «обеспечивает процесс духовной самоорганизации общества, гармонизируя отношения, выявляя и усваивая социальные ценности и приоритеты, соединяя разум и подсознание, логику и чувства, воплощая их в особом психофизическом состоянии

единства с миром, делающим мир человекомерным» [Ставицкий 2018, с. 102]. Свои мифы народ со временем забывает. Обращение к языку помогает вскрыть ассоциативные связи, восходящие к конкретному мифу, где сохранились образы и символы прошедших эпох. Обратимся к божественной паре – Перуну и Перыне – чтобы понять суть их имён и связанных с ними мифов.

В ряде словарей символов и мифов раскрываются функции богов древнерусского пантеона [Беляковам1995; Ладыгины 2003; Мудрова 2010]. Однако о пернатости их облика в этих словарях не говорится ни слова. Кроме того, многие известные исследователи фольклора, писавшие о славянских богах, ничего не говорят о их пернатости [Фаминцын 2014]. Есть один словарь, где упомянута метонимическая связь Макоши (Мокоши) и птиц: «Макошь изображается в виде женской фигуры с высоко поднятыми руками (в которых она иногда держит коней или птиц)» [Словарь основных персонажей…]. И только А.Н. Афанасьев вскользь касается вопроса одного типа метафор, в которых молния в языке метафорически передается в пернатых образах: «бог-громовержец или демон-туча терял свой золотой волос, зуб, <…> перо из своих крыльев» [Афанасьев, т. III, с. 4].

Во многих этимологических словарях есть статья «Перун». Большая часть историков языка сходится во мнении, что имя *Перун* произошло от глаголов *perǫ, рьrati* «бить, поражать» и первоначально означало «разящий, гром» [Фасмер, т. III, с. 246]. Формант «*-ипъ* можно сопоставить с греч. -αυνός» [Там же, с. 247]. В.И. Даль предполагает, что слово *перун* – однокоренное со словами *прах, перхоть, персть*; в таком случае его первоначальное значение «истребитель, испрашиватель»; если же исходным для имени древнерусского бога признать слова *пря, переть*, что тогда исходным значением слова *перун* станет «попиратель, воитель» [Даль, ч. III, с. 92].

Некоторые языковеды предлагали иное истолкование этимологии имени *Перун*. Так, Р.О. Якобсон объяснял слово *Перун* как производное от хеттского *perunaš* «скала» [Якобсон 1955, с. 615–617]. Разные варианты происхождения имени бога грома в балто-славянских языках рассматривал В. Вяч. Иванов [Иванов 1958, с. 101-110], подробно описывая, в основном, версию об ассоциативной связи дуба (*perk-*, откуда литовское название громовержца *Perkunas*) и упомянутую трактовку Р.О. Якобсона. К сближению двух вышеописанных корней подходит в своем анализе Г. Надь, который сводит имя *Перуна* к индоевропейскому корню *per(kᵘ̯)u [Nagy 1974, с. 113–131]. С.Л. Николаев и А.Б. Страхов разбирают имя *Перуна*, последовательно излагая другую версию о его происхождении от имени хеттского бога грозы *Tarḫu*, образованного от глагола *tarḫ*(*u*) «побеждать, мочь» [Николаев, Страхов 1985, с. 150].

О значении имён божественной пары говорят многочисленные однокоренные топонимы и названия растений. В славянских языках существует много производных от имени *Перун*: сербохорв. *перȕника*, словен. *perunîka* со значением «касатик (бот.), ирис». Это растение имеет другое название в сербохорватском языке – *бо̀гиш* «ирис». Л. Раденкович считает, что основанием для имени растения стала перистая форма его листьев [Раденковић 2013, с. 105-

116]. К этой интерпретации можно было бы добавить – и цвет ясного чистого неба – места обитания Перуна. В топонимике славянских стран слова *Перун* и *Перыня* так же нашли своё отражение: древнерусское название места *Перынь* рядом с Новгородом, сербохорватское *Перун* (местность в Боснии), словенское *Perunja Ves, Perunji Vrh* в Каринтии. Все эти топонимы, вероятно, так или иначе связаны в местами поклонения Перуну и Перыне. В энциклопедическом словаре «Славянские древности» упоминается балто-славянское топонимическое противопоставление: *Перунова гора – Мокошино болото* (где *Мокошь* – другое имя Перыни) [Топоров, т. I, с. 209].

Мотивирующий пернатый признак читается в именах славянских божеств – *Перуна* и *Перыни*. В лингвистике эта гипотеза выдвигается впервые М.В. Пименовой [Пименова 2021, с. 205–214; Пименова 2022, с. 24–32].

Склонность этимологов видеть даже в исконно русских именах божеств заимствования привело к тому, что источники происхождения имени бога не были замечены в самом русском языке. Имя *Перун* имеет корень *пер-* и суффикс *-ун* (как в словах *скакун, прыгун, бегун*: обратите внимание, что этот формант присутствует в словах со значением быстрого или стремительного передвижения, перемещения). *Перуницей* в русском языке называли «молнию», действие которой является быстрым и стремительным. Корень *пер-* соотносится со словом *перо*. По В.И. Далю, *перья* «птичья одежа»; ср.: *Ворона в павлиньих перьях* «в чужом наряде»; *Одеться в одно перо,* или *под одно перо,* или *перо в перо* «одинаково» [Даль, ч. III, с. 91]. Султан на головном уборе предводителя воинов называют *атаманское перо* «султанчик из белых косичек чапуры». «Пернатый» корень имени бога-громовержца в славянском пантеоне прямо указывает на его орнитологический облик. В.И. Даль не поддерживает эту версию: «*Перун*, менее вероятно от *перо*» [Там же, с. 92].

В славянских языках сохранились имена собственные – мужские: др.-чеш. *Perun*, болг. *Перу́н*, женские: болг. *Перуни́ка*. Перуновым днём недели был четверг не только в русской лингвокультуре, но и в полабской – *Peräunedån* «четверг» (это слово считается калькой с немецкого названия четверга – *Donnerstag*). Громовержец ассоциируется с дождем и молнией, отсюда выражение: *После дождичка в четверг*. В отечественной календарной системе «четверг связан с *Перуном*, пятница – с Мокошью» [Топоров 1980, с. 930]. *Мокошь* (*Макошь*), вероятно, это жена *Перуна* – другое ее имя *Перыня*. Ее также называли *Мокрида* (мокрая). Связь дождя и пера прослеживается в традиции вызывания дождя, когда «пером украшают девушку, которую поливают водой у реки» [Гура, т. IV, с. 18]. Семантический компонент ‘перо’ является мотивирующим как для имени *Перуна*, так и для имени *Перыни*.

Русские поэты М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, К.Н. Батюшков словом *перу́н* называли «молнию» (ср.: *Кругом его, из облаков, гремящие* ***перуны*** *блещут*. М.В. Ломоносов). В разных славянских языках этим словом именовались похожие природные явления: укр. *перу́н* «гром», блр. *пяру́н*, чеш. *perun* «гром», польск. *piorun* «гром». Пернатость Перуна-громовержца метонимически показывается через болгарский обычай, когда при первом громе было принято себе

«на голову класть перо или соломину с тем, чтобы легко было все лето» [Гура, т. IV, с. 16].

В мировом фольклоре сохранились мифы с общим мотивом «обращения в лебедя громовержца Зевса, увлечённого красотой Леды, который является вариантом и трансформацией мифологемы о космическом яйце» [Топоров 1980, с. 58]. Эти мифы связаны с сюжетом превращения девушек в лебедей и, наоборот, лебедей в девушек.

Перун, гневясь или сражаясь, мечет стрелы (ср. у В.И. Даля: *А перены оне* (стрелы) *перьем орла птицы* стар., где *перить* означает «оперять, снабжать пером или перьями», например: *перить мяч, стрелу*; *Непереная стрела в бок идет. Добрая стрела орлиным пером перена*; *пернатить стрелы* «перить, оперять»). Другие виды древнего оружия сохраняли в себе связь не со стрелами, а пером: *перната* ж. или *пернат*, *пернач* м. стар. «род булавы, с перяным набалдашником» [Даль, ч. III, с. 91]. Нож в воровском жаргоне называют *пером*.

В русской лингвокультуре сохранились архаические отголоски культа предков. *Перун* – одна из персонификаций Рода. Семантическая связь Рода и природы (в том числе освоенной части природы, окультуренной, ознаменованной артефактами) в целом наблюдается в сочетаниях со словом *перо* и его производными (*рыбье перо* «плавник», *краснопёрка* и *златопёрка* – название рыб (второе имя – сказочное), *перо/ пёрышко лука* «стебель лука»; *охотничье перья зверя* «короткие задние рёбра» и даже *перо* в значении «лопасть весла», *перо ложки, перо колеса, перо у сохи, пернатка* «птица», *пернатка* «морское животное, из слизняков или полипов», *перина* «матрас, набитый мелким пером», *пёрко ткацкое* «шпулька; цевко» и т.д.).

Можно предположить, что Перун – это табуированное имя бога Рода (ср. измененное в связи с принятием христианства выражение, приводимое В.И. Далем в своём словаре, в котором заметна эта ассоциативная связь: *Перо всему господин* или *Перо в суде – что топор в лесу: всему господин*) [Даль, ч. III, с. 91]. По воззрениям славян, душа после смерти человека в виде птицы отправляется на *тот свет*, к своим родичам (отсюда пернатость *Перуна*). *Тот свет* – это небо – место обитания птиц. Облака на небе называют *перистыми* (ср. у В.И. Даля выражения: *перистый* «в перьях», *оперенный* «одетый перьями»; *перистость* ж. «свойство перистого») [Там же].

При этом *тот свет* – это *иной мир*. В словаре В.И. Даля упоминается пословица, где налицо метонимическая связь между *пером* и *смертью* (*В могилке, что в перинке*). Эта же связь ярко представлена в благопожелании в загадке: *Лежи земля на нем легким перышком*! о покойнике. В одноименной сказке девочка взбивает перину Морозко – и на землю с неба сыплется снег.

В.И. Даль отмечает связь между пером и солнцем, светом (вят. *перо солнечное, перо под солнцем* «светлый, ино радужный столп, под восходящим или заходящим солнцем»). Существует народная примета: перо к вёдру, либо к морозам [Там же].

В русской лингвокультуре существует ещё одна ассоциация: перо и письменность. Сохранилась эта связь в таких выражениях, как *взяться за перо,*

выйти из-под пера, *одним росчерком пера*, *бойкое перо, острое перо, едкое перо, проба пера* и т.д.

Как у большинства богов, у *Перуна* своя жена с именем *Перыня*. Не о ней ли писал А.С. Пушкин в своей «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне лебеди»: *Тут она, взмахнув «крылами. Полетела над волнами И на берег с высоты Опустилася в кусты. Встрепенулась, отряхнулась И царевной обернулась: Месяц под косой блестит, А во лбу звезда горит: А сама-то величава, Выступает будто пава; А как речь-то говорит, Словно реченька журчит* (подробнее об этом сюжете см.: [Пименова 2017, с. 62-70]).

Перыня – оперённая жена громовержца – виделась девой-лебедью. Отмечена другая ассоциация в словаре В.И. Даля между *пером* и *девушкой на выданье*. О замужестве дочери говорят: *Кабы не выронил пера* (не отдал дочери), *так не знал бы и двора, не бывал бы у дурного зятя* [Даль, ч. III, с. 91]. В русском Заонежье в свадебном ритуале было принято «невесту осыпать пухом, чтобы ее *пушило*, т.е. чтобы она толстела» [Гура, т. IV, с. 16].

Перыня – жена Перуна – представала в другом анималистическом облике – в виде божьей коровки. В.И. Даль приводит такое словосочетание: *перистая корова* вор. кур. «перепелесая, пестрая, муругая» [Даль, ч. III, с. 91]. Небесная корова – божья коровка – является персонификацией Великой Богини-матери. В русском фольклоре существует миф о божьей коровке, изгнанной Перуном с неба, от чего на ее крыльях образовалось семь черных точек – мест попаданий перуниц-молний.

В мифологии сохранился устойчивый сюжет «Лебедь, падающий в воду, и молния» [Топоров 1980, с. 578]. В восточнославянской версии этого мифа говорится о следующем сюжете, связанном с божьей коровкой. «Речь идет о жене Перуна-громовержца – Перыне. Это она представала в облике божьей коровки. У них было шесть дочерей. Имя *Перыня* наводит на мысль о Деве-Лебеди (у которой месяц под косой и звезды на челе). Кто-то донес Перуну, что это не его дочери, а Велеса (Волоса, который представал иногда в облике змея). В гневе Перун выгнал с небес и божью коровку, и ее дочерей. Она прикрывала детей своими крыльями, поэтому на них осталось ровно семь пятнышек – метин от ударов молниями (по-древнерусски молния – *перуница*)» [Пименова 2018, с. 164]. Мифологический «образ божьей коровки скрывает в себе древний символ Богини-Матери, потому что важным сопутствующим практически всем мифам о божьей коровке выступает признак наличия у нее детей. Не зря Плеяды называли на Руси *Бабы*» [Там же, с. 166].

Ещё одна ассоциативная связь – между курочкой-пеструшкой и пером – отмечена в пословице, встреченной в словаре В.И. Даля. Пеструшкой в русских сказках называют Курочку Рябу: *Достались по наследству перья, после бабушки Лукерьи, после старушки, от курочки пеструшки* [Даль, ч. III, с. 91]. Курочка Ряба – ни чёрная, ни белая – пёстрая, через её образ передается символика хаоса, когда свет не отделён от тьмы, это первоначало мира (см. подробнее: [Пименова 2018, с. 33–34]).

Отмеченные в русском и других славянских языках ассоциативные связи слов и словосочетаний со словами *Перун*, *Перыня* и *перо* позволяют выделить следующие концептуальные блоки, подтверждающие выдвинутую гипотезу о пернатости Перуна и Перыни: 1. Перун – громовержец – пернат: он выглядит как птица (ср.: превращение Зевса-громовержца в лебедя) или облачен в пернатый головной убор (султан на голове); 2. Перыня – дева-лебедь (месяц под косой и звёзды на челе прямо указывают на божественный венец); 3. Названия оружия громовержца Перуна: булава и стрела выражены сочетаниями слов, один из компонентов которых имеет корень *пер*-(*о*), нож в русском языке прямо называется *пером*; 4. Перун – одна из ипостасей Рода: многие природные объекты (как рукотворные, так и нерукотворные) выражаются словами с корнем *пер*-(*о*); 5. Небо – тот свет – место обитания Рода (Перуна, Морозко); 6. Великая Богиня-Мать – это Перыня, Макошь (Мокошь) – божья коровка в фольклоре многих народов и Курочка Ряба одноимённой русской сказки. Народный календарь закрепил определённые дни за соответствующими богами: четверг – Перунов день, пятница – день Перыни (Макоши). Несмотря на изменения в календарной системе в русском языке сохранились ассоциации, позволяющие воссоздать забытые образы: Перун и Перыня – предки.

§ 4.5. Оценочно-символические концепты (концепт *везение* на фоне концепта *счастье*)

Оценочно-символический концепт отличается от других тем, что в числе его мотивирующих признаков находятся оценочные и символические, в круге развития концептуальной структуры эти признаки, проходя этапы формирования образных, понятийных и категориальных признаков, вновь формируют группы категориальные ценностно-оценочных и символических признаков. В качестве примера взят концепт *везение*.

Концепт *везение* относится к символическому типу. В то же время концепт *везение* относится к оценочному типу концептов. Материалом исследования стали семь этимологических и четыре исторических словаря русского языка.

Близкими по набору базовых признаков к концепту *везение* выступают *счастье*, *удача*. Сопоставительному анализу концепта *счастье* в русской и китайской лингвокультурах посвящена работа Яо Жун [Яо Жун 2019, с. 312–315]. Ши Янь обращается к описанию концептов *удача* и *неудача* в русском и китайском языках [Ши Янь 2016, с. 38–39]. Е.Г. Стешина провела ассоциативный эксперимент, выявляя структурные признаки концепта *неудача*, с носителями русского и французского языков [Стешина 2019]. В современной лингвистике отсутствуют работы, посвященные исследованию структуры концепта *везение,* кроме одной статьи [Пименова 2020, с. 3–16].

Концепт везение в аспекте мотивирующих признаков. В древнерусском языке основными репрезентантами этого концепта являются слова *вазнь* (и производные) и *везти* и др.: *вазнь* и производные вышли из употребления и

практически неизвестны современным носителям языка. По каким-то причинам в русском языке *вазнь* вытесняется словом *счастье*, внутренняя форма частично совпадает с внутренней формой репрезентантов концепта *везение*. Обратимся к этимологии слова *вазнь*.

В этимологических словарях приводится несколько репрезентантов концепта *везение*: *вазнь* [Аникин, т. V, с. 328; СДЯ, т. I, с. 370; Срезневский, т. I, стлб. 224; Фасмер, т. 1, с. 267; Miclosich 1862–1865, с. 55], *вазньство* [СДЯ, т. I, с. 370; Срезневский, т. I, стлб. 224], *вазнивый* [СДЯ, т. I, с. 370; Срезневский, т. I, стлб. 224-225], *везти* [Шапошников, т. I, с. 100]. Номинативная плотность концепта – показатель его активности в древнерусской лингвокультуре.

Лексикографы отмечают, что надежной этимологии слова *вазнь* нет. Е.А. Аникин пишет, что *вазнь*: «явно древнее слово, чему в наилучшей степени соответствует его понимание как гетероклитического имени, родственного др.-перс. vazarka ʻвеликий, могучий’ (vaz- ʻбыть в силе, расцвете’), авест. vazra, др.-инд. vájra ʻдубинка Индры’. Однако остается необъясненной долгота в славянском слове» [Аникин, т. V, с. 328].

Первичная форма репрезентанта концепта *везение* – *вазнь*, где «в° сближается с *везу́, везти́*, ср. *ему везёт*» [Фасмер, т. 1, с. 267]. Древнерусский глагол *возитися* означает «заботиться» [СлРЯ XI–XVII, т. 1, с. 65]. При этом праславянское *vaznь происходит от *voziti по модели *o – ō, где «в° выводится из *vadznь от *vaditi (+ суфф. -znь), глаг. с ō-ступенью к *voditi ʻводить’ (ср. ва́дить°); безличное *везёт* толкуется как следствие смешения *вес-ти́* (*веду́*) и *вез-ти́* (*везу́*), обусловленного совпадением инф. **ved-ti* > **ves-ti* < **vez-ti*. Ср. *пова́да* ʻудача’ помор.» [Аникин, т. V, с. 328].

М. Фасмер предполагает, что слово *вазнь* отмечено только в древнерусском языке и это слово может быть преобразованием другого слова – *васнь* «смелость, дерзость», антонимичного слову *боязнь* [Фасмер, т. 1, с. 267].

Этимологические словари включают статьи «везти», «возить», указывающие на этимоны глагольного репрезентанта концепта *везение*: «безличное *везёт* толкуется как следствие смешения *вес-ти́* (*веду́*) и *вез-ти́* (*везу́*), обусловленного совпадением инф. **ved-ti* > **ves-ti* < **vez-ti*» [Аникин, т. V, с. 328;]. В словаре П.Я. Черных указывается: индоевропейское *u̯eg`h (*u̯og`h и др.) «тянуть», «везти», «возить» и вообще «двигать» [Черных, т. I, с. 138]. А.К. Шапошников высказывает похожее мнение: «Из праслав. *везти, *везō. Первоисточники: и.-е. *weg’h-: *wog’h- «тянуть (о тягловых животных), везти, возить, двигать»» [Шапошников, т. I, с. 100] и «и.-е. глаг. основа *veg’h-: *vog’h- “двигать, передвигаться, возить, перевозить”» [Там же, с. 133].

Анализ этимологии слов – основных репрезентантов концепта позволил обнаружить его первопризнаки. Мотивирующие признаки концепта *везение*, найденные в этимологических словарях русского языка, следующие:

1. ‘счастье’ [Аникин, т. V, с. 328; СДЯ, т. I, с. 370; СлРЯ XI–XVII, т. 1, с. 11; Срезневский, т. I, стлб. 224; Фасмер, т. 1, с. 267][1];

[1] *Сам Герц объясняет такой большой успех* ***счастьем***, ***везением*** *– это верно лишь отчасти*. В. П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970). *И Кузнецов с какой-то пронзительной верой в свое легкое* ***счастье***,

2. ‘удача’ [Аникин, т. V, с. 328; СДЯ, т. I, с. 370; СлРЯ XI–XVII, т. 1, с. 11; Срезневский, т. I, стлб. 224; Фасмер, т. 1, с. 267][2];

3. ‘доблесть’ [Аникин, т. V, с. 328; Срезневский, т. I, стлб. 224]; ср.: *добóлый* «крепкий, дюжий, плотный, здоровый» [Фасмер, т. 1, с. 520][3];

4. ‘смелость’ [Фасмер, т. 1, с. 267][4];

5. ‘дерзость’ [Фасмер, т. 1, с. 267][5];

6. ‘отважность’ [Аникин, т. V, с. 328; Срезневский, т. I, стлб. 224][6];

7. ‘случай (casus)’ [Miclosich 1862–1865, с. 55][7]: важно заметить, что латинское casus отмечает еще одну важную черту везения – вмешательство извне некой воли: каузацию событий[8]. Каузальность случая не зависит от самого человека[9]: отсюда русское безличное *везёт*;

8. ‘успех’ [Аникин, т. V, с. 328][10]; в XIX в. этот признак трансформируется в ‘преуспевание / εὐτυχία’[11] [Срезневский, т. I, стлб. 224][12];

---

*в свое **везение** и узнанное в то мгновение братство вдруг, как слезы, почувствовал горячую и сладкую сдавленность в горле*. Юрий Бондарев. Горячий снег (1969).

[2] *Возможно, дело в том, что они привыкли считать богатство результатом инициативы, умения, труда, а европейцы, скорее, приписывают его счастливому стечению обстоятельств, **удаче**, **везению***. Ю. Фролов. Чувство справедливости у людей и обезьян // «Наука и жизнь», 2006. *Ну а тут я уж не знаю, **удача** ли это, **везение** или это ответ на ту энергию, на наше волнение, желание решить задачу, но однажды, еще в начале экспедиции, мы ехали, уже зная, что снимать будем в этих местах, но еще не зная, как снимать этот эпизод, – и из окна автобуса я заметил на горизонте этот мертвый лес*. М. Туровская. 7 с 1/2 и Фильмы Андрея Тарковского (1991).

[3] *Я пожелал им доброго пути и, глядя на этих спортивных, **крепких** девчонок и мальчишек, подумал: «Вам **повезет** в жизни, ребята!»* М. Тартаковский. Обыкновенный предмет // «Юность», 1963.

[4] *Никаких разведданных о противнике, кроме самых общих, к тому же устаревающих с каждым часом; рассчитывать он мог лишь на интуицию, которую за собою признавал, на **везение**, ну и на **смелость**, наконец, о которой кто-то из Мольтке, старший или младший, а может быть, и Клаузевиц, высказался неглупо: «Помимо учета сил, времени и пространства, нужно же несколько процентов накинуть и на нее»*. Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994).

[5] Примеров прямой актуализации этого мотивирующего признака в Национальном корпусе русского языка не обнаружено; однако этот признак может быть косвенно: *Его считали везунчиком, и никто наверху не хотел видеть, что за этим **везением** стояли не только оголтелая **дерзость** и удаль молодецкая, но и холодный расчет, и умение руководить подчиненными, и удивительная способность видеть все поле боя, а не отдельные группы бойцов, выполняющие каждая свой маневр*. В. Михальский. Для радости нужны двое (2005).

[6] *Хозяин при этом нисколько не ценил усердие своего подчиненного, приписывая успех дела своему **везению**, **бесстрашию** и связям*. П. Алешковский. Рассказы (1993–1997).

[7] *Когда эти патроны были изобретены, военные отнеслись к ним с достаточной иронией, утверждая, что застрелить человека пулей такого патрона можно лишь в упор и лишь **в случае большого везения***. А. Аванесов. Стволы для народа // «Спецназ России», 2003.03.15. *Из этих кропотливо отобранных маленьких «как» **в случае везения**, а точнее, в случае труда и таланта, вырастает конечное наиважнейшее – способ существования на сцене*. В. Смехов. Театр моей памяти (2001). *Можно было бы ждать **случайного везения**, но Наташа предпочла решительные действия и не ошиблась*... Срочно требуется организатор досуга // «Лиза», 2005.

[8] *Жизнь полна непредсказуемости, и судьба человека, помимо его трудов и личных талантов, в огромной степени **зависит от случая**, **везения**, удачи*. А. Кучерена. Бал беззакония (2000).

[9] *Но такие случаи были **редкостью** и здесь все **зависело от везения** – иностранцев в СССР было мало, да и не все из них подходили под матримониальные цели*. А. Козлов. Козел на саксе (1998).

[10] *Действительно, если какой-либо фактор не является значимым в одной из культур, предположим, везение в Индии, то данные о том, что индийцы не продемонстрировали различий при объяснении **везением успеха** и неудачи, не будут иметь никакого смысла*. Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999). *В нынешнем сезоне "Анжи" лишился своих азарта, **везения** и главных застрельщиков **успеха** – мигрировавшего в ЦСКА балканского дуэта и захворавшего Гаджи Гаджиева*. Высоко взлетать – больно падать. Краткая история российской футбольной провинции // «Известия», 2001.07.27

[11] εὐτυχία «счастье, преуспевание, успех» [Дворецкий: интернет-ресурс].

[12] *Он подавал им разумные советы, радовался, когда они **преуспевали**, ободрял их, когда им не **везло**, но всегда только в том случае, когда у них было достаточно способностей, чтобы преодолеть неудачу*. Е. Ахматова. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь (1873). *Ему **повезло**, **преуспел** в жизни, сейчас на*

9. ‘фортуна/ fortuna/Тюхе/ τύχη’[13] [Срезневский, т. I, стлб. 224; Miclosich 1886, S. 378; Miclosich 1862–1865, S. 55][14];

10. ‘с помощью’ [Аникин, т. V, с. 328][15];

11. ‘колдовство’ [Аникин, т. V, с. 328][16];

12. ‘нечистой силы’ [Аникин, т. V, с. 328][17];

13. ‘везу/ везти’ [Фасмер, т. 1, с. 286]; ‘везти/ возить’ [Черных, т. I, с. 138; Шапошников, т. I, с. 100][18]; ‘везти’, общий корень с *весло, воз, возить, обоз* [Фасмер, т. 1, с. 286, 334; Шанский и др. 1971, с. 73]; ‘везу/ возить’, мнгкр. *важивать* [Преображенский, т. I, с. 69]; ‘везти’, первоначально ‘возить/ везти (на телеге, на возу)’ [Цыганенко 1989, с. 51]; ‘перевозить’ [Шапошников, т. I, с. 133];

14. ‘передвигаться’ [Шапошников, т. I, с. 133][19];

15. ‘тянуть’ [Цыганенко 1989, с. 51; Черных, т. I, с. 138][20]; ‘тянуть (о тягловых животных)’ [Шапошников, т. I, с. 100];

своей исторической родине, в Бразилии, возглавляет государственную программу строительства торпедных катеров. О. Глушкин. Анкетные данные (1990–1999).

[13] Τύχη, 1. богиня случая и судьбы; Гесиод причисляет ее к дочерям Океана и Тефеи, Пиндар к Майорам. Ее изображали с различными атрибутами: как управительница судеб она держит в руках руль жизни и шар, символ переменчивости счастья, как дарующая счастье и благополучие – рог Амалфеи, а иногда Плутоса (богатство) и называется Τύχη ἀγαθή (bona Fortuna). В позднейшее время ее почитали в разных местах, особенно как спасительницу и охранительницу государства (Σώτειρα, παῖς Ζηνὸς Ἐλευθερίου, φερέπολις, ἀκραία, охранительница акрополей в Сиконе). Римская Fors Fortuna совершенно соответствует греческой Τύχη, она также богиня случая и особенно счастья и изобилия [Реальный словарь классической древности: интернет-ресурс].

[14] *Тем не менее все можно списывать на **везение**, на существование футбольного **бога**, на ошибки судьи и еще на великое множество причин – но бразильцы в третий раз подряд играют в финале чемпионата мира*. Какие бразильцы настоящие – Чем занимался студент – Отдыхай, Беня! // «Известия», 2002.06.28. *Удар был особенно чувствителен потому, что, подогретый азартом и виски, он был абсолютно уверен в себе и своем **везении**, на миг почувствовал, что ему удалось **оседлать фортуну** и весь мир у него в кармане*! А. Собчак. Дюжина ножей в спину (1999). *Если бы только не дурацкий миллион, за которым он гоняется на колесе **фортуны**… **Повезет** ли ему*? Е. Велтистов. Ноктюрн пустоты (Телерепортаж Джона Бари, спецкора) (1978–1979).

[15] *Однако русская картина мира в этой области достаточно оптимистична – человеку **помогают** «и **случай**, и **везение**, и удача».* Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999).

[16] *Руководствуясь этим восторгом, она даже встречалась на первом курсе с таким вот шахматистом с философского факультета, причем он оказался довольно скучным пареньком откуда-то из деревни и заявил, что никакой **магии** шахмат нет, просто кому-то **повезло** с мозгом, способным запомнить тысячи вариантов дебюта и последствия их розыгрыша, а кому-то повезло с родителями, и этого **везунчика** не распределят после института в какую-нибудь дыру, где шахматы и преимущества диалектического материализма перед остальными философскими системами можно будет обсуждать только с медведями и работниками геологоразведки*. А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016. *Ну, – говорит **ведьма**, удерживая свирепого кота, – не **повезло** тебе, внучек*. Д. Трускиновская. Как вы мне все надоели... // «Техника – молодежи», 1993.

[17] *Да не **повезло** ему: **встретил** на море **великую силу***. А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895).

[18] *Олегу Ивановичу Янковскому **везло** на людей, хотя само слово «**везение**» у меня всегда под вопросом*. М. А. Захаров. Театр без вранья (2007). *Конечно, тут можно говорить о **везении**, но спортивная пословица гласит: «**Везет** всегда сильнейшему».* К. Зангалис. Жители планеты «Сатурн» // «Вечерняя Москва», 2002.03.13.

[19] *Документалисты тем и хороши, что **не ходят простыми путями**, а долго и кропотливо и, если **повезет**, талантливо изучают и фиксируют действительность*. К. Матвиенко. Путеводитель по заблуждениям и открытиям // «Октябрь», 2013.

[20] Ср.: *Вообще-то он не обязательно должен сопровождаться еще каким-нибудь житейским **везением**: такой **подъем** сам по себе – удача, не так уж часто он бывает у человека*... А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005).

16. ‘двигать’ [Цыганенко 1989, с. 51; Черных, т. I, с. 138; Шапошников, т. I, с. 100][21];

17. *возить* ‘доставлять, передвигать с одного места на другое (на колесах, на судах и т.п.)’ [Аникин, т. VIII, с. 92]; *возитися* ‘переправляться через реку’ [Срезневский, т. I, с. 233. 283; Черных, т. I, с. 138]; *во́зати се* ‘ехать (на судне)’ [Преображенский, т. I, с. 70][22]; *везтисѧ* «переправляться через реку при помощи каких-л. средств передвижения» [СДЯ, т. I, с. 378];

18. ‘заботиться’ [Аникин, т. V, с. 328; СлРЯ XI–XVII, т. 1, с. 65][23];

19. ‘хлопотать’ [Аникин, т. VIII, с. 92][24];

20. ‘вести’ [Аникин, т. V, с. 328; Фасмер, т. 1, с. 267][25].

21. ‘великий/ могучий’ [Аникин, т. V, с. 328][26];

22. ‘быть в силе’ [Аникин, т. V, с. 328][27];

23. ‘быть в расцвете’ [Аникин, т. V, с. 328][28];

24. ‘дубинка Индры (ваджра)’ [Аникин, т. V, с. 328][29].

Анализ словарных статей семи этимологических словарей и четырех исторических словарей русского языка позволил выделить указанные мотивирующие признаки в структуре концепта *везение*. Изучение языкового материала из НКРЯ подтвердило актуальность всех мотивирующих признаков этого концепта.

---

[21] Ср.: *Алеша даже не всерьез, а с трепетом человека, причастного к таинству, считал себя везучим и волновался, что* ***везение может уйти*** *так же беспричинно, как и было дадено*. О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001.

[22] *Те, кому в этой жизни* ***повезло***, ***отправлялись*** *куда-нибудь к Чёрному морю или шли на речку, в лес, в горы – лишь бы спрятаться от этого шума и пекла*. А. Мацанов. Мастер и подмастерье (2016).

[23] *В отличие от многих погибающих памятников садово-паркового искусства, парку Александрия* ***повезло****: о нем пекутся и* ***заботятся***. А. Афендикова, Наталья Иванова. Меч в венке из белых роз... // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15.

[24] *Правда, я* ***стараюсь*** *не сильно обременять Судьбу и для своего «****везения****» многое делаю собственными лапами*. В. Кунин. Кыся (1998–2000).

[25] *Если же нет – значит,* ***ведущему не повезло****…* Что? Где? Когда? // «Трамвай», 1990. *А это то же, что* ***вести*** *безубыточное хуторское хозяйство: всем интересоваться, всем заниматься – не* ***повезет*** *в одном, поправить можно другим, третьим*. К. А. Ливанов. Без Бога (1926-1929) // «Новый Мир», 2002.

[26] ***Великому*** *Кеплеру* ***повезло*** *трижды: он открыл законы движения планет вокруг Солнца, он наблюдал огромную яркую комету (ее потом назовут именем Галлея) и поразительно яркую Новую звезду (такое чудо опять вспыхнет возле нашей Галактики через 380 лет).* С. Смирнов. Век XVII. Время Кеплера // «Знание - сила», 2006. *Вот ему показалось, что он* ***великий*** *менеджер, только ему в жизни не* ***везло****, и он начал руководить вовсю*. А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта (2000–2004).

[27] *Сейчас, когда за его спиной не было поддержки мощной правоохранительной машины, ему тоже приходилось рассчитывать только на* ***везение****, на* ***собственные силы****, да еще на добрых людей, которые согласились рискнуть – неважно, из-за профессиональной солидарности или из-за денег*. А. Макеев, Н. Леонов. Гроссмейстер сыска (2003). *Но счастливый случай раскладывается на составляющие:* ***везение****, вера в* ***собственные силы*** *и окружение, которое человек формирует в соответствии со своими целями*. Е. Давыдова. Сам себе лидер // «Карьера», 2003.11.01.

[28] *Наконец, ему* ***повезло*** *со временем – он родился во время промышленного капиталистического* ***расцвета*** *в Англии, тогда, когда «старик пар» стал уже понемногу сдавать позиции «величайшему революционеру – электрической искре» (по выражению К. Маркса)*. В. П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970).

[29] *Еще несколько раз попадались выступающие из земли детали милицейской амуниции –* ***дубинки****, рации, стриженые головы в фуражках, – но насчет голов ему* ***везло****, потому что он все время откапывал их со стороны затылка, из чего следовало, что менты его не видят*. В. Пелевин. Жизнь насекомых (1993). *Кто с* ***оружием****, тому* ***повезло****, кто без оружия, доходяги, больные, симулянты…* В. Астафьев. Прокляты и убиты. (1995).

Оценочность прочитывается в признаках концепта, которые могут выражать эту категорию прямым способом[30] либо косвенным: в словаре Франца Миклошича приводится пример моральной оценки: *добрая вазнь* [Miclosich 1886, S. 378]. В контекстах актуализации мотивирующих признаков концепта *везение* их сопровождают предикаты оценки. Оценка *везения* прямо выражается словами разной частеречной принадлежности[31]: обычно глаголами *ценить*[32], *расценить*[33], *платить*[34].

Ни один из этимологических словарей не приводит к заключению, что этимон *везения* имеет отношение к судьбе[35]. На это указывают примеры актуализации признаков *везения*, характерные для разных периодов русского языка – в XX – XIX вв.: ‘доля’[36], ‘жребий’[37], ‘участь’[38], XIX в.: ‘удел’[39], ‘фортуна’[40]. Многочисленные примеры иллюстрируют эту ассоциативную связь. Во внутренней форме слова *судьба* содержится оценка – лексема *судьба* образована от *суд*[41], а глагол *судить* означает «оценивать». В русской мифологии богиней судьбы считается Макошь (Мокошь), с ее образом связаны признаки богинь судьбы из древнегреческой и римской мифологии – это мойры, норны – богини пряхи, римская богиня правосудия – Фемида. Основная характеристика Фемиды – слепота[42]. Божества, «воплощающие характеристики луны, земли или растительности, обычно изображаются с помощью веретена или прялки (примером могут служить славянская Макошь или месопотамская Инанна-Иштар)» [Кирло 2007, с. 86]. Веретено (прялка) – атрибут Великой Богини матери.

В древнегреческой мифологии есть богиня Тюхе (Тихе, Тиха), в руках которой колесо (руль) жизни; эта богиня – управительница судеб. Еще одной

---

[30] *Китаец еще радовался деньгам, и сжатый в кулаке узелочек с ними дразнил его, будто* ***главным*** *уже было* ***везение****, – и вот Дожо не попался, ему повезло*. О. Павлов. Дело Матюшина (1996).

[31] *А такое* ***везение равноценно*** *спасению жизни*. Е. Маркова. Отречение (1990–2000).

[32] *Но различая везение и удачу, я всегда более* ***ценил везение****, как нечто законно принадлежащее моему характеру, и гораздо менее уважал удачу – нечто внешнее по отношению к везенью*. Д. Самойлов. Общий дневник (1977–1989).

[33] *Все «прочее» будто уже и не стоит внимания,* ***расценивается как везение****, чуть ли не вина*. Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003).

[34] *Конечно, она помнила, что* ***за*** *любое* ***везение нужно платить****, но еще не подозревала, что в данном случае оплата должна последовать немедленно*. П. Акимов. Плата за страх (2000).

[35] *Конечно, это можно назвать* ***удачей****,* ***везением****, может быть – судьбой*. Т. Троицкая. Красный клевер // «Огонек», 1980.

[36] *Фантазия мастеров поистине безгранична, и при определенной* ***доле везения*** *можно прикупить настоящее художественное произведение по удобоваримой цене, а лучшее место для этого – столичный рынок Чатучак*. А. С. Шигапов. Бангкок и Паттайя. Путеводитель (2013). *Ее может расстроить какой-нибудь фильм, ей до слез жалко всех, не обласканных удачей,* ***обделенных везением****, счастьем*. Кузнец собственного счастья (2000) // «Рекламный мир», 30.03.2000.

[37] ***Жребий****, он и есть* ***жребий****: как* ***повезет***. А. Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999.

[38] *Об* ***участи*** *генерала Башинского нам не известно, но едва ли ему* ***повезло*** *больше*. А. Ганин. Пустить в расход Николая Карловича // «Родина», 2010.

[39] *Со временем ты собственным опытом узнаешь, что совершенное благополучие не есть* ***удел*** *этой жизни, и что как бы ни* ***повезло*** *тебе счастие (чего от души желаю), все-таки оно не довезет тебя туда, куда стремиться будешь*. А. Погорельский. Двойник или мои вечера в Малороссии (1828).

[40] ***Фортуна*** *улыбается;* ***повезло****, повалило счастье, повалило*. А. Н. Островский. Поздняя любовь (1873).

[41] *Трудно сказать, было ли это следствием простого* ***везения****, благоприятным для него расположением звезд или знаков зодиака – я не берусь* ***судить***. Б. Ефимов. Десять десятилетий (2000).

[42] *Бывает на войне* ***слепое везение****, вот оно ему и досталось*. В. Рыбин. Севастопольцы (1978).

римской богиней была Фортуна[43]. В ее руках тоже изображалось колесо, более похожее на прялку или на штурвал с ручкой (тогда за ее спиной заметны корабли). Прялка (веретено) и все действия, «связанные с прядением и шитьем, являются символами жизни и непрерывности времени» [Кирло 2007, с. 86]. Колесо – «символ космической движущей силы, управляющей движением звезд и человеческой жизни» [Там же, с. 213].

В языковом материале есть примеры везения, понимаемого как дар бога[44], талант[45], жизнь[46]. В таком освещении везение сродни чуду: «Чудо – именно даровое, а не трудовое и вымученное; оно дается по любви, а не по принуждению, от избытка, а не от недостатка. Чудо нельзя заслужить или вычислить: оно или есть, или его нет» [Казин 1999, с. 68].

Еще одним способом реализации категории оценки *везения* могут быть выражения: *счастливый случай*[47], (*по*) *счастливому стечению обстоятельств*[48], *везёт как утопленнику*: последнее сочетание содержит иронию[49] – оценка здесь реализуется в виде насмешки или сарказма. В XIX в. были в употреблении такие выражения, *как счастье ему везёт, молодость ему везёт, дама* (в картах) *ему везёт*.

Счастливое стечение обстоятельств – это случай, а случай есть проявление бога, божественной воли[50]. Об этом писали А.С. Пушкин:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,

---

[43] Культ богини Фортуны – один из самых старых культов италийского происхождения. В классическое время Фортуна идентифицировалась с греческой Тихе. Согласно римскому преданию, культ был введен бывшим рабом, ставшим царем по воле случая, Сервием Тулием. Первоначально это была богиня урожая (об этом свидетельствует происхождение её имени – от глагола ferre, «носить»), материнства, женщин. Есть предположение, основанное на характере праздника Fortis Fortunae и даты его проведения (24 июня), что первоначальное значение богини было земледельческое. Она почиталась как богиня урожая, обожествление случайности и непредвиденного стечения обстоятельств, которые играют значимую роль в жизни земледельца. Изображалась Фортуна обыкновенно в виде женщины, опирающейся одной рукой на колесо, а другой держащей рог изобилия. Иногда она представлялась стоящей на шаре или упирающей в него свой главный атрибут – колесо (символе изменчивости счастья), иногда с повязкой на глазах [Мифы народов мира 1992, с. 103].

[44] *Можно считать окончательно, что как женщина она в жизни состоялась, и* ***дай бог каждому такое везение***. А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта. (2000–2004).

[45] *То, что* ***дано Богом****, что* ***называют талантом*** *– мое* ***большое везение***. В. Токарева, Д. Быков. Человек без комплексов мне неинтересен (2003).

[46] ***Боже*** *мой, какое* ***везение****! Наверное, вообще* ***в жизни живут*** *только* ***те, кому здорово везет***. А. Кузнецов. Бабий яр (1965–1970).

[47] *Но* ***счастливый случай*** *раскладывается на* ***составляющие: везение****, вера в собственные силы и окружение, которое человек формирует в соответствии со своими целями*. Е. Давыдова. Сам себе лидер // «Карьера», 2003.11.01.

[48] *Возможно, дело в том, что они привыкли считать богатство результатом инициативы, умения, труда, а европейцы, скорее, приписывают его* ***счастливому стечению обстоятельств****, удаче,* ***везению***. Ю. Фролов. Чувство справедливости у людей и обезьян // «Наука и жизнь» (2006).

[49] *«Только мне* ***везет как утопленнику****», – думала Сонечка, принимая душ*. Т. Соломатина. Сонина Америка (2010).

[50] Ср.: *Толкалинская книга – ценнейшее свидетельство, поскольку документирует тот факт, что все эти качества не были приписаны Гагарину задним числом, что он был таким, каким хотела его представить советская пропаганда, с самого начала; что при всем своем* ***везении вовсе не случайно*** *там, в капсуле, оказался именно он – потому что он обозначил свои претензии на место в этой капсуле с детства*. Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011).

И Случай, бог изобретатель. А.С. Пушкин. О сколько нам открытий чудных… (1829)
и В.В. Набоков:

Теперь, казалось, ему необходим лишь день, лишь час исторического везения, мгновенного, страстного союза случая с судьбой, чтобы взвиться. В.В. Набоков. Дар (1935–1937).

Согласно А.С. Пушкину, случай – это проявление воли бога в жизни человека. Это и есть везение[51]. Другими словами, концепт *везение*, кроме того, что он является оценочным, может быть отнесен к классу символических, т.к. выделенные на основе словарей Ф. Миклошича мотивирующие признаки ‘случай’ и ‘Тюхе (Тихе)’ (сохранивший свою актуальность для XIX в., на что указывает словарь И.И. Срезневского) выражают символ божественной воли, вмешивающейся в жизнь человека, его судьбу. Там, где обычный человек видит совпадение[52], шальное счастье[53], жребий[54], выигрыш[55], на самом деле скрывается проявление потусторонней – небесной – силы.

Везение обычно оценивается позитивно: как принятие позиции человека[56], сопроводительность в действиях на жизненном пути[57]. Оценочность символического случая читается в этикетном титульном выражении (*Ваше*) *величество*[58]. Это предположение подтверждается такими сочетаниями, как *вера в*, (*не*) *верить в*[59], именами *наделение* и *обделенность* и их производными[60].

Не все мотивирующие признаки концепта *везение* содержат указания на общую оценку (по шкале «хорошо/ плохо»). Оценочность отображается в эпитетах при объективации соответствующих признаков:

---

[51] *До сих пор не могу понять, как все это удалось – **цепь случаев**, **удач**, **везений**, прорывов, до сих пор не верю, что это я был в Париже, и там обо мне писали…* А. Кабаков. Последний герой (1994–1995).

[52] *Можно сколько угодно говорить об «элементарном **везении**», о том, что русские просто оказались в нужном месте в нужное время, но очевидно, что это не было тривиальным **совпадением***. Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011).

[53] *И в придачу требуется **шальное везение**, чтобы время наобум, но точь-в-точь вделось в пространство, и первозданная совпала со Львом Криворотовым, которому только такая и нужна*! С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002.

[54] *До сих пор такое **везение выпадало** астрономам лишь восемь раз*. М. Вартбург. Меньше и, кажется, тверже // «Знание – сила», 2006. *Сначала я решил, что он слегка красуется – победители лишь иногда согласны на небольшое **везение с жеребьевкой***. М. Глуховский. Тайны вкладов // «64 – Шахматное обозрение», 15.03.2004.

[55] *Причем покупка необработанных камней не только требует опыта и чутья, но во многом зависит просто от **везения**, как лотерея*. В. В. Овчинников. Своими глазами (2006).

[56] *Он ведь упрямо продолжал считать, что **случай**, а значит, и **везение** всегда **на его стороне***… А. Дмитриев. Голубев (1988).

[57] *И вот наш полковник, командир бригады, ему бы тон во всем задавать, а он, видишь, попал **в случай** и боится **расстаться со своим везением***. А. Анфиногенов. А внизу была земля (1982). *Удача и **везение** будут **сопутствовать** вам, если вы примете самое живое участие в жизни детей и близких*. О. Скворцова. Овны // «Здоровье», 15.03.1999.

[58] *Нужен еще **его величество случай**, **везение!*** М. Милованов. Естественный отбор (2000).

[59] *Я не **верю** ни в удачи, ни **в везения**, а верю только в то, что каждому человеку отведен некий путь и нужно следовать ему*. С. Мазурова. Александр Шульгин, парень из нашего города // «Восточно-Сибирская правда». Иркутск, 2003.06.28; *Когда третий год ты слушаешь казенную рапсодию «Где вы видали крестьянина», а писем, подобных этому, сотни и сотни, когда телефон день и ночь со всех удалений – «земли, земли!», то уже ни охоты, ни права нет отвечать, что ты – такой же изгой в своей стране, как любой прочий, что ни шиша за душой у тебя нет, кроме упований, – и начинаешь **верить в везение**, «пруху», обыкновенное счастье*. Ю. Черниченко. Красный остров // «Огонек». № 10, 1991.

[60] *Ее может расстроить какой-нибудь фильм, ей до слез жалко всех, не обласканных удачей, **обделенных везением**, счастьем*. Кузнец собственного счастья // «Рекламный мир», 2000.03.30.

1. ‘счастье’[61]: оценка счастья выражается дименсиональными характеристиками размера: счастье бывает *большим*[62], *огромным*[63], либо характеристиками веса: счастье бывает *легким*[64] – это и есть *везение*, которое само при этом быть *высшим*[65];

2. ‘удача’: удача при везении может быть *неслыханной*[66], при удаче везение приобретает определенную степень[67];

3. признак ‘доблесть’: М. Фасмер пишет: *доблий* «храбрый, доблестный», при этом слово *доблесть* связано с *доба*, *добрый* [Фасмер, т. 1, с. 520][68];

4. признак ‘смелость’ объективируется синонимами боевого качества: именами *бесстрашие* и *мужество*[69], выражающими оценку воина;

5. признак ‘дерзость’ в контекстах актуализируется через слова-синонимы прилагательного: *дерзкий* «смелый, отчаянный, рискованный»[70];

6. признак ‘отважность’: объективируется синонимами – *бесстрашие* и *храбрость*. Храбрость описывается как *особенная* и *везение* при этом называется *небывалым*[71];

7. ‘случай (casus)’[72]: отдельные ситуации *везения* характеризуются как редчайшие[73], особые[74];

---

[61] *По **счастью** и **везению** – именно тот, давно присмотренный, с удобным флигелем, на Чистых прудах, ближе к Покровским воротам*. Н. Климонтович. Парадокс о европейце // «Октябрь», 2013.

[62] *Я только теоретически знал, что нужно **большое счастье** для легкой смерти, и смутно надеялся, что мне **повезет***. Н. Амосов. Голоса времен (1999).

[63] *Еще счастье, **огромное счастье**, что сегодня мне так **повезло** и по крайней мере я на год могу избежать проклятых, унизительных «выгонов» за зону*... К. В. Успенский. Дневник (1962).

[64] *И Кузнецов с какой-то пронзительной верой в свое **легкое счастье**, **в свое везение** и узнанное в то мгновение братство вдруг, как слезы, почувствовал горячую и сладкую сдавленность в горле*. Ю. Бондарев. Горячий снег (1969).

[65] *Жизнь являлась **счастьем**, светлой долей, **высшим везением***. В. Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002.

[66] *А уж это просто **неслыханная удача** и **везение***. М. Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец (1977).

[67] *В любой игре хочется проверить **Удачу**, свою **степень Везения**, проверить Судьбу*. В. Конецкий. Начало конца комедии (1978).

[68] *Мы услаждались солдатской беседой о глупом начальстве и **добром везении**, но тут опять принесло живописца, которому вздумалось запечатлеть для потомства и это скромное мужское удовольствие*. Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998).

[69] *Хозяин при этом нисколько не ценил усердие своего подчиненного, приписывая успех дела своему **везению**, **бесстрашию** и связям*. П. Алешковский. Рассказы (1993–1997). *Множество примеров **мужества** и робости, находчивости и глупости, **везения** и неудач – живая ткань нашего существования*. Л. В. Шебаршин. Рука Москвы: записки начальника советской разведки (1991).

[70] *Но нам **отчаянно повезло**: проводница общего вагона №1 согласилась посадить нас всех в вагон*. О. В. Амитров. Дневник (1974).

[71] *В написанных генералом незадолго до смерти письмах между строк можно увидеть свидетельства, что он был в курсе установленного за ним негласного наблюдения и понимал всю двусмысленность своего положения – любимца нации, героя Плевны и Адрианополя, прозванного за **особенную храбрость** и **небывалое везение** «русским Ахиллесом»…* Смерть «русского Ахиллеса» // «Сельская новь», 2003.09.16.

[72] *Сначала самолетом девять часов до Пекина, потом еще пара часов лета до Синина, затем часов пять – восемь **в зависимости от везения** и погодных условий по пыльной дороге до Гуантина, а оттуда до Ладзи рукой подать*. П. Тарасов. Последний день китайской Помпеи // «Знание – сила», 2003.

[73] *Сын Марии Гавриловны, то есть Ванюша Кустов, был излечен от хворей, и какие именно хвори на него напали – помог **редчайший случай**, **везение**, в военно-медицинском архиве, что в Ленинграде, нашлась история болезни шестилетнего Вани…* А. Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000.

[74] *Неужели Борис Карлович Пуго за месяц пребывания в должности министра внутренних дел не успел узнать из сводок и подсказать своему коллеге, что преступления против личности, которые **в случае особого везения** может предупредить или пресечь патрульно-постовая служба, составляют всего 14, 8 процента в общей структуре преступности*? Г. Рожнов. Войска на улицах // «Огонек». № 7, 1991.

8. ‘успех’: оценочность успеха передается эпитетами *чудовищное*[75], *счастье*[76]. Успех обесценивается; на это указывают; глаголы *списывать* (*на*)[77], *приписать*[78], квантитативная характеристика *чуть-чуть*[79]. Развившийся в XIX в. признак ‘преуспевание / εὐτυχία’: приставка *пре-* – показатель превосходной степени, т.е. признак в себе содержит оценочный компонент;

9. ‘fortuna’: римская богиня Фортуна представала в двух ипостасях – антропоморфном и артефактном. Выражение *колесо фортуны* выражает второй аспект богини: колесо – кормило корабля, управляющего вселенной[80]. Первый аспект обезличен – на это указывают безличные конструкции *повезло, привалило/ повалило* (*счастье*)[81] и пр. При этом читается, что *Фортуна улыбнулась* тому, кто обрел свое счастье и везение[82]. В русской языковой картине мира Фортуна имеет третий облик – зооморфный. Отсюда выражение *оседлать фортуну*[83]. Объяснением может служить традиция давать лошадям имя Фортуна или за анималистическим обликом фортуны скрывается иной символ – необычный помощник, показывающийся человеку в виде необъезженного коня, отличительным признаком его являются рога. На это указывает забытое выражение *оседлать чёрта*, известное с XIX в., которое сохраняет свою актуальность до середины XX в.[84]. ‘Тюхе/ τύχη’: если в древнегреческой мифологии

---

[75] *Мне всё кажется, что моя победа – результат забавного стечения обстоятельств,* ***чудовищное везение****, дикая случайность*. Р. Г. Назиров. Дневниковые записи (1952).

[76] *Сам Герц объясняет такой большой* ***успех счастьем****,* ***везением*** *– это верно лишь отчасти*. В. П. Карцев. Приключения великих уравнений (1970).

[77] *И пусть Борис Михайлов* ***списывает*** *последние* ***успехи*** *сборной* ***на везение и случай****, верится, что в лидерстве России в Евротуре есть закономерность*. А. Панин. Кризис роста. Сборная России возрождается, умирая // «Известия», 2001.12.21.

[78] *А сделавшиеся волею судеб олигархами, а не силовиками* ***приписали свой успех не случайному везению****, а своей исключительности и стали позволять себе лишнее и испытывать терпение власти*. Н. Иванов. Пиар для идиотов // «Время МН», 2003. *У расистски настроенных испытуемых в большей степени, чем у испытуемых без расовых предубеждений, проявилась тенденция* ***приписывать причины успехов*** *афроамериканцев* ***скорее везению****, чем способностям, а причины неудач – скорее недостатку способностей, чем невезению*. Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999).

[79] *Нужно только работать на льду не жалея себя, верить в* ***успех*** *и, конечно,* ***чуть-чуть везения***. Леонов из команды Моисеева, или Впереди большой хоккей // «Студенческий меридиан», 1985.

[80] *Того, кто, по выражению придворных поэтов, «первый после Бога правил* ***колесом Фортуны****,* ***кормилом вселенной****», повезли на телеге, в решетчатой клетке, как пойманного зверя*. Д. С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901).

[81] *И чуть соприкасаются пальцы, над озером расцветает десятицветный салют, и какая же нам* ***везуха подвалила*** *с тобой, дружище, ведь на все шахты пояса – только два приглашения, и тише, тише, Марат Карлович собирается говорить, и вдруг слышно только, как позевывают и гулькают толстолапые мумбаки, и ветер шевелит траву, и Сын-Основатель неспешно идёт от своего столика к микрофону*. И. Наумов. Мумбачья площадка (2007).

[82] *Погоди, будет и тебе дело. Людмила, у меня дела, опять дела.* ***Фортуна улыбается****;* ***повезло****,* ***повалило счастье****,* ***повалило***. А. Н. Островский. Поздняя любовь (1873).

[83] *Удар был особенно чувствителен потому, что, подогретый азартом и виски, он был абсолютно уверен в себе и своем везении, на миг почувствовал, что ему удалось оседлать фортуну и весь мир у него в кармане*! А. Собчак. Дюжина ножей в спину (1999). *Что можно было сказать о характере молодого человека,* ***оседлавшего фортуну***? С. А. Дангулов. Сароян (1981).

[84] *Богиня и тут, как видите, осталась победительницей: она* ***оседлала черта*** *и водит его за* ***рога****, куда ей вздумается*. П. Н. Ткачев. Анархия мысли (1875) // «Набат» (No 1. 1875, No 2/3, 4. 1876). *В старой повести кузнец Вакула смело* ***оседлал черта*** *и побывал* ***на этом коне*** *там, где ему и не снилось; здесь, наоборот, художник убежал от черта, напугавшись раз на всю жизнь*. И. Ф. Анненский. Книга отражений (1906). *Пастырь душ с крестом, иезуит, монах, который,* ***оседлав черта****, совершает ночью путешествие по закоцитной стороне, – таков был инспектор Мартин Пилецкий*. Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943).

была богиня везения – Тюхе (Тихе), то в языковом материале из НКРЯ везение ассоциируется с богом. Такое везение оценивается как *невероятное*[85], *замечательное*[86];

10. ‘с помощью’: на помощь человеку приходят силы иного мира, проявляемые амбивалентно: как божественные[87] и от черта[88];

11. ‘колдовство’: мир магии не оценивается, его чураются, от него отстраняются, стараясь не упоминать. Единственный эпитет, свойственный контекстам актуализации этого признака, указывает на неконтролируемость его проявления[89];

12. ‘нечистой силы’: языковой материал показывает оценочные предикаты силы *везения* не как нечистые, а как *высшие*[90], *неслыханные*[91]. Высшие силы, «отвечающие» за *везение*, – это звезды;

13. ‘везу/ везти’: эпитет везения *роковое* указывает на судьбу[92], рок. Такое везение оценивается как непостижимое. Глагол *обречь* и его производные указывает на рок[93], судьбу. Боги вмешиваются в жизнь человека, меняя ее непредсказуемым образом[94];

14. ‘передвигаться’: оценка у этого признака проявляется посредством выражения *против обыкновения*[95];

15. ‘тянуть’: эпитеты *везения большое, огромное* и *маленькое* указывают на размер удачи, в которой *повезло*[96]; такой эпитет может сопровождаться

---

[85] *Просто **невероятное везение**, и **благодари бога***. А. Найман. Жизнь и смерть поэта Шварца // «Октябрь», 2001.

[86] *Марии Николаевне с ее **замечательным везением**, как обычно, удалось спастись и сейчас она, **слава богу**, уехала из этой квартиры на Кузнечном, ибо сразу за тем там арестовали Колодкевича*. Ю. В. Трифонов. Нетерпение (1973).

[87] *Слава **Богу**, **повезло** нам, значит, – вздохнул унтер*. Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998).

[88] *Хотя интересно, почему люди говорят «**чертовски повезло**» или «чертовски красив», а также «дьявольски красив» или «дьявольски умен».* М. Н. Задорнов. Египет // «Октябрь», 2002

[89] *Чаще всего для выявления межкультурных различий используется модель атрибуции достижений Б. Вайнера, согласно которой для **предсказания** или объяснения результатов достижений индивиды используют четыре фактора – трудность задачи, способности, усилия и **везение**, различающиеся между собой с точки зрения трех характеристик – локуса (внешнего или внутреннего), стабильности/ нестабильности, контролируемости/ **неконтролируемости***. Т. Г. Стефаненко. Этнопсихология (1999).

[90] *До этого дня артист был окружен фантомами, призраками несыгранных ролей, не знал, что уготовила ему планида, такая подчас равнодушная к актерским судьбам, надеялся на свою **счастливую звезду**, на **высшие силы**, уповал на **везение**, на **случай***. С. Лунгин. Виденное наяву (1989–1996).

[91] *Я целовал ее, и мне было грустно от мысли, что с завтрашнего дня нам предстоит разлука, потому что я очень любил Элю, самую красивую девушку нашего института, неизвестно **в силу** какого недоразумения и **неслыханного моего везения** полюбившую меня*... М. Ибрагимбеков. Кто поедет в Трускавец (1977).

[92] *Ему всегда **везло** каким-то **роковым**, **непостижимым** для меня **везением**, и он каждый раз пускал везение как хлеб по воде*. Н. Б. Черных. Слабые, сильные // «Волга», 2015.

[93] *Понимаешь, помимо высочайшего профессионализма, **ему** еще и **везет**, **везет** так, словно он **обречен на** это **везение***. С. Осипов. Страсти по Фоме (1998). *Конечно, **судьба** – это **везение**, карта, но у меня есть чутье, и я знаю, чего хочу*. С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013.

[94] *Не раз, рассуждая о том, как сложилась моя жизнь, люди относили все, в ней совершившееся, на счет везения (одному **везет**, а другому **не везет**, или, как говорят, **одного боги наделили талантом**, а **другого удачей**).* Н. Рейнов, Б. Володин. Воспоминания о том, как делались приборы // «Химия и жизнь», 1970.

[95] *Транспорт уже едва **ходил**, но Малянову на сей раз, **против обыкновения**, **повезло** – и он из этого сделал вывод, что нынешний сумбурный разговор с Глуховым, в общем, не поставлен ему в вину*. В. Рыбаков. Трудно стать Богом (1996).

[96] *Проигрывать было не в правилах советских людей – и, к нашему **большому везению**, я узнал, что в группе советских войск служат два очень известных футболиста, к тому же мои хорошие приятели, Борис*

притяжательными местоимениями (*наш, мой* и др.), указывающий на имущественное право на такую удачу;

16. ‘двигать’: обстоятельства жизни, понимаемые как *везение*, двигают человека вперед[97]; в этом случае *везение* сопровождается эпитетами *большой*[98] и *грубый*[99];

17. ‘переправляться через реку’ / ‘ехать (на судне)’[100]: движение по реке само по себе бывает опасным, а выживание в период военных действий на ней представляет собой *везение*;

18. ‘заботиться’: в приводимом примере эпитет опекунов *милые* выражает эмоциональное отношение[101] к их вниманию; скрытая ирония дополняет оценку ситуации, когда удается временно скрыться от излишней заботы;

19. ‘хлопотать’: суета и хлопоты для везения мало актуальны, человек попадает в череду событий, расцениваемых как благо[102];

20. ‘вести’: оценка, сопровождающая этот мотивирующий признак, вербализуется сравнительной конструкцией *ничуть не лучше*[103].

21. ‘великий/ могучий’: признак вариативен[104] и содержит в себе оценочный компонент[105];

22. ‘быть в силе’: здесь оценка передается квантитативными характеристиками *больше*, *меньше*[106]. Признак ‘сила’ несёт в себе оценку[107];

Разинский и Эдуард Дубинский. И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999). *Мы делаем вид, что ничего не услышали, и переходим к историям о везении – о* ***маленьком*** *таком, кривеньком* ***везении****, когда потерял что-то, да скоро нашел, набедокурил, но выкрутился или был кем-то спасен, когда должно было быть хуже, да не стало*. Е. Мищерская. Тревога // «Волга», 2015. *Это* ***огромное везение*** *в жизни и одна из важнейших причин, почему я так долго здесь работаю*. А. Ивантер. Осторожный Шерлок Холмс // «Эксперт», 2014.

[97] *Оборотной стороной* ***везения*** *была необходимость* ***догонять*** *своих однокурсников – что в случае теории можно было взять за счет усидчивости; но вот летную практику форсировать было сложнее*. Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011).

[98] *При* ***большом везении*** *он* ***выходит*** *из этого испытания преображенным и начинает сочинять снова; этого заряда иным хватает надолго, особенно если удается найти новый источник волнений и страстей*. Б. Кенжеев. Из Книги счастья // «Новый Мир», 2008.

[99] *Выбор Алексея Афанасьевича был настолько определенным, волевым, что он не пожалел последних, не дочерпанных войной, не довытянутых госпиталем сил, чтобы без помощи Бога, только при содействии* ***грубого****, толкавшего в спину везения (мелкой сдачи с того, что было им уплачено за три десятка побед над вертким и сытым врагом) притащить облюбованное чудовище к себе на Урал и больше никогда с ним не расставаться*. О. А. Славникова. Бессмертный. Повесть о Настоящем Человеке (2000–2001).

[100] *Красные регулярно обстреливали все, что* ***двигалось по реке****, но им* ***повезло***. М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012.

[101] *От остальных* ***милых опекунов повезло*** *ускользнуть лишь на время репетиции, когда Айя просто отсыпалась в номере*. Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014).

[102] *Однако еще большей правдой было то, что Ключарев не хотел сейчас суетиться – он и без того чувствовал, что он* ***в полосе везения*** *и что* ***блага*** *от него не уйдут*. В. Маканин. Ключарев и Алимушкин (1974).

[103] *Я брал сдачу, не считая, демонстративно комкал бумажки, опуская их в наружный карман пиджака, и вообще* ***вел себя ничуть не лучше*** *заправского вора, которому* ***повезло***. А. С. Грин. Приключения Гинча (1912).

[104] *И* ***везение****-то ваше* ***невеликое****, потому и несчастья на вас невеликие обрушивались, никто и не понял ничего*. А. С. Лукьянов. Наши мертвые // «Уральская новь», 2004.

[105] *Возвращение их на Землю при технике того времени я до сих пор считаю* ***великим везением***. Б. Е. Черток. Ракеты и люди (1999).

[106] *Голеву –* ***в силу меньшей*** *раскованности –* ***повезло значительно меньше***. А. Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера // «Звезда», 2002.

[107] *Объ этихъ отличіяхъ нѣсколько разъ публиковалось въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, … и говорило, что это тѣ самыя карты, которыми Ленорманъ предсказала судьбу Наполеона, Жозефины и другихъ великихъ міра*

23. ʻбыть в расцвете’: вегетативный признак является оценочным[108];

24. ʻдубинка Индры (ваджра)’: оценочный признак актуализируется глаголом *обломиться*[109].

Везение понимается как проявление неизвестной силы, оцениваемой с религиозных позиций. Исследователи XIX – XX вв. высказывают мнение, что у восточных славян были духи-покровители рода и податели судьбы (их иногда называли божествами) Род и рожаницы. В работах Б.А. Рыбакова и других учёных упоминается Макошь/ Мокошь – богиня земли (табу на её имя звучит в выражении *Мать сыра земля – говорить нельзя*), воды и плодородия. Её основными функциями были рождение, любовь, связь с ночью и луной, прядение, женское хозяйство; она считалась богиней судьбы. В конце XIX в. в русских диалектах было зафиксировано имя кикиморы *Мóкуша/ Мокошá*. Демонизация богини и принижение её статуса обусловлены сменой религии. С принятием христианства функции Макоши/ Мокоши переносятся на Параскеву Пятницу: пятница была днём Макоши/ Мокоши. По теории основного мифа В.Н. Топорова и В.В. Иванова, Макошь/ Мокошь – жена Перуна. Везение описывается как *чертовское*[110], *чудовищное*[111], *пугающее*[112], *зловещее*[113]: такие эпитеты ассоциируются с нечистой силой[114]. Позже вырабатывается стереотипное отношение к везению: его следует бояться[115].

Счастье сейчас подменяет *везение*, совмещающего признаки проявления неземной воли – случая[116] или считающегося фантастикой[117], сказкой[118], тем, что вызывает удивление[119]. Первоначально *везение* понималось иначе – как

---

*сего, – то, въ **силу** всѣхъ этихъ причинъ, картамъ **шибко повезло***. Дѣвицы Ленорманъ хиромантія, способъ узнавать характеръ и предсказывать будущность, и гаданіе по картамъ // «Москвитянинъ», 1850.

[108] *К 1909 году компания уже **процветала**, но тут Хорьху не **повезло**: новый двигатель оказался неудачным, компания опасно близко подошла к грани банкротства, и взволнованные акционеры выставили Хорьха вон, отняв к тому же у него фамилию, доставшуюся по суду фирме*. В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000).

[109] *А если **везуха обломится**, то – гуляй, рванина, батя*. В. Громов. Компромат для олигарха (2000).

[110] *А может, наоборот – там-то их и рассудят окончательно за всё: и за Нюсю, и за **чертовское везение** Захара, и за то, что так **счастливо** улизнул он из жизни, оставив всех на него, на Сёму...* Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009).

[111] *Во время, когда жил Сергей, и даже чуть раньше, со всех сторон через радио и телевизор вываливались на него примеры писательского успеха, примеры **чудовищного везения**, совпадения читательского вкуса, проницательности литературного агента и провидения*. А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016.

[112] *Мне тоже не шла карта, – похоже, я искупал невероятное, какое-то даже **пугающее везение** моей матери, ярой картежницы, и все же я чаще всего выигрывал*. Ю. М. Нагибин. О Галиче – что помнится (1994).

[113] *Какое-то **зловещее везение** и жажда наживы полностью определяют их сущность*. А. Тарасов. Миллионер (2004).

[114] *Ох, странный оттенок у такого **везения**, **странный душок**…* С. Ястребов. Лунная соната (2007).

[115] *Надо очень **бояться везения**, когда одно получается за другим*! С. Есин. Стоящая в дверях // «Наш современник», 1992.

[116] *Это можно объяснить **везением** или **счастливой случайностью**, ну и упорством с ее и моей стороны*. К. Кондаков. Два шага вперёд, полтора шага назад (2003).

[117] ***Фантастическим везением** было то, что у нас преподавал Е. А. Акулов, создатель «Анализа музыкальной драматургии»*. Г. Исаакян. Некоренных народов не бывает. Армяне (2001).

[118] *Несмотря на **сказочное везение** с урожаем, объем производства в колхозах-совхозах России снизился за год на 4 процента, численность скота сокращается, кормов меньше, они хуже прежнего*. Ю. Черниченко. Красный остров // «Огонек». № 10, 1991.

[119] *Нет, конечно, бывают и другие сценарии, бывают **удивительные везения** и немыслимые совпадения*. А. Журбин. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999).

помощь или вмешательство[120] свыше: божественной силы[121], небес[122], как чудо[123], Эпитеты *везения*: *невероятное*[124], *неслыханное*[125], *предначертаное*[126], *сверхъестественное*[127] и *исключительное*[128]. Везение не каждый может оценить по достоинству, т.к. не в силах понять его источник[129]. В научной картине мира *везение* предстает как феномен[130]. В русской языковой картине мира *везение* имеет эпитет *чистое*[131]. Проявление божественной воли в судьбе человека возникает в работе[132], игре[133]. Везение проявляется в качестве удивительной интуиции[134] и считается удачей[135].

---

[120] *Лизавета уже совсем было решила проверить, нет ли какого-нибудь хода наверх через столовую, но тут* ***вмешалось*** *ее* ***вечное везение****, приводившее в бешенство Маневича и многих других журналистов*. Е. Козырева. Дамская охота (2001).

[121] *Просто невероятное* ***везение****, и* ***благодари бога***. А. Найман. Жизнь и смерть поэта Шварца // «Октябрь», 2001.

[122] *Обливаясь потом, он впивался пальцем в курок, моля тишину и застывших коней не предать их в эту минуту, и уповал на* ***благословенное небесами везение****, изменившее им лишь однажды*. А. Черчесов. Венок на могилу ветра // «Знамя», 2000.

[123] *Но что считал он* ***везением****, то* ***чудесным*** *было только для него, а доставалось в последние руки. Олег Павлов*. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001. *Не обошлось и без* ***везения: чудесное*** *знакомство с «подданным научного знания» Михаилом Сергеевичем помогло отредактировать самого себя и понимание возможных вариантов завтрашнего дня России*. А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019. *Не на* ***везение****, не на* ***чудо*** *надеялся Шэно, но точно знал, куда надо уходить*. Ирина Богатырёва. Голубая волчица // «Октябрь», 2013.

[124] *Как несложившаяся карьера или как* ***невероятное везение*** *– смог вырваться, отпустили*? Олег Кашин. Известный документалист // «Русская жизнь», 2012.

[125] *Устраивались кто как мог: кого-то приютил тесный монастырь Святого Андрея в Карак е, кому-то (****неслыханное везение****!) разрешили ночевать в конюшнях дворца Долмабахче, а кто-то просто улегся на берегу под перевернутыми лодками*. Стамбул (2011).

[126] *Андерс внушал себе (а потом уж и принуждал себя к этому самовнушению), что тогда на них свалилось не просто* ***везение*** *– нет, нет и нет! – но так проявила себя именно* ***предначертанность*** *их любви*. М. А. Палей. Хор. Роман-притча // «Волга», 2010.

[127] *А если он не застрелился и вышел живой из фашистского концлагеря, так одно из двух: либо* ***сверхъестественное везение****, а в сверхъестественное никто из нас не верит, либо милость врага за какие-то особые заслуги*. А. Львов. Двор (1981).

[128] ***Такое везение бывает только один раз в жизни****, – пробормотал счастливо профессор*. В. Постников. Карандаш и Самоделкин на Северном полюсе (1996). *Пока Давенант мучился, пытаясь утолить жадность отца, Галеран в эти дни выиграл в Лиссе, при никогда не бывалом,* ***исключительном везении****, пятнадцать тысяч фунтов, и четвертая часть этой суммы приходилась на долю мальчика, ушедшего пешком от нечистоты, так неожиданно замаравшей светлую дверь, уже приоткрывшуюся его жадной душе*. А. С. Грин. Дорога никуда (1929).

[129] *Ему всегда везло каким-то роковым,* ***непостижимым*** *для меня* ***везением****, и он каждый раз пускал везение как хлеб по воде*. Н. Б. Черных. Слабые, сильные // «Волга», 2015.

[130] *В СИТе с 1953 года открылась – крайне редкая вещь для тогдашних техникумов – военная кафедра, студенты получали военную специальность «Эксплуатация И ремонт автомобилей и гусеничных машин» и, соответственно, отсрочку от призыва в армию (****феноменальное везение****: Тимофей Чугунов и Александр Петушков, которым 19 лет исполнилось чуть раньше, чем Гагарину, ушли служить; Гагарин подпадал под следующий призыв – но ровно в этот момент СИТ, обеспокоенный срывом «подготовки мастеров производственного обучения для ремесленных училищ», открывает у себя военное отделение)*. Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин (2011).

[131] *Это* ***чистое везение***. Ф. Искандер. Поэт // «Новый Мир», 1998.

[132] *За полгода работы Сергей сумел неплохо продвинуться в карьере, что сам считает* ***чистым везением***. А. Богомолов. Живи, Серега // «Известия», 29.11.2002.

[133] *А первая машина –* ***чистый результат*** *лотерейного* ***везения***. Е. Григорьева. Новые книги о Главном // «Известия», 02.08.2002.

[134] *Даль всегда умудрялся поспевать в новое для него дело в момент восхождения, – казалось бы,* ***чистое везение*** *или потрясающая* ***интуиция***. М. Козаков. Актерская книга (1978-1995).

[135] *Но Федор совсем обезумел: сейчас он рассчитывал уже на* ***чистое везение*** *– на то, что ему улыбнется* ***удача*** *и он убежит-таки от этих страшных людей*... А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000).

Сравним мотивирующие признаки концептов *везение* и *счастье*. Результаты показаны в таблице 1.

Таблица 1. Сопоставительный анализ мотивирующих признаков концептов *везение* и *счастье*

№№	Концепт *везение*	Концепт *счастье*
1.	‘быть в расцвете’	-
2.	‘быть в силе’	-
3.	‘везу/ везти’	-
4.	‘великий/ могучий’	-
5.	‘вести’	-
6.	‘возить/ возиться’	-
7.	‘двигать’	-
8.	‘дерзость’	-
9.	‘доблесть’	-
10.	‘добрый’	-
11.	-	‘доля’
12.	‘дубинка Индры – ваджра’	-
13.	‘заботиться’	-
14.	‘колдовство’	-
15.	-	‘кусать’
16.	-	‘кусок’
17.	‘нечистой силы’	-
18.	‘отважность’	-
19.	‘передвигаться’	-
20	‘переправляться через реку’ / ‘ехать (на судне)’	-
21.	‘с помощью’	‘помощь’
22.	-	‘разрывать’
23.	-	‘раскол’
24.	-	‘рвать’
25.	-	‘резать’
26.	-	‘своё’
27.	‘случай (casus)’	-
28.	‘смелость’	-
29.	-	‘совместное’
30.	-	‘соучастие’
31.	-	‘сопричастность’
32.	‘судьба’	‘судьба’
33.	‘счастье’	-
34.	‘Тюхе/ τύχη’	-
35.	‘тянуть’	-
36.	‘удача’	‘удача’

37.	-	‘удел’
38.	‘успех’	‘успех’
39.	-	‘участие’
40.	-	‘участь’
41.	‘фортуна/ Fortuna’	‘Fortuna’
42.	‘хлопотать’	-
43.	-	‘хорошая’
44.	-	‘часть’

Изучение словарных статей в этимологических словарях русского языка позволило выделить в структуре концепта *везение* 28 мотивирующих признаков, в структуре концепта счастье их 21. Совпадают в обеих структурах пять мотивирующих признаков: ‘помощь’, ‘судьба’, ‘удача’, ‘успех’, ‘Fortuna’.

Группу мотивирующих составляют 28 признаков концепта *везение*. Эти признаки по тематическому принципу объединяются в восемь блоков: 1. Богиня/ бог (‘случай (casus)’, ‘судьба’, ‘фортуна/ fortuna’, ‘Тюхе/ τύχη’); 2. Сила (‘колдовство’, ‘нечистой силы’, ‘великий/ могучий’, ‘быть в силе’); 3. Оружие (‘дубинка Индры – ваджра’); 4. Процветание (‘быть в расцвете’, ‘счастье’, ‘удача’, ‘успех (в XIX в. трансформировавшемся в ‘преуспевание / εὐτυχία’)’); 5. Качество и способности воина (‘дерзость’, ‘доблесть’, ‘отважность’, ‘смелость’); 6. Движение (‘везу/ везти’, ‘вести’, ‘возить/ возиться’, ‘двигать’, ‘передвигаться’, ‘переправляться через реку’ / ‘ехать (на судне)’); 7. Отношение (‘добрый’, ‘заботиться’, ‘с помощью’, ‘хлопотать’); 8. Ноша (‘тянуть’).

В первые три блока среди мотивирующих собраны символические признаки: всего их 9 из 28. 12 мотивирующих признаков концепта *везение* являются оценочными (‘быть в расцвете’, ‘дерзость’, ‘доблесть’, ‘добрый’, ‘заботиться’, ‘отважность’, ‘с помощью’, ‘смелость’, ‘счастье’, ‘удача’, ‘успех’, ‘хлопотать’); признак ‘великий/ могучий’ одновременно является и оценочным, и символическим. Эти факты подтверждают особый статус концепта *везение* среди других концептов – он одновременно выступает в качестве символического и оценочного. К этому же типу концептов относится концепт *счастье*, в структуре которого отмечен 21 мотивирующий признак: символическими признаками его являются ‘доля’, ‘судьба’, ‘удача’, ‘удел’, ‘участь’, ‘Fortuna’, оценочными – признаки ‘благоденствие’. ‘успех’, ‘хорошая’.

§ 4.6. Терминологический концепт *Евразия*

Существует ряд (макро)концептов, появившихся в терминосистеме и ставших актуальными для языковой картины мира. Такие (макро)концепты называются ***терминологическими***. Примерами таких (макро)концептов являются *Вселенная, Евразия* и ряд других.

Евразия – самый крупный континент на Земле, занимающий треть суши всего земного пространства. Этот континент Александр фон Гумбольдт называл *Азией* [Гумбольдт 1915]. Карл Густав Ройшле в 1858 году в своей книге «Handbuch

der Geographie» использовал термин *Doppelerdtheil Asien-Europa* (≈Двойная Земля Азия-Европа) [Reuschle 1858]. Считается, что в европейскую науку термин *Евразия* ввёл геолог Эдуард Зюсс [Suess 1875; Suess 1892], получивший Золотую медаль имени П.П. Семёнова от Русского географического общества. В статье «К геологии внутренней Азии», написанной в 1886 г., Э. Зюсс предположил существовании древнего материка, он его назвал *alter Sheitel Evrasiens* («древнее имя Евразии»).

Термин *Евразия* на русском языке впервые встречается у А.П. Семёнова – Тян-Шанского в 1910 г. в его работе «Таксономические границы вида и его подразделений: Опыт точной категоризации низших таксономических единиц»[136] [Семёнов-Тян-Шанский 1910, с. 1–29]. Этот термин прочно обосновался в русской лингвокультуре и актуален по сей день. Его активно используют не только в разных научных дисциплинах – географии, истории, политологии, культурологии, но и в публицистике, художественной литературе.

В словарях современного русского языка *Евразия* определяется схожим образом. Понятийные признаки выявляются на основе анализа статей «Евразия»[137], «евразийский»[138], «евразийство»[139] в толковых словарях русского языка. Для этой цели было привлечено пять словарей [БАС; БАСРЯ; Ефремова: интернет-ресурс; Кузнецов 2000, с. 293; Ушаков: интернет-ресурс]. В двух словарях Д.В. Дмитриева и Д.Н. Ушакова была изучена статья «Европа» [Дмитриев 2003, с. 313; Ушаков 2013, с. 133].

Понятийные признаки, выявленные в толковых словарях, подтверждаются языковыми фактами из НКРЯ. Приведем некоторые из них:

---

[136] Примеры из Coleoptera: род Lamia Fabr. с его единственным видом, L. textor L., общеизвестным и широко распространенным по всей северной части Евразии насекомым; род Codocera Eschsch. с единственным видом, C. ferruginea Eschsch., распространенным по средней полосе всей Азии до Тихого океана, включая на западе и черноземную полосу Европы. А.П. Семенов–Тян-Шанский. Таксономические границы вида и его подразделений: Опыт точной категоризации низших таксономических единиц (1910).

[137] *Евразия* геогр. и геол. Термин, употребляемый для обозначения материкового единства Европы и Азии; европейско-азиатский материк. [Я] родился, вырос в Евразии под непрерывным влиянием Востока и Запада ... М. Пришв. Зололотой рог, ч. III, гл. 8. В настоящее время нет никаких оснований, ни географических, ни политических, отделять от Азии Европу, как особую часть света. Мы поэтому и соединяем эти две части света в один материк Евразии. А.Н. Краснов, Основы землеведения. *Евразийский*. Относящийся к Евразии. Евразийский материк. Словарь Академии Российской 1897: *Евразия, евразиатец, евразиат*. *Evrasia* – искусственно составленное слово из слов Europa и Asia. Термин впервые предложен австрийским геологом Зюссом (1831–1914) [БАС, т. III, С. 1222–1223]. «1. Самый крупный материк Земли, состоящий из двух частей света – Европы и Азии. 2. разг. Страны, расположенные на этом материке. 3. разг. Население этого материка» [Ефремова: интернет-ресурс]. *Евразия* «Расположенный в Северном полушарии самый большой материк Земли, на котором находятся Европа и Азия» [Кузнецов 2000, с. 293]. *Евразия* «самый крупный материк Земли, состоящий из двух частей света – Европы и Азии» [БАСРЯ, т. V, С. 500]. *Евразия*: 1) европейско-азиатский материк. 2) геологический термин, обозначающий Европу, Азию и северо-западную часть Африки [Чудинов: интернет-ресурс]. Евразия – европейско-азиатский материк [БСИС: интернет-ресурс].

[138] *евразийский*. 1. Прил. к евразийство (нов.). 2. Прил. к Евразия (название европейско-азиатского материка; геогр.) [Ушаков: интернет-ресурс]; *евразийский* прил. 1. Относящийся к Евразии, связанный с нею. 2. Свойственный Евразии, характерный для нее. 3. Принадлежащий Евразии. 4. Произрастающий, обитающий в Евразии [Ефремова: интернет-ресурс].

[139] *евразийство* [от Европа и Азия] (нов.). Одно из контрреволюционных учений в зарубежной белой эмиграции, доказывающее своеобразие русской расовой культуры и родственных ей восточных культур и утверждающее, будто этой культуре суждено сменить разлагающуюся романо-германскую культуру [Ушаков: интернет-ресурс]. В XXI в. евразийство в словарях описывается без политической и идеологической окраски: евразийство – течение русской философское мысли, утверждавшее наличие в культуре России западных и восточных черт. Возникло в 20-30 годы XX в. в среде русских эмигрантов [Кузнецов 2000, с. 293].

‘государства’: на материке расположены разные государства[140];

‘культура’: материальная и духовная культура – вот что отличает народы[141]:

‘материк’: в прежней географии преобладало разделение единого материка на два – Европу и Азию[142]; в новой географии этот объединенный материк получает название *срединного*;

‘название’: в XXI в. научные форумы получают название *Евразия*[143];

‘термин’: в первой трети XX в. термин *Евразия* еще не имел общепризнанного значения[144];

‘западный’: части материка делятся по сторонам света[145];

‘Африка’: геологи предполагают, что африканский континент северо-западной частью сблизился с Евразией в результате тектонического сдвига[146];

‘материк’: Евразия – самый большой и богатый материк на Земле[147];

‘мир’: срединный материк образует отдельный мир[148] – со своим населением, своей природой, своей культурой;

‘Россия’: страна имеет особый культурно-исторический тип[149]. Его наличие отвергал Д.С. Лихачев[150];

‘русский’: этот признак актуализирует разные смыслы: и народ, и язык[151];

---

[140] Огромное и пестрое сообщество народов и государств Евразии нечаянно вступило в удивительный процесс: из высокой Античности рождалось Раннее Средневековье. С. Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание – сила», 2003.

[141] Показана как периодизация каменного века, так и распространение культуры и технологий по территории Африки и Евразии. С. П. Капица. Общая теория роста человечества (1999).

[142] Дело в том, что в основном массиве земель Старого Света, где прежняя география различала два материка: «Европу» и «Азию», они стали различать третий, срединный материк, «Евразию», и от последнего обозначения получили свое имя… П. Н. Савицкий. Континент Евразия (1916–1968).

[143] В Баку проводилась Всемирная конференция кардиологов под названием «Евразия». В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002.

[144] Другого названия кроме «языков СССР» не придумаешь: «языки Евразии» может подать повод к недоразумению, потому что значение термина Евразия нельзя считать вполне общепризнанным и установившимся, и очень многие (большинство?) понимают его как обозначение совокупности Европы, Азии и СССР. Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938).

[145] Геологически планета устроена таким образом, что в западной части Евразии выходы качественного кремня на поверхность не такая уж редкость, а вот в восточной их откровенно не хватает. С. Дробышевский. Достающее звено (2017).

[146] Африка ударилась о Евразию, и на линии их столкновения возникли огромные горные хребты, образующие альпийскую систему, которая тянется от Пиренеев на западе до Памира и Кунь-Луня на востоке. А. М. Городницкий. Тайны и мифы науки. В поисках истины (2014).

[147] Думали ли казаки, пошедшие когда-то на восток, в потустороннюю Сибирь, что в XX веке на Колыме и Чукотке (даже сейчас это в полном смысле слова – край света, где бытует выражение «поехать на материк», хотя формально и Магадан, и Чукотка – та же самая Евразия, что и Москва с Парижем) найдут золото, а в Якутии – алмазы? В. О. Авченко. Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях (2015).

[148] И если к первым приурочите имя «Европы», а ко вторым – имя «Азии», то названному только что миру, как срединному и посредствующему, будет приличествовать имя «Евразии»… П. Н. Савицкий. Континент Евразия (1916–1968).

[149] В работах П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского (до 1928 г.), П.П. Сувчинского (1921, 1926-1928 гг.), позднее Л.Н. Гумилева обосновывается особый культурно-исторический тип России, обозначаемой термином «Евразией». А. Филатов. Евразийский союз: идейные основания и политическая реальность // «Культурологический журнал», 2017.

[150] На самом же деле Россия – это никакая не Евразия. Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993).

[151] Если будешь разговаривать на русском языке, то тебя поймут почти на всей территории Евразии – от Берлина до Владивостока. В. И. Максимов. Дневник научного сотрудника (2006).

‘часть’. Высказывается мнение, что Евразия – часть древнего мегаконтинента, разрыв которого привёл к отделению Америки[152]. Огромная площадь Евразии географически представлена частями света[153].

Языковой материал показывает наличие дополнительных понятийных признаков концепта *Евразия*, «пропущенных» в толковых словарях или развившихся в период после их публикации:

‘земли’ и ‘Старый Свет’: существовала первоначальная традиция именовать объединения людей под общим началом не государствами, а *землями*. Русь называли *Русской землей*. В Германии известно административное деление на земли[154]. Евразия представлена землями[155]. Вероятно, весь Старый Свет имел общее административное управление – земли. В русских былинах земли-страны зовутся *ордами*[156]. Напомним, по-немецки *Ordnung* «порядок», «строй», «устав», по-английски *order* «порядок», «заказ», «орден» (корень слов – *орд*);

‘имя’: в XX в. появилась тенденция называть компании, фирмы, магазины и рестораны именем *Евразия*[157]. Стали проводиться конкурсы с таким именем[158];

‘история’ и ‘тюрки’: тюрки как этнос представляют часть истории Евразии[159];

‘конец’ и ‘край’: ранее в русской лингвокультуре использовался иной приём деления больших площадей: человек был мерой всех вещей – слово *страна* образовано от *сторона*. Достижение земель описывается метафорами пути: отсюда выражения *на другой конец земли* и *край земли*[160];

---

[152] Эти два участка древней Берингии – громадного географического «моста», соединявшего Евразию и Америку в единый мегаконтинент, – стали островами примерно 10 тыс. лет назад, в самом начале голоцена. Никита Овсяников. Остров Врангеля – наследие плейстоцена // «Наука в России», 2014.

[153] Именно это решение определило динамику всей западной части Евразии на следующие века. Валерий Фадеев. На твердой почве // «Эксперт», 2014.

[154] Современная Федеративная Республика Германия состоит из 16 земель (в скобках указаны их столицы): Бавария (Мюнхен); Баден – Вюртенберг (Штутгарт); Берлин; Брандербург (Потсдам): Бремен; Гамбург; Гессен (Висбаден); Мекленбург – Передняя Померания (Шверин); Нижняя Саксония (Ганновер); Рейн-ланд-Пфальц (Майнц); Саар (Саарбрюккен); Саксония (Дрезден); Саксония-Ангальт (Магдебург); Северный Рейн – Вестфалия (Дюссельдорф); Тюрингия (Эрфурт); Шлейвиг-Гольштейн (Киль);.Берлин, Бремен и Гамбург – это города-земли.

[155] Евразийцы обострили формулировку; и вновь «увиденному» материку дали имя, ранее прилагавшееся иногда ко всему основному массиву земель Старого Света, к старым «Европе» и «Азии» в их совокупности. Россия занимает основное пространство земель «Евразии». Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. П. Н. Савицкий. Континент Евразия (1916–1968).

[156] Ср. вариации обращения в русских былинах: Откудова (откул-ь/-ешн-и(-ой), удал-ый/-енькой (дородный) добрый молодец? / Ты (вы) ко(е/ё)й (какой) земли [да ты] ко(е/ё)й орды (Литвы) / какого города?]. «А и едем мы из дальной Орды, Золотой земли, от грозна короля Етмануйла Етмануйловича...» (Про Ставра-боярина).

[157] С 16 октября прошлого года прервалось воздушное сообщение Йошкар-Ола-Москва, которое осуществлялось авиакомпанией «Евразия». И вновь заледенела полоса // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.16.

[158] Сегодня «Коляда-театр» – это не только театр, но и фестиваль «Коляда plays», который проходит в Екатеринбурге (а в конце 2014 года прошел и в Варшаве), и международный конкурс драматургов «Евразия». Деньги, подвал и свобода // «Русский репортер», 2015.

[159] Туранский психический облик явственнее всего выступает у тюрков, которые к тому же из всех туранцев играли в истории Евразии самую выдающуюся роль. Н. С. Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре (1925).

[160] Точно так же, распространившись по Великой степи вместе с воинами и купцами, на другой конец Евразии, в низовья Дуная, а потом и в Микенскую Грецию, была принесена новая форма конской сбруи, появившаяся на далеком Урале. А. Голяндин. Аркаим и другие города Урала // «Знание-сила», 2013. Богатое

‘(мега)континент’: Евразией называют весь континент, состоящий из Европы и Азии[161];

‘народы’, ‘империи’ и ‘государства’: обширный материк населен многочисленными народами, разделенными границами разрушенных империй[162];

‘области’ и ‘регионы’: отождествление России с Евразией показывает систему ее администрирования в областях[163]. Климатическое деление основано на региональном факторе[164];

‘Орда’ и ‘Восток’: слова *орда, восток* и *Евразия* выступают контекстуальными синонимами как в XX, так и в XXI в.[165];

‘Россия’: страна на Земле, расположенная в двух частях материка – Россия[166]. Евразией называют срединную часть континента, где располагается Россия. Д.С. Лихачев высказывался против идентификации России как Евразии, предлагая свое название: Скандовизантия[167]. В XXI в. намечается тенденция противопоставлять Россию-Евразию и азиатские страны постсоветского пространства Европе[168];

‘территория’ и ‘простор’: в 20-е года XX в. Россию описывают как евразийскую территорию[169]. Жители Евразии выросли на просторах своих земель[170];

‘торговля’ и ‘политика’: в Евразии исторически сложилась система торговых и политических связей, объединяющих страны, служащая их развитию[171];

местонахождение остатков динозавров известно и в другой части света – на крайнем северо-востоке Евразии, на Чукотке. А. Герман. Арктические динозавры: оседлые обитатели или кочевники? // «Наука в России», 2012.

[161] Объясните пожалуйста: 1. причину засух и ураганов, учитывая, что самый большой континент (Евразия) будет частично затоплен. Форум 2013: Звёздочка моя, солнышко земное (NUC21).

[162] Менялись времена, возникали и погибали империи и государства Евразии, исчезали с мировой арены целые народы, но Хакасия, окруженная с востока, юга и запада горами Саян и Кузнецкого Алатау, непроходимыми таежными массивами и многочисленными реками, бережно сохранила до наших дней свою уникальную древнюю культуру. Эдуард Киргинеков, С. Нарылков. Лики древней Сибири // «Наука в России», 2014.

[163] Это случится тогда, когда в основу народной жизни Украины (а также и других областей России-Евразии) будет полагаться не притворство эгоистическим инстинктам и голому самоутверждению биологической особи, а примат культуры и как личное, так и национальное самопознание. Н. С. Трубецкой. К украинской проблеме (1927).

[164] Если это так, то становится очевидным, что криогенные образования рассматриваемого типа – не феномены-одиночки, а обычное явление для всех холодных регионов Евразии и Америки. Владимир Алексеев. Патомский кратер – загадка сибирской природы // «Наука в России», 2014.

[165] Возможно, в силу историко-географических причин – Евразия, Орда, Восток – нравы здесь всегда царили жестокие. Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017).

[166] Подчеркнем только, что Россию-Евразию евразийцы воспринимают как «симфоническую личность». П. Н. Савицкий. Континент Евразия (1916–1968).

[167] На самом же деле Россия – это никакая не Евразия. Если определять культуру Руси как соединяющую главные культуры Европы X–XII веков, то ее следует определять как Скандовизантию, а не как Евразию. Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993).

[168] Особенно трогательно выглядит пункт 105: «Укрепление и тесное сотрудничество США и ФРГ в работе над глобальными и европейскими вопросами безопасности, особенно в свете текущих событий в Европе и Евразии». П. Быков. Будни международного бандитизма // «Эксперт», 2014.

[169] Так получилось, что период между первым, майским, и вторым, декабрьским, 1922 года инсультами Ленина стал дедлайном для длившихся десятилетиями дискуссий о наилучшем способе создания на территории Евразии единого марксистского государства. Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017).

[170] Кроме того, именно с представителями этих народов связано широкое распространение на просторах Евразии обычая погребения в кургане, символизировавшего в их сознании вечную жизнь, взаимосвязь земного и потустороннего состояний души. А. Макарычев. От Кёнигсберга до Калининграда // «Наука в России», 2014.

[171] Представляя интереснейший феномен пермской истории эпохи средневековья, они подтверждают значительную роль Прикамья в системе торговых и политических связей Евразии. А. Белавин. Тайны «закамского» серебра // «Наука в России», 2014.

‘столица Москва’: с 20-х гг. XX в. столицей Евразии считается Москва[172];

‘языки’: жители Евразии говорят на разных языках, в которых наблюдаются фонетические и морфологические соответствия[173].

В таблицу 1 сведены данные о понятийных признаках заимствованного концепта *Евразия*. Помета «+» означает наличие признака, помета «-» – его отсутствие. В последней графе с пометой «ям» указываются понятийные признаки, найденные в языковом материале из Национального корпуса русского языка.

Таблица 2. Понятийные признаки терминологического концепта *Евразия*

№ №	Словари / Понятийные признаки	БАС	БАСРЯ	БСИС	Дмитриев Д.В.	Ефремова Т.Ф.	Кузнецов С.А.	ССРЯ	Ушаков Д.Н.	Фадеев С.В.	Чудинов А.Н.	ЯМ
1.	‘Азия’	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
2.	‘азиатский’	+	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+
3.	‘Африка’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
4.	‘(самый) большой’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
5.	‘восток’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
6.	‘восточный’	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+
7.	‘два’	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
8.	‘единство’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
9.	‘географический’	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
10.	‘геологический’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
11.	‘государства’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
12.	‘Европа’	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
13.	‘европейский’	+	-	+	-	-	-	-	+	-	+	+
14.	‘живущий’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
15.	‘западный’	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+
16.	‘Земля’	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	+
17.	‘земли’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
18.	‘империя’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
19.	‘имя’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
20.	‘история’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
21.	‘конец’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
22.	‘(мега)континент’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

[172] Через Александрию, Яффу, Афины, Византию – путями древностей – профессор Александр Васильевич Чаадаев привез мумию в Скифию и провез ее в Москву, в вотскославянскую столицу отъезжего поля Евразии. Б. А. Пильняк. Иван Москва (1927).

[173] Вообще интересно было бы сравнить фонологию и фонетику ирландского языка с языками Евразии, знающими тембровые различия. Для Евразии с морфологической точки зрения характерно сильно развитое склонение. Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938).

23.	‘край’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
24.	‘(самый) крупный’	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
25.	‘культура’	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+
26.	‘материк’	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+
27.	‘материковый’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
28.	‘мир’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
29.	‘название’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
30.	‘народы’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
31.	‘население’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
32.	‘находиться’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
33.	‘обитающий’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
34.	‘области’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
35.	‘Орда’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
36.	‘относящийся’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
37.	‘политика’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
38.	‘полушарие’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
39.	‘принадлежащий’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
40.	‘произрастающий’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
41.	‘простор’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
42.	‘расположенный’	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+
43.	‘регионы’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
44.	‘родственный’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
45.	‘Россия’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
46.	‘романо-германский’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
47.	‘русский’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
48.	‘свет’	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-	+
49.	‘северный’	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+
50.	‘свойственный’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
51.	‘состоять/ составлять’	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	+
52.	‘Старый Свет’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
53.	‘столица Москва’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
54.	‘страны’	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-	+
55.	‘термин’	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
56.	‘территория’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
57.	‘торговля’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
58.	‘тюрки’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
59.	‘учение’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+
60.	‘часть’	-	+	-	+	+	-	-	+	-	+	+
61.	‘языки’	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

На основе анализа десяти словарей было обнаружено 40 понятийных признаков концепта *Евразия*. Исследование языкового материала позволило отыскать еще 21 понятийный признак.

Выявленный 61 понятийный признак концепта *Евразия* объединяется в 12 тематических кластеров:

1 кластер: Земля (‘восток’, ‘континент’, ‘конец’, ‘край’, ‘материк’, ‘простор’, ‘свет’, ‘страны’, ‘территория’);

2 кластер: мир (‘азиатский’, ‘восточный’, ‘западный’, ‘европейский’, ‘материковый’, ‘мир’, ‘северный’, ‘полушарие’);

3 кластер: оним (‘Азия’, ‘Африка’, ‘Земля’, ‘Европа’, ‘имя’, ‘название’, ‘Орда’, ‘Россия’, ‘Старый Свет’, ‘столица Москва’);

4 кластер: размер (‘(самый) большой’, ‘(самый) крупный’);

5 кластер: количество (‘два’, ‘единство’, ‘состоять/ составлять’, ‘часть’);

6 кластер: наука (‘географический’, ‘геологический’, ‘история’, ‘термин’, ‘учение’);

7 кластер: геополитика (‘государства’, ‘земли’, ‘империя’, ‘области’, ‘политика’, ‘регионы’);

8 кластер: люди (‘народы’, ‘население’, ‘родственный’, ‘тюрки’);

9 кластер: место (‘находиться’, ‘расположенный’);

10 кластер: языки (‘романо-германский’, ‘русский’, ‘языки’);

11 кластер: качество и свойство (‘относящийся’, ‘принадлежащий’, ‘свойственный’);

12 кластер: жизнь (‘обитающий’, ‘произрастающий’, ‘культура’, ‘торговля’).

Термин *Евразия* был заимствован из работ австрийского ученого Э. Зюсса, в российскую терминосистему был введён П.П. Семёновым-Тян-Шанским и сразу же попал в словарь заимствованных слов А.Н. Чудинова. В структуре соответствующего концепта обнаружены соответствующие понятийные признаки: ‘географический’, ‘геологический’, ‘история’, ‘романо-германский’, ‘термин’, ‘учение’. В этой связи концепт *Евразия* отнесён к сложному типу заимствованных терминологических концептов.

§ 4.7. Заимствованные концепты

Обращение к теме заимствования не является новой. Основной тенденцией языкознания было изучение заимствованной лексики из европейских языков. В этом параграфе акцент делается на заимствование концептов из лингвокультур тюркских народов.

Тема заимствованных концептов появилась относительно недавно в отечественном языкознании [Пименова 2003; Пименовы 2005; Пименова 2006]. За рубежом эта тема не затрагивалась.

4.7.1. Концепт *кочевье*

Большинство заимствованных тюркизмов прочно укоренилось среди лексики русского языка благодаря культурным, торговым, военным связям с другими государствами, в которых язык основного населения был тюркским. Согласно «Толковому словарю иноязычных слов», «тюркизм – слово или выражение, заимствованное из тюркских языков; оборот речи, построенный по

образцу или под влиянием тюркских языков» [Крысин 2006, с. 801]. Заимствованные концепты привлекают внимание когнитологов и лингвокультурологов. Концепт *кочевье* – один из заимствованных в русский и другие языки.

В научной литературе мало работ, посвященных исследованию концепта *кочевье*. Данный концепт только начинает становиться объектом пристального изучения как в языкознании, так и в литературоведении.

Н.У. Исина в работе «Кочевой мир в русской литературе кочевье, образ, мотив, сюжет, национальные реалии, поэтика» обращается к теме образов кочевья и кочевников в русской литературе XIX – XX в. [Исина 2016]. Рассмотрение образов кочевья в литературоведческом аспекте стало новацией в научной литературе.

В своей статье Р.П. Кузьмина «Этимология лексемы *өмчин* в диалектной языковой картине мира эвенов» обращается к слову *өмчин* в ламунхинском говоре эвенского языка, обозначающему «кочевье», которое не имеет аналогов в других эвенских говорах [Кузьмина 2021]. Эвены – кочевники. Концепт *кочевье* для эвенской языковой картины мира является ключевым.

Обращение к теме тюркизмов в других языках – одно из актуальных направлений в современной концептологии. Факты языка рассматриваются под другим углом зрения – в аспекте взаимодействия языков и культур в поликультурном пространстве разных народов. Концепт *кочевье* был исследован в аспекте тюркского заимствования в русскую, венгерскую, английскую лингвокультуры [Пименова, Жукенова, Досумова, Бейсенова 2021, с. 124–128].

Проанализируем тюркизмы – слова *кочевье, кочевать* и их производные, являющиеся полисемантами в современном русском языке и их аналоги в других языках. Произношение, правописание, словообразование заимствованных слов со временем меняется для более привычного созвучия со своим родным языком. Корень слова *кочевье* в словарях разных языков обозначается по-разному: *coach / көч / гөч / кош / көш* и др. В «Этимологическом словаре тюркских языков» приводятся слова *көч, гөч* в значении «кочевка», *көч* в значении «кочевать», *көчер* «кочевник» [ЭСТЯ 1957].

Согласно «Древнетюркскому словарю», существительное *köč* имеет несколько значений: 1. кочевка, кочевье (*köčüŋni özüŋdä öza iɣ* «посылай свое кочевье раньше себя»); 2. небольшой отрезок времени (*bir köč küɣgil* «подожди немного»). Глагол *köč-* толкуется как «переходить, передвигаться, кочевать» (*sü köčti* «войско передвинулось», т.е. перешло на другое место; *ulušdin ulusqa köčügli kisi* «человек, кочующий из страны в страну»; *bu aźun rabat ol tüsüp köčgülük* «караван-сарай»: человек, остановившись передохнуть, должен идти дальше); производное *köčüt* имеет определение «лошадь кочевника» (*köčüt köčürdi* «он перевел лошадь (в другое место)») [Древнетюркский словарь 1969, с. 311].

В.В. Радлов в словарной статье *köch* отмечает родство слова с другими языками: (уйг.; чаг.) 1. перекочевка, переселение, путешествие, караван; 2. (чаг.) жена, семья [Радлов, т. II, с. 1286, 1287]; *köch* (каз.) = *köch* перекочёвка; *кош* (каз., шор.) = *köch* переселиться, перекочевать [Там же, с. 1304]; *kos* (car.,

койб.) = *köch* переселиться, кочевать [Там же, с. 1293]; *köts* (бараб., чул., тоб., ком.) = *köch* перекочевать, переселиться [Там же, с. 1291]; *köchar* (чаг.) кочевник [Там же, с. 1289]; *kötsкün* (бараб.) кочевник» [Там же, с. 1291]. Первопризнаками изучаемого концепта *кочевье* на основе анализа исходного тюркского слова *köch* являются: ‘переход’, ‘(пере)движение’, ‘переселение’, ‘путешествие’, ‘караван’, ‘жена’, ‘семья’.

Древнетюркское производное от *köč* слово *köčür* означает: «1. переселять, перевозить (*ol anĩ ęvdin köčürdi* «он переселил его из дому». 2. переводить, копировать (*ol bitik köčürdi* «он скопировал документ» [ДТС, с. 1969, с. 311]. Как показывает анализ, слова *köčür* в древнетюркском языке и *көшір* в казахском языке имеют одно значение.

Современные языки показывают дальнейшее развитие тюркизма *köč*. Разные лингвокультуры показывают его актуальность в наше время.

Однозначного мнения по поводу появления слово *коч* и его производных в русском языке нет. Н.К. Дмитриев пишет: «Корень *köch*- с этим значением встречается во многих тюркских языках... Бернекер предполагает, что слово заимствовано из турецкого, но это неверно... Форма [*köch*] могла быть заимствована из всех других более северных тюркских языков... фактически, конечно, это произошло в степях Приднепровья, Причерноморья или, наконец, Приуралья» [Дмитриев 1958, с. 27].

В русском языке есть ряд слов с этим корнем, например *кочевать, кочевье, кочевник*. Е.Н. Шипова отмечает ряд значений у глагола *кочевать*: «устар. вести кочевой образ жизни, менять место стоянки (о кочевниках-скотоводах)» [Шипова 1976, с. 199]. Автор словаря указывает на богатство словообразовательного гнезда: *кочёвка, кочевание; кочевники; кочевнический, кочевой; кочевничество*, приводя выражение: *кочевая жизнь*. И.И. Срезневский считает, что глагол *кочевати* появился в древнерусском языке с 1380 г. [Срезневский, т. I, с. 1305].

В.И. Даль включает в свой словарь несколько статей с однокоренными словами. Первая статья *коча*: «*коча, кочь* или *кочмара* ж. арх. палубное двухмачтовое мореходное судно, поменьше ладьи. || Сибирское большое палубное, речное судно, с веслами и с парусами. Сибирские *кочи* вышли из употребления. *Кочмарный*, к кочмаре относящ. || *Кочь* и *коць*, старинная верхняя одежда, род плаща, епанчи» [Даль, т. II, с. 182]. Вторая статья *коца, коць*: курс., смол. «стриженый ковер» [Там же]. Третья статья *кочебас*: «турецкое морское судно» [Там же]. Четвертая статья *кочевать*: «вести со всем семейством и хозяйством своим жизнь бродячую, неоседлую; переходить со стадами с места на место, ради подножного корма, перенося с собою и разборное жилье свое, кошемную кибитку, кожаный чум, цыганский шатер, или устраивая себе жилье из жердей коры, лапника и пр. || *Кочевка* также *кочевье* ср. место, занятое кочевым хозяйством; *кочевье* иногда говор. вм. *кочеванье*» [Даль, т. II, с. 182–183].

«Казачий словарь» приводит слово *коч* в значении «небольшое одномачтовое морское судно с палубой и двумя рулями, на корме и на носу; Сибирские казаки строили кочи сами и плавали на них вдоль берегов

Ледовитого океана. В частности, атаман Семен Дежнёв вместе с другими казаками обогнул на Коче крайний северо-восточный мыс азиатского материка, названный после его именем – Мыс Дежнева» [Казачий словарь: интернет-ресурс].

В казахском и русском языках *кош* – это летнее временное стойбище кочевников; казачий лагерь, обоз; шалаш, кибитка. Е.Н. Шипова включает в свой словарь статью *кош*: «устар. 1. стан кочевников || летнее временное стойбище кочевников; 2. казачий лагерь, обоз; кошевой атаман» [Шипова 1976, с. 200]. И.И. Срезневский приводит даты фиксации слов-репрезентантов изучаемого концепта в русском языке: «др.-рус. *кошъ* (с 1498 г.) стан, обоз; *кошевыи* (с 1460 г.) обозный» [Срезневский, т. 1, с. 1307, 1305]. Н.К. Дмитриев относит *кош* к тюркизмам: «Монг., а также чаг., тат., каз., ног., кирг. *кош* в значении: 1. пара, двойной вьюк; 2. палатка. Слово *qos* (Paar) отмечено еще у Махмуда Кашгарского. Отсюда же *кош* и *кошевой* в практике Запорожской Сечи» [Дмитриев 1958, с. 27]. Дополнительно к сказанному, В.В. Радлов *кош* определяет еще как «4. (чаг.) ставка, лагерь, войско; 5. (чаг.) общество, юрты (обитаемые слугами около пашен), стоящие вдали от аула; 6. (кирг.) временная юрта» [Радлов, т. II, с. 635, 636], отмечая, что «*кош* (мад.) семья, двор» [Радлов, т. II, с. 1304]. К.К. Юдахин пишет: «Кирг. *кош* 1. временная юрта; 2. кош, кочевой лагерь; 3. ист. воинский отряд, отдельная часть войска» [Юдахин 1965, с. 410].

Стан кочевников представляет собой лагерь, где временно устанавливались юрты. У запорожских казаков *кошем* называют селение, станицу (*стан*; ср. название стран: *Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Пакистан*), а *кошевой* был начальник коша, станичный атаман (*кошевой атаман*). Сохранились пословицы: *Где ни стал, так стан* (*там и стан*). *Каков стан, такова и тень*.

Для казахской лингвокультуры кочевка – это традиционный процесс переселения с одного места (стана) в другой: как в весеннее время года на жайлау, так и в осеннее время на зимовку, к которому готовились заранее. Для переезда предки казахов использовали верблюдов, лошадей, повозки. Караван возглавлял опытный, знающий дорогу человек. Если по пути встречался путник, то он всегда приветствовал караван, желая благополучно добраться до места кочевья и доброго пути: *Көш көлікті болсын, Құдайым аман көшін берсін*.

Кочевье – это не просто передвижение, а перемещение скота на новый выпас, на новое пастбище. Корень *köč* содержится в таких словах, как *кочкарь, коцкар, качкар, кочкар* «племенной баран». На флаге и гербе деревни Коч в Венгрии изображен баран: всем известно, что Венгрия славится породой мериносовых овец и тонкой бараньей шерстью.

Кошара – это овечий завод: всё обзаведение для приплода в степях овец. Словом *кошара* называют стойбище для овец, загон, овчарня; загон для скота, баз, стойло. Кошару обычно устанавливали поближе к воде: *Ещё один поворот, и едва заметная в траве колея вывела к старой овечьей кошаре, где их встретили три десятка бандитских, по-другому не скажешь, рож*. В. Полищук, Капитан Магу. Горы любви и скорби, 2019.

Кошма – это плотный ковер, стелимый на пол; войлок из овечьей шерсти; большой кусок такого войлока. Казахи в домашних условиях делали ковры из овечьей шерсти, сверху клали окрашенный орнамент и вкатывали его во влажный войлок. Так получалась кошма, которой покрывали юрту: *Таким же точно порядком появился и ковёр или четырёхугольный кусок кошмы, которым и была завешена дверь палатки от солнца*. Л. Уоллес, Бен-Гур, 1880.

Глаголом *кочевать* обозначалась традиция кочевого образа жизни у кочевников – скотоводов, их смены места стоянки с целью поиска лучших пастбищ для домашнего скота. *Кочевье* в русской классике означает «переезд с одного места на другое», глагол *кочевать* имеет определение «постоянно менять место жительства». Например: *В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика*. А.С. Пушкин, История Пугачева, 1834.

Позже – в XIX в. – в структуре концепта *кочевье* появляется ироничный признак ‘быть бездомным’: *Лотохин: Ничего-с. Я сам бездомовник, человек кочующий; зимой по клубам, а летом по родным кочую*. А.Н. Островский А.Н., Красавец мужчина, 1882. В повседневной речи этот признак актуализирует неодобрительную оценку: «перемещаться из одного места в другое, не находя должного применения», например: *Документы кочуют из папки в папку. Постановление кочует из министерства в министерство*.

Кочевник – это человек, который ведет кочевой образ жизни. Во многих лингвокультурах есть слова с этим значением: *бедуин, номад, массагет, кочевщик*. Жизнь для кочевника – бесконечное путешествие. Люди, объединенные кочевым образом существования, называются *племенем*: Зимой дошли до нас слухи, что якобы в ближнюю степь пришло новое *племя кочевников под именем печенегов*. А. Майборода, Последняя амазонка, 2015. Воинство кочевников называется *ордой*: *Мир шатался, звуки то исчезали, то вламывались в череп, как орда диких кочевников врывается в тихий город*. Ю. Никитин, Семеро Тайных, 1998.

В европейских языках есть слово *coach* «большая крытая телега». По одной из версий, ее название возводят к венгерской деревне Коч (в 65 км от Будапешта). Эту телегу отличает особый тип рессорной подвески – стальной (kocsi szekér). Корень *coach* заложен в таких словах европейских языков, как: чешский *kočár*, словацкий *koč*, немецкий *kutsche*, голландский *koets*, каталонский *cotxe*, итальянский *cocchio*, французский *коше*. В Европе этот вид транспорта известен как конная почтовая карета. На гербе и флаге Будапешта изображена одна из первых моделей повозки.

Английский язык не избежал тюркских заимствований. *Coach* по-английски – комфортный автобус для путешествий на длительные расстояния: *It’s cheaper to travel by coach than by train* «дешевле путешествовать на автобусе, чем на поезде». В английском языке отмечен ряд устойчивых выражений со словом *coach*.

Coach house – каретный двор, здание, похожее на гараж, в прошлом использовавшееся в Британии. В этом здании находятся экипажи, запряженные лошадьми: *The clutter will start to arrive tomorrow, but we can insist that it's stored in the coach house*. – Беспорядок начнется завтра, но мы можем настоять, чтобы он хранился в каретном дворе. Melville, Anne The Hardie Inherta.

Coaching inn – в прошлом придорожная гостиница, где можно было сменить лошадей: *Many historic coaching inns can still be seen along the traditional route* «Много исторических постоялых дворов все еще можно увидеть вдоль традиционного маршрута».

Английское *coach* получило метонимический перенос. В современном мире со словом *coach* произошел процесс вторичного заимствования: оно из английского языка перекочевало во все языки мира. Слово произошло от названия грузового транспортного средства, оно имеет значение «переносить людей с их места туда, где они хотят быть». *Coach* – это «тренер, наставник; инструктор; коуч», например: *football coach, life coach, business coach*. *Every coach will tell you that everyone needs a coach* «Каждый наставник скажет вам, что вам необходим наставник».

Мотивирующих признаков концепта *кочевье*, выделенных на основе анализа исходного древнетюркского слова *köch*, семь: 'переход', '(пере)движение', 'переселение', 'путешествие', 'караван', 'жена', 'семья'. С этими признаками концепт *кочевье* появился в русском языке. В процессе развития этого признака в структуре концепта *кочевье* появилось 37 понятийных признака: 'палубное двухмачтовое мореходное судно', 'большое палубное, речное судно, с веслами и с парусами', 'турецкое морское судно', 'старинная верхняя одежда, род плаща, епанчи', 'менять место стоянки', 'жизнь бродячая, неоседлая', 'перевоз', 'переход со стадами с места на место', 'переселение', 'перенос разборного жилья', 'кибитка', 'палатка', 'чум', 'шатер', 'место', 'стойбище', 'стан', 'обоз', 'перевод', 'копирование', 'семейство и хозяйство', 'стриженый ковер', 'пара', 'двойной вьюк', 'ставка', 'лагерь', 'войско', 'юрта', 'семья', 'двор', 'воинский отряд', 'селение', 'станица', 'баран', 'овца', 'кошма', 'бездомный'. В европейских языках структура концепта *кочевье* пошла по пути развития механических признаков: 'крытая телега', 'почтовая карета', 'автобус'. В английском языке, помимо механистических, в структуре концепта *кочевье* появились цивилизационные признаки культуртрегера (нем. *Kulturträger* букв. носитель культуры): 'наставник', 'тренер', 'учитель', 'инструктор'. С этими признаками слово *коуч* вернулось в разные языки, в том числе и тюркские.

4.7.2. Концепт *иллюзия*

В каждом языке существует исконная и заимствованная лексика. После заимствования у слов формируются концептуальные структуры. По развитию и насыщенности концептуальной структуры можно судить об исконности или заимствованности того или иного концепта: у заимствованных концептов слабо

развиты отдельные составляющие структуры. Даже при наличии большого количества признаков эти признаки плохо группируются, что свидетельствует о малом времени, затраченном на осознание различных сторон фрагмента мира, стоящего за этим концептом, а также внедрение его признаков в языковую практику. Чем обширнее представлены отдельные группы структуры различными признаками, тем древнее концепт: на его осознание потребовался длительный период, больше признаков усвоено носителями языка, значительная часть структуры такого концепта относится к фонду общенациональных знаний, а не индивидуальному опыту отдельных его носителей. В русском языке среди исконных концептов внутреннего мира, характеризующихся невероятным спектром признаков, можно назвать такие концепты и макроконцепты, как *душа, дух, любовь, ум, сердце, мысль* и др.

Впервые об особенностях развития структур заимствованных концептов было сказано в 2005 г. на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee* [Пименов, Пименова 2005, с. 143–177]. В 2006 г. был описан концепт *иллюзия* [Пименова 2006, с. 26–37]. Позже появились исследования о тюркских заимствованиях в русскую лингвокультуру [Пименова, Жукенова, Досумова, Бейсенова 2021, с. 124–128].

Исконные и заимствованные концепты определяются по способу их появления в национальной лингвокультуре. Исконные концепты зародились в национальной лингвокультуре, заимствованные были в нее привнесены из других лингвокультур. Примером исконных русских концептов и макроконцептов могут служить концепты *душа, сердце, ум, мечта, мать, муж, Велес, Род* и др. К заимствованным относятся концепты и макроконцепты *Вселенная*, *университет*, *идея, фантазия, мираж, император, президент* и т.д. Показателем заимствования выступает заимствованное слово – репрезентант концепта. При переходе концепта из одной национальной лингвокультуры в другую переносятся, как правило, только понятийные его признаки; образные и ценностные признаки развиваются по аналогии со схожими исконными концептами. Так, в русской лингвокультуре концепт *идея* появился в начале XVIII в. с перенесенными из западноевропейских языков понятийными признаками ‘мысль’, ‘замысел’. Структура заимствованного концепта *идея* стала развиваться по аналогии со структурой исконно русского концепта *мысль*.

Заимствованные концепты, помимо слабо развитой структуры, имеют еще некоторые отличительные особенности. Многие признаки таких концептов пришли вместе со словом в виде одного или нескольких понятийных признаков. Мотивирующий признак (один или несколько) заимствованного концепта неизвестен или малоизвестен из-за незнания исходного языка, но он может быть среди понятийных признаков, сохранив свою актуальность во времени. Причина некоторых заимствований кроется в культурных связях между народами, это обусловило восприятие новых знаний, известных другим народам. Такие знания связаны, в первую очередь, с мифологией и устным творчеством. Некоторые знания пришли в виде конкретных философских теорий и систем, а также научных открытий и изобретений.

Рассмотрим заимствованный концепт *иллюзия* в ракурсе эволюции его структуры, опираясь на актуализирующее его одноименное слово и его производные в аспекте его базовых признаков. Под *базовыми* понимаются мотивирующие (первичные) и понятийные признаки концепта: они образуют фундамент концептуальной структуры. Мотивирующие признаки определяются по данным этимологических словарей, понятийные – толковых словарей.

В русском языке слово *иллюзия* известно с середины XIX в. [Черных, т. I, с. 343; Семёнов: интернет-ресурс]; «в словарях отмечено с 1861 г.» [Шапошников, т. I, с. 349]. Однако другие источники указывают иное время появления слова *иллюзия* в русском языке: «Иллюзия (-луз- 1776)» [СРЯ XVIII в., т. IX, с. 77]. Слово *illusion* использует Д. Фонвизин в романе «Бригадир», опубликованном в 1786 г.[174], даты его создания – 1766–1769 гг.

Исследователи не сходятся во мнении относительно языка-источника, из которого оно попало в русский. Некоторые в качестве посредника называют польский (iluzja) [Фасмер, т. I, с. 127], другие – французский (illusion) [Семёнов: интернет-ресурс; Черных, т. I, с. 343; Шанский: интернет-ресурс]. От латинского *illūsiō* были образованы французское *illusion* «иллюзия», немецкое *Illusion*, англ. *illusion* [Фасмер, т. I, с. 127; Черных, т. I, с. 343].

Первый этап анализа концепта – выявление мотивирующих признаков в его структуре[175]. Источником определения мотивирующих признаков стали 4 этимологических словаря и 4 словаря иностранных слов, в которых указана этимология слова *иллюзия*. Первоисточником русского слова *иллюзия* было латинское *illūsiō*:

1. ‘заблуждение’ [Дворецкий 1976, с. 490; КСИС 1952, с. 143];

2. ‘ирония’ [Дворецкий 1976, с. 490; Черных, т. I, с. 343; Шапошников, т. I, с. 349];

3. ‘насмешка’ [Дворецкий 1976, с. 490; Семёнов: интернет-ресурс; Шанский: интернет-ресурс];

4. ‘обман’ [Дворецкий 1976, с. 490; Семёнов: интернет-ресурс; Черных, т. I, с. 343; Шанский: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349];

5. ‘обыгрывание’ [Шапошников, т. I, с. 349];4.

6. ‘осмеивание’ [Дворецкий 1976, с. 490; Черных, т. I, с. 343; [Шапошников, т. I, с. 349].

7. ‘ошибка’ [КСИС 1952, с. 143].

Некоторые словари указывают, что латинское *illūsiō* – это суффиксальное производное от глагола *illudere* «насмехаться, обманывать» [Шанский: интернет-ресурс]; «играть» [Михельсон: электронный ресурс; Чудинов 1894, с. 338].

---

[174] *Оно представляется нам, как сон, как illusion*. Д.И. Фонвизин. Бригадир (1769).

[175] Старшее значение было «осмеивание», «ирония» > «обман» [Черных, т. I, с. 343], «1. осмеивание, насмешка; 2. ритор. ирония; 3. заблуждение, обман» [Дворецкий 1976, с. 490], «осмеяние, ирония, обман, обыгрывание» [Шапошников, т. I, с. 349], «ошибка, заблуждение» [КСИС 1952, с. 143], «насмешка, обман» [Семёнов: интернет-ресурс]. Этимологи считают *illūsiō* «заблуждение, обман» отглагольным образованием: из франц. яз., где *illusion* «обманчивое представление» < лат. *illūsiō* «насмешка; обман» [Шанский, т. VII, с. 49; Дворецкий 1976, с. 490].

Эти данные позволяют выявить дополнительный мотивирующий признак концепта *иллюзия*:

8. ‘играть’ [Михельсон: электронный ресурс; Чудинов 1894, с. 338].

Мотивирующие признаки объединяются в 3 блока: 1. Нечто неправильное (‘заблуждение’; ‘обман’; ‘ошибка’); 2. Негативное отношение (‘ирония’; ‘насмешка’; ‘осмеивание’); 3. Игра (‘играть’; ‘обыгрывание’).

При заимствовании концепт входит в лингвокультуру со своими понятийными признаками, минуя этап формирования мотивирующих признаков. Опыт наблюдения за развитием структур разных концептов позволяет отметить, что многие мотивирующие признаки, сохраняя свою актуальность в последующее время после заимствования слова – репрезентанта, переходят в разряд понятийных.

Понятийные признаки определяются в 2 этапа. Первый этап относится к периоду формирования понятийных признаков вплоть до конца XIX в. Материалом исследования стали 4 толковых словаря русского языка[176]. В итоге изучения статей слов – репрезентантов концепта – было обнаружено 14 понятийных признаков, вошедших в структуру концепта *иллюзия* в XIX в.:

1. ‘видимость’ [Даль, т. II, с. 40][177];
2. ‘воображение’ [Даль, т. II, с. 40; Чудинов 1894, с. 338][178];
3. ‘заблуждение’ [СРЯ XVIII в., т. IX, с. 77][179];
4. ‘игра’ [Чудинов 1894, с. 338][180];
5. ‘мечтательность’ [Чудинов 1894, с. 338][181];
6. ‘мнимое’ [Даль, т. II, с. 40][182];
7. ‘надежда’ [Даль, т. II, с. 40; Михельсон: электронный ресурс][183];

---

[176] *Иллюзия* «Обманчивое представление, заблуждение. Живое воображение его величества, толикими иллузиями питаемые. АК VIII, с. 285. Надлежит внѣ нас множеству вихрей материи, различным образом возле нас вертящейся, и что безобразный Хаос покрывается добрыми характерами только в органах опредѣленных к произведению сей иллузии <примеч.: Омрачение, или то, что ослепляет чувства и разум>. Сл. нат. ист. I, с. XXI» [СРЯ XVIII в., т. IX, с. 77]. *Илюзія*. «видимость, мнимое, обманчивость, обман чувств; обман воображения, надежд» [Даль, т. II, с. 40]. *Иллюзія*. «1. Самообман, игра воображения; 2. Плоды мечтательности» [Чудинов 1894, с. 338]; «a) Обман чувства (см. галлюцинация). b) Несбыточные надежды» [Михельсон: электронный ресурс].

[177] *Изслѣдованіе оптическихъ* ***иллюзій****, или* ***обмановъ зрѣнія****, отъ какихъ бы причинъ они ни происходили, составляетъ не только предметъ любопытства, но даже полезнаго наукового знанія*. М. Хотинскій. Волшебство и натуральная магия // «Современникъ», 1850.

[178] *В страхе – не* ***иллюзия*** *ли, не обман ли* ***воображения*** *предмет, возбудивший внимание его, – протянул он к нему руку, с надеждою, с робостию, с любопытством неописанным...* Ф. М. Достоевский. Двойник (1846).

[179] *Въ это же время чувства* ***подвержены*** *безпрестаннымъ* ***иллюзіямъ***. Сцены послѣдняго часа // «Современникъ», 1850.

[180] *Я пьесу переплету и доставлю тебе остальные куплеты; в них все* ***иллюзии***. А. Я. Булгаков – брату. 1828.

[181] И *как не устать наконец, как не упасть в бессилии, вечно гоняясь за впечатлениями, словно за рифмой к плохому стиху, мучась жаждою внешней, непосредственной деятельности и пугаясь, наконец, до* ***болезни*** *своих же* ***иллюзий****, своих же* ***химер*** *головных, своей же* ***мечтательности*** *и всех тех вспомогательных средств, которыми в наше время стараются кое-как дополнить всю вялую пустоту обыденной бесцветной жизни*. Ф. М. Достоевский. Петербургская летопись (1847).

[182] *Любви никакой нет-с, это* ***иллюзия*** *и только, – гортанил Пархоменко, выпячивая колени к платью Мареички*. Н. С. Лесков. Некуда (1864).

[183] *Хотя, может быть, мнение мое о людях и жизни изменилось и немного, но много* ***надежд*** *улетело, много миновалось желаний, словом,* ***иллюзии*** *утрачены: следовательно, не во многом и не во многих уж придется ошибиться и обмануться, а это очень утешительно с одной стороны*! И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847).

8. ‘несбыточный’ [Михельсон: электронный ресурс][184];
9. ‘обман’ [Даль, т. II, с. 40; Михельсон: электронный ресурс][185];
10. ‘обманчивость’ [Даль, т. II, с. 40; СРЯ XVIII в., т. IX, с. 77][186];
11. ‘плоды’ [Чудинов 1894, с. 338][187];
12. ‘представление’ [СРЯ XVIII в., т. IX, с. 77][188];
13. ‘самообман’ [Чудинов 1894, с. 338][189];
14. ‘чувства’ [Даль, т. II, с. 40; Михельсон: электронный ресурс][190].

На распространение слова *иллюзия* в европейских языках повлияла философия. Иллюзорность окружающего мира была провозглашена в особом философском течении, получившем название *солипсизм*. Согласно этой теории, только сознающий субъект признается несомненной реальностью[191], все остальное объявляется существующим только в его сознании [БЭС, т. II: 380]. Все, что не относится к душевной жизни, в солипсизме считается видениями [КФЭ 1994, с. 425]. Одним из представителей этого учения был Рене Декарт (1685–1753), известный своим высказыванием *cogito ergo sum* «я мыслю, следовательно, я существую». Увлечение французскими философскими идеями в России привело к внедрению значения «видение, мнимость» у слова *иллюзия*[192]. Истоки солипсизма следует искать в буддизме.

Мотивирующие признаки ‘заблуждение’, ‘обман’ перешли в разряд понятийных, сохранив свою актуальность до конца XIX в. Контексты из НКРЯ показывают, что мотивирующие признаки ‘ирония’[193], ‘насмешка’[194],

---

[184] *Вон, **несбыточные иллюзии**! Это уже ни на что не похоже: глаза заволокло дождевою тучей, а в горле скребет, как перед ливнем*... В. П. Авенариус. Бродящие силы. Поветрие (1867).

[185] *Такое раздвоение теории и практики, идеала и жизни наиболее является необходимым в эпохи переходные, когда человек, измученный и **обманутый** столькими веками **иллюзий**, с недоверчивостью смотрит на свои собственные чувства, ищет определить их последствия, их будущность, чтоб вновь не сделаться жертвою заблуждения и вновь не обречь себя на долгое страдание*. М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847).

[186] *Так проехали мы Польшу до границы. Тут impression удивительная, но, впрочем, более illusion*. Волшебный Фонарь. 1849. № 2.

[187] *Появление Герцена и Огарева в Москве ознаменовалось переломом в их умственном направлении и постепенною гибелью юношеских **иллюзий**, которыми они так долго **питались** в провинции*. П. В. Анненков. Идеалисты тридцатых годов (1841–1843).

[188] *Нечего уж было закрывать себе глаза по-прежнему и **тешиться иллюзиями***. В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. (1864).

[189] ***Иллюзия**, которою я **тешил себя**, продолжалась недолго: вон один отживший, самый древний, именно старик, вынул из-за пазухи пачку тонкой бумаги, отодрал лист и высморкался в него, потом бросил бумажку, как в бездну, в свой неизмеримый рукав*. И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855).

[190] *Конечно, не то доброе чувство, которое теперь в нем было, а скорее страх, что **иллюзия** этого **чувства** разлетится, когда он исполнит свое желание*. Н. Г. Гарин-Михайловский. Студенты (1895). *Он ... истинно глубоко анализирует **сердце** человеческое, все его **illusions***. 14. 1. Черные Дни. (1849).

[191] *Эти в отместку наносят ответный удар: запускают, скажем, через спутник в рамках культурного обмена философскую систему, например, что весь мир – **иллюзия** в сознании единственно сущего объекта... – **Солипсизм**, – пораженно вскрикнула за его спиной Даша*. Ю. Никитин. Далекий светлый терем (2007).

[192] *Оказывается, возникла философская теория, что в мире нет ничего, кроме твоего сознания. А все остальное, дескать, **иллюзия**! Тут каждый теперь считает себя центром мира, пупом вселенной, единственной реальностью. Все остальное, мол, только **мерещится**. Представляете? Даже свои руки-ноги **кажутся**, а на самом деле их нет*! Ю. Никитин. Далекий светлый терем (2007).

[193] *Всюду господствовали страх или **ирония**, смятение или бесстыдство; одни плакали на развалинах своих великодушных **иллюзий**, другие смеялись на первых ступенях своего грязного торжества; никто ни во что не верил: одни из разочарования, другие из атеизма*. А. Н. Анненская. Жорж Санд (1893).

[194] *Императрица не любила, чтоб внуки ее учились прусского капральству, – вид этих мундиров, над которыми великая княжна тысячу раз **насмехалась**, уничтожил в эту минуту последнюю **иллюзию**, которую она*

‘обыгрывание’[195], ‘осмеивание’[196], ‘ошибка’[197], ‘играть’[198] сохранили свою актуальность до конца XIX в., однако в словарях об этом данных нет.

Языковой материал помогает обнаружить в структуре концепта *иллюзия* в этот период дополнительных понятийных признаков, не найденных в словарях этого периода:

15. ‘болезненный’[199];
16. ‘видение’[200];
17. ‘восприятие’[201];
18. ‘впечатление’[202];
19. ‘вызывать’[203];
20. ‘галлюцинация’[204];

старалась еще сохранить. В. Н. Головкина. Смерть Екатерины II. Годы жизни В.Н. Головкиной 1733–1821. *А всему виноват Островский: он своей* ***насмешкой*** *разбил мою* ***иллюзию****, и я ему много благодарен*. М. В. Авдеев. Тамарин (1851).

[195] *Могу и считаю себя въ правѣ, потому что мечты это –* ***иллюзія****, эта –* ***игра*** *возбужденной фантазіи,* ***игра*** *нервъ, крови и не можетъ оскорбить меня, какъ существо разумное*... М. К. Иогель. Между вѣчностью и минутой // «Русская Мысль», 1880.

[196] *Всюду господствовали страх или ирония, смятение или бесстыдство; одни плакали на развалинах своих великодушных* ***иллюзий****, другие* ***смеялись*** *на первых ступенях своего грязного торжества; никто ни во что не верил: одни из разочарования, другие из атеизма*. А. Н. Анненская. Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность (1893).

[197] *Итак, не нужно никаких законов, преобразований и мер для устранения страданий; нужно только разрушить ту* ***иллюзию*** *и* ***ошибку*** *людей, по которой они считают страдания чем-то дурным, неприятным, и уверить их, что страдания составляют благодеяние и счастье; нужно не устранять страдания, а только утешать страдающих и убеждать их в прелести и пользе страданий*. М. А. Антонович. Мистико-аскетический роман (1881). *«Будем плакать кровавыми слезами над нашими иллюзиями, над нашими ошибками, – говорит она в письме к госпоже Адан*. А. Н. Анненская. Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность (1893).

[198] *Во-первых, он мешает слушать* ***играющих****, а во-вторых, у зрителя тотчас отымается* ***иллюзия****, что он под открытым небом, и вся искусственность театрального устройства неумолимо бросается ему в глаза*. А. К. Толстой. Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» (1866).

[199] *Конечно, в маркизе любовь доходит до экзальтации, до* ***иллюзии****, но не этим ли* ***болезненным*** *процессом доказывается, что природу подавить нельзя, а можно только изуродовать, искалечить*? Н. В. Шелгунов. Люди сороковых и шестидесятых годов (1867).

[200] *Пропалъ* ***миражъ*** *– это дивное* ***видѣніе*** *– эта лучшая оптическая* ***иллюзія****, и съ нимъ пропала и послѣдняя* ***надежда***. А. В. Елисеев. Мусульманские паломники // «Вестник Европы», No 6, 1864. *Ужасно это жалко* ***видеть*** *и терять перед смертью последние* ***иллюзии***. Л. Н. Толстой. Письмо М. Л. Толстой с 1 мая 1897 г. по 31 мая 1897 г.

[201] *Правда, что содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимоизвестная величина, что думать при слове именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим, что поэтому понимание другого в том смысле, в каком обыкновенно берется это слово, есть такая же* ***иллюзия****, как та, будто мы* ***видим, осязаем*** *и проч. самые предметы, а не свои впечатления; но, нужно прибавить, это* ***величественная иллюзия***... А. А. Потебня. Мысль и язык (1862). *А дни, как назло, стояли чудесные – и я, замерзая, словно чуял все их тепло, и, кажется, никогда* ***иллюзия*** *лета не была мне так* ***осязательна****, как в этой зиме смерти*. Н. С. Лесков. Темняк (Ранняя редакция рассказа «На краю света») (1875).

[202] *Первые* ***впечатления*** *были так властны, что я до сих пор не расстаюсь с* ***иллюзиями****, мне всё ещё хочется думать, что у природы, когда она творила эту девушку, был какой-то широкий, изумительный замысел*. А. Чехов. Ариадна (1895).

[203] *Падение Криспи не* ***вызывает*** *у нас преувеличенных* ***иллюзий***. В. Н. Ламсдорф. Дневник (1891). *В некоторых случаях прислушивание ко всякому решительно звуку, на котором может быть сосредоточено внимание больного, уже* ***вызывает*** *появление слуховой* ***иллюзии*** *того или иного содержания.* В. М. Бехтерев. Об искусственном вызывании обманов чувств у алкоголиков, страдающих галлюцинаторными формами помешательства (1897).

[204] *Чудное* ***видѣніе*** *было только волшебною* ***иллюзіею****, чудною* ***галлюцинаціею****, «моремъ дьявола», какъ его называютъ арабы; дьяволъ хочетъ надсмѣяться надъ правовѣрнымъ въ послѣднія минуты, говорятъ они, когда Аллахъ оставитъ его*! А. В. Елисеев. Мусульманские паломники // «Вестник Европы», No 6, 1864.

21. ‘грёза’[205];
22. ‘действительность[206]’;
23. ‘дело’[207];
24. ‘идея’[208];
25. ‘ирония’[209];
26. ‘искаженный’[210];
27. ‘искусство’[211];
28. ‘кажущееся’[212];
29. ‘ложь’[213];
30. ‘мечта/ мечтания’[214];
31. ‘мир’[215];
32. ‘мираж’[216];
33. ‘наваждение’[217];

---

[205] *Война несколько расшевелила нас, да и то очень мало; мы как будто стряхнули несколько сонных* ***грез****, но множество прежних* ***иллюзий*** *еще осталось в неприкосновенности*. Н. А. Добролюбов. Литературные мелочи прошлого года (1859).

[206] *Духовный взоръ его, по ясности своей, часто замѣчалъ потухшія очи Козлова, услаждалъ его длинный досугъ, порождалъ* ***иллюзіи****, стоющія* ***дѣйствительности***. А. В. Дружинин. «Полное собрание сочинений» Ивана Козлова (1855). *А если, наконец, и удалось бы постигнуть, где кончается наша* ***иллюзия*** *и где начинается* ***действительность****, то не будем ли мы самыми несчастными существами, сделавшись чрез такое открытие из мнимоздоровых мнимобольными*? Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881).

[207] *Но для того, чтоб это было действительное наслаждение, а не перифраза исконного русского озорства, представлялось бы, по мнению моему, небесполезным обставить это* ***дело*** *некоторыми* ***иллюзиями****, которые прямо засвидетельствовали бы, что отныне воистину никаких препон к размножению быстрых разумом Невтонов полагаемо не будет*. М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880).

[208] *Судя по его письму, видно, что в Петербурге все говорят о мире, отрадно было бы, если оно так, но мне кажется, что* ***идея*** *о мире есть теперь одна* ***иллюзия***. А. В. Дружинин. Дневник (1845).

[209] *Всюду господствовали страх или* ***ирония****, смятение или бесстыдство; одни плакали на развалинах своих великодушных* ***иллюзий****, другие смеялись на первых ступенях своего грязного торжества; никто ни во что не верил: одни из разочарования, другие из атеизма*. А. Н. Анненская. Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность (1893).

[210] *В последнее же время перед решительным припадком, как полагает пан Паклевецкий, граф Валерий, сохраняя наружность нормального человека, на самом деле был совершенно невменяем, ибо жил и чувствовал себя не в действительном мире, но в* ***искаженном иллюзиями*** *и галлюцинациями, которые создавал обуянный назревающим недугом мозг*. А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895).

[211] *У итальянской публики есть порок, погубивший во многих странах* ***искусство****: это недостаток* ***иллюзии***. Пантеон 1840, № 1, с. 148.

[212] *«Да», говорят люди, «правда, что человеку* ***кажется*** *иногда, что в нем есть два я, но это* ***иллюзия***. Л. Н. Толстой. О жизни (1887). *Стереометрические выводы ужасающих чисел могут уже* ***казаться*** *математической* ***иллюзией****, ибо тригонометрическим условием, на котором она основана, можно будет удовлетворить иначе*. Г. С. Батеньков. Заметки к труду «Общая философия системы мира» (1846-1863).

[213] *Как жить без* ***лжи*** *и* ***иллюзии***! Л. Н. Толстой. Неделание (1893).

[214] *Но вы не подумали, как, может быть, грустно и больно отрываться от последней* ***мечты****, от последней* ***иллюзии***! М. В. Авдеев. Тамарин (1851). *Из этих строк видно, что* ***мечтания*** *Кольцова о жизни в Петербурге были* ***иллюзией****, которой он предавался только в самые оптимистические часы, а действительность – необходимость поездки домой – была «железным законом», которого избежать не представлялось возможным*. В. В. Огарков. Алексей Кольцов. Его жизнь и литературная деятельность (1891).

[215] *Усов, натуралист, но и вместе знаток искусства, назвал* ***мир*** *его –* ***«миром иллюзии»****.* В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1893–1906).

[216] *Может быть, это* ***иллюзия****,* ***мираж****, но почему же прежде, как ни казался я себе убежденным в том или другом воззрении, я все-таки не был уверен, что останусь навсегда при нем*? Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881).

[217] *Галлюцинации и* ***иллюзии наваждений*** *гнездятся в ней, как микробы и бациллы…* А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895).

34. ‘настроение’[218];
35. ‘неисполнимый’[219];
36. ‘неосязаемый’[220];
37. ‘нечто’[221];
38. ‘обольщение’[222];
39. ‘основанный’[223];
40. ‘ошибка’[224];
41. ‘ощущение’[225];
42. ‘понятие’[226];
43. ‘предмет’[227];
44. ‘призрак’[228];
45. ‘применение’[229];
46. ‘прихоть’[230];
47. ‘производить’[231];

---

[218] *Они питались* ***иллюзиями*** *– это так, но, благодаря своему возвышенному нелицемерному* ***настроению*** *в важные критические минуты для русского общества, когда вопросы ставились на жизненную практическую почву, старые славянофилы бросали в сторону мечты и претензии народного самомнения, думали только о действительных нуждах и бедах России, говорили и действовали как истинные патриоты*. В. Д. Смирнов. Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность (1895).

[219] *По наружному виду все осталось по-прежнему, но это была* ***иллюзия****: рабочие опаздывали, подряды* ***не исполнялись****, машины останавливались*. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890).

[220] *Воздушная фигура г-жи Никитиной производила* ***впечатление*** *чего-то* ***неосязаемого****. Это одна* ***illusion***. К. Скальковский. В театральном мире (1899).

[221] *Иллюзия прекрасного, которая есть* ***нечто*** *условное; иллюзия безобразного, которая постоянно изменяется; иллюзия правдивого не всегда неизменная; иллюзия подлого, привлекающая стольких людей*. Л. Н. Толстой. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана (1894).

[222] *Вы – юрист и не вкусили никаких других наук, кроме гуманитарных, и вы еще можете* ***обольщать*** *себя* ***иллюзиями*** *насчет равенства, братства и прочее; я же – неисправимый дарвинист, и для меня такие слова, как порода, аристократизм, благородная кровь, – не пустые звуки*. А. П. Чехов. В усадьбе (1894).

[223] *А между тем эта* ***иллюзия основана****, хотя на привлекательном и, по-видимому, бесспорном, но поверхностном и одностороннем взгляде на индивидуальные проявления жизни*. Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881).

[224] *Я подхожу и трогаю, и третье чувство осязания исправило* ***ошибку*** *–* ***иллюзию***. Л. Н. Толстой. Записная книжка № 1, 1895–1896 гг.

[225] *Внешнюю природу мы знаем только через психические значки (наши* ***ощущения****), и они легко вводят нас в* ***иллюзию****; но эти значки мы воспринимаем такими, каковы они на деле*. Л. М. Лопатин. Вопрос о свободе воли (1889).

[226] *Чтобы составить себѣ правильное* ***понятіе объ иллюзіяхъ*** *этого рода, надобно помѣститься въ комнатѣ, весьма слабо освѣщаемой потухающими углями въ печкѣ или въ каминѣ*. М. Хотинскій. Волшебство и натуральная магия // «Современникъ», 1850. *Не без улыбки, но и не без горького* ***сознания потерянных иллюзий****, вспоминаю я теперь мое тогдашнее настроение духа*. А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе (1860–1877).

[227] *Надеясь, впрочем, что* ***предмет*** *его страха просто* ***иллюзия****, открыл он наконец глаза и робко покосился направо*. Ф. М. Достоевский. Двойник (1846).

[228] *Ведь речь идет не о явлении природы; вопрос касается сверхъестественного –* ***иллюзии***, ***призрака****!* Е. Ахматова [перевод романа Э. Булвер-Литтона с английского]. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь (1873).

[229] *Чем вредны для правительства, например, толки в печати о представительной системе, разбор ее выгод и невыгод, различных видов и способов представительства, которые могли бы найти* ***применение*** *у нас, – почему это – вредные* ***иллюзии***? Н. И. Пирогов. Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881).

[230] *Нѣтъ! это не* ***иллюзія****, не мода, не скоропреходящая* ***прихоть*** *изящнаго свѣта*! А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1854).

[231] *Это только так кажется поверхностному наблюдателю: цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого* ***производит иллюзию*** *отражения жизни, есть неединство лиц*

48. ‘смех’[232];
49. ‘существует’[233];
50. ‘считаться’[234];
51. ‘творец’[235];
52. ‘творчество’[236];
53. ‘фантазия’[237];
54. ‘фикция’[238];
55. ‘химера’[239].

Понятийные признаки, появившиеся в структуре концепта *иллюзия* до конца XIX в., объединяются в 14 кластеров: 1. Нечто неправильное (‘видимость’, ‘заблуждение’, ‘ложь’, ‘мираж’, ‘наваждение’, ‘обман’, ‘обманчивость’, ‘обольщение’, ‘самообман’, ‘ошибка’, ‘фикция’); 2. Негативное отношение (‘ирония’, ‘насмешка’; ‘осмеивание’); 3. Игра (‘игра’; ‘обыгрывание’); 4. Искаженное восприятие (‘видение’, ‘восприятие’, ‘галлюцинация’, ‘искаженный’, ‘кажущееся’, ‘мнимое’); 5. Ментальные проявления внутреннего мира (‘впечатление’, ‘воображение’, ‘грёза’, ‘идея’, ‘мечта/ мечтания’, ‘мечтательность’, ‘понятие’, ‘представление’, ‘считаться’, ‘фантазия’); 6. Физический мир (‘действительность’, ‘мир’, ‘основанный’, ‘предмет’, ‘существует’); 7. Желания и ожидания (‘надежда’, ‘неисполнимый’, ‘несбыточный’, ‘прихоть’); 8. Результат (‘плоды’); 9. Телесные ощущения (‘болезненный’, ‘вызывать’,

---

и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету. Л. Н. Толстой. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана (1894).

[232] *Да, они уже не вернутся, эти молодые грезы,* ***иллюзии****, надежды, улыбки, взгляды молодых глаз, беззаботный* ***смех****, молодые лица*... Д. Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко (1894). *Предмет сам по себе, правда, таков, что о нем спокойно говорить почти невозможно: тут нужно – или оплакивать падение человека и принципа, или добродушнейшим образом* ***смеяться над иллюзиями*** *и разочарованиями человечества*. Н. А. Добролюбов. Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами (1860).

[233] ***Иллюзия****, которую мы делаем себе о том, что* ***существует*** *какая-то одна красота, сама в себе, происходит оттого, что мы строим эти теории красоты среди круга людей, подверженных с нами одинаковым воздействиям*. Л. Н. Толстой. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана (1894).

[234] *Мы следили за жизнью и словесностью Европы, видели разрушение* ***иллюзий****, еще недавно* ***считавшихся*** *действительностью*. А. В. Дружинин. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения (1856).

[235] *Это не просто беспочвенная* ***иллюзия****, – а это новый факт, новое явление вечно* ***творящей*** *природы*. В. Г. Короленко. Письма (1894).

[236] *Гюи де Мопассан находил, что художник –* ***творит*** *свою* ***иллюзию*** *мира, то, чего нет в действительности, но что он создает взамен того, что есть*. В. Г. Короленко. Письма (1894).

[237] *Могу и считаю себя въ правѣ, потому что мечты это –* ***иллюзія****, эта – игра возбужденной фантазіи, игра нервъ, крови и не можетъ оскорбить меня, какъ существо разумное*... М. К. Иогель. Между вѣчностью и минутой // «Русская Мысль», 1880. *Но что касается собственно толков о «равнении земли», то богачи-кулаки все это в душе считают пустыми мужицкими мечтаниями,* ***фантазиями****,* ***иллюзиями****.* А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо одиннадцатое (1881).

[238] *Ничто так не разрушает* ***иллюзий*** *и* ***фикций****, как осень. Умирающий страстный, фантастический идеализм весны сменяется холодным и бесстрастным реализмом*. Н. Н. Златовратский. Деревенский король Лир (1889). *В числе* ***иллюзий*** *и* ***фикций****, обращавшихся в предшествующую эпоху по принудительному курсу, большое место занимало вообще представление о некотором аристократическом положении человека в природе*. Н. К. Михайловский. Н. В. Шелгунов (1891).

[239] *И как не устать наконец, как не упасть в бессилии, вечно гоняясь за впечатлениями, словно за рифмой к плохому стиху, мучась жаждою внешней, непосредственной деятельности и пугаясь, наконец, до болезни своих же* ***иллюзий****, своих же* ***химер*** *головных, своей же мечтательности и всех тех вспомогательных средств, которыми в наше время стараются кое-как дополнить всю вялую пустоту обыденной бесцветной жизни*. Ф. М. Достоевский. Петербургская летопись (1847).

‘ощущение’); 10. Действия (‘дело’, ‘искусство’, ‘производить’, ‘творчество’); 11. Эмоции (‘настроение’, ‘смех’, ‘чувства’); 12. Виртуальный мир (‘неосязаемый’, ‘нечто’, ‘призрак’, ‘химера’); 13. Использование (‘применение’); 14. Демиург (‘творец’).

Второй этап исследования – выявление понятийных признаков, появившихся в структуре заимствованного концепта *иллюзия* в XX – XXI вв. Для определения понятийных признаков современного периода было использовано 6 словарей иностранных слов и 5 толковых словарей русского языка[240]. По итогам анализа нескольких репрезентантов изучаемого концепта (слов *иллюзия*, *иллюзорный*[241], *иллюзионизм*[242], *иллюзионист*[243] в соответствующих словарных статьях) были обнаружены следующие его понятийные признаки:

1. ‘аппаратура’ [Шапошников, т. I, с. 349][244];
2. ‘артист’ [Егорова 2014, с. 240][245];

---

[240] Иллюзия. «1. Ложное, ошибочное представление, основанное на обмане чувств. || Необоснованная надежда, несбыточная мечта; 2. Программный номер фокусника-иллюзиониста. *Цирковой жанр иллюзии*» [БАС, т. V, стлб. 284-285]; «1. Ложное, ошибочное представление, основанное на обмане чувств. 2. Программный номер фокусника-иллюзиониста» [Епишкин: интернет-ресурс]; «1. Обман чувств, вызванный искажённым восприятием действительности. 2. Несбыточная надежда, несбыточная мечта» [КСИС 1952, с. 143], «1. Обман чувств, нечто кажущееся. Ср. галлюцинация, фантом. 2. Перен. Нечто несбыточное, мечта. Ср. мираж, фантазия, химера» [Крысин 2006, с. 294]; «1. Искажённое восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное. *Оптические иллюзии. Слуховые иллюзии. Аффективные иллюзии* (мед.; под влиянием аффекта). // Видимость, подобие. *И. движения. И. семьи*. 2. обычно мн.: иллю́зии. Нечто несбыточное, мечта. *Предаваться иллюзиям. Строить иллюзии. Тешить себя иллюзиями. Жить иллюзиями, в мире иллюзий*. 3. Программный номер иллюзиониста. *Мастер иллюзии*» [Кузнецов 2000, с. 388], «Искаженное восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное. || Ошибочное, не соответствующее действительности представление о чем-л.» [МАС, т. I, с. 659]; «ложное, ошибочное понятие, представление о чем-либо; нечто несбыточное» [Семёнов: интернет-ресурс], «1. искаженное восприятие действительности. 2. Несбыточная надежда» [Грубер 2008, с. 179]; «1. Нечто кажущееся, не существующее в реальности; 2) неисполнимые мечты или надежды. *Питаться иллюзиями*» [Егорова 2014, с. 240]; «Искаженное восприятие действительности, основанное на обмане чувств, принятие кажущегося, мнимого за действительное. Оптическая и. || перен. Существующее лишь в воображении, несбыточное, мечта. *Строить, создавать себе иллюзии*» [Ушаков: интернет-ресурс]; «обман чувств, когда что-либо кажущееся, но не существующее на самом деле, производит впечатление действительности; в переносном смысле: мечта; настроение, созданное воображением человека, не считавшегося с фактами» [Попов 1911, с. 144]; «обман чувств, нечто кажущееся; болезненное состояние – ошибочное восприятие предметов, явлений (спец.); перен. нечто несбыточное, мечта; программный номер иллюзиониста (спец.)» [Шапошников, т. I, с. 349].

[241] Прилагательное *иллюзорный* – гораздо более позднее слово, вошедшее в употребление в конце XIX века [Черных, т. I, с. 343; Шанский, т. VII, с. 50]. *Иллюзорный* «порожденный иллюзией; несбыточный, ошибочный, призрачный» [БАС, т. V, стлб. 285]; «призрачный, обманчивый, кажущийся» [КСИС 1952, с. 143], «порожденный иллюзией, несбыточный» [Крысин 2006, с. 294], «призрачный, кажущийся» [Грубер 2008, с. 179]; «несбыточный, обманчивый. *Иллюзорные мечты*» [Егорова 2014, с. 240].

[242] Иллюзионизм [франц. illusion ⇐ лат. illusio ⇐ illudere обманывать] – искусство, основанное на умении артистов создавать видимые и необъяснимые чудеса [Егорова 2014, с. 240].

[243] Иллюзионист [франц. illusion ⇐ лат. illusio ⇐ illudere обманывать] – человек, владеющий искусством иллюзионизма. *Талантливый иллюзионист* [Егорова 2014, с. 240]; «эстрадно-цирковой артист, показывающий сложные фокусы, часто с применением специальной аппаратуры. ▲ В рус. языке слова этой группы изв. с XIX в. ▲ Из нем. Illusioniste «фокусник» или франц. illusioniste – тж. Первоисточник: лат. illusio, -onis «осмеяние, ирония, обман, обыгрывание» [Шапошников, т. I, с. 349].

[244] ***Аппарат****-визуализатор создает оптические* ***иллюзии****, вытесняя «одряхлевшее кино» и «надоевшее телевидение».* Е. Велтистов. Приключения Электроника (1964); *В конце концов наши ученые мужи ради вящего спокойствия постановили считать* ***иллюзией****, созданной настраиваемой* ***аппаратурой***. А. Бушков. Летающие острова (1996).

[245] *Монолог в 6-й картине совсем пропал – слышалось что-то монотонное, плохо заученное и вдобавок весьма кислое; два-три штриха в мимике еще были удовлетворительны, но стоило* ***артисту*** *открыть рот и дать звук, вся* ***иллюзия*** *пропадала окончательно и становилось досадно*. А. В. Живаго. Дневник (1907).

3. ‘болезненный’ [Шапошников, т. I, с. 349][246];

4. ‘видимость’ [Кузнецов 2000, с. 388][247];

5. ‘воображение’ [Попов 1911, с. 144; Ушаков: интернет-ресурс][248];

6. ‘восприятие’ [Грубер 2008, с. 179; КСИС 1952, с. 143; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Ушаков: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][249];

7. ‘впечатление’ [Попов 1911, с. 144][250];

8. ‘вызванный’ [КСИС 1952, с. 143][251];

9. ‘галлюцинация’ [Крысин 2006, с. 294][252];

10. ‘действительность’ [Грубер 2008, с. 179; КСИС 1952, с. 143; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Попов 1911, с. 144; Ушаков: интернет-ресурс][253];

11. ‘искаженный’ [Грубер 2008, с. 179; КСИС 1952, с. 143; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Ушаков: интернет-ресурс][254];

12. ‘искусство’ [Егорова 2014, с. 240][255];

13. ‘кажущееся’ [Егорова 2014, с. 240; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Попов 1911, с. 144; Ушаков: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][256];

14. ‘ложный’ [БАС, т. V, стлб. 284-285; Епишкин: интернет-ресурс; Семёнов: интернет-ресурс][257];

---

[246] *«В аполлинийских образах, говорит он, не должна отсутствовать та нежная черта, за которую не следует переступать сонной грезе, чтобы не действовать на нас* ***болезненно****, чтобы* ***иллюзия*** *не показалась нам грубой действительностью*. М. А. Волошин. Аполлон и мышь (творчество Анри де Ренье) (1911). *Расставание с* ***иллюзиями*** *– всегда* ***болезненный*** *процесс*. Аграрное чудо-юдо // «Воронежские вести», 2003.

[247] *Можно, не нарушая иллюзии, не досказать многого – читатель или зритель сам доскажет, и иногда вследствие этого в нем еще усилится иллюзия, но сказать лишнее всё равно, что, толкнув, рассыпать составленную из кусков статую или вынуть лампу из волшебного фонаря, – внимание читателя или зрителя отвлекается, читатель* ***видит*** *автора, зритель – актера,* ***иллюзия*** *исчезает, и вновь* ***восстановить*** *иллюзию иногда бывает уже невозможно*. Л. Н. Толстой. О Шекспире и о драме (1906). *Это одна* ***видимость****,* ***иллюзия****, никакой магии…* А. Бушков. Летающие острова (1996).

[248] ***Воображал*** *же он с такой силой и яркостью, что умел убеждать в реальности своих фантазий и* ***иллюзий*** *не только других, но и самого себя, что гораздо труднее*. А. В. Амфитеатров. Чудодей (1932).

[249] *Эти песчаные фульгуриты до* ***иллюзии*** *напоминают природные*. Природа. 1926. № 3–4, с. 43.

[250] *В такие вечера под тенью темных деревьев, освещенных большими круглыми венецианскими фонарями, которые дают* ***иллюзию*** *апельсинов, под звуки безчисленных оркестров, гуляет толпа*. МБ 1900. № 7(2), с. 78.

[251] *...В каждом спектакле каждый из актеров должен* ***вызывать*** *у зрителя полную* ***иллюзию***. М. А. Булгаков. Записки покойника (1936–1937). *Такие мысли* ***вызывают иллюзию*** *понимания и здорово оправдывают собственную глупость и слабость*. 8 Благородных недостатков современного искателя // Пятое измерение, 2003.

[252] *Алкалоиды красавки вызывают сильнейшие* ***галлюцинации*** *и, в частности,* ***иллюзию*** *полета, из-за чего это растение было составной частью знаменитой «мази ведьм», действие которой описал в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков*. С. В. Мельникова. Сказки и «волшебные» растения // «Биология», 01.04.2003. *Жизнь есть сон (****иллюзия****, виртуальность,* ***галлюцинация****), навеянный некими силами, которым служат избранные жрецы тайного учения, манипулирующие всем человечеством*. В. Пелевин: pro и contra (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 28.09.2003.

[253] *В этом пышном расцвете зной собирает себя по тенистым, скоромным купинам, и разрешается в нечаянные бельведеры – где все пейзажи,* ***иллюзии*** *и порывы связуются весьма* ***натурально****, вдвоем*. В. Кондратьев. Нигилисты (1992). *С* ***действительностью иллюзию****, С растительностью гранит Так сблизили Польша и Грузия, Что это обеих роднит*. Пастернак. Трава и камни.

[254] *Это так называемые* ***иллюзии*** *–* ***искаженное*** *восприятие действительности*. В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. (1991).

[255] ***Искусство*** *– это большая* ***иллюзия****, а современное искусство пытается объединить вместе искусство и жизнь*. Г. Хабаров. Иконописец авангарда // «Совершенно секретно», 10.07.2003.

[256] *Я хожу среди людей чужим. Нас разделяет время. Их светлый и радостный мир* ***кажется*** *мне* ***иллюзией****. За яркими красками дня я вижу непроглядную тьму*. А. Лебедев, К. Воронцов. Тени Асгарда (2007).

[257] *Его путь показывает, что большой поэт, если он со всей ответственностью относится к своему таланту, не может остаться в духовной изоляции от своего времени, от его передовых сил, не может не*

15. ‘мечта’ [Егорова 2014, с. 240; КСИС 1952, с. 143; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; Попов 1911, с. 144; Ушаков: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][258];

16. ‘мираж’ [Крысин 2006, с. 294][259];

17. ‘мнимое’ [Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Ушаков: интернет-ресурс][260];

18. ‘надежда’ [Грубер 2008, с. 179; Егорова 2014, с. 240; КСИС 1952, с. 143; Семёнов: интернет-ресурс][261];

19. ‘на самом деле’ [Попов 1911, с. 144][262];

20. ‘настроение’ [Попов 1911, с. 144][263];

21. ‘не соответствующее’ [МАС, т. I, с. 659][264];

22. ‘(не) существующее’ [Егорова 2014, с. 240; Ушаков: интернет-ресурс][265];

23. ‘неисполнимый’ [Егорова 2014, с. 240][266];

24. ‘необъяснимый’ [Егорова 2014, с. 240][267];

25. ‘несбыточное’ [Грубер 2008, с. 179; КСИС 1952, с. 143; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; Семёнов: интернет-ресурс; Ушаков: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][268];

---

*преодолевать соблазны буржуазно-декадентской культуры, **ложные иллюзии** о свободе от общества, от современности*. Н.А. Трифонов. Валерий Брюсов (1994). *Иные находят в искусстве очарование **иллюзии**, красивой и занятной **лжи***. И. Купцов. Товарищ жизнь и краски искусства // «Юность», 1969.

[258] *Требовал, чтоб ему компенсировали утраченные **иллюзии***. Л. Леонидов Фразы // Литературная газета. 1996. № 12, с. 16.

[259] *Сочинская Олимпиада превращается в еще одну **иллюзию, мираж**, который притягивает к себе, но которого нельзя достичь.* В. Суриков. Путь сквозь пустоту // «Эксперт», 2015.

[260] *Подошел к огромному камину, пламя, скорее всего, было **иллюзией***… А. Бушков. Летающие острова (1996).

[261] *Особенно ненасытны те, кто не питает **иллюзий***. Б. Крутиер. Крутые мысли // Литературная газета. 1993. № 6, с. 10.

[262] *Нет, молодые собачники, охотники, молодожены, поэты, не верьте никогда внезапному счастью, знайте, напротив, что **иллюзия** эта **в самом деле** есть величайший барьер на вашем пути, и вы должны не сидеть на нем, а перескочить*. М. М. Пришвин. Кэт (1925).

[263] *Любые попытки, даже идущие изнутри, хоть как-то сохранить демократический характер правосудия, трактовались как «буржуазные **иллюзии**», «антисоветские **настроения**» и решительно пресекались идеологически чуткой властью*. Независимое правосудие: доктрина и реальные проблемы осуществления на современном этапе // «Арбитражный и гражданский процессы», 24.05.2004.

[264] *В своей целостности это пестрое, «лоскутное» одеяло слов не могло покрыть ни одной стороны быта, но те «лоскуты», из которых сшита эта словесная ткань, внушали **иллюзию соответствия** между «натурой» Гоголя и действительностью*. В. В. Виноградов. Этюды о стиле Гоголя (1923–1926).

[265] *«**Иллюзия** благополучия, – подумал Сергей. – Скоро, скоро придет и сюда, может быть грубая, жестокая, но освежающая буря Революции. И сметет она этот теплый покой и пошлый уют. К чорту, кверх ногами перевернет эту равномерно налаженную жизнь. И засмеется над испуганным недоумением и бессильной ненавистью этих маленьких, протестующих человечков».* А. Голиков. В дни поражений и побед. 1925. *К тому же **существует иллюзия**, что приход к власти левых вызвал бы окончательное поругание демократических свобод*. С. Доренко. Левые силы - перезагрузка // «Завтра», 2003.08.13.

[266] *Для тех, кто остается в андеграунде, находя признание в узком кругу «посвященных», важно поддержание благородной **иллюзии** тотальной неприемлемости сочиняемой и **исполняемой** музыкальной продукции для «широкого вкуса», воплощен ли он FM-радио, стадионными концертами или признанием со стороны мэйджоров*. А. Зайцева. (Анти)экономика рок-андеграунда: добродетели «сделай сам» и механика вытеснения денег // «Неприкосновенный запас», 15.01.2004.

[267] *Как **объяснить** нашу **иллюзию***? Г. П. Федотов. Судьба империй (1947).

[268] [Пётр Васильевич] *жил в мире **несбыточных иллюзий** и радужных мечтаний*. Д.Н. Мамин-Сибиряк. На месте преступления (1897).

26. ‘нечто’ [Егорова 2014, с. 240; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; Шапошников, т. I, с. 349][269];

27. ‘номер’ [Епишкин: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][270];

28. ‘обман’ [БАС, т. V, стлб. 284-285; Епишкин: интернет-ресурс; КСИС 1952, с. 143; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Попов 1911, с. 144; Ушаков: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][271];

29. ‘основанный’ [БАС, т. V, стлб. 284; Епишкин: интернет-ресурс; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Ушаков: интернет-ресурс][272];

30. ‘ошибочный’ [БАС, т. V, стлб. 284–285; Епишкин: интернет-ресурс; Семёнов: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][273];

31. ‘подобие’ [Кузнецов 2000, с. 388][274];

32. ‘показывать’ [Шапошников, т. I, с. 349][275];

33. ‘понятие’ [Семёнов: интернет-ресурс][65];

34. ‘порождённый’ [БАС, т. V, стлб. 285; Крысин 2006, с. 294][276];

35. ‘предметы’ [Шапошников, т. I, с. 349][277];

36. ‘представление’ [БАС, т. V, стлб. 284-285; Епишкин: интернет-ресурс; МАС, т. I, с. 659; Семёнов: интернет-ресурс][278];

37. ‘призрачный’ [БАС, т. V, стлб. 285; Грубер 2008, с. 179; КСИС 1952, с. 143][279];

---

[269] *Я встал потихоньку и прошлепал к окну. Там опять творилась какая-то чертовщина. Прямо по курсу собирались волокна зеленого свечения, образуя подобие огромного уродливого лица с пустыми темными глазницами и перекошенным ртом. Конечно, это была только* ***иллюзия****, совершенно безвредная*. А. Лебедев. Боги Синтеоса (2000). *Жизнь представляется нам нелепостью только тогда, когда мы принимаем* ***иллюзию*** *я за* ***нечто*** *реальное*. Л. Н. Толстой. Дневник (01.02.1905).

[270] *Конкурсанты* ***выступят*** *в различных жанрах – дрессура, акробатика, эквилибр, гимнастика, жонглирование, клоунада,* ***иллюзия*** *и оригинальный жанр*. Е. Налимова. На арене – фестиваль // «Богатей», 2003.09.11.

[271] *Вас можно* ***обмануть иллюзией****…* А. Бушков. Летающие острова (1996).

[272] Но *это было только второй стадией* ***иллюзии****,* ***основанной*** *на вере в будущую вечную жизнь*. И. И. Мечников. Этюды о природе человека (1903-1915). *Это* ***иллюзия****,* ***основанная*** *на полном непонимании того, что происходит в СССР*. В. А. Рубин. Дневники. Письма (1977).

[273] *Разумеется, можно скептически относиться к тем или иным сообщениям об НЛО, а также об их контактах с представителями рода человеческого, местах "посадок " и т. д. и т. п. и считать их всякого рода* ***иллюзиями****, галлюцинациями,* ***ошибками*** *наблюдений, неправильными* ***истолкованиями*** *различных природных явлений или явлений, связанных с деятельностью человека*. В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995-2000).

[274] *Вот скалистая сопка,* ***похожая*** *на голову великана…; дальше каменная баба, как бы оглядывающаяся назад… Когда мы подъезжали к ним вплотную,* ***иллюзия*** *пропадала*. В. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня. 1917.

[275] *...****Иллюзия*** *расстояния* ***показывает*** *нам подчас поля блаженных, которые исчезают при нашем приближении, как оптический обман*. Л. П. Гроссман. Последняя поэма Тургенева (1918).

[276] *В подобном мире самостоятельное, реальное течение событий – всего лишь* ***иллюзия****, которая* ***порождена*** *либо движением "мировой линии" мимо "неподвижного" сознания, либо движением самого сознания вдоль "мировой линии".* В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995-2000).

[277] *Мы можем видеть какой-либо* ***предмет****, а затем осознавать, что это была* ***иллюзия****, что перед нами в действительности был другой предмет*. В. М. Молчанов. Предпосылки и беспредпосылочность феноменологической философии // Логос, № 10, 1999.

[278] *Но если в теннисе за внимание зрителей борются посредством* ***представления*** *персонажа,* ***через создание иллюзии*** *приближения-удаления некоей, способной быть звездой личности, то в пляжном волейболе главной персоной должен стать сам пляжный волейбол*. Д. Кувичка. Мерилин Монро, Beatles и личный агент Шакила О'Нила // «Известия», 2001.08.14.

[279] *Так авторы разрушают* ***призрачную иллюзию*** *этого полупатриархального райского уголка*. О. Самсомов. Первая ласточка. «Чудак» (Иран) // «Советский экран», 1971.

38. ‘применение’ [Шапошников, т. I, с. 349][280];

39. ‘принятие’ [Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Ушаков: интернет-ресурс][281];

40. ‘программный’ [Епишкин: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][282];

41. ‘производить’ [Попов 1911, с. 144][283];

42. ‘реальность’ [Егорова 2014, с. 240][284];

43. ‘созданный’ [Попов 1911, с. 144][285];

44. ‘состояние’ [Шапошников, т. I, с. 349][286];

45. ‘не считаться’ [Попов 1911, с. 144][287];

46. ‘умение’ [Егорова 2014, с. 240][288];

47. ‘факты’ [Попов 1911, с. 144][289];

---

[280] *В прологе и эпилоге Гриффит* ***применил*** *специальную систему подсветки для создания* ***иллюзии*** *восхода и заката*. М. Ямпольский. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф (1993).

[281] *На самом же деле все это является* ***иллюзией*** *и* ***принятием*** *желаемого за действительное*. В. Мартынов. Конец времени композиторов (2002).

[282] *В частности по отношению к украинской* ***программе*** *– я глубоко в том убежден – это –* ***иллюзия*** *и введение в заблуждение. П*. Б. Струве. Ответ моим оппонентам (1914).

[283] *Но борьба их не вытекает из естественного хода событий и из характеров лиц, а совершенно произвольно устанавливается автором и потому не может* ***производить*** *на читателя той* ***иллюзии****, которая составляет главное условие искусства*. Л. Н. Толстой. О Шекспире и о драме (1904).

[284] *Ну хоть то, что наш мир* ***иллюзия****, и что* ***реально*** *только то, что воспринимает*. Л. Н. Толстой. Дневник (29.09.1909). *Сочетания элементов создают* ***иллюзию*** *убедительности и* ***реальности****, но фильм движется и проносит перед сознанием ленту явлений, которые есть и которых нет, чтобы мелькнуть на миг и унестись в прошлое*. Б. Н. Абрамов. Грани Агни Йоги (1952).

[285] *Его эмоции и мысли, необычно соединяя личное с общечеловеческим, создают поразительное ощущение нужности и осмысленности жизни,* ***создают иллюзию*** *близкой цели*. В.В. Вересаев. Пушкин в жизни (1936). С *письменного стола фарфоровые амурчики поглядывали глупо. Равно тикали стенные часы. – Покой, уют, благополучие. Идея сдохла, а орудие в руках осталось, и формально, «по паспорту», орудие это русское. То есть и азербайджанское тоже, но русских больше пока числом, да и Москва, столица СССР, как-никак бывший русский город. Вот и* ***создается иллюзия****. Вот все и кричат: «русские наступают!», «русские помогают арабам!».* В. Солоухин. Последняя ступень (1976).

[286] *Частые дежа вю и попутные* ***иллюзии****, которые я* ***испытываю*** *всюду как рассеянный и склонный к эпилепсии невротик, не дают мне особой разницы наяву и во сне (во сне, впрочем, я привык иногда летать) и в принципе сопровождают мои прогулки в ряду других исторических и художественных памятников, которыми вполне богаты улицы, музеи и библиотеки нашего города, среди впечатлений, которые мне дают на память мои друзья*. В. Кондратьев. Бутылка писем (1993). *Будущее состояние наше всегда будет казаться* ***иллюзией*** *для нашего теперешнего* ***состояния***. Л. Н. Толстой. На каждый день (1910)

[287] *Если у Шанкары высшее начало (называемое то Атманом, то Брахманом, то просто Сущим) лишено всякой двойственности, а все многообразие форм, характеристик и активностей видимого мира* ***считается иллюзорной проекцией*** *неведения (авидья) или магической силы майи, то у Бхартрихари концепция единого Брахмана не влечет за собой признания майи как силы, создающей вселенскую иллюзию множественности и многообразной активности живых форм*. В. Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990–1996). *Так, например, Сан Ра в какой-то момент начал отделять себя от движения Black Power, расходясь с ним в понимании расы: он* ***считал*** *ее* ***иллюзией****, которой одинаково охвачены как белые, так и не-белые*. Д. Жайворонок. Духи будущего, хип-хоп и летающие тарелки. Как индейцы и афроамериканцы переизобретают будущее (2019.03).

[288] *Сила Мопассана – в* ***умении*** *создавать эту* ***иллюзию*** *подлинной жизненности в самых маленьких обрывках художественной ткани*. Л. П. Гроссман. Натурализм Чехова (1914).

[289] *Возникло ли "повышенное чувство ответственности" за судьбу страны, осознание себя выше консультантов из администрации президента в понимании политической ситуации, может, груз свободных денежных остатков передавил, но* ***факт*** *остается* ***фактом*** *– демонстрация независимости от власти, позиционирование в качестве одной из крупнейших в мире компаний и* ***иллюзия*** *самодостаточности сыграли злую шутку*. ЮКОС – что дальше? Ходорковский и 'кремлевская доля' // «Газета», 2003.07.07.

48. ‘фантазия’ [Крысин 2006, с. 294][290];

49. ‘фантом’ [Крысин 2006, с. 294][291];

50. ‘фокус’ [Шапошников, т. I, с. 349][292];

51. ‘фокусник (иллюзианист)’ [Епишкин: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][293];

52. ‘химера’ [Крысин 2006, с. 294][294];

53. ‘чувства’ [БАС, т. V, стлб. 284–285; Епишкин: интернет-ресурс; КСИС 1952, с. 143; Крысин 2006, с. 294; Кузнецов 2000, с. 388; МАС, т. I, с. 659; Попов 1911, с. 144; Ушаков: интернет-ресурс; Шапошников, т. I, с. 349][295];

54. ‘чудеса’ [Егорова 2014, с. 240][296];

55. ‘эстрадно-цирковой’ [Шапошников, т. I, с. 349][297];

56. ‘явления’ [Шапошников, т. I, с. 349][298].

Языковой материал показывает сохранившуюся актуальность понятийных признаков концепта *иллюзия*, появившихся в его структуре до конца XIX в., однако в словарях сведения о них отсутствуют:

57. ‘заблуждение’[299];

58. ‘мечтательность’[300];

---

[290] *Здесь испытываешь потребность сразу же высказать оценочное суждение: история русских* ***иллюзий*** *и* ***фантазий****, русских заблуждений, изучена гораздо более внимательно и основательно, чем история русской здравой мысли, воплощенной прежде всего в Пушкине*. С. Франк. О задачах познания Пушкина (1937). *И все потому, что сплошь* ***иллюзии****,* ***фантазии****, а реально ничего нет*. О. Н. Ковалёва. Дневник (1985).

[291] *Глядя на Валерию, я никак не мог отделаться от чувства, что это* ***иллюзия****, галлюцинация,* ***фантом***. И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя (1998).

[292] *Дескать, приехали артисты и будут давать в нашем клубе разнообразные представления:* ***фокусы*** *показывать, всякую* ***иллюзию*** *и еще какую-то... мне-мо-технику!* Ник. Харьков. Мнемотехника // «Огонек». № 16, 1956.

[293] *Но* ***иллюзионист*** *и в быту не может без* ***иллюзий****...* И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999).

[294] *В западнорусском или польском вопросе допущено было меньше политических* ***химер****, но немало дипломатических* ***иллюзий****, самообольщения (недоразумений) и всего больше противоречий*. В. О. Ключевский. Русская история (1904). *Как же пользуется им Viele – Griffin? Для прославления* ***химеры****, для апофеоза* ***иллюзии***. В. И. Иванов. Две стихии в современном символизме (1908).

[295] *Улица была пуста. Ночь вступила в свои права, мертвенный свет фонарей и оранжевые квадраты окон были только* ***иллюзией*** *человеческой власти. В который раз я* ***почувствовал*** *себя словно в подводной лодке – окруженным невидимой, но враждебной средой*. А. Лебедев. Зов саламандры. 2008.

[296] *Между тем игра света продолжает творить* ***чудеса****, заливая сцену солнечными золотистыми лучами или создавая* ***иллюзию*** *плещущихся морских волн*. Contemporary dance – сродни сектатнтству // «Театральная жизнь», 24.11.2003. *Иллюзия оказалась такой, что посетитель в зале выставки, – тем более, так нахально закуривающий, – поразил меня так, как будто возник на диване в моей комнате*. В. Кондратьев. Книжка, забытая в натюрморте (1993).

[297] *В цирке на проспекте Вернадского – «Большие* ***иллюзии*** *большого* ***цирка****».* Афиша // «Столица», 27.05.1997.

[298] *За этими холмами угадывались разделенные густыми рощами, прудами и системой каналов корпуса домов, памятные урочища, фермы,* ***выглядевшие*** *в этом лесу как* ***иллюзия*** *воздушного театра, которую вдалеке продолжал вид на город с новыми башнями и проспектами: непонятно, вторгается ли этот город в лес или перспективы его зданий тают на глазах, выдавая непроходимую чащу*. В. Кондратьев. Бутылка писем (1993).

[299] *Если в действительной жизни* ***иллюзия*** *лишь на мгновение искажает действительность, то в отвлеченной области* ***заблуждение*** *может господствовать целые тысячелетия, может надеть свое железное ярмо на целые народы, заглушить самые благородные порывы человечества и с помощью своих рабов, обманутых им, заковать того, кого не смогло обмануть*. Л. Н. Толстой. Путь жизни (1910). *От произведений Элизы Оржешко чаще всего вы отходите обманутые, очарованные, как обманывает, очаровывает нас сама жизнь, облеченная в красивыя формы* ***иллюзи****й, увлечений,* ***заблуждений*** *и* ***миражей*** *действительности*. А. В. Жиркевич. Памяти Э. Б. Оржешко-Нагорской (1912).

[300] *Теперь я понял, жизненно, всем своим существом понял, что это* ***мечтательность*** *и* ***иллюзия****, детское неведение*. С. Н. Булгаков. Дневник (1922).

59. ‘обманчивость’[301];
60. ‘обыгрывать’[302];
61. ‘плоды’[303];
62. ‘самообман’[304].

«Пропущенные» в толковых словарях XIX в., понятийные признаки концепта *иллюзия*, выделенные на основе анализа языкового материала, сохранили свою актуальность в современный период, однако в толковых словарях XX – XXI вв. они так же не обнаружены. Среди таких признаков:

63. ‘видение’[305];
64. ‘внушение’[306];
65. ‘грёза’[307];
66. ‘дело’[308];
67. ‘идея’[309];
68. ‘игра’[310];
69. ‘ирония’[311];
70. ‘насмешка’[312];

---

[301] *Мистицизм сочетается во мне со склонностью к реализму в жизненных оценках и нелюбовью к* ***обманчивым иллюзиям***. Н. А. Бердяев. Автобиография (1917).

[302] *Все «вещественное» здесь* ***обыграно до иллюзии***. К. И. Чуковский. Дневник (1946).

[303] *Бакунин тут* ***не питал*** *никаких* ***иллюзий*** *насчет своего «милого друга» Нечаева, о чем ему прямо и заявлял*. Подстрекатели истории // «Культура», 2002.04.08.

[304] *Обычно, чтобы* ***сохранить у себя иллюзию*** *прежней заботы, я провожал ее до двери на лестничную клетку, бормотал ей вслед что-то неразборчиво-напутственное и шел назад*... В. Пелевин. Ника (1992).

[305] *Кругом встречая иллюзии прежней и будущей жизни, то руины, то обещающие вывески, и привыкший развлекаться сам по себе, раскидывая свой покер на экране в углу безлюдного заведения, я различаю все мои* ***видения*** *как происходящие или возможные: все новые встречи, выдающие мою забывчивость и безразличие, убеждают меня в том, что эта небывалая, наглая рассеянность, – не удивляться ничему, не признавать никого, – обязана некоей скрытой памяти сродни ликантропии, вполне раздвигающей мои познания, дающей верное чутье*. В. Кондратьев. Нигилисты (1992).

[306] *Они в высшей степени способны* ***внушить*** *себе какую-нибудь роль и провести ее,* ***создавая*** *у окружающих полную* ***иллюзию****, что окружающие имеют дело с медиумом высокой силы или ясновидящей*. Вас. А. Гиляровский. Психиатрия (1935).

[307] *А так как человек в действительности не может творить, то, благодаря этому притязанию, он все существующее превращает только в* ***иллюзию****, в свою* ***грезу****, живое опрыскивает мертвой водой*. С. Н. Булгаков. Философия хозяйства (1912). *И всё же я благодарю маму за тот светлый мир* ***грёз*** *и* ***иллюзий****, что вложила она в меня в дни моего детства*. Н. С. Покровская. Дневник русской женщины (1962).

[308] *И внутреннее кокетство, т. е. неподлинное отношение с действительностью, чуждо ей: мечтательность, создание себе* ***иллюзий****, мление – все это не* ***дело*** *Софии*. П. А. Флоренский. Имена (1926). *Всё* ***дело в иллюзии*** *себя, своего я, которого нет и никогда не было*. Л. Н. Толстой. Письмо В. Г. Черткову от 3.10.1906.

[309] *Автор считает логическую обязательность следствий из этих* ***идей иллюзией*** *и принятие во внимание этих следствий в текущей геологической работе в данный момент развития геологии вредным, тормозящим и ограничивающим научную работу обстоятельством*. В. И. Вернадский. Биосфера и ноосфера (1938).

[310] *«Геральдическая конструкция» в конце концов создает лишь* ***иллюзорную и.ру*** *отсылок, референций, постоянно акцентируя одно и то же – игру кодов, выявленность репрезентации, структурный изоморфизм и... мерцающую за всем этим смысловую неопределенность*. М. Ямпольский. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф (1993).

[311] *И даже сейчас в нем что-то шевелится, хотя он старался смотреть на нее с* ***иронией****, не питал больше* ***иллюзий*** *и откровенно оценивал разрушительную работу времени, которое, как ни борись, не повернешь вспять*. В. Валеева. Скорая помощь (2002).

[312] *Мы перестали тяготиться этой* ***насмешкой****, которая напрочь срывает все наши* ***иллюзии*** *о собственной беспредельности*. С. Роганов. Homo mortem // Интернет-альманах «Лебедь», 12.10.2003.

71. ‘неосязаемый’[313];

72. ‘ощущение’[314];

73. ‘прихоть’[315];

74. ‘смех’ – видоизмененный (от мотивирующего признака ‘осмеивание’)[316];

75. ‘творчество’[317];

76. ‘фикция’[318].

Не все новые понятийные признаки, появившиеся в структуре концепта *иллюзия* в период XX – XXI вв., указаны в толковых словарях. Языковой материал из НКРЯ показывает «пропущенные» в словарях понятийные признаки в структуре концепта *иллюзия*:

77. ‘магия/ чары/ колдовство’[319];

78. ‘мир’[320];

79. ‘морок’[321];

---

[313] *Лет восемнадцати я впервые попал в компанию, не литературой воспитанную, не принципами и концепциями руководимую, а в которой все было «**весомо**, грубо, зримо», как в «настоящей» жизни, свободной от всех **иллюзий** и игры воображения*. А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994).

[314] *Про весь этот день было четкое **ощущение**, что на пресловутой машине времени перенесся на несколько часов в Россию из страны под названием СССР. И только одно мешало полной **иллюзии**: ныло около сердца. Ах, настучат, ох, донесут*. В. Солоухин. Последняя ступень (1976).

[315] *Согласитесь, превесьма соблазнительные **иллюзии** для человека, денно и нощно голодающего не по **прихоти**, а по беспросветности*... В. Слипенчук. Зинзивер (2001).

[316] *Он рассказывал о ... громадной ночнице, в состоянии покоя принимающей образ глядящей на вас змеи; об одной тропической пяденице, окрашенной в точное подобие определенного вида денницы, бесконечно от нее отдаленной в системе природы, причем **ради смеха иллюзия** оранжевого брюшка, имеющегося у одной, складывается у другой из оранжевых пахов нижних крыльев; и о своеобразном гареме знаменитого африканского кавалера, самка которого летает в нескольких мимических разновидностях, цветом, формой и даже полетом подражающих бабочкам других пород (будто бы несъедобным), являющимся моделью и для множества других подражательниц*. В. В. Набоков. Дар (1935–1937).

[317] *Пушкин же, умевший с неподражаемым искусством рисовать нравы простых людей – достаточно указать хотя бы на «Капитанскую дочку», нисколько не терялся и в сложности запутанной жизни интеллигентского класса. Его **творчество** не нуждалось в **иллюзии**. Он везде находил свое – и этому великому **искусству** научил своих преемников*. Л. Шестов. А.С. Пушкин (1937). *Каждый ученик прежде всего должен освободиться от всякого рода **иллюзий**, тем более от **творимых** самостоятельно и самовольно*. Е. И. Рерих. Письма в Европу (1931–1935). *Именно **иллюзии**, только в мире банковских сетей, и **творил** Сергей Анатольевич Давыдов.* М. Баконина. Девять граммов пластита (2000).

[318] *Теперь, по прошествии многих лет и с большого расстояния (отсюда, из Америки), ясно видно, что все это была лишь **иллюзия**, **фикция**, игра воображения; не было никакой Европы и никакой Свободы, была лишь нищая, разворованная Польша, находившаяся в те годы под таким же, если не худшим, давлением коммунистического сапога.* А. Журбин. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999).

[319] *И лишь будущая Афродита, которая никаких **иллюзий** насчет своих **чар** не имела, вынесла все до конца*. В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975). *На мгновение я залюбовался Их нечеловеческой холодной красотой, а Они почувствовали это и стали обволакивать меня невидимой паутиной **чар** и **иллюзий**. Звучала прекрасная музыка, нежные голоса звали меня, обещая неземные радости и могущество бога. Усилием воли я разорвал колдовские сети и плюнул в Них огнем*. А. Лебедев, К. Воронцов. Тени Асгарда (2007).

[320] *Люди разных сословий, разной культуры, разной степени связанности с традиционной, природной жизнью в эпоху перестроечных перемен переживают кризис, часто ломаются, иногда "держат удар", но неминуемо попадают в зависимость **от мира иллюзий***. И. Новикова. Преодоление иллюзий (о романе Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам») // «Октябрь», 2003.

[321] *Нет, я не могу сказать, что тридцать лет провинциальной жизни – зря, неполноценны; это примешивается нынешний вздор, будто присоединяющий к какой-то более высокой и значительной жизни, чем та, что у меня была, но это неверно, это – **иллюзии**, миражи, это тоже напрасное возбуждение ума **морок**, который рассеивается*. И. А. Дедков. Дневник (1988). *Зов не утихал, Сварог знал теперь, что кто-то угодил в беду, и что это не **морок**, не **иллюзия**, не ловушка.* А. Бушков. Летающие острова (1996).

80. ‘наваждение’[322];
81. ‘обольщение’[323];
82. ‘подделка’[324];
83–84. ‘творец’ и ‘виртуальный’[325].

Понятийные признаки, появившиеся в структуре концепта *иллюзия* в период XX – XXI вв., формируются в 18 кластеров: 1. Нечто неправильное (‘видимость’, ‘заблуждение’, ‘кажущееся’, ‘ложный’, ‘мнимое’, ‘обман’, ‘обманчивость’, ‘обольщение’, ‘ошибочный’, ‘самообман’, ‘фикция’); 2. Негативное отношение (‘ирония’, ‘насмешка’,); 3. Игра (‘игра’, ‘обыгрывать’); 4. Искаженное восприятие (‘внушение’, ‘восприятие’, ‘вызванный’, ‘галлюцинация’, ‘искаженный’, ‘мираж’, ‘наваждение’); 5. Ментальные проявления внутреннего (‘воображение’, ‘впечатление’, ‘грёза’, ‘идея’, ‘мечта’, ‘мечтательность’, ‘не считаться’, ‘понятие’, ‘представление’, ‘фантазия’); 6. Физический мир (‘действительность’, ‘на самом деле’, ‘мир’, ‘основанный’, ‘подделка’, ‘порожденный’, ‘предметы’, ‘реальность’, ‘факты’, ‘явления’); 7. Желания и ожидания (‘надежда’, ‘неисполнимый’, ‘несбыточное’, ‘принятие’, ‘прихоть’); 8. Результат (‘плоды’); 9. Телесные ощущения (‘болезненный’, ‘ощущение’); 10. Действия (‘дело’, ‘искусство’, ‘производить’, ‘творчество’); 11. Эмоции (‘настроение’, ‘смех’, ‘состояние’, ‘чувства’); 12. Виртуальный мир (‘видение’, ‘виртуальный’, ‘не соответствующее’, ‘(не) существующее’, ‘неосязаемый’, ‘нечто’, ‘подобие’, ‘призрачный’, ‘фантом’, ‘химера’); 13. Использование (‘применение’); 14. Демиург (‘творец’, ‘созданный’); 15. Механизм (‘аппаратура’); 16. Человек творческой профессии (‘артист’, ‘фокусник (иллюзианист)’); 17. Магия (‘магия/ чары/ колдовство’, ‘необъяснимый’, ‘чудеса’); 18. Представление (‘номер’, ‘показывать’, ‘программный’, ‘умение’, ‘фокус’, ‘эстрадно-цирковой’).

В Таблице 1 указаны базовые (мотивирующие – первичные – и понятийные признаки, развившиеся в структуре концепта *иллюзия* до конца XIX в. и в период XX – XXI вв. Помета «ям» указывает на признаки, выявленные в языковом материале, но в словарях эти признаки найти не удалось. Все остальные признаки обнаружены в словарных статьях репрезентантов концепта *иллюзия*.

---

[322] *И если мы видим в Христе как мы его видим дьявольское* ***наваждение***, ***иллюзию****, Антихриста, то мы у порога истины, потому что это только утверждает действительность невидимого нами настоящего Человека*. В. В. Бибихин. Из записей на тему самопознания (1970-1992). *Он соприкасается с матерью и отцом – и не видит этого, «ослепленный»* ***наваждениями иллюзий***. И. Ларин. Заповеди Мераба // «Звезда», 2003.

[323] *Не следует, однако,* ***обольщать*** *себя чрезмерными* ***иллюзиями***. Б. А. Бахметьев. Из письма П. Н. Милюкову (1921).

[324] *Это тоже было* ***подделкой***, ***иллюзией****, одной из граней мира, единственной доступной для людей*. С. Лукьяненко. Ночной дозор (1998).

[325] *Удочка, выданная дедом Игнатом, была из бамбука. Причем, свежеспиленного. Таким образом, общий счет матча стал три – ноль в мою пользу. Если уж неизвестные* ***творцы виртуальных Вселенных*** *старались* ***создать*** *у меня* ***иллюзию****, будто климат и природа здесь соответствуют привычной для меня средней полосе России, то откуда же здесь, скажите на милость, мог взяться бамбук? А?* О. Овчинников. Антинародная мудрость (2004).

Таблица 3. Базовые признаки в структуре концепта *иллюзия*

№ №	Мотивирующие признаки	Понятийные признаки	
		до конца XIX в.	XX – XXI вв.
1.	-	-	‘аппаратура’
2.	-	-	‘артист’
3.	-	‘болезненный’ (ям)	‘болезненный’
4.	-	‘видение’ (ям)	‘видение’ (ям)
5.	-	‘видимость’	‘видимость’
6.	-	-	‘виртуальный’ (ям)
7.	-	-	‘внушение’ (ям)
8.	-	‘воображение’	‘воображение’
9.	-	‘восприятие’ (ям)	‘восприятие’
10.	-	‘впечатление’ (ям)	‘впечатление’
11.	-	‘вызывать’ (ям)	‘вызванный’
12.	-	‘галлюцинация’ (ям)	‘галлюцинация’
13.	-	‘грёза’ (ям)	‘грёза’ (ям)
14.	-	‘действительность’ (ям)	‘действительность’
15.	-	‘дело’ (ям)	‘дело’ (ям)
16.	‘заблуждение’	‘заблуждение’	‘заблуждение’ (ям)
17.	-	‘идея’ (ям)	‘идея’ (ям)
18.	‘играть’	‘игра’	‘игра’ (ям)
19.	‘ирония’	‘ирония’ (ям)	‘ирония’ (ям)
20.	-	‘искаженный’ (ям)	‘искаженный’
21.	-	‘искусство’ (ям)	‘искусство’
22.	-	‘кажущееся’ (ям)	‘кажущееся’
23.	-	‘ложь’ (ям)	‘ложный’
24.	-	-	‘магия/ чары/ колдовство’ (ям)
25.	-	‘мечта/ мечтания’ (ям)	‘мечта’
26.	-	‘мечтательность’	‘мечтательность’ (ям)
27.	-	‘мир’ (ям)	‘мир’ (ям)
28.	-	‘мираж’ (ям)	‘мираж’
29.	-	‘мнимое’	‘мнимое’
30.	-	-	‘морок’ (ям)
31.	-	-	‘на самом деле’
32.	-	‘наваждение’ (ям)	‘наваждение’ (ям)
33.	-	‘надежды’	‘надежда’
34.	‘насмешка’	‘насмешка’ (ям)	‘насмешка’ (ям)
35.	-	‘настроение’ (ям)	‘настроение’
36.	-	-	‘не соответствующее’
37.	-	‘существует’ (ям)	‘(не) существующее’
38.	-	‘неисполнимый’ (ям)	‘неисполнимый’
39.	-	-	‘необъяснимый’

40.	-	‘неосязаемый’ (ям)	‘неосязаемый’ (ям)
41.	-	‘несбыточный’	‘несбыточное’
42.	-	‘нечто’ (ям)	‘нечто’
43.	-	-	‘номер’
44.	‘обман’	‘обман’	‘обман’
45.	-	‘обманчивость’	‘обманчивость’ (ям)
46.	-	‘обольщение’ (ям)	‘обольщение’ (ям)
47.	‘обыгрыва-ние’	‘игра’	‘обыгрывать’ (ям)
48.	‘осмеивание’	‘смех’ (ям)	‘смех’ (ям)
49.	-	‘основанный’ (ям)	‘основанный’
50.	‘ошибка’	‘ошибка’ (ям)	‘ошибочный’
51.	-	‘ощущение’ (ям)	‘ощущение’ (ям)
52.	-	‘плоды’	‘плоды’ (ям)
53.	-	-	‘подделка’ (ям)
54.	-	-	‘подобие’
55.	-	-	‘показывать’
56.	-	‘понятие’ (ям)	‘понятие’
57.	-	-	‘порожденный’
58.	-	‘предмет’ (ям)	‘предметы’
59.	-	‘представление’	‘представление’
60.	-	‘призрак’ (ям)	‘призрачный’
61.	-	‘применение’ (ям)	‘применение’
62.	-	-	‘принятие’
63.	-	‘прихоть’ (ям)	‘прихоть’ (ям)
64.	-	‘производить’ (ям)	‘производить’
65.	-	-	‘программный’
66.	-	-	‘реальность’
67.	-	‘самообман’	‘самообман’ (ям)
68.	-	-	‘созданный’
69.	-	-	‘состояние’
70.	-	‘считаться’ (ям)	‘не считаться’
71.	-	‘творец’ (ям)	‘творец’ (ям)
72.	-	‘творчество’ (ям)	‘творчество’ (ям)
73.	-	-	‘умение’
74.	-	-	‘факты’
75.	-	‘фантазия’ (ям)	‘фантазия’
76.	-	-	‘фантом’
77.	-	‘фикция’ (ям)	‘фикция’ (ям)
78.	-	-	‘фокусник (иллюзианист)’
79.	-	-	‘фокус’
80.	-	‘химера’ (ям)	‘химера’
81.	-	‘чувства’	‘чувства’

82.	-	-	‘чудеса’
83.	-	-	‘эстрадно-цирковой’
84.	-	-	‘явления’

Вошедший в русскую лингвокультуру заимствованный концепт *иллюзия* показывает стремительное развитие своей структуры: от восьми первичных – мотивирующих признаков до 55 понятийных признаков, появившихся до конца XIX в., и 84 понятийных признаков современного периода XX – XXI вв. Языковой материал помог отыскать «пропущенные» в словарях понятийные признаки обоих периодов эволюции структуры концепта.

Иллюзия первоначально осмыслялась как акт творения несуществующего мира[326], хотя во французской лингвокультуре появилось утверждение философского характера, что любое творение иллюзорно и правдивость творения зависит от таланта творца, об этом писал Ги де Мопассан[327], выдвинувший идею силы творчества как умение создавать подлинность жизни[328]. Все эти идеи берут начало в буддизме.

Метафора сотворения иллюзий появляется в русском языке в конце XIX в., ее вариантом выступает метафора зодчества. В это время иллюзия понимается как искусство создания правды (на сцене, в книге и под.)[329]. Творение и создание иллюзий оценивается амбивалентно[330]. Сотворение иллюзий понимается как проявление чуда в этом мире[331].

Созидание – стёртая зодческая метафора, которую чаще называют строительной. Она проявляется через признаки возведения, постройки[332] и разрушения[333].

---

[326] *Теперь, если допустить (а я в это глубоко верю), что вселенная не есть случайная игра случайных сил и явлений, что и «детерминизм» и «эволюция», что все это ведет к признанию некоторого закона, который «необходимо» тяготеет к чему-то, что мы называем «благом» во всех его видах (добро, истина, правда, красота, справедливость), то вывод ясен: мы не просто отражаем явления как они есть и не* ***творим*** *по капризу* ***иллюзию несуществующего мира***. В. Г. Короленко. Письма (1894).

[327] *Творить правдиво, по мнению Мопассана,* ***значит давать полную иллюзию правды****, и потому талантливых реалистов вернее бы называть иллюзионистами*. М. В. Барро. Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность (1895). *Гюи де Мопассан находил, что художник –* ***творит свою иллюзию мира****, то, чего нет в действительности, но что он создает взамен того, что есть*. В. Г. Короленко. Письма (1894).

[328] ***Сила*** *Мопассана –* ***в умении создавать эту иллюзию подлинной жизненности*** *в самых маленьких обрывках художественной ткани*. Л. П. Гроссман. Натурализм Чехова (1914).

[329] *Все это* ***создает*** *такую* ***сценическую правду, получается*** *такая* ***иллюзия****, что, совершенно не понимая финского языка, с наслаждением следишь за ходом действия и внимательно прислушиваешься к каждому слову*. А. А. Нильский. Закулисная хроника (1893–1897).

[330] *«Каждый из нас, – говорит он в заключение, – создает себе иллюзию мира, иллюзию поэтическую, сентиментальную, веселую, меланхолическую, грязную или мрачную, смотря по своей натуре*. М. В. Барро. Эмиль Золя. Его жизнь и литературная деятельность (1895).

[331] *Между тем игра света продолжает* ***творить чудеса****, заливая сцену солнечными золотистыми лучами или* ***создавая иллюзию*** *плещущихся морских волн*. Contemporary dance – сродни сектатнтству // «Театральная жизнь», 24.11.2003.

[332] *Ведь рядом с письменно-повествовательными формами художественная проза использует и другие* ***построения****, которые* ***создают иллюзию*** *устного воспроизведения*. В. В. Виноградов. К теории литературных стилей (1930-1940).

[333] *Начинаю* ***создавать*** *себе* ***иллюзии****, и все они так быстро* ***разрушаются***. И. Н. Кнорринг. Дневник (1923).

Слово *иллюзия* пришло в русский язык с поздним значением «обман» и сохранило его до наших дней, как и производные этого слова[334]. Речь идет чаще всего об обмане зрения. В этом случае *иллюзия* трактуется как «вúдение». С позиций восприятия иллюзия уточняется словом *ощущение*. Иллюзии-ощущения обычно не осознаваемы[335].

Визуализация иллюзии – это лишь видимость, мнимость видимого, что переосмысляется как впечатление (*иллюзия силы*), часто обманчивое. Это понимание иллюзии возникает в русской лингвокультуре в конце XIX в. В одном из контекстов А.П. Чехова *впечатление* уточняется словом *иллюзия*.

Мнимость, иллюзорность понимается как нечто нерукотворное, естественное. В таком случае творец иллюзий – сама природа; человек воспринимает и оценивает природное явление как иллюзию. Мнимость явления бывает созданной. Создателями иллюзий становятся эмоции, мысли и воображение[336]. Субъекты, создающие иллюзии, – разные люди: политики, идеологи, художники[337], артисты[338], творцы виртуальных вселенных. В русском языке метафоры создания иллюзии появились на определённом смысловом фундаменте: их прообразом стали магические метафоры, основанные на признаках наваждения[339], морока[340], что представляет суть иллюзии.

Иллюзия – антипод действительности, реальности, подлинного искусства[341]. В связи с онтологическим разделением мира на его реальную (физическую) составляющую и психическую (виртуальную) часть в языке возникла потребность в именовании того, что понималось как несуществующее, придуманное, внушенное.

---

[334] *Она шла, смотрела на **иллюзорно** свежую мостовую и наконец не выдержала – приблизилась к кромке тротуара и подставила лицо под фонтанчики очередной машины*. С. Ягупова. Феномен Табачковой (1979).

[335] *Ощущение скорее иллюзорное: не тот у большинства из нас слух, чтобы и впрямь расслышать игру каждого в оркестровом tutti; но иначе, как этим **ощущением** (или этой иллюзией), я не могу объяснить необычайную многомерность идущего с эстрады звука – при безукоризненной его прозрачности*. А. Привалов. Аббадо и другие // «Эксперт», 2013.

[336] *Ни мечетей, ни домовъ Константинополя не было намъ видно за этими высокими оплотами, и воображеніе создавало непобѣдимую иллюзію, словно мы дѣйствительно объѣзжали кругомъ древнюю Византію Юстиніановъ и Цимисхіевъ, въ тѣ далекіе вѣка, когда ея могучія стѣны чуть не ежедневно отражали босоногія толпы славянъ, защищая въ своихъ священныхъ оградахъ отъ этого надвигавшагося варварства весь разумъ, искусство и роскошь тогдашняго просвѣщеннаго міра*... Е. Л. Марков. Европейский Восток // «Вестник Европы», №№ 3-4, 1886.

[337] *Картины были нарисованы по обе стороны полотна красками различной плотности, попеременно освещались спереди и сзади светом, который в сочетании с красками на полотне создавал полную иллюзию естественного утреннего, дневного, вечернего и ночного освещения*. С. В. Евгенов. Дагерр, Ньепс, Тальбот – создатели фотографии (1938).

[338] *В свою очередь, пусть сами **артисты** учатся смотреть, видеть, воспринимать окружающее их на подмостках и непосредственно отдаваться настроению, создаваемому **сценической иллюзией***. К. С. Станиславский. Работа актера над собой (1938).

[339] *Галлюцинации и **иллюзии наваждений** гнездятся в ней, как микробы и бациллы*... А. В. Амфитеатров. Жарцвет (1895). *Скажите, больной: случаются ли у вас какие-нибудь наваждения, иллюзии, химеры, потусторонние голоса*..? В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора (1985).

[340] *Осведомленная о личной жизни баскетболистов дама была в психиатрии полным профаном, и Мишиной подготовки, полученной в ходе изучения курса судебной психиатрии в школе милиции, вполне хватило для того, чтобы **заморочить** ей голову и создать **иллюзию** беседы со специалистом*. А. Маринина. Мужские игры (1997)

[341] *Куросава как бы стремится показать, что каждый из социально адекватных героев тоже, в сущности, едет по реальному вагону в своем собственном маленьком **иллюзорном** «трамвае»*. В. Пелевин. Желтая стрела (1993).

Иллюзия понимается как подделка. Иллюзорное – зрительно обманчивое (*оптическая иллюзия*), обман слуха (*слуховые иллюзии*), обманчивое в чувствах (*аффективные иллюзии* мед. = под влиянием аффекта), ощущениях, оценке[342]. Изменилось общественное сознание: мифопоэтическое мышления[343] и идеализм оттесняются материализмом, практицизмом, предвестником перемен была теория солипсизма. Человек сомневается даже в реальности окружающего мира: в этом он находит основания для существования солипсизма[344].

Иллюзия – источник самонадеянности[345], самообольщения (*иллюзорные представления*). Значение «самообман» относится уже не к области перцепции, а к области сознания, рассудка. В таком случае можно говорить о синонимии слов *иллюзии* и *фантазии*, отмеченной еще Н.Г. Чернышевским[346]. Человек выступает и субъектом, и объектом обольщения-иллюзии.

Иллюзия отождествляется с фантазией. Фантазия и иллюзия понимаются как заблуждение, ошибка. Эти ошибки более характерны для детского возраста, когда отсутствует жизненный опыт[347] или проявляются в неправильной оценке происходящего[348].

«Сознательный» компонент *иллюзии* приводит к появлению таких значений слова – репрезентанта концепта – и соответствующих сем у его производных, как «заблуждение, неверное истолкование»[349], «искажение смысла» (*уход от грубых искажений и иллюзий*), «вымысел»[350], «утопия»[351], идея-образ

---

[342] *-Я хочу жить приятно, я хочу комфорта! Наш уровень цивилизации обеспечивает высокий комфорт... – Это* ***иллюзорный*** *комфорт... Для слабых*... Ю. Никитин. Далекий светлый терем (1985).

[343] Мифопоэтическое мышление трактуется как «особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания. Она представляет собой творение в воображении или с помощью воображения иной действительности – субъективной и иллюзорной, служащей не столько для объяснения, сколько для оправдания определенных (“священных”) установлений, для санкционирования определенного сознания и поведения» [Маковский 1989, с. 15].

[344] *Мир не то, чтобы иллюзорен, но крайне неубедителен; -.... Он понял: мир не разделен, а зачеркнут. «Ничего нет» – вот истинный смысл знака. Нет ни Добра ни Зла; ни Света, ни Тьмы. Бытие* ***иллюзорно****, и ничто в нем имеет значения*. А. Лебедев. Последний философ (2001).

[345] *-Есть силы, которые могущественнее нас. Наверное, нам всем суждено здесь погибнуть. И наш план Сошествия –* ***самонадеянная иллюзия***. А. Лебедев. Боги Синтеоса (2000).

[346] *Да разве помогает то, что человек не знает, чего ему недостает, или даже уверен, что оно ему не нужно? Это* ***иллюзия***, ***фантазия***. Н. Чернышевский. Что делать? (1863).

[347] *После того я много раз бывал в Италии, но никогда не попадал на Устику; туристам делать там нечего, да мне и жаль было разрушать мои детские иллюзии*. В. Брюсов. Последние страницы из дневника женщины (1910).

[348] «*Отлично, я буду тем, за кого меня принимают, – писал он в первом письме из какого-то колхоза, в котором сидел уже вторую неделю, «согласовывая и увязывая» вопросы своей работы с местными властями, – к черту* ***иллюзии*** *– ведь, право же, это были* ***иллюзии****! Но Ч. был все-таки прав – если быть, так быть лучшим*». В. Каверин. Два капитана (1938).

[349] *Не так давно Хрущев провел кампанию ликвидации частных коров. Колхоз скупал у колхозников частных коров и тем самым* ***иллюзорно*** *увеличивал колхозное поголовье. В государстве коров не прибавилось, только перекочевали они из одного помещения в другое*. В.А. Солоухин. Последняя ступень (1976).

[350] *Но природное изящество и юность придавали всем ее проявлениям какую-то* ***иллюзорную*** *одухотворенность; в ее животном – если вдуматься – бытии был отблеск высшей гармонии, естественное дыхание того, за чем безнадежно гонится искусство, и мне начинало казаться, что по-настоящему красива и осмысленна именно ее простая судьба, а все, на чем я основываю собственную жизнь – просто выдумки, да еще и чужие*. В. Пелевин. Ника (1992).

[351] *Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от* ***утопических иллюзий***. М.В. Юзефович. Памяти Пушкина (1974).

(*иллюзорные идеи*)[352]. Иллюзия придумана, измышлена и существует только в воображении[353].

Магия представляет собой мощный источник метафорической экспансии для описания разнородных явлений действительности. *Иллюзии навязывают* – в этом выражении скрыта метафора науза-магического узла[354]. Иллюзорность есть подмена реального сотворенным, виртуальным[355]. Человек пытается уподобиться демиургу, однако его творения – всего лишь иллюзия, которую могут разоблачить люди или зеркало, до сих пор в народе считающееся магическим предметом[356]. Иллюзию актуализируют признаки подобия, и только один неучтенный нюанс способен ее разрушить[357].

Чтобы разоблачить иллюзию, требуются наблюдательность, опыт и знание[358]. Для создания иллюзии необходимо условие правдоподобия, максимального приближения к эталону, реально существующему образцу[359]. Человек способен создать иллюзию своего собственного мира, окружая себя родными людьми и предметами, позволяющими чувствовать себя комфортно[360]. Созидание иллюзий понимается по-разному. Андрей Белый полагал, что создание иллюзий есть познание действительности через слова[361], творение отдельного мира происходит через слова[362], а это является отсылкой на библейский сюжет сотворения мира.

---

[352] *Позвольте мне ясно сказать, что идея, что существует финансовая блокада России в смысле запрета дачи кредитов, сделанного правительствами, является полной* ***иллюзией***. Радек. Генуэзская и Гаагская конференции. «Эра демократического пацифизма» (1922).

[353] *Идея захвата всего мира двумя капиталистическими группами, как бы сильны они ни были, идея организации этого мира англо-американским капиталом, по существу, не реальна*. К. Радек. Генуэзская и Гаагская конференции. «Эра демократического пацифизма» (1922).

[354] *Обе создают* ***иллюзии****, которыми не живут, но* ***навязывают*** *их другим*. А. К. Виноградов. Три цвета времени (1931).

[355] *В первую ночь на Бараглайском Холме Сварог, размышляя, заподозрил даже, что и короля подменили какой-нибудь* ***иллюзорной тварью***. А. Бушков. Летающие острова (1996).

[356] *Все это была не более, чем* ***иллюзия****, которую могли* ***разоблачить*** *немногие люди в столице – и каждое зеркало…* А. Бушков. Летающие острова (1996).

[357] (***Иллюзию нарушают*** *только безлюдье или вдруг нелепо, не в перспективе раскинувшийся базар; одни верблюды, невольно бредущие в пустыне, укладываются в призрак порядка*. В. Кондратьев. Нигилисты (1993).

[358] *Обстановка в доме оказалась как раз такой, какой и должна быть обстановка в деревенском доме. Стол в центре, лавки вдоль стен, половик на полу, громадная печь, занимающая четверть комнаты. Было даже чуть-чуть грустно осознавать, что все вокруг – всего лишь бутафория. Мастерски сделанная, но бутафория. Хотя кое в чем* ***создатели иллюзии*** *перестарались. Незначительная деталь. Если бы я не увлекался так стариной, мог бы и не обратить внимания*. О. Овчинников. Антинародная мудрость (2004).

[359] *Если это была* ***иллюзия****, то очень правдоподобная. Ладонь старика оказалась шероховатой на ощупь и на удивление крепкой*. О. Овчинников. Антинародная мудрость (2004).

[360] *Постепенно уходит он от мира, уединяется, окружает себя иным миром любимых книг, произведений искусства, запахов, звуков,* ***создает себе искусственную чувственную обстановку, иллюзию иного мира****, мира родного и близкого*. Н. А. Бердяев. Философия свободы (1911).

[361] *Всякое познание есть фейерверк слов, которыми я наполняю пустоту, меня окружающую; если слова мои и горят красками, то они создают иллюзию света; эта* ***иллюзия света*** *и* ***есть познание***. А. Белый. Магия слов (1909).

[362] *Вооруженный щитом слов, человек пересоздает все, что он видит, вторгаясь, как воин, в пределы неизвестного; и если он побеждает, слова его гремят громами, вспыхивают искрами созвездий, окутывают слушателей мраком междупланетных пространств, бросают их на неизвестную планету, где вспыхивают радуги, журчат ручьи и вздымаются громады городов, в которых слушающие как во сне оказываются загнанными в четырехугольное пространство, называемое комнатой, и где им грезится сон, будто кто-то им говорит; они думают, что слово говорящего исходит от говорящего; и оно подлинно; если это им кажется – магия слов создана и иллюзия познания начинает действовать; тогда начинает Казаться, что за словами*

Признаки магического манипулирования сознанием «прочитываются» в целом ряде ассоциаций. Такое воздействие вызывает некое психическое состояние, называемое *иллюзия*. Это состояние считается бессознательным, похожим на сон (*пора очнуться от иллюзий*). Некоторые люди или группы людей избирают мир иллюзий как средство жизни[363], как уход от проблем повседневности, как неумение правильно оценить реальность[364].

Иллюзия – это магия, чары. Чтобы вызвать состояние иллюзии, используют дурман[365], пьянящие напитки[366], дым[367], туман[368] (*навеять иллюзии; рассеивать иллюзии*), огонь, свечи[369]. Для сотворения иллюзорного мира используются различные вспомогательные средства[370].

Иллюзия актуализируется теоморфными и милитарными метафорами: во имя иллюзий приносят жертву[371]. Жертва иллюзий понимается как ее пленник[372] (*быть в плену иллюзий*) или добыча[373].

Интерес представляют теоморфные метафоры, скрывающиеся в образных признаках *иллюзии*. Иллюзия – здание, которое строят (*строить/ создавать себе иллюзии*) и которое разрушается без внешнего воздействия[374].

прячется некоторый смысл, что познание неотделимо от слова; а между тем весь сон познания создан словом; познающий всегда говорит или явно, или мысленно; всякое познание есть иллюзия, следующая за словом: словесные соединения и звуковые аналогии (например, замена пространства временем, времени пространством) уже вытекают из образных форм речи; если бы речь не складывалась в формы метафоры, метонимии, синекдохи, не существовало бы учения Канта о схематизме чистых понятий рассудка, потому что это не учение, не познание, а словесное изложение, не более; говорит тот, кто творит; если же он говорит с уверенностью, ему начинает казаться, что он познает, а те, к кому обращены слова, полагают, что они учатся; в собственном смысле нет учеников и учителей, познающих и познаваемого; познающий есть всегда неопределенный рев бессловесной души; познаваемое – встречный рев стихий жизни; только словесный фейерверк, возникающий на границе двух непереступающих бездн, ***создает иллюзию познания****; но это познание – не познание, а* ***творчество нового мира в звуке***. А. Белый. Магия слов (1909).

[363] [Пётр:] *Просто вы любите* ***жить иллюзиями***… М. Горький. Мещане (1902).

[364] *Наше высшее командование продолжало* ***жить иллюзиями*** *о желании всех войск умереть «за веру, царя и отечество».* А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю (1955).

[365] *Но встречи были необременительными, Ляля держалась в рамках, «ты – мне, я – тебе», не строя никаких и не* ***одурманиваясь*** *никакими* ***иллюзиями***. Б. Васильев. Глухомань (2001).

[366] *Довольно! Я отказываюсь от всех моих* ***грез*** *и* ***иллюзий****! Пора* ***трезво*** *смотреть на вещи*. В. Брюсов. Моцарт (1915).

[367] *Прилет Фионы* ***развеял иллюзию*** *изолированности Теплых Земель*. А. Лебедев. Молчание белого тигра (2010).

[368] -*Такова ваша участь. Когда барьеры сознания падут, а* ***иллюзии растают****, вы познаете Великое Ничто и присоединитесь к армии моих слуг*. А. Лебедев. Точка отсчета (1997).

[369] *До поры до времени юноша еще* ***воспламенен*** *сладострастными* ***иллюзиями*** *и счастлив мимолетным наслаждением*. А.М. Песков. Истинная повесть (1990).

[370] *В Киберспейсе мы сами будем* ***творить*** *себе лучший из миров, погружаясь в* ***виртуальную иллюзию****, как в сон – курильщики опиума*. А. Волков. На пути к цифровой вселенной // «Знание – сила», 2008. ***Вино сектантства пьянит, создает иллюзию*** *экстатического повышения бытия*. Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913–1914).

[371] *Или же я стал* ***жертвой иллюзии****, сомнительных и бессмысленных совпадений, происходящих в непредсказуемой работе случая*? В. Кондратьев. Бутылка писем (1993).

[372] *Стены вокруг начали сжиматься, и в этот миг перехода я смог разорвать* ***цепи*** *мучительных* ***иллюзий***. А. Лебедев, К. Воронцов. Тени Асгарда (2017).

[373] *Ивин путешествовал по мирам своей памяти. Но все они представали в какой-то искаженной перспективе, и вырваться из* ***цепких объятий смертельных иллюзий*** *не было никакой возможности*. А. Лебедев. Молчание белого тигра (1995).

[374] *Я потрясен этим свидетельством наличия разума в Новом Мире, но* ***иллюзия*** *вновь* ***разрушается*** *– странные иероглифы расползаются тонкими светящимися змейками, и вот уже нет ничего*. А. Лебедев. Боги Синтеоса (2000).

Создатель этого здания псевдодемиург-строитель. Нарушенную основу иллюзии требуется штопать[375]. Такая иллюзия – творение псевдодемиурга-ткача. Иллюзию-ложь необходимо преодолеть, т.е. иллюзия осознается как преграда. В этом случае создатель иллюзии – псевдодемиург-путник. Иллюзии в современном техногенном обществе создает аппаратура. По мнению писателей-фантастов, в будущем любой человек сможет творить иллюзии[376].

Иллюзия – это виртуальный (придуманный, вымышленный) мир (*уход от неприятностей в мир иллюзий*). В этот мир уходят, отстраняясь от проблем физического мира[377]. Только вера в себя спасает от полного погружения в мир грёз. В Индии существует философская система – веданта, согласно которой утверждается, что мир – это майя, иллюзия (санскр. माया, IAST: māyā, букв. «иллюзия», «видимость»). Майя есть особая сила (энергия), скрывающая истинную природу мира и одновременно обеспечивающая многообразие его проявлений[378].

Идея майи приписывается Будде – Гаутаме Шакьямуни, позже о ней говорил философ Шанкара, живший в VIII в.: создатель Адвайты-веданты. По этому учению, мир – это иллюзия, за которой скрыта истина, она и есть Брахман[379]. Душа человека есть частица Брахмана. Человеческая душа находится в материальном теле, в отличие от Чистой Формы единственной абсолютной реальности. Тел людей и частиц Брахмана-душ в них – великое множество. Это множество «малых» Брахманов, коими являются наши сознания, производит иллюзию, майю – видимый нами образ мира: калейдоскоп вещей, явлений и людей. Человеку свойственно предаваться грезам, мечтаниям, его существование сводится к ирреальным событиям, выдуманным сюжетам. *Находиться в иллюзии* означает «пребывать в мечтательном состоянии»[380]. По Адвайте-веданте, сами иллюзорные объекты способны плодить вторичные иллюзии[381].

---

[375] *Ситуация становилась напряженной. То и дело приходилось* ***штопать иллюзии*** *усилием воли, и конца этому не было видно*. А. Лебедев. Точка отсчета (1997).

[376] *Я вошел в Библиотеку и очутился между полками, полными книг, уходящими в зеленоватый туман бесконечности – влево и вправо, вверх и вниз. Разумеется, это была лишь* ***иллюзия*** *в стиле «Борхес». Я привык к нему, хотя Лайза вечно ругала меня за консерватизм. Мимо проплывали образы пользователей. Большинство выглядело так же, как и в жизни, но некоторые любители занимались украшательством или прятались за псевдонимами геометрических фигур и сюрреалистических созданий*. А. Лебедев. Мир фурблов (2018).

[377] *Иными словами, его вера* ***не нуждается в иллюзии****, для которой, в свою очередь, необходимым условием является перспектива. Ему не нужно ни уйти в сторону от действительности, ни отодвинуть эту действительность от себя. Он все время стоит в центре действительной жизни и не теряет дара понимать ее*. Л. Шестов. А.С. Пушкин (1928). *Зачем, по-твоему, дикари лопают мухоморы, древние славяне варили брагу, а сейчас в магазинах полным-полно ликероводочных изделий? Для равновесия, братец... Тут обидели, так он в* ***иллюзорном мире*** *набьет морду обидчику, а то и вовсе станет императором и велит врагов исказнить лютой смертью*. Ю. Никитин. Далекий светлый терем (1985).

[378] *И это, в сущности, не мало* ***в сем мире иллюзорном****, в обиход пускающем различные зерцала, где мы для смеха задом наперед отражены*. Э. Крылова. Двадцать сонетов с Васильевского острова (1996).

[379] Вселенная имеет три уровня:

1. подлинная, конечная реальность самосветящегося бесконечного чистого сознания (Брахмана);
2. проявление, «почти реальность» – переплетение подлинного (души – «я») и иллюзии;
3. майя – мировая иллюзия.

[380] *Не то чтобы он всерьез мечтал о славе, но иногда позволял себе предаваться волнующим иллюзиям*. С. Ягупова. Твой образ (1990).

[381] *Как-то я посмотрел на потолок и увидел в нем здоровенную черную дыру. Картина эта мне здорово не понравилась. Я закрыл глаза и представил, как все было раньше. Затем открыл и глянул снова – дыра*

Оставаясь в неведении об истинном положении дел в мире, человек попусту теряет время[382].

В русской лингвокультуре наблюдается развитие идеи человека – сотворца этого мира. Некоторым иллюзиям, как и мечтам, суждено сбыться[383].

Среди синонимов *иллюзии* отмечаются *мечта, надежда* (*иллюзорная надежда*), *грёза, обман, призрак* и др.[384]. Истоки этой метафоры можно отыскать у К. Маркса и Ф. Энгельса[385], у которых мечта, грёза о коммунизме предстают в метафоре призрака (*Ein Gespenst geht um in Europa – das Gespenst des Kommunismus.* «призрак ходит по Европе – призрак коммунизма»).

Иллюзию-надежду питают, тратя свою энергию и время жизни[386]. Очнувшись от морока, разумный человек добровольно или принудительно отказывается от иллюзий, энергетически не вкладывается в нее[387]. У концепта *надежда* наблюдается тот же ряд признаков, что и у концепта *иллюзия* (*нелепая надежда; обманутость надежд; туманная надежда*). Надежда осознается как обман, тщета (*заманчивая/ иллюзорная/ ложная/ лукавая/ напрасная/ несбыточная/ обманчивая/ пустая/ тщетная/ эфемерная надежда; жить, обманывая себя надеждой; надеяться напрасно/ зря* разг.; *напрасные надежды*), ложь, ошибка, заблуждение (*ложная надежда; неверная надежда*).

В современном русском языке появляется омоним: *иллюзия* «программный номер иллюзиониста» (*иллюзорный обман чувств; иллюзионная программа*). Кинотеатры ранее назывались *иллюзионами*[388]. Американский Голливуд именуют фабрикой грез (Dream Factory) или иллюзий.

Часть любой концептуальной структуры образована образными признаками. Иногда эта часть составляет бóльший объем по количеству групп признаков и их конкретных реализаций в языке по сравнению с той частью, где собраны базовые признаки (мотивирующие и понятийные). Мифологическое сознание проявляется в тех случаях, когда мы одушевляем ментальные явления (это проявляется в таких выражениях, как *мысль вылетела, живой ум, голос*

затянулась. Но, похоже, мой барьер начал давать сбои. Я предупредил Глога, и не зря: его ***иллюзорный мир*** *тоже начал проваливаться в небытие*. А. Лебедев. Точка отсчета (2013). *Наш мир дает этим...* ***иллюзорщикам*** *слишком много. Одни лотереи чего стоят! Купит несчастный слабак билетик, затем полгода до самого тиража мечтает о богатстве, которое с неба упадет*! Ю. Никитин. Далекий светлый терем (1985).

[382] Такое времяпрепровождение считается пустым занятием (*Зачем, ради* ***пустых иллюзий****, перестраивать всю ее жизнь*!.. В. Брюсов. Моцарт (1915).

[383] *Взгляни ж теперь, порою выводов При свете* ***сбывшихся иллюзий*** *На невидаль того периода, На брата в выпачканной блузе*. Б. Пастернак. Лейтенант Шмидт (1905).

[384] Синонимы слова *иллюзия*: *призрак, надежда, дым, ошибка, обман, заблуждение, мечта, мираж, химера, обман чувств, майя, мóрок, грёза, нереальность, фантазия, галлюцинация, морóка, ви́дение, фантасмагория, сон, мечтание, бредни, дума, привидение, причуда, самообман, самообольщение, утопия, химера, воздушный замок*.

[385] Первая фраза из «Манифеста Коммунистической партии», написанного в 1848 г. Карлом Марксом и Ф. Энгельсом.

[386] *Полковник Синицын еще мог* ***питать*** *какие-то* ***иллюзии****, не зная всей правды, но Ивин-то должен был понимать, с кем имеет дело*. А. Лебедев. Чужие руки (2017).

[387] ***Иллюзий*** *она* ***не питала***… А. Бушков. Летающие острова (1996).

[388] *Маняша была Вериной старшей подругой; они часто обменивались ксерокопиями Блаватской и Рамачараки, настоящая фамилия которого, как говорила Маняша, была Зильберштейн; ходили в «****Иллюзион****» на Фосбиндера и Бергмана, но почти не говорили на серьезные темы*... В. Пелевин. Девятый сон Веры Павловны (1991).

рассудка), превращаем их в человека, персонифицируем (*изобретательная/ умная мысль, ум творит/ создает, рассудок подсказывает/ советует*), или уподобляем их животным или птицам (*мысль парит/ летит, парящий ум*, *Мои мысли – мои скакуны*. О. Газманов), материализуем их (ср.: *передать мысль, острый/ тупой ум, быть в своем рассудке*), отождествляем их с неким оружием (мы говорим: *вооружиться мыслью, наточить/ заострить свой ум; колкий ум*), мыслим их как некое замкнутое пространство (*быть в полном рассудке, быть в мыслях, в уме засела идея*). Метафоры помогают нам разнообразно выразить те стороны описываемого явления, которые прямым способом передать трудно. Образные признаки приобретают невероятно богатые оттенки смыслов, расширяют их от частного случая до обобщения.

Как показывает анализ, концепт *иллюзия* бедно представлен в своей структуре образной частью. Иллюзия вещественна (похожа на дурман, пьянящий напиток, газ/ дым, огонь), создаваема и разрушаема. Сотворение иллюзии – псевдоремесло, творец иллюзии – псевдодемиург. Человек, творя мир иллюзий, пытается уподобиться Богу. Техническое и идеологическое развитие общества приводит к вытеснению или игнорированию поэтических образов, к появлению в русском языке многочисленных синонимов со значением «обман, ложь»: *иллюзия, фальшь* (*фальшивка, фальсификация*), *мистификация, шарлатанство, дезинформация*. Географические открытия способствовали появлению слова *мираж* в значении «обман чувств».

Обобщающий смысл «обман» реализуют сенсорные признаки (*обман зрения, видение, обманчивое ощущение, сон*) и ментальные признаки (*ложное впечатление, ложное представление, мечта, фантазия, призрачная надежда, заблуждение, неверное истолкование, идея, состояние сознания*).

В структуре анализируемого концепта воссозданы смыслы из культурного наследия, отображенного в языке-источнике, а именно из французского языка. Другая часть символических признаков связана с общим культурным слоем – магией. Эти признаки чаще всего воссоздаются через образы. Третья часть признаков связана с теорией солипсизма. Их доля приходится основной частью на базовые, первичные признаки, т.к. эти смыслы являются обобщающими, родо-видовыми характеристиками ментальных проявлений *иллюзии*. Четвёртая часть воспроизводит отголоски буддизма об *иллюзии*-майе – мире, в котором многие из нас проживают всю свою жизнь.

Как показало изучение заимствованных концептов, значительная часть признаков, входящих в их структуры, повторяется в разных языках, при этом способы их объективации различаются. Национальная специфика концептуализации заимствований проявляется как среди базовых, так и среди образных признаков, что обусловлено культурой и мышлением народа.

⁉ **Вопросы для самопроверки**:

1. Дайте определение термину *символический концепт*.

2. Какими признаками описываются Перун и Перыня в русской языковой картине мира?

3. Как соотносятся дни недели и скрываемые за именами *Перун* и *Перыня* божества Рода и Макоши?

4. Дайте определение термину *заимствованный концепт*.

5. Чем отличается заимствованный концепт от исконных концептов лингвокультуры?

6. Назовите примеры заимствованных концептов в русской лингвокультуре.

7. Приведите примеры терминологических концептов.

✎ Темы рефератов:

1. Концептуальные признаки, вербализованные словами с корнем *пер*.
2. Имена Богини-матери в русской лингвокультуре – *божья коровка* (дополните список).
3. Мифологические концепты – *Род* и *Перун*, *Перун* и *Велес/ Волос*.
4. Заимствованные тюркские концепты в английскую лингвокультуру.
5. Заимствованные тюркские концепты в европейские лингвокультуры.
6. Тюркские заимствованные концепты в русской лингвокультуре.
7. Английские заимствованные концепты в русской лингвокультуре.
8. Латинские заимствованные концепты в русской лингвокультуре.
9. Арабские заимствованные концепты в русской лингвокультуре.

🕮 Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах. М.: Современный писатель, 1995. Т. 3. 300 с. С. 4.

Белякова Г.С. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. 239 с.

Большой академический словарь русского языка. М.–СПб.: Наука, 2006. Т. V. 693 с. (БАСРЯ)

Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 380.

Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 266 с.

Вазнь // Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М.: Знак, 2011. Вып. 5 (буба. – вакштаф). 344 с. С. 328.

Вазнь, вазнивъи, вазньство // Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. Т. I. С. 370.

Вазнь, вазнивъи, вазньство // Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука, 1975. Т. II. С. 11.

Вазнь, вазнивый, вазньство // Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. А – К. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893. 1420 стб. Стб. 224–225.

Вазнь // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 267.

Вазнь // Miclosich Fr. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Wien: Verlag von G. Braumueller, 1862–1865. P. 55.

Везти // Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. I. С. 79.

Везти // Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. К.: Рад. шк., 1989. 511 с. С. 51.

Везти // Шапошников А.А. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Флинта, 2010. Т. I. 584 с. С. 100.

Везти, везу // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. I. С. 138.

Везти, воз // Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2, испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с. С. 73, 88.

Веретено, колесо // Кирло Х. Словарь символов. М.: Центрополиграф, 2007. 524 с. С. 86. С. 213.

Грубер Е. Словарь иностранных слов для школьников и студентов. М.: Локид-Пресс, 2008. 657 с.

Гумбольдт А. фон. Центральная Азия: исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. М.: Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915. Т. 1. 618 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. –СПб.: Изд. Книгопродавца-типографа М.Р. Вольфа, 1881. Т. II. 814 с. С. 40. Ч. III (П). М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. 508 с. С. 91–92.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с. С. 490. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. 1958. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dicipedia.com/dic-gr-ru-old-term-27631.htm (дата обращения: 29.01.2020).

Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Вып. 3. С. 3–47.

Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969. С. 311.

Европа // Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2003. 1578 с. С. 313.

Европа // Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Аделант, 2013. 802 с. С. 133.

Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с. С. 240.

Гура А.В. Перо // Славянские древности: энциклопедический словарь: в пяти т. М.: Международные отношения, 2009. Т. IV. 656 с. С. 15–18. (Институт славяноведения РАН).

Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gallicismes.academic.ru/15845/иллюзия (дата обращения: 25.09.2023).

Ефремова Т.Ф. Толковый онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/e/евразия и https://lexicography.online/explanatory/efremova/e/евразийский (дата обращения: 16.04.2024].

Иванов Вяч. Вс. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 3. С. 101–110.

Исина Н.У. Кочевой мир в русской литературе кочевье, образ, мотив, сюжет, национальные реалии, поэтика // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань, 2016. С. 164–167.

Казачий словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krutinka10.narod.ru/ist_krutinka/slovar.htm (дата обращения: 10.01.2017).

Казин А.Л. Пушкин и чудо. К постановке проблемы (на материале пушкинских сказок) // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1999. 398 с. С. 67-91.

Кельтская мифология. Энциклопедия / Пер. с англ. С. Головой и А. Голова. М.: Эксмо-Пресс, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/2921/ЛЕБЕДЬ (дата обращения: 24.01.2024).

Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. С. 425.

Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лёхина и проф. Ф.Н. Петрова. 7 стереотип. изд. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. 488 с. С. 143.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с. С. 294.

Кузнецов С.А.Большой толковый словарь русского языка.СПб.: Норинт, 2000.1536 с.

Кузьмина Р.П. Этимология лексемы *өмчин* в диалектной языковой картине мира эвенов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. №6(108). Ч. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/etimologiya-leksemy-mchin-v-dialektnoy-yazykovoy-kartine-mira-evenov. (дата обращения: 10.00.2021).

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. С. 388.

Ладыгин М.Б., Ладыгина О.М. Краткий мифологический словарь. М.: Издательство НОУ "Полярная звезда", 2003. 223 с.

Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: Высшая школа, 1989. 200 с.

Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. 1865. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/16927/ИЛЛЮЗИЯ (дата обращения: 25.09.2023).

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб.: Типография Академии наук, 1896–1912. Т. 1. С. 422.

Мудрова И.А. Словарь славянской мифологии. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://litresp.ru/chitat/ru/M/mudrova-i-a/slovarj-slavyanskoj-mifologii (дата обращения: 07.04.2021).

Николаев С.Л., Страхов А.Б. К названию бога-громовержца в индоевропейских языках // Балто-славянские исследования. 1985. М.: Наука, 1987. С. 149–163.

Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография. Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. 262 с. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 5).

Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.

Пименова М.В. Политика в зеркале метафоры // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 2003. С. 131–132.

Пименова М.В. *Душа* и *дух*: особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

Пименов Е.А., Пименова М.В. Сопоставительный анализ заимствованных концептов (на примере русского концепта *идея* и немецкого концепта *Idee*) // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК: коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2005. С. 143–177. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).

Пименова М.В. Обман воображаемых миров (мир иллюзий: опыт заимствованного концепта) // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 26–37. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).

Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. Кемерово, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).

Пименова М.В. Символизм *радуги*: опыт концептуального анализа // Труды по когнитивной лингвистике / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 688–700. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).

Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / Отв. ред. М.В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 65–83. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).

Пименова М.В. Фольклорные концепты // Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. Павлодар–Кемерово–Киев–Витебск: Кереку, 2012. 178 с. С. 63–102. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).

Пименова М.В. Символы культуры в концептуальных структурах (на примере концепта *игра*) // Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. 495 с. С. 41–50. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).

Пименова М.В., Айдарбекова А.С. Символические образы птицы в структурах концептов *ДУША* и *ЖАН* в разноязычных лингвокультурах // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры: к 55-летнему юбилею д.п.н. Болотбека Мекеновича Акматова / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. 170 с. С. 71–75. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22).

Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 355 с. (Научная мысль).

Пименова М.В. Концепты *радуга* и *rainbow*: от этимологии до символа // Язык и культура XXI века; под общей ред. М.В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2019. 256 с. С. 21–29. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 18).

Пименова М.В. Оценочные и символические концепты (на примере концепта *везение* в русской лингвокультуре) // Символы лингвокультуры в аспекте когнитивной лингвистики: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2020. С. 3–16. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 25).

Пименова М.В., Киселева А.М. Актуализация символических признаков концепта «муж» // Миф в истории, политике, культуре: Сб. мат-в IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под ред. А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. С. 26–33.

Пименова М.В., Жукенова А.К., Досумова М.М., Бейсенова А.Ж. Концепт «кочевье» в аспекте тюркского заимствования // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: I Международный научно-практический семинар. 2-3 декабря 2021 года, г. Казань: сб. материалов / сост.: Ф. Г. Файзуллина, Г. А. Хуснутдинова, Э.М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ РТ, 2021. С. 124–128.

Пименова М.В. Символический макроконцепт *Род* в русской лингвокультуре // Общество, язык и культура XXI века: сборник научных статей к 25-летнему юбилею Кыргызско-Турецкого университета «Манас» / Под общ. ред. М.В. Пименовой. Санкт-Петербург-Бишкек, 2021. 402 с. С. 32–41. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 20).

Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта *Род* // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Сер. Филология. 2021. № 2. С. 37–44.

Пименова М.В., Бакирова А.А. Символический макроконцепт *вселенная* в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т.16. №1. С.92–101.

Пименова М.В. *Шатёр* как символический концепт русской лингвокультур // Лингвокультурология, философия и концептуальные исследования в аспекте перевода: сборник научных статей к 70-летнему юбилею д.ф.н., проф. Зинаиды Караевны Караевой / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб.:СПбГЭУ, 2021. 208 с. С. 21–28. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 19).

Пименова М.В., Сатыбалдиева Г.А., Темиркулова Б.М. Символические признаки концепта *сад* // Лингвокультурология, философия и концептуальные исследования в аспекте перевода: сборник научных статей к 70-летнему юбилею д.ф.н., проф. Зинаиды Караевны

Караевой / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2021. 208 с. С. 127–133. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 19).

Пименова М.В. Символические концепты русской лингвокультуры: *Перун-Род* и *Перыня-Макошь* // Вестник Ошского государственного университета. 2021. Т. 4. № 4. С. 205–214.

Пименова М.В. Мифы России: пернатые образы богов и богинь (Перун – Род и Перыня-Макошь) // Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». 2022. № 3. С. 24–32.

Пименова М.В. Символический теоморфный макроконцепт *Бог* в русской лингвокультуре // Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор», № 3(7), 2023. С. 104–116.

Пименова М.В. Символический макроконцепт *чудо* в зеркале мотивирующих признаков // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2024. №4(8). С. 56–63.

Пименова М.В., Шестак Е.С. Символические признаки концепта *солнце* в разных лигвокультурах // Лингвокультурология и прикладные аспекты современной лингвистики в XXI веке. Материалы XXXXIII Осенней Международной научной школы «Основы мирообознания в когнитивном аспекте» и XXXXIII Международной научной конференции «Лингвокультурология и прикладные аспекты современной лингвистики в XXI веке». Иркутск: ИрНИТУ, 2024. С. 179–206.

Пименова М.В. Теоморфный символический концепт *Велес* в русской лингвокультуре в аспекте первопризнаков // Тенденции развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в XXI в.; гл. ред. М.В. Пименова. Витебск: ВГУ им. П.П. Машерова, 2024. 229 с. С. 57–72. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 24).

Попов М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1911. 466 с. С. 144.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Типография Имп. Акад. наук, 1893–1911. Т. 1–4.

Реальный словарь классических древностей / Под редакцией Й. Геффкена, Э. Цибарта. – Тойбнер. Ф. Любкер. 1914. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/lubker/2607/ТИХА (дата обращения: 29.01.2020).

Свиридова М.Н. Этимологический словарь русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

Семёнов А.В. Этимологический словарь современного русского языка для школьников. М.: Юнвес, 2003. 704 с. [Электронный режим]. Режим доступа: https://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-i.htm (дата обращения: 23.09.2023).

Семёнов-Тян-Шанский А.П. Таксономические границы вида и его подразделений : опыт точной категоризации низших систематических единиц // Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд-нию. 1910. Т. 25, № 1. С. 1–29.

Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 1. 1984. С. 349–374.

Словарь основных персонажей славянской мифологии и ритуальных понятий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.paganism.ru/sl-dict.htm (дата обращения: 07.04.2021).

Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 1985. Т. I. 702 с. Т. 2. 736 с. (МАС)

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР; Институт языкознания. М.-Л.: АН СССР, 1954. Т. III. 699 с. Т. V. 965 с. Стлб. 284-285. (БАС)

Словарь сокращений русского языка. 2014. URL: https://abbr_rus.academic.ru/7641/Евразия (дата обращения: 25.01.2025). (ССРЯ)

Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. СПб.: Наука, 1997. Вып. IX (Из – каста). 272 с. С. 77.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912. Т. I. 1420 стлб.

Ставицкий А.В. Роль мифа для человека и общества // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 600 с. С. 102–106.

Степанова О.Б. Образ солнца в мифологии северных селькупов // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. 600 с. С. 106–112.

Стешина Е.Г. Когнитивная интерпретация концепта *неудача* // Дневник науки. 2019. № 5. [Электронный ресурс]. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2019/5/ philology/Steshina.pdf (дата обращения: 29.01.2020).

Топоров В.Н. Боги // Славянские древности: энциклопедический словарь: в пяти т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. I. С. 204–215.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. 1935–1940. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/823158, https://lexicography.online/explanatory/ushakov/e/евразийство, https://lexicography.online/explanatory/ushakov/e/евразийский (дата обращения: 25.09.2023).

Фадеев С.В. Словарь сокращений современного русского языка. СПб.: Политехника, 1997. 527 с.

Фаминцын А.С. Божества древних славян / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов, предисл. Е.А. Окладникова. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 736 с.

Фасмер М. Этимологический словарь современного русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. II. 672 с. Т. III. 1987. 832 с.

Фортуна // Мифы народов мира / Под ред. С.А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 1035.

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. К.: Рад. шк., 1989. 511 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993.

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1894. 502 с. С. 338. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11316/ЕВРАЗИЯ (дата обращения: 25.01.2025).

Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lexicography.online/etymology/shansky/и/иллюзия (дата обращения: 23.09.2023).

Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Флинта : Наука, 2010. Т. I. 584 с. С. 349.

Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ, Харьков: Торсинг, 2006. 591 с.

Ши Янь. Концепт *удача* в русских пословицах на фоне китайского языка // World science. 2016. № 4(8). Vol. 5. С. 38–39.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1976. 444 с.

Этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык от А до Я. Издательство <ЮНВЕС>. Москва. 2003. [Электронный ресурс]. URL:

http://semenov.academic.ru/691/%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8C (дата обращения: 11.02.2024).

Этимологический словарь тюркских языков / отв. ред. Г.Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1965. 503 с.

Якобсон Р.О. Перун // Slavic Word. 1955. Вып. 11, № 4. С. 615–617.

Яо Жун. Концепт счастье в русский и китайском языковых сознаниях // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4(29). С. 312–315.

Chomsky N. Language and problems of knowledge. The Managua lectures. Cambridge: MIT Press, 1988. 267 p.

Lakoff G. Embodied Minds and Meanings // Speaking Minds: Interviews with Twenty Eminent Cognitive Scientists / Baumgartner P. & S. Payr. (Eds.). Princeton, NJ, 1995. P. 115–130.

Nagy G. Perkunas and Perunъ // Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974. P. 113–131.

Раденковић Љ. Перуника – цвет небеског или хтонског света // Studia mythologica Slavica XVI. Ljubljana, 2013. С. 105–116.

Reuschle, Dr. K.G. Handbuch der Geographie oder Neueste Erdbeschreibung mit besonderer Rücksicht auf Statistik, Topographie und Geschichte. (Erster Theil Erdoberfläche. Zonen und Welttheile. Außereuropäische Länder. 1858. 644 S.

Suess E. Enstehung der Alpen. Wien: Braumüller, 1875. 168 S.

Suess E. Das Antlitz Der Erde. Wien, 1892. Band 3. 532 S.

Vaznĭ // Miclosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien: Verlag von G. Braumüller, 1886. 549 S. S. 378.

Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: Universals human concepts in culture-specific configuration. New-York: Oxford University Press. 1992. 487 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Раздел 1. ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ЛЕКСИКИ (С.Г. Воркачев)

Принципы семантического портретирования лексики ……. 5

Раздел 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ (В.И. Карасик)

2.1. Определение и структура лингвокультурного концепта в Московско-Волгоградской школе аксиологической лингвистики …… 19
2.2. Подходы к изучению лингвокультурных концептов …… 28
2.3. Типы лингвокультурных концептов …….. 35
2.4. Концепт как единица лингвокультурного кода («чистота» и «грязь») …… 45
2.5. Концепт как лингвокультурная матрица («слава») …….. 56
2.6. Концепт как индикатор эпохи («сознательность» и «очковтирательство»).. 73
2.7. Концептуализация благодарности ……. 89
2.8. Концептуализация насмешки ……. 105
2.9. Концептуализация социального равенства …… 116
2.10. Концептуализация благополучия …….. 140

Раздел 3. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (В.А. Маслова)

3.1. Лингвокультурология вчера: из истории появления …… 157
3.2. Лингвокультурология сегодня …… 158
3.3. Лингвокультурология завтра …….. 171
3.3.1. Место и роль лингвокультурологии в новой парадигме …….. 172
3.3.2. Интегративный характер лингвокультурологии ……... 177
3.3.3. Лингвокультурология с позиции новых данных в быстро меняющемся мире …….. 187
3.4. Лингвокультурный концепт как важнейшая культуроносная сущность. Концепт «Кружение» …….. 189
3.5. Медиаконцепт как разновидность культурного концепта (на материале концепта-события «Славянский базар» ……..... 197

Раздел 4. ТИПЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ МАКРОКОНЦЕПТОВ И КОНЦЕПТОВ (М.В. Пименова)

4.1. Лингвокультурные макроконцепты и концепты и их структуры в Санкт-Петербургско-Кемеровской школе концептуальных исследований …….. 206
4.2. Классификация лингвокультурных макроконцептов и концептов ……. 208
4.3. Типология лингвокультурных макроконцептов и концептов ……. 211
4.4. Исконные символические концепты (теоморфные концепты *Перун* и *Перыня*) …… 214
4.5. Оценочно-символические концепты (концепт *везение* на фоне концепта *счастье*) ……. 219
4.6. Терминологический концепт *Евразия* …… 234
4.7. Заимствованные концепты ……. 241
4.7.1. Концепт *кочевье* …… 241
4.7.2. Концепт *иллюзия* ……... 246

Оглавление ……. 281

Книжные новинки, изданные под ред. проф. М.Влад. Пименовой:

1. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Филология / Науч. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2002. Вып. 4 (12).
2. Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллективная монография: к 70-летию проф. В.В. Колесова / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. 276 с.
3. Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. XXVII Международная научно-практическая конференция. 23-24 июня 2017 года: сборник научных статей под общ. ред. М.В. Пименовой / Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 366 с.
4. Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. XXVIII Международная научно-практическая конференция, посвящённая 65-летнему юбилею профессора В.И. Карасика. 22–23 июня 2018 года: сборник научных статей под общ. ред. М.В. Пименовой / Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 300 с.

Серия «Этногерменевтика и этнориторика»:
1) Этногерменевтика: грамматические и семантические проблемы / отв. ред. Е.А. Пименов, Х. Бартель. – Кемерово: Кузбассвузиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1998. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 1).
2) Этногерменевтика и языковая картина мира: тезисы докладов I междунар. конф. (Кемерово, 27–28 июня 1998 г.). Кемерово: КемГУ, 1998. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 2).
3) Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 3).
4) Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / отв. ред. М.В. Пименова, Е.А. Пименов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. (Серия «Этногерменевтика и этнориторика». Вып. 4).
5) Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира: монография. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. (Серия «Этногерменевтика и и этнориторика». Вып. 5).
6) Sprechen und Handeln in Kulturen/ Hrsg. H.Barthel. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2001. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 6).
7) Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E.A.Pimenov, M.V.Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. 350 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 7).
8) Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie / Hrsg. von M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empiriche Pädagogik, 2002. 336 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 8).
9) Mentalität und Mentales / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. 250 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 9).
10) Ethnohermeneutik und Antropologie / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. 644 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 10).
11) Welt in der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. 540 S. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 11).

Серия «Филологический сборник»:
1) Филологический сборник / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2000. 103 с.
2) Филологический сборник / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. Вып. 2. 236 с.
3) Язык. Культура. Человек. Этнос / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика». 204 с. (Серия «Филологический сборник. Выпуск 3).

4) Человек и его язык / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 211 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 4).
5) Язык. История. Культура: сборник научных трудов, посвящённый 50-летию Кемеровского государственного университета и 25-летнему юбилею кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. 299 с. (Серия «Филологический сборник. Вып. 5).
6) Мир и язык / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2005. 213 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 6).
7) Грамматика. Семантика. Концептология / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово: Графика, 2005. 242 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 7).
8) Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): в 4-х частях / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Кемерово, 2006. (Серия «Филологический сборник». Вып. 8).
9) Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. 303 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 9).
10) Политика в зеркале языка и культуры: сборник научных статей, посвященный 60-летнему юбилею проф. А.П. Чудинова; отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2010. 573 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 10).
11) Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Евгения Александровича Пименова: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. 828 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 11).
12) Язык и культура; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. Алматы–Кемерово–Витебск–Донецк: КазНУ, КемГУ, ВГУ, ДонНУ, 2013. 424 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 12).
13) Новые парадигмы в когнитивной лингвистике; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. Алматы–Кемерово–Витебск–Бишкек: КГУ, КазНУ, КемГУ, ВГУ, 2014. 688 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 13).
14) Вопросы лингвистики начала XXI века; отв. соред. Г.Ш. Оразгалиева, М.В. Пименова. Караганда: Болашак-Боспа, 2016. 259 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 14).
15) Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования; отв. соред. Б.К. Момынова, М.В. Пименова. Талдыкорган–Санкт-Петербург–Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. 130 с. (Серия «Филологический сборник». Вып. 19).

Серия «Концептуальные исследования»:
1. Язык. Этнос. Картина мира: сборник научных трудов / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика. 186 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып.1).
2. Мир человека и мир языка: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Графика. 373 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 2).
3. Пименова М.В. *Душа* и *дух*: способы концептуализации: монография. Кемерово: Комплекс «Графика». 386 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 3).
4. Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: уч. пос. / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 210 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 4).
5. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: уч. пос. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 150 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).
6. Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография, 2005. Кемерово: Комплекс «Графика». 313 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 6).
7. Ментальность и язык: коллективная монография. Кемерово, 2006. 256 с. (Серия «Концептуальные исследования. Вып. 7).

8. Новое в когнитивной лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2006. 1002 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).
9. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография. Кемерово, 2007. 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
10. Труды по когнитивной лингвистике: к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2008. 719 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
11. Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 808 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11).
12. Концептуальные исследования в сопоставительной лингвистике: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. СПб.–Горловка: ГГПИИЯ, 2010. 558 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 12).
13. Человек и его язык: памяти проф. Е.А. Пименова / отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. 676 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 13).
14. Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые особенности русской ментальности: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2011. 136 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14).
15. Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Москва: ИЯ РАН, 2011. 704 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 15).
16. Колесов В.В, Пименова М.В. Концептология: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2013. 248 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
17. Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2012. 602 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 17).
18. Стереотипы лингвокультуры: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. 112 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 18).
19. Колесов В.В., Пименова М.В., Теркулов В.И. Гедонизм как явление русской лингвокультуры (на примере концепта *удовольствие*): коллективная монография. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2012. 208 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 19).
20. Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. 488 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).
21. Когнитивная лингвистика XXI века: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Бишкек–Волгоград–Екатеринбург–Санкт-Петербург, 2015. 314 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 21).
22. Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры: к 55-летнему юбилею доктора педагогических наук Болотбека Мекеновича Акматова. Сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. 170 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 22).
23. Лингвистика XXI века: традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летнему юбилею Санкт-Петербургского Института иностранных языков / под общей ред. М.В. Пименовой. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. 502 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 23).
24. Язык как зеркало культуры: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой; соред. А.А. Бакирова, Ф.Ш. Бекмурзаева, Ю.А. Брунёва, Е.А. Мошина. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. 335 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 24).

25. Символы лингвокультуры в аспекте когнитивной лингвистики: сборник научных статей / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2020. 104 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 25).
26. Маслова В.А., Пименова М.В. Индивидуально-авторская картина мира: концептуальный подход: учебное пособие; отв. ред. М.В. Пименова. Изд. 1-е. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2023. 256 с. (Серия «Концепту-альные исследования». Вып. 26).
27. Лингвокультурология и прикладные аспекты современной лингвистики в XXI веке: материалы XXXXIII Осенней Международной научной школы «Основы мироосознания в когнитивном аспекте» и XXXXIII Международной научной конференции «Лингвокультурология и прикладные аспекты совре-менной лингвистики в XXI веке» (г. Иркутск, 11–14 сентября 2023 г.): сб. научных статей к 90-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Владимира Викторовича Колесова / гл. ред. М.В. Пименова, отв. ред. Ю.В. Вайрах. Иркутск: ИРНИТУ, 2024. 424 с. Вып. 27. (Серия «Концептуальные исследования»).
28. Гуманизация знаний в аспекте современной лингвистики; гл. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург–Павлодар–Бишкек–Витебск, 2024. 104 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 28).
29. Новые грани реальности и основы мироосознания в когнитивном наследии поколений: к юбилею гл. ред., доктора филологических наук, профессора М.В. Пименовой. Санкт-Петербург, 2024. 134 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 29).
30. Пименова М.В., Берестнев Г. И., Карасик В.И., Маслова В.А., Концептуализация чуда в лингвокультуре: учебное пособие / отв. ред. М.В. Пименова. Изд. 1-е. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2025. – 208 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 30).
31. Воркачёв С.Г., Карасик В. И., Маслова В.И., Пименова М.В. Лингвокультурная концептология; отв. ред. М.В. Пименова. Изд. 1-е. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2025. 288 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 31).

Серия «Славянский мир»:
1. Ментальность и изменяющийся мир: коллективная монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 504 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 1).
2. Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 663 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 2).
3. Ментальность народа и его язык: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 498 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 3).
4. Новое в славянской филологии: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. 560 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).
5. Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2010. 696 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
6. Современные подходы к исследованию ментальности: сборник статей; отв. ред. М.Вл. Пименова. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. 639 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 6).
7. Пименова М.В. Языковая картина мира: учебное пособие. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 105 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 7).
8. Пименова М.В. Русская сказка: учебное пособие. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. 68 с. (Серия «Славянский мир». Вып. 8).

Серия «Концептуальный и лингвальный миры»:
1. Образ России в зеркале языка: сборник научных статей; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. Москва: Флинта; Наука, 2010. 740 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
2. Человек. Язык. Культура: сборник научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч.; отв. ред. В.В. Колесов, М.Влад. Пименова. Киев: Издательский

дом Д. Бураго, 2013. Изд. 2. Часть 1. 872 с. Часть 2. 560 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2).
3. Лингвистика XXI века: сборник научных статей: к 65-летнему юбилею В.А. Масловой; соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова. М.: Флинта, Наука, 2014. 880 с.
4. Человек и его мир в зеркале языка: к 75-летнему юбилею В.А. Виноградова: коллективная монография / Отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2014. 128 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 3).
5. Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летнему юбилею профессора В.В. Колесова; отв. ред. М.В. Пименова. Киев: Издательский Дом Д. Бураго, 2014. 376 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5).
6. Пименова М.В. Этногерменевтика русской сказки: монография. Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. – 256 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 6).
7. Лингвистика начала XXI века: коллективная монография / В.А. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.А. Маслова, М.В. Пименова, В.И. Теркулов / Отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2014. 224 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 7).
8. Мир языковых форм: сборник научных статей: к 95-летию проф. Г.П. Цыганенко / Отв. ред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. 277 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 8).
9. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. Санкт-Петербург, 2015. 152 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 9).
10. Лингвокультура и концептуальное пространство языка; отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 554 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 10).
11. Русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции общества / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. 535 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 11).
12. Язык, культура, этнос: сб. науч. статей, посвященный 65-летнему юбилею проф. Замиры Касымбековны Дербишевой / отв. соред. О.Н. Морозова, М.В. Пименова. Бишкек–Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2017. 300 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 12).
13. Мир человека в пространстве языка / отв. соред. М.В. Пименова, О.Н. Морозова, К.Т. Утегенова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 368 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 13).
14. Мир в языке и культуре: к 60-летнему юбилею проф. Б.К. Момыновой; отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2017. 144 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 14).
15. Этнос и лингвокультура: к 65-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2018. 300 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 15).
16. Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: к 70-летнему юбилею д.ф.н., профессор В.А. Масловой. Сборник научных статей; под ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 247 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 16).
17. Язык и культура народов СССР и стран СНГ: сборник научных статей / под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 159 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 17).
18. Язык и культура XXI века: сборник научных статей, посвящённый 65-летнему юбилею доктора педагогических наук, профессора Нурлан Алымкуловны Ахметовой; под общ. ред. М.В. Пименовой. Кемерово, 2019. 256 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 18).

19. Лингвокультурология и концептуальные исследования в аспекте перевода: сборник научных статей к 70-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора Зинаиды Караевны Караевой/ под общей ред. М.В. Пименовой. Санкт-Петербург, 2021. 200 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 19).
20. Общество, язык и культура XXI века: сборник научных статей к 25-летнему юбилею Кыргызско-Турецкого университета «Манас» / Под общ. ред. М.В. Пименовой. – Санкт- Петербург-Бишкек, 2021. – 410 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 20).
21. Лингвокультурология и политическая лингвистика XXI в. / гл. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2022. 226 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 21).
23. Основы мироосознания в когнитивном аспекте; гл. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2023. 130 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 23).
24. Тенденции развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в XXI в.; гл. ред. М.В. Пименова. Витебск: Витебский государственный университет им. П.П. Машерова, 2024. 229 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 24).

Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане»:
1. Мир языка: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. Павлодар–Кемерово–Витебск: Кереку, 2012. 297 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 1).
2. Концепт и дискурс: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. Павлодар–Кемерово–Киев–Витебск: Кереку, 2012. 178 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).
3. Язык как реальность событий: сборник научных статей; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. Павлодар–Кемерово–Донецк: Кереку, 2013. 316 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 2).
4. Человек. Язык. Культура: коллективная монография; отв. соред. Г.Н. Кенжебалина, М.В. Пименова. Павлодар-Кемерово-Донецк: Кереку, 2013. 149 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 4).
5. Поликультурное пространство языка на постсоветском пространстве: коллективная монография / отв. соредакторы Ж.Ж. Капенова, М.В. Пименова. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. 256 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 5).
6. Пименова М.В., Капенова Ж.Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике (на примере ландшафтных концептов): монография. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2016. 152 с. (Серия «Поликультурное пространство языка в Казахстане». Вып. 6).

Журнал «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике»:
1. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2013. Вып. 1. 128 с.
2. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2013. – Вып. 2. 144 с.
3. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2013. Вып. 3. 124 с.
4. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2014. Вып. 4. 82 с.
5. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2015. Вып. 5. 100 с.
6. Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике; гл. ред. М.В. Пименова. Санкт-Петербург, 2015. Вып. 6. 128 с.

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Сведения об авторах

Воркачёв Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Россия). spin-код в РИНЦ 5403-1090

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (г. Москва, Россия). spin-код в РИНЦ 6068-6478

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования, Витебский государственный университет им. П. Машерова (Белоруссия). spin-код в РИНЦ 2442-4318, AuthorID: 512714

Пименова Марина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ректор, Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тян-Шанского (г. Санкт-Петербург, Россия). spin-код в РИНЦ 4560-9111

.

Учебное издание

С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик,
В.А. Маслова, М.В. Пименова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Учебное пособие

Под редакцией М.В. Пименовой

Оригинал-макет: М.В. Пименова
Технический редактор: М.В. Пименова

Подписано в печать 05.02.2025. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 18,0. Тираж 500 экз. Заказ 48.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ